

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ

Выходит на русском и английском языках

Номер 4 (20) 2004

СОДЕРЖАНИЕ

ДИСКУССИЯ

Проблема перехода от среднего к верхнему палеолиту

Ташак В.И. Вариант развития среднепалеолитических индустрий Западного Забайкалья	2
Маркин С.В. Технологическая модель верхнепалеолитических индустрий юго-восточной части Западной Сибири	12
Рыбин Е.П., Колобова К.А. Структура каменных индустрий и функциональные особенности палеолитических памятников Горного Алтая	20

ДИСКУССИЯ

Проблемы изучения первобытного искусства

Беднарик Р. Интерпретация данных о происхождении искусства	35
Григорьев Г.П. Замечания к статье Я.А. Шера "Спорные вопросы изучения первобытного искусства"	48
Богданов Е.С. Проблема происхождения образа хищника, свернувшегося в кольцо, в "восточной провинции" скифского мира	50
Молодин В.И., Черемисин Д.В., Новиков А.В. Оленные камни Аргамджи (плоскогорье Укок)	57

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Вебер А.В., Горюнова О.И., Бзукенс Р.П. Радиоуглеродное датирование могильника эпохи бронзы Хужир-Нугэ XIV (оз. Байкал)	64
Баяр Д. Новые археологические раскопки на памятнике Бильгэ кагана	73
Матвеева Н.П., Потёмкина Т.М., Соловьёв А.И. Некоторые проблемы реконструкции защитного вооружения носителей саргатской культуры (по материалам могильника Язево-3)	85
Войтов В.Е., Худяков Ю.С. Монгольский шлем из собрания Государственного Музея искусства народов Востока	100
Боброва А.И. Нательные кресты с Тискинского могильника	107
Зах В.А., Скочина С.Н. Глиняная скульптурка из комплекса с гребенчато-ямочной посудой с поселения Мергень-6	116
Шарапова С.В. Традиции изготовления керамики и орнаментальные стили населения Зауралья в раннем железном веке	123
Бородовский А.П. Фарн скифского времени в Сибири и особенности изображения рога	135

ЭТНОГРАФИЯ

Чёрная М.П., Осинцева Н.В. Проблема места основания Томска и роль ландшафтной оценки в его выявлении	141
Атнагулов И.Р. Поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков во второй половине XIX – начале XX века	149

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	160
--------------------------	-----

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМА ПЕРЕХОДА ОТ СРЕДНЕГО К ВЕРХНЕМУ ПАЛЕОЛИТУ

УДК 903.2

В.И. Ташак

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, 670047, Россия
E-mail: tvi1960@mail.ru*

ВАРИАНТ РАЗВИТИЯ СРЕДНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ*

Введение

В 2000–2002 гг. в ходе полевых исследований на востоке Республики Бурятия, в Хоринском р-не, по левобережью долины р. Алан (правый приток р. Оны, входящей в бассейн р. Уды), у подножия и на склонах горы Хэнгэрэктэ выявлены новые археологические объекты каменного века (рис. 1). На местонахождениях представлены различные археологические материалы преимущественно эпохи палеолита. На основании морфотипологического анализа палеолитические артефакты могут быть отнесены к обширному временному диапазону от раннего палеолита до его поздней стадии [Ташак, 2003].

Исследовавшийся участок находится в нижнем течении небольшой речки Алан. Дно долины здесь имеет асимметричное строение и достигает ширины 1,5–2 км. Вдоль правого берега подгорные шлейфы, повсеместно протяженные, начинаясь от некрутых, поросших лесом склонов, плавно опускаются к речке. Вдоль левого они менее протяженные и более крутые, и только в самом устье борт долины переходит в очень протяженные шлейфы, покрытые травянистой степной растительностью. Горные склоны левобережья изобилуют скалистыми выходами и скальными стенками.

Большинство выявленных местонахождений каменного века сосредоточено на левом берегу Алана

у подножия и на самих склонах южной и юго-западной экспозиции горы Хэнгэрэктэ – южной оконечности отрогов хребта Хомские Гольцы, входящего в систему хребта Улан-Бургасы. Археологические объекты приурочены к зонам тыловых швов шлейфов, горным склонам и субгоризонтальным или слабонаклоненным площадкам под скальными стенками. Среди палеолитических памятников, открытых в полевые сезоны 2000–2002 гг., 12 пригодны для разностороннего изучения. Практически на всех объектах собран подъемный материал, т.е. их можно рассматривать как местонахождения с поверхностным залеганием артефактов. В то же время на 6 из 12 памятников производились раскопочные и шурфовочные работы, позволившие выявить стратиграфические уровни залегания некоторых комплексов артефактов и установить их относительный возраст.

Морфотипологический анализ материалов, собранных с поверхности на местонахождениях Хэнгэр-Тын-1, 2, 5, Хэнгэр-Тын Скальная, Барун-Алан-1 и 3, показал, что в их составе значительны по численности артефакты, определяемые как среднепалеолитические, большой процент находок, демонстрирующих леваллуазское расщепление в различных его вариациях, а на местонахождениях Хэнгэр-Тын-2 и Барун-Алан-3 практически отсутствуют типы артефактов, характерные для верхнего палеолита. Описание коллекции с наиболее крупного местонахождения Хэнгэр-Тын-2 приведено в отдельной статье [Ташак, 2004], где показано, что на стоянке представлены исключительно среднепалеолитические материалы и значительная их часть имеет выразительные

* Работа выполнена в рамках программы СО РАН “Этнокультурное взаимодействие народов Евразии” (проект 23.1), при финансовой поддержке РГНФ (проект № 03-01-00767а).

специфические черты. В данной работе рассматриваются морфотипологические особенности орудийных наборов и сколов из долины Алана, определяемых как среднепалеолитические.

Общая характеристика объектов исследования

Выбор мест для стоянок коллективов людей, обитавших в бассейне р. Оны, обусловлен, по крайней мере, двумя причинами. Это наличие доступного сырья, рассеянного по склонам Хэнгэрэктэ, и удобных площадок, расположенных на склонах под скальными стенками. В силу второй причины на небольшом участке оказались сосредоточенными семь необычных для Западного Забайкалья местонахождений под скалами [Ташак, 2002а]. Раскопочные работы и шурфовка на трех из них: Хэнгэр-Тын Скальная, Хэнгэр-Тын-3 “Святылище” и Барун-Алан-1 – показали, что на склонах Хэнгэрэктэ находились не только стоянки-мастерские, но и стоянки с более полным циклом хозяйственной деятельности. При этом все местонахождения с археологическими материалами, залегающими на поверхности и распространяющимися на площади в несколько гектаров (напр., Хэнгэр-Тын-1-3, Хэнгэр-Тын Скальная и др.), безусловно, являются стоянками-мастерскими.

Основным сырьем для изготовления орудий в эпоху палеолита служили литокристаллокластические туфы и риолитовый порфир, представленные на склонах горы в виде желваков, плиток, крупных обломков и жильных включений в скальных массивах. Туфы подразделяются на два основных вида. Первый имеет черный цвет с серебристыми вкраплениями (зерна кварца). Месторождение данного сырья есть только в одном месте на отрогах горы – в местности Хэнгэр-Тын. Здесь находится стоянка-мастерская Хэнгэр-Тын Скальная. Интересно, что на всех остальных местонахождениях изделия из этого сырья встречаются в небольшом количестве или отсутствуют. Второй вид туфов коричневатый-черный, выглядит более плотным в результате активного окремнения. Находясь долгое время на поверхности, камни покрывались патиной и приобретали коричневатый цвет. Такой туф и риолитовый порфир широко распространены по склонам горы и встречаются по всей долине. Орудия изготавливались и из речного галечника, но таких артефактов очень мало. Апробировались и использовались для получения сколов сырьевые куски самых разнообразных форм. Нередко камень естественной формы, пригодной для получения необходимого скола, использовался как нуклеус без подработки или с минимальной подработкой.

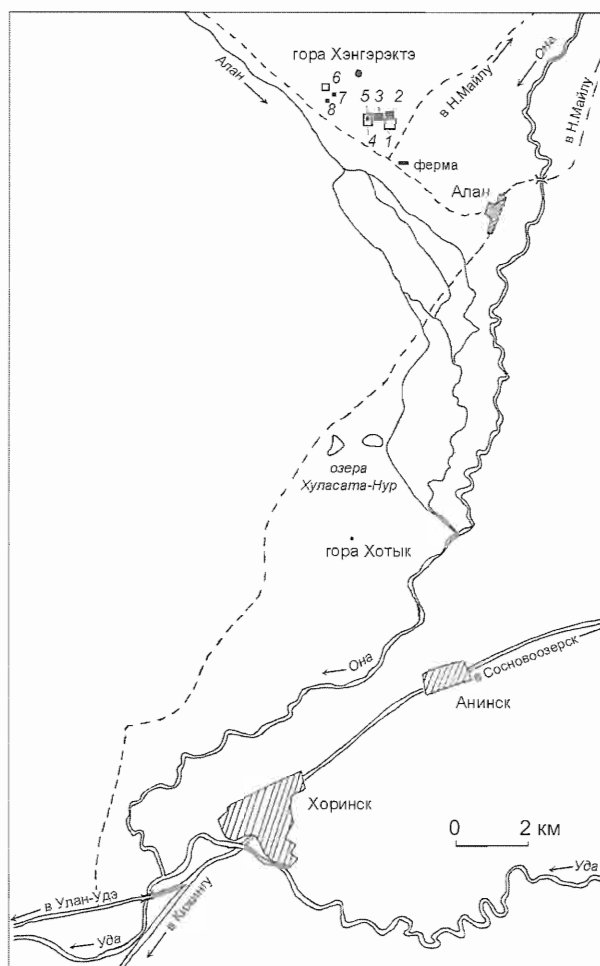

Рис. 1. Расположение палеолитических местонахождений в долине реки Алан.

1 – Хэнгэр-Тын-1; 2 – Хэнгэр-Тын Скальная; 3 – Хэнгэр-Тын-2; 4 – Хэнгэр-Тын-3; 5 – Хэнгэр-Тын “Святылище”; 6 – Барун-Алан-1; 7 – Барун-Алан-2; 8 – Барун-Алан-3.

Морфология каменного инвентаря

Преобладающей категорией сколов на всех аланских стоянках, относимых к среднему палеолиту, является отщеп. Удлиненные обушковые, пластинчатые и треугольные сколы представлены в значительно меньшей степени. Специфичность набору среднепалеолитических артефактов Алана придает большое количество сколов с асимметричными гранями и с обушками: одним, двумя или по всему периметру.

Преобладающий тип сколов-заготовок – это широкие округлые, овальные, прямоугольные и треугольные отщепы, различающиеся не только формой, но и характером оформления дорсала. Наибольшее число отщепов представлено подпрямоугольными и овальными формами с центральными негативами первичного снятия или широкой гранью, охватывающей

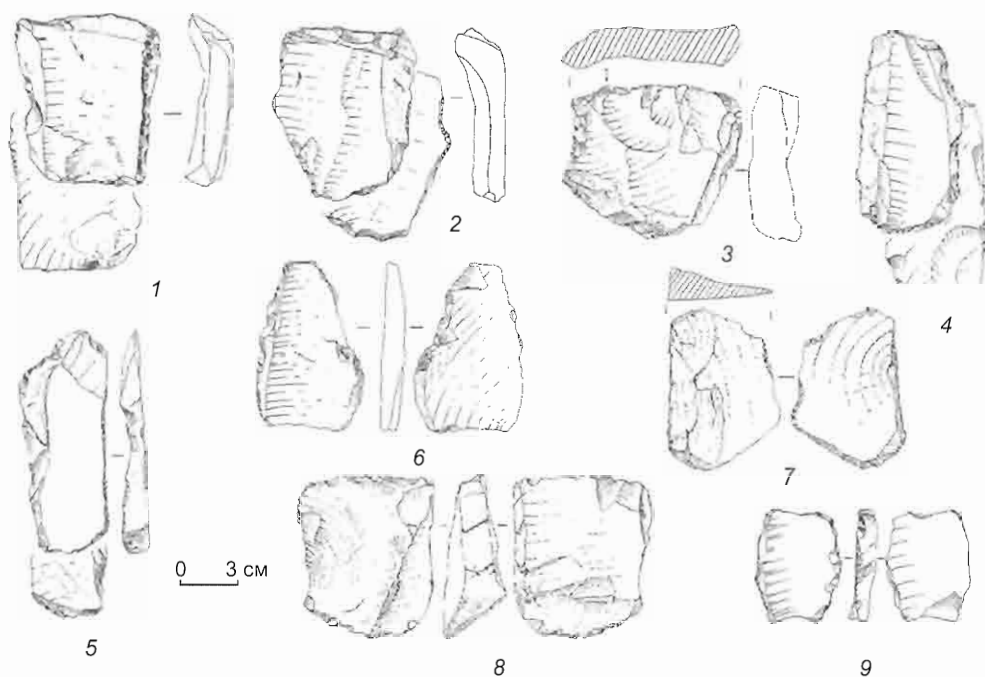

Рис. 2. Сколы-заготовки. Хэнгэр-Тын-2.

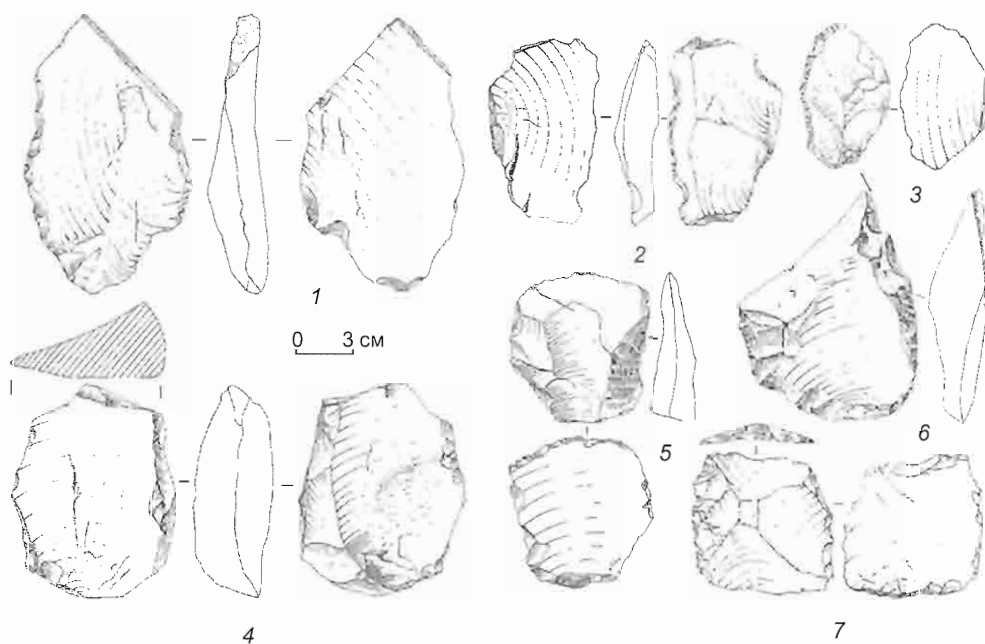

Рис. 3. Скребла.

1-3 – Хэнгэр-Тын Скальная; 4 – Барун-Алан-3; 5, 7 – Хэнгэр-Тын-2.

почти всю спинку скола. Сколы с одним краевым обушком преобладают на всех местонахождениях. На Хэнгэр-Тын-2 их две трети (рис. 2, 5, 7, 8), на Хэнгэр-Тын Скальной около половины из всех обушковых сколов (рис. 3, 1). Отмечены они и на других стоянках долины Алана, например, на Барун-Алане-3 (рис. 3, 4). Краевые обушки всегда получались массив-

ные. Нередко наряду с краевым обушком сохранялась массивная ударная площадка, как правило, ровная, с естественной поверхностью или оформленная одним сколом. Массивные ударные площадки наиболее характерны для поперечных отщепов, т.е. широких и коротких, обычно скалываемых с нуклеусов “от ребра”. Такой прием получения сколов широко распрост-

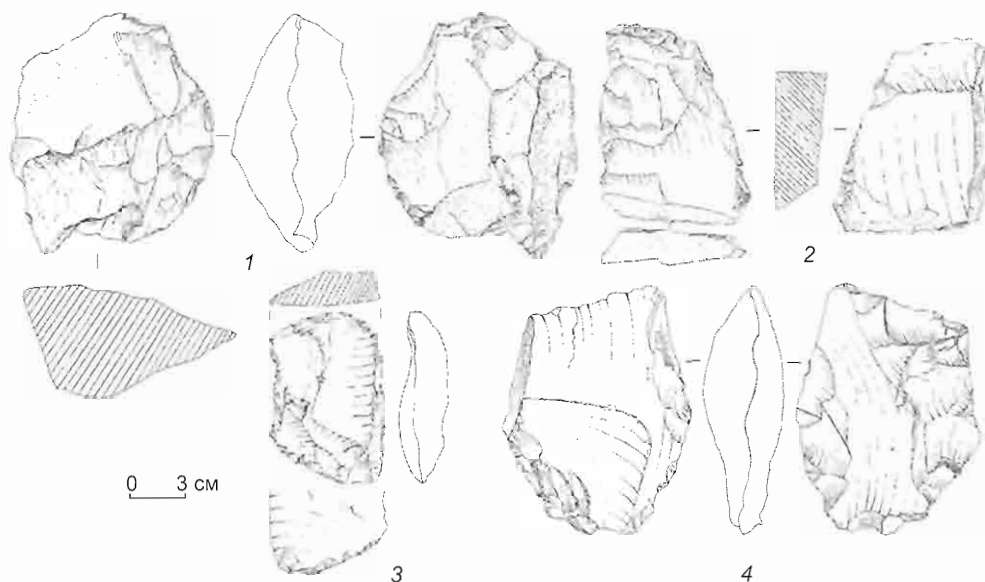

Рис. 4. Рубящие орудия.
1, 2, 4 – Хэнгэр-Тын Скальная; 3 – Хэнгэр-Тын-2.

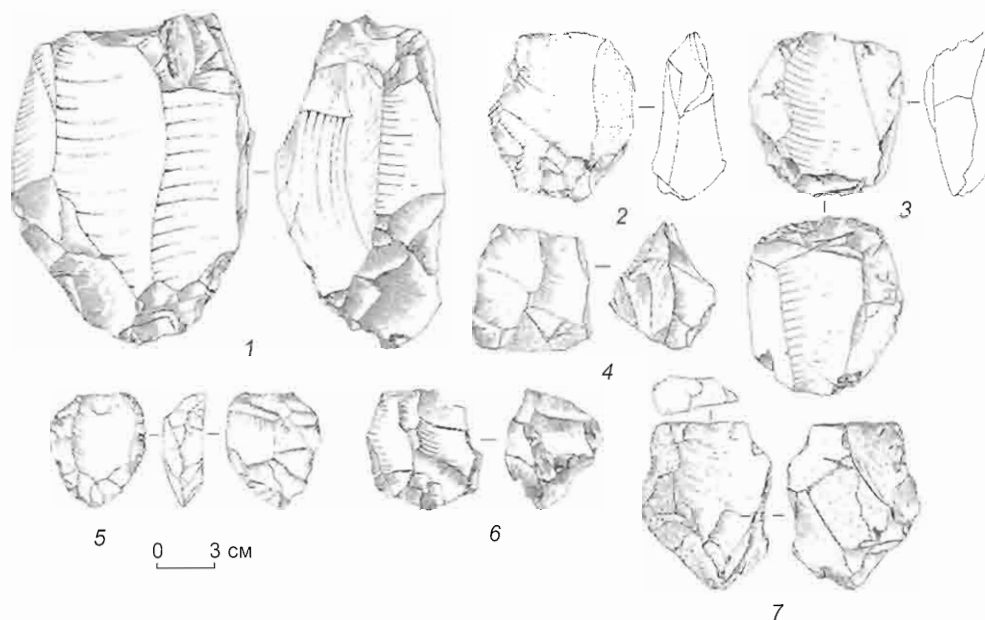

Рис. 5. Нуклеусы.
1 – Хэнгэр-Тын Скальная; 2, 4, 5, 7 – Хэнгэр-Тын-2;
3 – Хэнгэр-Тын-5; 6 – Хэнгэр-Тын-1.

ранен на Хэнгэр-Тын Скальной (рис. 3, 1, 2; 4, 4), а также отмечается и на других местонахождениях (см. рис. 2, 7). Следующую значительную по численности группу составляют сколы с обушками по обоим краям (см. рис. 2, 4, 6, 9) или по обоим краям и на дистальном окончании. Последние получались похожими на широкие плитки (см. рис. 2, 1-3; 3, 6).

Немногочисленными сериями на стоянках представлены удлиненные треугольные и пластинчатые сколы с обушками. Для них характерны широкие центральные грани на дорсале как негативы первичного снятия, вероятно осуществлявшегося для уплощения планируемого скола (см. рис. 2, 4-6). Немаловажной деталью большинства треугольных и пластинчатых

сколов является фасетированная ударная площадка. Фасетирование могло быть полным, т.е. фасетки покрывали всю ударную площадку, или частичным – фасетировался только участок. Такие элементы, как широкий негатив первого снятия на дорсале и фасетированная ударная площадка, указывают на развитие леваллуазской техники расщепления каменного сырья. Представительна серия отщепов с дорсальной поверхностью, оформленной центростремительными сколами. В их числе примерно в равных количествах отмечаются сколы с массивным краевым обушком и с пологими краями (см. рис. 3, 7).

Технология расщепления

Процесс производства обушковых сколов на палеолитических местонахождениях Алана можно проследить, анализируя стадии расщепления, зафиксированные в нуклеусах. Ядрища, предназначенные для получения сколов с одним обушком, должны были иметь два основных признака: широкий фронт скалывания, скошенный к одной из латералей под острым углом, и асимметрично смещенную к другой латерали выпуклость.

Один из вариантов получения обушковых сколов, выделенный на материалах местонахождений хр. Арц-Богдо в Южной Монголии, уже был детально проанализирован [Деревянко, Петрин, Кривошапкин, 1998]. При рассмотрении процесса расщепления каменного сырья в рамках леваллуазской технологии авторы работы предложили реконструкцию формирования преформы для получения обушковых треугольных сколов: "...целью древнего мастера было создание асимметричной поперечной выпуклости предполагаемого фронта скалывания, продольная ось которой тяготела к одной из латералей" [Там же, с. 257].

Анализ сохранившихся нуклеусов на местонахождениях долины Алана показал, что здесь предложенные на материалах Арц-Богдо варианты создания преформы и порядок расщепления нуклеуса далеко не единственные при получении обушковых сколов. В аланских коллекциях обушковые сколы разнообразны по форме, и среди них треугольные типа "Арц-Богдо" немногочисленны. При этом на местонахождениях восточных предгорий Арц-Богдо (исходя из опубликованных рисунков артефактов) представлены почти все вариации обушковых сколов и нуклеусов для их получения. Просто речь идет о предпочтительном производстве тех или иных сколов-заготовок. Основной принцип получения заготовки остается неизменным как в Арц-Богдо, так и в долине Алана – скалываемая выпуклость смещена к одной из латералей. В рамках индустрий аланских стоянок он реализовался в нескольких вариантах.

Наиболее многочисленная группа ядрищ, представляющая собой упрощенный вариант классических леваллуазских нуклеусов, предназначенных для снятия одного отщепа, демонстрирует и наиболее распространенный вариант получения обушковых сколов. Нуклеусы этой группы оформлялись на уплощенных кусках сырья. Их ударные площадки вариативны: сильно скошенные к контрфронт и ровные; оформленные двумя-тремя крупными сколами и затем подработанные по самому краю; ровные, представленные естественной поверхностью камня. Большая часть контрфронта покрыта желвачной коркой, слегка подработывались только края, чаще один. Латеральное ребро (только по одному краю) оформлено на одной трети нуклеусов, в остальных случаях края несут следы центростремительных сколов, оформлявших поверхность скалывания, или наполовину сохраняют желвачную корку. Негативы основных сколов охватывают большую часть поверхности скалывания, но всегда смещены к одному из краев (рис. 5, 2, 7), т.е. отсекалась часть края нуклеуса с оформленным ребром или латералью, специально не подработанной и сохранившей естественную поверхность. Сколы с таких нуклеусов получались широкими и с массивными обушками (см. рис. 2, 2; 3, 4, 6). Важно отметить, что с нуклеусов, у которых выпуклость оформлена в центре, также снимались обушковые сколы. Это достигалось смещением точки приложения силы при скалывании к одной из латералей. Близки к описанному варианту нуклеусов двухплощадочные ядрища, оформленные на плоских кусках сырья. Расположение ударных площадок чаще всего полюсное. Встречаются и однополюсные, но фронты скалывания всегда в разных плоскостях. Около половины ударных площадок нуклеусов данного типа фасетированы. Классические варианты таких ядрищ представлены двухплощадочными двухфронтальными формами с негативами широких сколов по центру фронтов скалывания (см. рис. 5, 3). После снятия основного овального отщепа (см. рис. 3, 5) продолжение эксплуатации ядрища могло развиваться в двух основных направлениях. Первое – это подправка поверхности расщепления центростремительными снятиями для подготовки заданных параметров будущего скола – леваллу типичное. Второе направление – перенос приложения силы для снятия скола с центра на край (но не на торец), где за выпуклость, необходимую для успешного расщепления, принималось ребро, очерчивающее негатив скола первого или второго порядка. Дальнейший процесс расщепления мог проходить с попеременным переносом точки приложения силы с края на край. Сильное ее смещение от центра приводило к созданию сколов с массивной ударной площадкой и обушком. Два варианта расщепления встречаются как на разных ядрищах, так и на одном – на двух поверхностях расщепления. Более чем у половины анализируе-

мых сколов ударный бугорок смещен на самый край. Кроме того, у многих продольная ось не совпадает с направлением удара. В этом плане интересны несколько сколов с тщательно подготовленными фасетированными ударными площадками. Но удар, снявший скол, наносился не по площадке, а рядом, т.е. со стороны латерали. Нуклеусы треугольной формы с подобными же характеристиками немногочисленны, например, на местонахождении Хэнгэр-Тын-2 их отмечено всего два. Они служили для получения треугольных отщепов с обушками или массивными краями с сохранившейся желвачной коркой.

Ядрища, предназначенные для получения широких плоских отщепов по типу плиток, оформлялись на кусках сырья подпрямоугольной формы подготовкой слегка скошенной к контрфронту ударной площадки и подправкой латералей, если она требовалась. Сколы, получаемые с таких нуклеусов, внешне напоминают леваллуазские треугольные острия второго порядка, т.е. с негативом скола, перекрывающим большую часть дорсала треугольного отщепа. Основное отличие данных сколов в том, что они имеют прямоугольную или квадратную форму в плане. Центральная часть дорсала выбиралась одним или двумя предварительными сколами таким образом, что по краям и на дистале отщепа оставались обушки. После снятия такого отщепа фронт нуклеуса становился почти полностью уплощенным. Следует заметить, что на большинстве аланских местонахождений, содержащих среднепалеолитические материалы, нуклеусов подобного типа зафиксировано немного, хотя данный способ получения отщепов был распространенным, т.к. они типичны для местонахождений Хэнгэр-Тын-2, 5, Барун-Алан-3 и ряда других (см. рис. 2, 1–3). Небольшое количество нуклеусов, демонстрирующих полное фронтальное скалывание, по сравнению со значительно превосходящим числом соответствующих сколов, вероятно, объясняется тем, что первые переоформлялись. Во всяком случае, дальнейшая эксплуатация нуклеуса с полностью уплощенной поверхностью расщепления в плоскостном режиме была невозможна. Продолжение скалывания в данной ситуации могло произойти при смене принципа скалывания, например, при переносе скалывания на край (торец) с образованием нуклеуса торцового принципа расщепления. Такая процедура отмечена на ряде стоянок раннего этапа верхнего палеолита в Южной Сибири, Забайкалье и Монголии, но на аланских стоянках, определяемых как среднепалеолитические, пока не отмечено ни одного подобного примера.

В материалах аланских стоянок в большом количестве также представлены типичные леваллуазские сколы и нуклеусы для получения отщепов и пластин. Нуклеусы овальные, с фронтом снятия, подработанным центростремительными сколами (черепашковидные). Фасетированные ударные площадки скошены

к контрфронту, также оформленному центростремительными сколами. Если расщепление ядрища уже началось, то большую часть в центре его фронта скалывания занимает негатив плоского овального отщепа (см. рис. 5, 5). Нуклеусы для получения пластин в “классическом” варианте подобны первым – одноплощадочные, монофронтальные (см. рис. 5, 1). Ударные площадки подготовлены крупными сколами, скошенными к контрфронту. Дистальная часть серий снятий превращена в “опорное ребро”. Контрфронт, выпуклый в центре, подготовлен крупными центростремительными сколами. На поверхности расщепления сохраняются негативы широких пластинчатых сколов.

Еще один тип нуклеусов, широко распространенных на аланских стоянках, – дисковидные с радиальной огранкой поверхности расщепления (см. рис. 5, 4, 6).

Орудия с местонахождений в долине Алана изготовлены преимущественно из крупных отщепов. Наиболее представительны серии скребловидных изделий различного типа. Это продольные и поперечные скребла, подготовленные краевой дорсальной и вентральной, средне- и крупнофасеточной ретушью. На Хэнгэр-Тын Скальной представлены поперечные скребла, оформленные на длинном дистальном конце широких и коротких отщепов (см. рис. 3, 1–3). Аккомодационным участком (рукоятью) у этих орудий служила массивная ударная площадка. Типологически подобные скребла изготавливались и на других стоянках, но там они встречаются реже и имеют некоторые отличия. Например, на местонахождениях Барун-Алан-3 и Хэнгэр-Тын-2 у таких орудий лезвия ровные, а на стоянке Хэнгэр-Тын Скальная – выпуклые. Для памятников Хэнгэр-Тын-2, 5, Скальной, Барун-Алан-3 характерны скребла с прямыми лезвиями, оформленными на обушковых отщепах (см. рис. 3, 4). Лезвия оформлялись как на пологом краю, так и на самом обушке. Особенно это характерно для “отщепов-плиток”.

Большое подобие наблюдается в серии (собрана из орудий со всех стоянок, на каждой из которых представлены единичные экземпляры) рубящих орудий наподобие колунов или кливеров. Они изготавливались из крупных продолговатых отщепов, имеющих форму колуна. Лезвие такого орудия, оформленное крупно- и среднефасеточной ретушью, расположено на коротком клинообразном краю (см. рис. 4, 2, 3).

Как прием вторичной подправки сколов встречается анкош. Выемки на отщепах и пластинах делались серий мелких сколов на одном участке. Кроме этого, отмечены орудия с вогнутыми рабочими лезвиями. Нередко ретушь на отщепах фрагментарная, образовавшаяся в процессе работы.

Зубчато-выемчатые орудия зафиксированы на всех палеолитических местонахождениях в долине Алана, но нигде они не представляют выразительных серий.

На стоянке Хэнгэр-Тын Скальная выявлены артефакты, не встречающиеся в других местах у подножия и на склонах горы Хэнгэрэктэ. Это изделия типа чоппингов (3 экз.) с волнистыми лезвиями, подготовленными сколами, направленными от края на две поверхности. Противоположный от лезвия край служил рукоятью. В одном случае это массивная ударная площадка крупного поперечного отщепы (см. рис. 4, 4), из отщепов такого же типа изготавливались скребла на этой стоянке. Два других орудия изготовлены из цельных каменных желваков и рукоятью у них служила массивная необработанная часть камня (см. рис. 4, 1).

Характеризуя генеральную направленность в стратегии расщепления камня на аланских стоянках среднего палеолита, следует отметить, что ведущими принципами здесь были: 1) плоскостной, представленный классическим вариантом леваллуазской технологии, а также ее разновидностями, позволяющими получать асимметричные отщепы; 2) “от ребра”, направленный на производство широких массивных отщепов; 3) вариант, совмещающий в себе архаичное долечное расщепление с развивающимся леваллуазским. Направленность на получение сколов с обушками можно рассматривать как развитие в рамках традиций нижнепалеолитических технологий производства долечных отщепов.

Корреляции и хронология

Поскольку изучение памятников в долине Алана только начинается, вопросы, связанные с их датировкой, далеки от своего окончательного разрешения. Тем не менее, исходя из имеющихся данных можно сделать ряд объективных выводов.

Как известно, одним из критериев определения относительной хронологии археологического объекта с поверхностным залеганием артефактов является степень сохранности или дефляции поверхности последних. Этот критерий первичной классификации с целью распределения находок по хронологическим периодам широко применяется, но не является бесспорным. Более достоверными при таком анализе будут данные, полученные при рассмотрении артефактов, находившихся длительное время в одинаковых условиях, как, например, в Кремневой Долине в Монголии [Деревянко, Петрин, Цэвээндорж и др., 2000]. Археологические материалы аланских стоянок периодически погребались и “вымывались” на поверхность по мере развития рельефа склонов. Тем не менее и к ним критерий дефляции применим для первичного определения относительного возраста. Практически не встречаются верхнепалеолитические типы артефактов с сильно- и среднедефлированной поверхно-

стью, и наоборот, леваллуазские отщепы и нуклеусы чаще всего средне- и сильнодефлированные. Например, основную часть находок с местонахождений Хэнгэр-Тын-2 и Хэнгэр-Тын Скальная составляют каменные изделия со средней степенью дефляции. Группа сильнодефлированных артефактов немногочисленна. Дефляция обушковых сколов, как правило, интенсивнее, чем плоских леваллуазских, что, вероятно, указывает на более раннее появление первых. Это находит подтверждение и в том, что почти все сильнодефлированные сколы относятся к обушковым.

Артефакты со средней степенью дефляции поверхности составляют количественно преобладающую часть леваллуазских и обушковых сколов, произведенных в рамках как типичного леваллуазского принципа расщепления, так и асимметричного и по принципу “от ребра”. Исходя из того, что большинство сколов и орудий верхнепалеолитических типов, зафиксированных на стоянках Хэнгэр-Тын Скальная, Хэнгэр-Тын-1, Барун-Алан-2, Хэнгэрэктэ-1, дефлированы слабо или совсем не дефлированы, можно предполагать более древний возраст средне- и тем более сильнодефлированных артефактов. Реконструируемая технология производства и морфологический облик изделий позволяют определить их относительный возраст в рамках среднего палеолита, начиная с наиболее древней его стадии или с финала раннего палеолита.

Типологически (по наличию аналогичного типа сколов-заготовок) наиболее близкими аланским являются местонахождения северо-восточного фаса хр. Арц-Богдо в Южной Монголии. Именно здесь выявлена значительная серия каменных артефактов, демонстрирующая асимметричный вариант плоскостного (леваллуазского) расщепления ядрищ [Деревянко, Петрин, Кривошапкин, 1998]. Судя по имеющимся публикациям, обушковые и асимметричные сколы встречаются не только в долине Алана и в Арц-Богдо, но нигде они не отмечены в сериях, показывающих линию развития. И хотя в материалах местонахождений хр. Арц-Богдо выделена только серия асимметричных треугольных сколов, технологические принципы их производства и основные морфологические параметры – сильная асимметричность граней или обушек вместо одной грани – объединяют палеолитические комплексы горы Хэнгэрэктэ и северо-восточного фаса хр. Арц-Богдо в одну кардинальную линию развития археологических культур. Исходя из известных по палеолиту Монголии данных подобная технология получения сколов-заготовок выявляется в материалах Кремневой Долины на южном фесе хр. Арц-Богдо, но специальные исследования данного направления каменной индустрии здесь еще не проводились [Деревянко, Петрин, Цэвээндорж и др., 2000].

Поскольку выделение направленности на получение обушковых сколов-заготовок основано на материалах местонахождений Мухар-Булаг и Их-Булаг, то именно их хронологические позиции и могут послужить отправной точкой при определении возраста стоянок горы Хэнгэрэктэ.

Опубликованные данные показывают, что большинство треугольных обушковых сколов и нуклеусов для их получения концентрируется в коллекциях слабодефлированных артефактов. Находки, дефляция поверхности которых средняя, немногочисленны, но и среди них встречаются обушковые сколы, причем различных модификаций, не только треугольные [Деревянко и др., 2001]. Слабодефлированные артефакты, представляющие варианты леваллуазских традиций расщепления, отнесены к переходному времени от среднего к верхнему палеолиту и к началу верхнего палеолита. Для более точного определения возраста были привлечены данные радиоуглеродного датирования пещерных памятников Монголии с индустрией, сходной с комплексами местонахождений Мухар-Булаг и Их-Булаг. Сходство выражается в сочетании типично верхнепалеолитических материалов и артефактов, производство которых основано на леваллуазской технологии. Радиоуглеродные даты, полученные для культурных горизонтов пещер Цаган-Агуй и Чихэн, а также стоянок Орхон-1, 7, показали, что ранний этап верхнего палеолита в Монголии охватывает интервал 40–30 тыс. л.н. [Там же, с. 67]. Кроме этого, основой для датирования послужили возрастные характеристики конусов выноса северного и северо-восточного фасов хр. Арц-Богдо, подобных тем, на поверхностях которых была собрана основная часть археологических материалов. Поскольку конусы выноса наиболее поздней генерации, позднплейстоценовой, были датированы в пределах 30 тыс. л.н., с учетом ошибки метода – в интервале 37–25 тыс. л.н., то и возраст артефактов в целом должен укладываться в эти рамки [Там же, с. 20].

Предложенные схемы датирования вполне обоснованы и заслуживают доверия. Следовательно, при датировании материалов стоянок долины Алана можно отталкиваться от возраста слабодефлированных артефактов с восточного фаса Арц-Богдо, поскольку их морфологическая схожесть если не полная, то довольно значительная. Но прежде чем сделать окончательные выводы, необходимо рассмотреть все датирующие характеристики для аланских стоянок.

1. На склонах горы Хэнгэрэктэ зафиксированы археологические объекты, где полностью отсутствуют верхнепалеолитические типы сколов и нуклеусов и местонахождения с материалами только верхнего палеолита.

2. Более 95 % всех находок, представляющих “индустрию обушковых сколов”, собрано на склонах гор

и площадках под скалами (90 м и выше от дна долины). Только незначительная их часть привязана к тыловым швам подгорных шлейфов, т.е. к самым высоким отметкам шлейфов и конусов выноса. И совсем единицы артефактов найдены на более низких гипсометрических отметках.

3. Основную часть коллекций “индустрии обушковых сколов” составляют среднедефлированные артефакты.

Все это дает основание предполагать, что материалы местонахождений Хэнгэр-Тын-2, Барун-Алан-3 древнее ранней стадии верхнего палеолита, к которой отнесены слабодефлированные артефакты со стоянок восточного фаса Арц-Богдо.

Проведившиеся раскопочные и шурфовочные работы у подножия и на склонах горы Хэнгэрэктэ позволили определить методом радиотермомлюминесцентного датирования возраст некоторых культуросодержащих литологических слоев. Несмотря на значительные допуски и погрешности метода, его применение в рамках локального территориального участка дает возможность дополнить относительную периодизацию. В лаборатории геологии кайнозоя Института геологии СО РАН проводилось определение возраста образцов грунта (аналитик А.В. Перевалов), взятых из литологических слоев местонахождений Хэнгэр-Тын-1, Хэнгэр-Тын Скальная, Хэнгэр-Тын-3 “Святилище”. Наиболее поздняя дата была получена для уровня 1/2 1-го литологического слоя шурфа № 2 стоянки Хэнгэр-Тын-1 – $12\ 000 \pm 3\ 000$ л.н. (ИГ СО РАН-410). Вероятно, она соответствует реальному возрасту слоя, поскольку вскрытая шурфом верхняя часть толщи присклонового шлейфа содержит немногочисленные артефакты эпохи неолита. Они концентрируются на контакте между уровнями 1/1 и 1/2, несколько выше места взятия пробы грунта. По образцу грунта из нижнего уровня слоя 2, содержащего большое количество щебнистого и включения грубообломочного материала, получена дата $29\ 000 \pm 6\ 000$ л.н. (ИГ СО РАН-409). Слой изобилует различными нарушениями в виде затеков и выклиниваний, характеризующих процессы осадконакопления в период последнего, сартанского похолодания. Начиная с нижнего уровня 2-го слоя в шурфе фиксируются палеолитические материалы с разной степенью дефляции поверхности. Большая часть находок слабо- и среднедефлированные, но здесь же найдены и очень сильно дефлированные артефакты. Таким образом, по данным датирования шурфа № 2 местонахождения Хэнгэр-Тын-1, на участке сочленения верхней части конуса выноса, формирующегося в распадке, и горного склона (высотная отметка участка относительно дна долины ок. 90 м) переотложение и погребение палеолитических материалов завершилось в самом начале сартанского похолодания. Все артефакты переотложены и, следовательно, древнее указанного возраста 2-го слоя.

На местонахождении Хэнгэр-Тын-3 исследованию подвергался участок, названный “Святылище” [Ташак, 2002б], где характер рыхлых отложений совершенно иной, подобный пещерным. Участок “Святылища”, расположенный под скалой с юга, ограничен скальным барьером по всему периметру, что препятствовало склоновым подвижкам грунта. Образец для РТЛ-анализа из стратиграфических уровней 4 и 6 брался с поверхности массивных скальных глыб, где эти уровни были не нарушены ходами грызунов. Результаты датирования: 4-й уровень – $52\ 000 \pm 10\ 000$ л.н. (ИГ СО РАН-612); 6-й – $41\ 000 \pm 6\ 000$ л.н. (ИГ СО РАН-613). Несогласованность дат компенсируется большим допуском первой. Исходя из этого предполагаемый возраст археологических материалов, залегающих в указанных уровнях, можно определить

в рамках 35–40 тыс. лет, что не противоречит типологически и морфологически выраженному ранневерхнепалеолитическому облику артефактов.

На Хэнгэр-Тын Скальной образцы грунта были взяты из лессовидных литологических слоев, залегающих ниже уровня с верхнепалеолитическими материалами и также содержащих артефакты. Результаты датирования следующие: средний уровень 2-го литологического слоя – $70\ 000 \pm 12\ 000$ л.н. (ИГ СО РАН-550); нижний – $100\ 000 \pm 19\ 000$ л.н. (ИГ СО РАН-551); залегающий на 1 м ниже 4-й литологический слой – более $410\ 000$ л.н. (ИГ СО РАН-552). Слой 4 содержит археологический материал, но в основном это мелкие отщепы, по которым невозможно понять характер каменной индустрии. В то же время артефакты из 2-го литологического слоя в общих чертах могут быть охарактеризованы как мустьерские, хотя находок не так много для окончательных выводов.

Таким образом, 40–30 тыс. л.н. в районе горы Хэнгэрэкэ датируются материалы раннего этапа верхнего палеолита, не фиксируемые на стоянках Хэнгэр-Тын-2 и Барун-Алан-3. Литологические слои такого возраста, содержащие дефлированные артефакты, являются горизонтами переотложения, и полученные для них даты указывают только на время последнего перемещения этих артефактов по поверхности. Вероятный возраст среднепалеолитических материалов, демонстрирующих “обушковую” технику расщепления, представлен результатами датирования отложений 2-го слоя Хэнгэр-Тын Скальной. Артефакты, залегающие в 4-м литологическом слое, подтверждают предположение о наличии на памятнике не только средне-, но и нижнепалеолитических материалов.

Значительное морфологическое и типологическое сходство наблюдается между коллекциями с аланских стоянок, в первую очередь Хэнгэр-Тын-2 и Скальной, с одной стороны, и комплексом из отложений, связанных со вторым циклом осадконакопления в пещере Цаган-Агуй на юге Монголии [Деревянко, Ол-

сен, Цэвээндорж и др., 2000] – с другой. Оно фиксируется в системах расщепления каменного сырья, но в большей степени в орудийных формах и особенно в поперечных скреблах. Судя по иллюстрациям, в материалах пещеры есть также асимметричные и обушковые сколы.

Учитывая хронологические позиции слабодэфлированного комплекса восточного фаса Арц-Богдо, можно предполагать, что своеобразная индустрия, характеризующаяся преимущественным получением асимметричных сколов-заготовок, развивалась в течение всего среднего палеолита на обширных пространствах Центральной Азии и ее северной периферии. Каким образом сочетаются линии развития типичного леваллуа и леваллуазской технологии, направленной на получение асимметричных сколов, пока не ясно. Возможно, это сосуществующие в хронологических и культурных рамках технические направления одной линии развития. Но может быть, они представляют собой различные хронологические стадии эволюции технологии расщепления камня, постепенно сменяющие друг друга. При этом стадия получения асимметричных сколов более древняя, позже эта традиция сохраняется наряду с инновациями. В любом случае значительная представительность среднепалеолитической каменной индустрии, характеризующейся получением асимметричных обушковых сколов-заготовок, ее территориальное распространение и выраженное своеобразие в рамках Центральной Азии и Западного Забайкалья (на сегодняшний день) позволяют говорить о своеобразной центрально-азиатской индустрии среднего палеолита. Данная индустрия сосуществовала с другими, и, возможно, их сочетание отражает сосуществование различных культур.

Что касается непосредственного окружения аланских местонахождений – археологических объектов в долине р. Оны, то здесь среднепалеолитические артефакты, характерные для стоянок Хэнгэр-Тын-2 и Скальной, или не фиксируются, или присутствуют в небольших количествах. Основанные на плоскостном и призматическом пластинчатом расщеплении индустрии расположенных севернее памятников Ирэн-Хада-1 и 2 [Ташак, 1999] значительно отличаются по морфологии и типологии от анализируемых. Южнее находится археологический многослойный объект Хотык, где комплекс горизонтов 1–3 относится к верхнепалеолитическим с выраженным пластинчатым расщеплением каменного сырья, а залегающие ниже – к среднему палеолиту [Лбова, 2000; Лбова и др., 2003]. Например, для 4-го уровня указаны как преобладающие в системах расщепления радиальный, ортогональный и леваллуазский принципы. Но они как раз не являются характерными для аланских стоянок. Можно отметить некоторые асимметричные сколы и отще-

пы-плитки в 5-м уровне стоянки Хотык, что, возможно, и сближает материалы этого уровня с аланскими. Но, судя по всему, здесь таких артефактов единицы, и поэтому говорить об общей линии развития для аланских стоянок и Хотыка (уровень 5) пока рано.

И последнее. По мнению исследователей, слабодефлированные материалы с местонахождений Арц-Богдо отражают переход от среднего к верхнему палеолиту, о чем, в частности, свидетельствуют переходные формы каменных артефактов, демонстрирующие развитие индустрии в целом [Деревянко и др., 2001]. На местонахождениях долины Алана пока не фиксируются переходные формы, т.е. верхне- и среднепалеолитические материалы четко разграничиваются. Еще меньше прямой преемственности наблюдается между аланскими комплексами и пластинчатой индустрией начала верхнего палеолита, представленной на известных поселениях Подзвонкая, Толбага, Варварина Гора, Хотык. Возможно, влияние аланской индустрии проявилось в материалах позднепалеолитических стоянок на р. Селенге – Усть-Кяхта-15, 16. На данный момент можно определенно говорить лишь о том, что переход от среднего к верхнему палеолиту на территории Западного Забайкалья в выраженной и доказуемой последовательности не наблюдается. В то же время перерастание “обушковой” технологии в пластинчатую вполне возможно и без перехода к торцовому расщеплению, и при сохранении плоскостного. Выявление такого процесса – задача будущих исследований.

Список литературы

- Деревянко А.П., Кривошапки А.И., Ларичев В.Е., Петрин В.Т. Палеолит восточных предгорий Арц-Богдо (Южная Гоби). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 152 с.
- Деревянко А.П., Олсен Д., Цэвэндорж Д., Кривошапки А.И., Петрин В.Т., Брантингхэм П.Д. Много-слойная пещерная стоянка Цаган-Агуй в Гобийском Алтае (Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 1. – С. 23–36.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Кривошапки А.И. Вариант леваллуазского рекуррентного метода для получения треугольных сколов в палеолитических комплексах северо-восточного фаса Арц-Богдо (Южная Монголия) // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий: Материалы междунар. симп. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 2. – С. 256–264.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Цэвэндорж Д., Девяткин Е.В., Ларичев В.Е., Васильевский Р.С., Зенин А.Н., Гладышев С.А. Каменный век Монголии: Палеолит и неолит северного побережья Долины Озер. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 440 с.
- Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.
- Лбова Л.В., Резанов И.Н., Калмыков Н.П., Коломиец Л.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Вашукевич Н.В., Волков П.В., Савинова В.В., Базаров Б.А., Намсараев Д.В. Природная среда и человек в неоплейстоцене (Западное Забайкалье и Юго-Восточное Прибайкалье). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – 208 с.
- Ташак В.И. Комплекс палеолитических местонахождений Ирэн-Хада // Палеоэкология человека Байкальской Азии: Путеводитель к полевым экскурсиям. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1999. – С. 55–61.
- Ташак В.И. “Скальные” местонахождения каменного века Западного Забайкалья – аналоги пещерных стоянок // Мир Центральной Азии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002а. – Т. 1: Археология. Этнология: Материалы междунар. науч. конф. – С. 57–60.
- Ташак В.И. Хэнгэр-Тын-3 “Святылище” – природная основа палеолитического жилища // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002б. – С. 192–196.
- Ташак В.И. Средний палеолит стоянок долины Алана (Западное Забайкалье) // Забайкалье в геополитике России: Материалы междунар. симп. “Древние культуры Азии и Америки”. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. – С. 24–26.
- Ташак В.И. Археологические памятники среднего палеолита Западного Забайкалья // Изв. Лаборатории древних технологий / Иркут. гос. техн. ун-т. – 2004. – С. 103–111.

Материал поступил в редколлегию 22.06.04 г.

С.В. Маркин*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: markin@paleo.archaeology.nsc.ru*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ИНДУСТРИЙ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ*

Введение

Юго-восточная часть Западной Сибири включает Горную Шорию и Кузнецкую котловину, входящие в систему впадин и нагорий разнородной в геоморфологическом отношении Алтае-Саянской горной страны. Одним из основных водотоков региона является р. Томь, в среднем течении которой выделяется небольшой по протяженности участок долины с очень высокой для Западной Сибири концентрацией верхнепалеолитических объектов. На этом отрезке река, минуя склоны Абаканского хребта и попадая на юго-восточную оконечность Кузнецкой котловины с ее эрозионным ландшафтом, формирует древнюю долину шириной до 10 км. Здесь обнаружено почти 30 различных по сохранности местонахождений заключительной стадии верхнего палеолита [Маркин, 1986, 1999; Деревянко, Маркин, 1998]. Все объекты приурочены к покровному комплексу III (высота площадок у бровки 50–60 м) и IV (высота 35–45 м) террас Томи и впадающей в нее р. Кондомы, сопоставимому с осадками еловской свиты, которая относится к сартанскому (W_3 , вторая стадия эталонной океанической кислородно-изотопной шкалы SPECMAP) подразделению региональной стратиграфической схемы неоген-четвертичных отложений Кузбасса и Томь-Кольванской зоны [Зудин и др., 1982]. Еловские суглинки (легкие, желто-серые, серые, лессовидные, на некоторых разрезах включаю-

щие один–три горизонта слабо выраженных почв), которые содержат многочисленные костные остатки мамонтов, лошадей и других млекопитающих, формировались, судя по пыльцевым спектрам, в условиях открытых пространств с полынью и заболоченных березовых лесов с разнотравьем. Ранее памятники финальной стадии палеолита, расположенные в юго-восточном регионе Западной Сибири, по данным типолого-статистического анализа были объединены в территориально-хронологическую локальную культуру [Холушкин, Маркин, 1987].

Под технологическим анализом в настоящей работе подразумевается выявление последовательности операций, связанных с обработкой и эксплуатацией камня древним человеком. Эта цепочка должна включать как минимум три звена:

первое – выбор исходного сырья (определение удаленности сырьевых ресурсов от стоянки, выяснение природы технического поведения человека при взаимодействии с источниками сырья, реконструкция взаимоотношения между способами расщепления и формами / типами сырья);

второе – определение способов расщепления (анализ разнообразия утилизации нуклеидных форм и создание технологической системы, регламентирующей смену технических приемов на определенных стадиях расщепления);

третье – производство и использование орудий.

В последнее время подобного рода исследования затронули, помимо европейских, азиатские [Bar-Yosef, Meignen, 1992] и североазиатские [Васильев, 1996] ареалы палеолитических культур.

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект 04-01-00528а.

Технология обработки и эксплуатация литоресурсов

Исследованные памятники* отражают различную функциональную специализацию жизнедеятельности древнего человека (рис. 1). Выделяются как минимум три разновидности объектов. Прежде всего это базовые стоянки (Бедарево II, Шорохово I, Ильинка II, Сарбала III), демонстрирующие полный цикл обработки горных пород, включающий расщепление исходного сырья, получение разнообразных заготовок, производство и использование каменных орудий. Возможно, эти объекты являются остатками кратковременных стойбищ, на которых отсутствовали долговременные структуры и, следовательно, следы деятельности полного годового цикла. Иная природа накопления культурных остатков, характерная для временных производственных баз, зафиксирована в Шумихе I, определяемой как мастерская. Здесь орудия изготавливали и отсюда их, вероятно, уносили. Такой версии соответствуют невысокая доля орудий и заготовок для их изготовления, апплицирующиеся ядрища и большое количество, вероятно, специально отобранных галек, удобных для расщепления. Учитывая многочисленность чешуек и мелких осколков, можно предположить, что на памятнике осуществлялось вторичное преобразование заготовок. Следующую разновидность местонахождений представляет клад, обнаруженный и исследованный А.П. Окладниковым в начале 1960-х гг. около пос. Аил [Окладников, 1968]. Его направленный типологический состав свидетельствует о том, что объект кратковременного, вероятно однократного, накопления; он определен как замкнутый комплекс. Каменный инвентарь клада тщательно подобран. В нем представлен ограниченный набор артефактов – преимущественно скребла и их заготовки в виде одинаковых крупных отщепов.

* В настоящей статье анализируются в основном материалы четырех наиболее хорошо исследованных погребенных местонахождений (Бедарево II, Шорохово I, Ильинка II, Шумиха I), на которых выявлены самые представительные серии артефактов (более 8 тыс. экз.), демонстрирующие различные стадии расщепления.

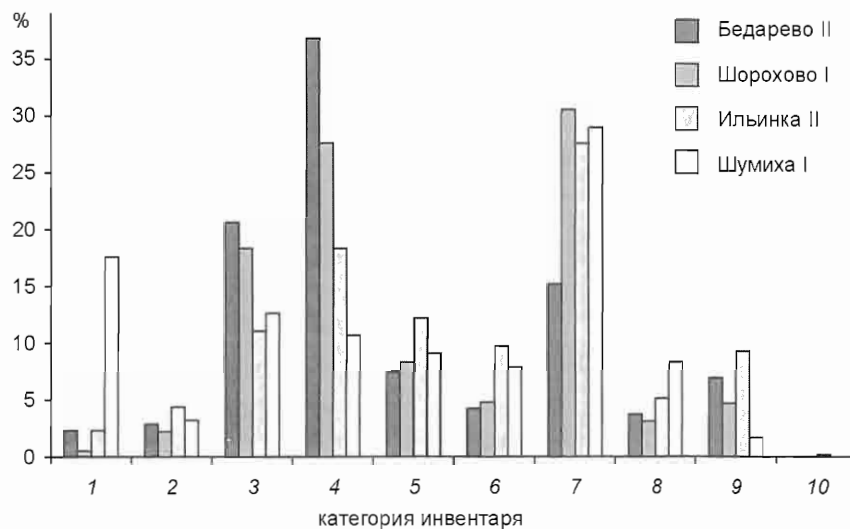

Рис. 1. Соотношение категорий каменного инвентаря в палеолитических индустриях долины Томи.

1 – гальки, 2 – ядрища и нуклеидные обломки, 3 – пластины и пластинчатые сколы, 4 – отщепы, 5 – первичные сколы, 6 – вторичные сколы, 7 – чешуйки, 8 – осколки, 9 – орудия, 10 – сколы леваллуа.

Основным источником сырья для обществ, с которыми связаны стоянки эпохи палеолита, на территории Томского бассейна являлись близлежащие обнаженные в нижней части террасы породы руслового аллювия и освобожденные от воды галечниковые пляжи. Находки представляют семь разновидностей пород (рис. 2). Доля артефактов из шести из них (кремнисто-глинистый и глинистый сланцы, кварцит, яшмы, порфиристы, агат) не превышает 2–11 %. Выделяются изделия со стоянки Ильинка II, выполненные из кирпичной яшмы, – их 14,1 %. Но на этом памятнике заготовки этой породы располагались недалеко друг от друга, что объясняется, очевидно, использованием одного желвака. Последний, частично апплицирующийся, находится в стадии максимального “истощения”. Основная часть артефактов (более 80 %) выполнена из кремня. Очевидно, что человек отбирал это сырье по цветовым оттенкам. Так, обитатели стоянки Бедарево II предпочитали черный кремь, а Ильинки II, Шумихи I и Шорохово I – кремь темных и светлых тонов. Природа технического поведения человека при взаимодействии с источниками сырья раскрывается и через использование кварцита, господствующего в толщах разрезов руслового аллювия. Его отбор и транспортировка на места поселений, не вызывавшие особых затруднений, происходили в соответствии с технологической ориентацией производства на получение тонких удлиненных заготовок. Орудия из кварцитов выполнялись на массивных отщепках. Отсутствие пластинчатых форм свидетельствует о том, что при существовавших способах расщепления из зернистого метаморфического сырья нельзя было получить правильно ограненные сколы.

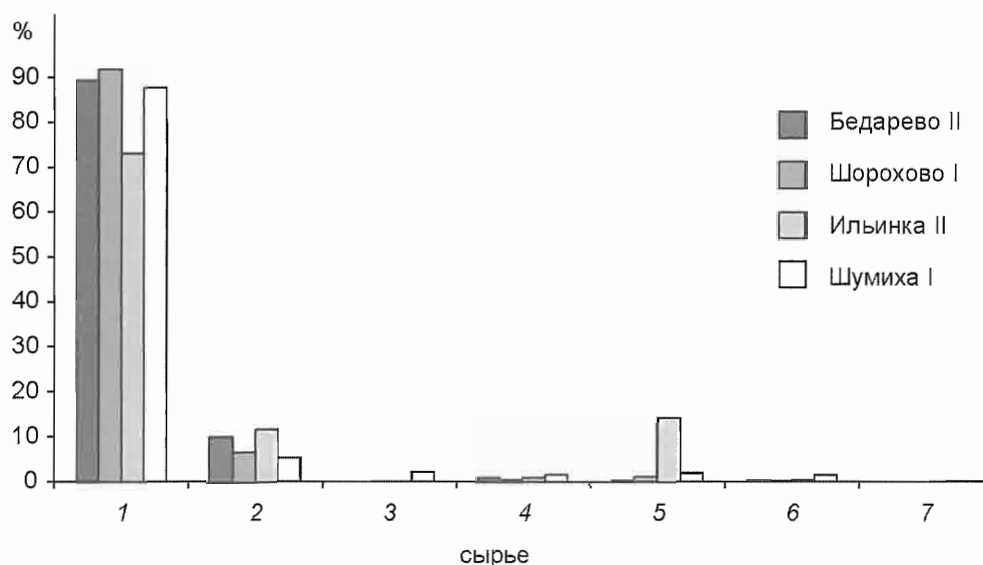

Рис. 2. Петрографическая характеристика технокомплексов палеолита долины Томи.

1 – кремь, 2 – кремнисто-глинистый сланец, 3 – глинистый сланец, 4 – кварцит, 5 – яшма, 6 – порфиры и порфириды, 7 – агат.

Стандартной формой заготовки считалась продолговатая галька длиной 9–12 и шириной 4–7 см, образцы которой без признаков антропогенного воздействия встречаются на местах поселений (рис. 3, 1). На базовых кратковременных стоянках такие гальки составляют 0,5–2,3 %, на мастерской их гораздо больше – 17,6 % (см. рис. 1). Расщепление принесенных галек начиналось с создания гладкой скошенной площадки, перпендикулярной длинной оси заготовки. Об этом свидетельствуют пренуклеусы с подготовленными площадками. Эксплуатация таких заготовок, имевших сырьевые (трещины, каверны на используемой галке) или технологические (неудачный угол между площадкой и предполагаемой рабочей поверхностью ядрища и др.) дефекты, прекращалась. Первичные сколы с отбивных плоскостей нуклеусов имели сильно вогнутую нижнюю поверхность, “куполообразную” верхнюю. Они, как правило, не использовались в качестве заготовок. Первичное раскалывание производилось в основном с помощью плоского параллельного расщепления. Оно начиналось, возможно, с частичной предварительной очистки корковой поверхности путем снятия (последовательность таких сколов воссоздана по материалам Шумиха I) укороченных сколов (рис. 3, 2). Учитывая общий характер и морфологию, можно сделать вывод, что такие сколы сбиты с уже выбранной, иногда неподготовленной площадки и не придавали нуклеусу какой-то устойчивой формы. Часто ядрище эксплуатировалось после скалывания одного-двух первичных сколов с целью получения ребра – элемента, являющегося необходимым для снятия пластинчатой заготовки.

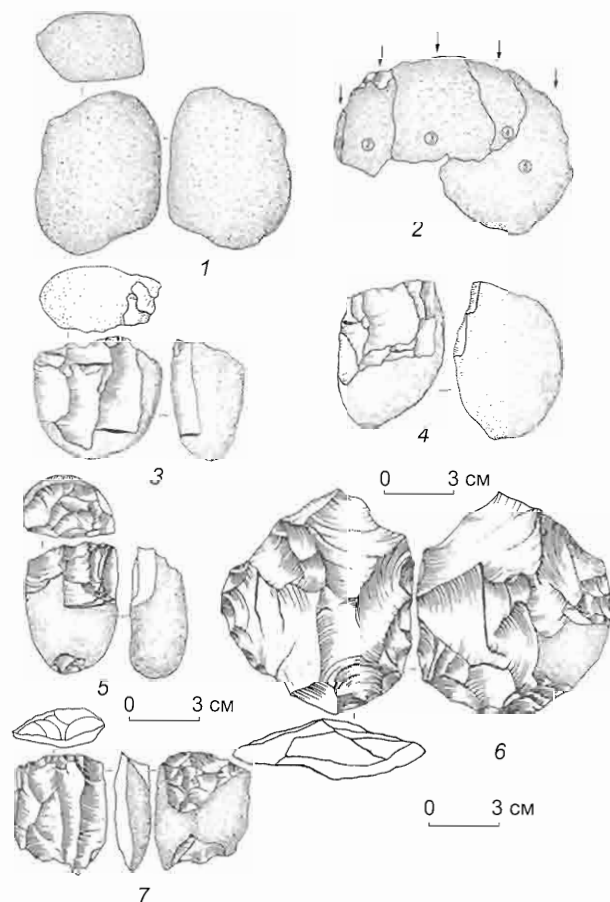

Рис. 3. Продукты расщепления в палеолитических индустриях долины Томи.

1 – галька; 2 – технические сколы и их ремонт; 3–7 – ядрища. 1, 2, 5–7 – Шумиха I; 3, 4 – Шорохово I.

Об этом свидетельствуют различные по размерам и соотношению длины и ширины продукты расщепления с одной ложной гранью, занятой галечной коркой. Во время производства пластинчатых заготовок часть площадки ядрища, примыкающей к рабочей поверхности, фасетировалась. Эволюция процесса расщепления просматривается в характере подготовки отбивной поверхности нуклеуса для снятия определенных сколов (рис. 4–8). На последних выделяются гладкие, фасетированные, двугранные и галечные площадки. По сколам с Шумихи I можно проследить постепенное увеличение фасетированных форм начиная от первичных сколов и кончая пластинками. Резкое возрастание количества фасетированных площадок на пластинчатых заготовках зафиксировано в индустриях Бедарево II, Шорохово I и Ильинки II. По этим же материалам прослежено резкое сокращение гладких площадок на удлиненных снятиях по отношению к-

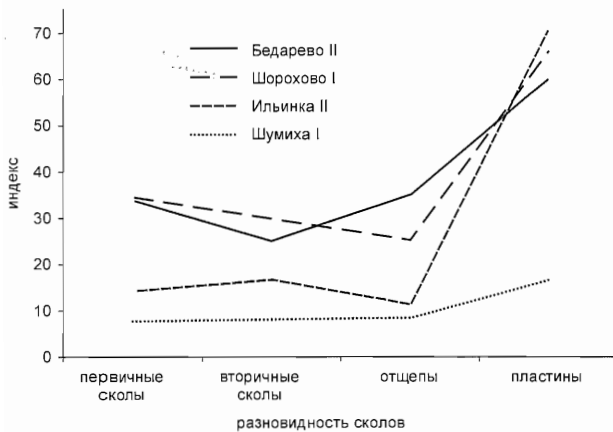

Рис. 4. Динамика индекса фасетированных площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

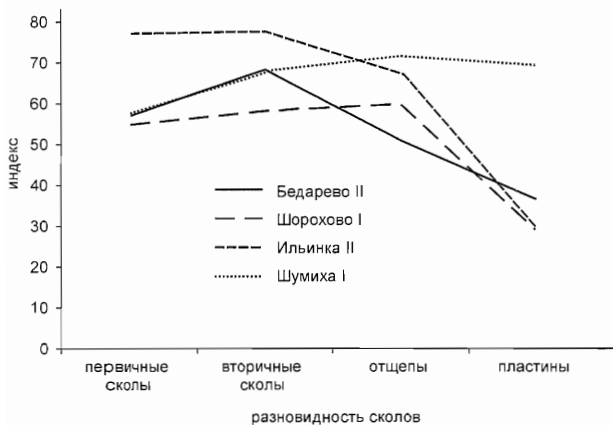

Рис. 5. Динамика индекса гладких площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

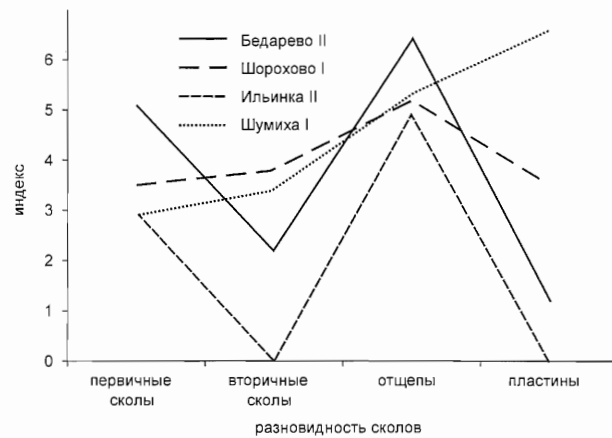

Рис. 6. Динамика индекса двугранных площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

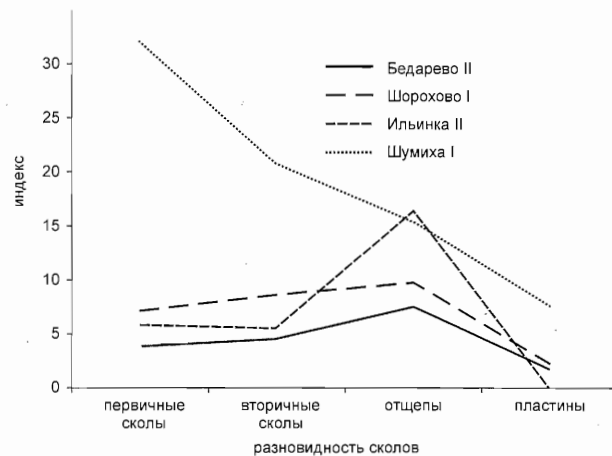

Рис. 7. Динамика индекса галечных площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

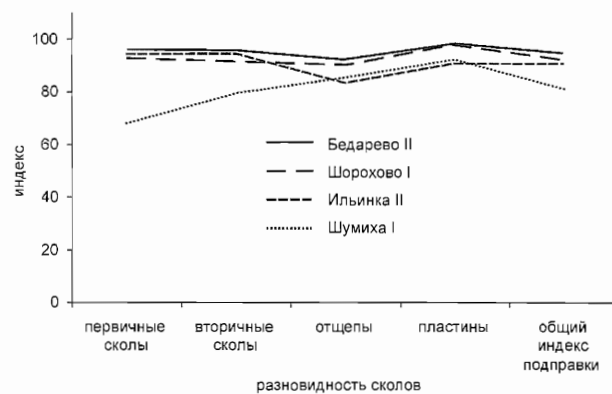

Рис. 8. Динамика общего индекса подправки площадок у различных сколов в палеолитических индустриях долины Томи.

щадкам других разновидностей сколов. Что касается двугранных площадок, то они на сколах со всех объектов встречаются редко. Индекс галечных площадок выше всего в индустрии Шумихи I (18,7). Здесь же наблюдается постепенное уменьшение индекса площадок, покрытых галечной коркой, начиная от первичных сколов и до пластин (индекс галечных площадок у краевых сколов равен 32, у полукраевых – 20,7, у отщепов – 15,3, у пластин – 7,6). Общий индекс подправок площадок у артефактов со стоянок Бедарево II, Шорохово I и Ильинка II выше 90, с Шумихи I – 81,3. Таким образом, для некоторых памятников в бассейне Томи (Шумиха I) характерна эволюция в оформлении ударных площадок для снятий определенных категорий сколов. Она выражается в значениях индексов фасетированных, двугранных и галечных площадок и соответственно общих индексов подправки, что связано с системой специальной подготовки ударной площадки или дуги на нуклеусе перед скалыванием predetermined заготовки.

Наиболее распространенными ядрищами в палеолитических индустриях региона являются нуклеусы параллельного снятия (см. *таблицу*, рис. 9). Они различаются по характеру подготовки и количеству ударных площадок, количеству и расположению рабочих плоскостей, системе ориентации снятий (см. рис. 3, 3–5, 7; 10, 1). Следующую разновидность продуктов расщепления представляют торцовые нуклеусы (рис. 10, 2–8); некоторые из них являются уменьшенным вариантом одноплощадочных двусторонне-сопряженных форм. Изредка на крае, противоположном рабочей части, имеются признаки частичной под-

правки с целью получения своеобразного ребра (см. рис. 10, 8), которое позволяло, вероятно, поместить нуклеус в деревянное или костяное приспособление. Почти у всех таких ядрищ на боковых поверхностях прослеживаются следы параллельных снятий. Торцовые нуклеусы не являются аналогами клиновидных, которые представлены единичными образцами в Шумихе I и на некоторых стоянках поверхностного залегания. Клиновидные ядрища с этих памятников имеют обработанные латерали, треугольную рабочую поверхность, которая в нижней части посредством кия и гребня соединена с ударной площадкой (см. рис. 10, 9, 10). Наблюдается последовательное усложнение форм параллельных ядрищ в зависимости от количества площадок, рабочих плоскостей и характера ориентации негативов снятий от начальных этапов их изготовления до финальных стадий эксплуатации. Основой является одностороннее одноплощадочное ядрище с галечной тыльной поверхностью. Его производными могут быть двуплощадочные нуклеусы, одно- и двусторонние, со следами скалывания в параллельных, но противоположных плоскостях. Сочетание таких форм нуклеусов на одном предмете образует ядрище трехстороннее, представленное уже сильно “истощенным” образцом. Другим вариантом двуплощадочных ядрищ является двусторонняя форма с признаками скалывания в продольно-поперечном направлении и на торцовой поверхности.

Второе направление эволюции одноплощадочных ядрищ получило воплощение в торцовых вариантах. Так, благодаря оформлению на односторонней фор-

Доля нуклеусов в палеолитических индустриях Томи, %

Ядрища	Бедарево II	Шорохово I	Ильинка II	Шумиха I
Одноплощадочные:	57,6	62,9	56,3	60,9
односторонние	80	72,7	66,6	78,6
двусторонние сопряженные	–	20,4	33,4	14,2
двусторонние несопряженные	20	6,9	–	7,2
Двуплощадочные:	38,5	12,8	25	13
двусторонние со следами снятия в продольно-поперечном направлении	10	33,3	50	–
двусторонние со следами снятия в параллельных, но противоположных плоскостях	30	11,1	25	–
односторонние	50	44,4	25	100
трехсторонние	10	11,1	–	–
Торцовые:	–	21,5	12,5	4,3
односторонние	–	66,6	100	100
двусторонние	–	33,4	–	–
Клиновидные	–	–	–	13,3
Дисковидные	–	1,4	6,2	8,8
Леваллуазские	3,9	1,4	–	–

ме еще одной рабочей поверхности образовалось двустороннее ядрище со следами скальвания на широких плоскостях. В случае переноса рабочей поверхности на торец изделия формировалось ядрище, аналогичное микроторцовым, но более крупных размеров. Среди одноплощадочных односторонних и торцовых ядрищ, помимо вышеотмеченных, представлены и иные переходные формы, различающиеся по характеру оформления тыльной поверхности, – от обработанных по краям до сплошь оббитых. Вероятно, оформление контрфронта было необходимо, чтобы придать нуклеусу определенную форму и начать расщепление с торца. На начальных стадиях торцового раскалывания образовывались особые технические продукты – реберчатые пластины. Наконец, торцовые ядрища, достигшие уже стадии микрообразцов, служили для получения призматических микропластинок. Таким образом, остаточные формы нуклеусов на памятниках в долине Томи зачастую не совсем соответствовали первоначальному замыслу изготовителя; они, очевидно, отражают различные процессы утилизации.

Технология расщепления включала также радиальные (см. рис. 3, 6) и леваллуазские приемы раскалывания пород, имевшие, впрочем, явно подчиненное значение.

Сколы, получившиеся в ходе расщепления и фасетирования площадок нуклеусов, включают чешуйки и артефакты различных размеров, в основном от 1 до 5 см (рис. 11). Среди них выделяются пластинчатые заготовки (11–20,5 %) размерами менее 7 см. Среди пластинчатых сколов на всех местонахождениях велика доля фрагментированных форм (50,4–74,8 %). Однако признаки искусственной фрагментации заготовок (диагональный удар по краю основы, напоминающей диагональный резцовый скол) отмечены только в индустрии Шумиха I. В коллекциях с других памятников появление отдельных частей пластин связано

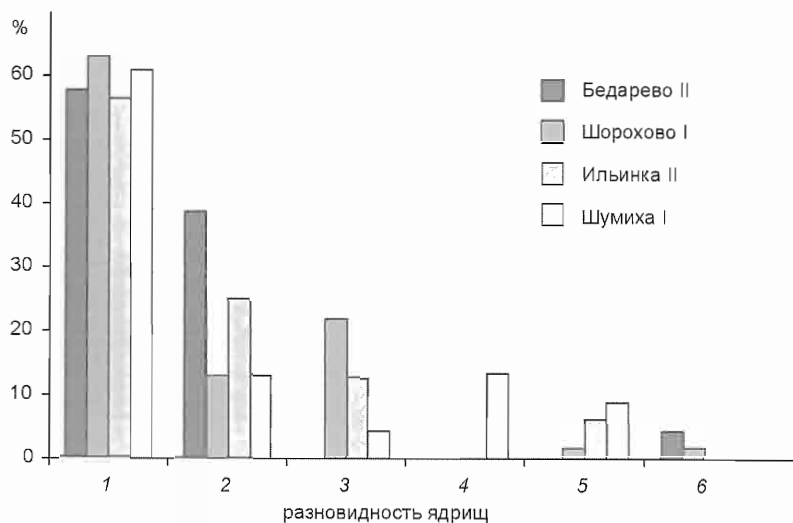

Рис. 9. Разновидности ядрищ в палеолитических индустриях долины Томи. 1 – одноплощадочные, 2 – двухплощадочные, 3 – торцовые, 4 – клиновидные, 5 – дисковидные, 6 – леваллуазские.

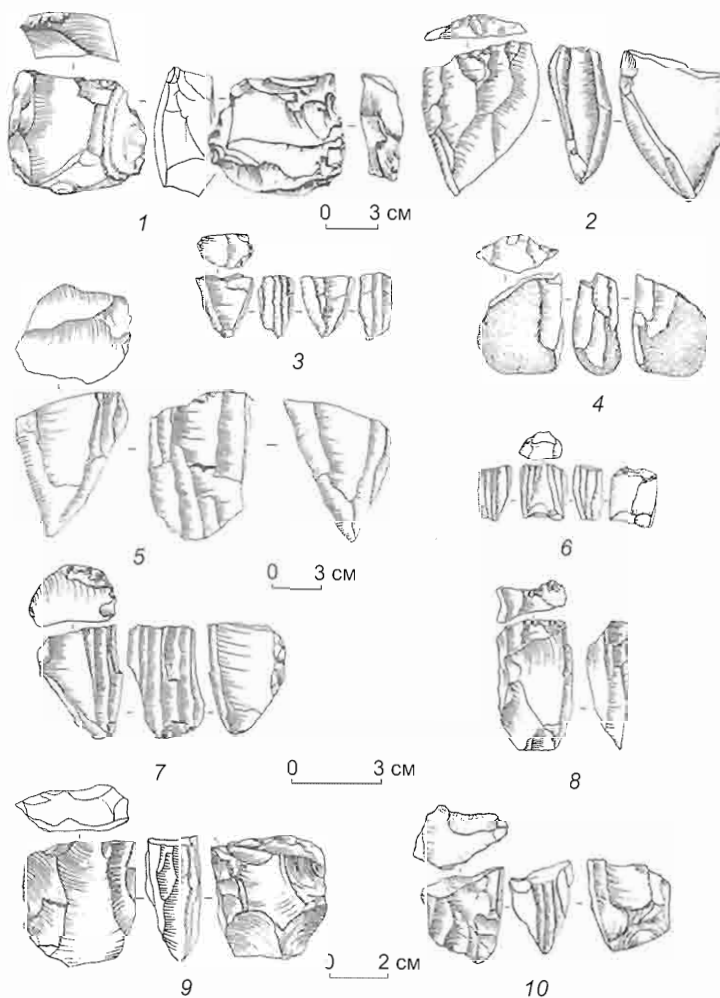

Рис. 10. Нуклеусы в палеолитических индустриях долины Томи. 1–8 – Шорохово I; 9, 10 – Шумиха I.

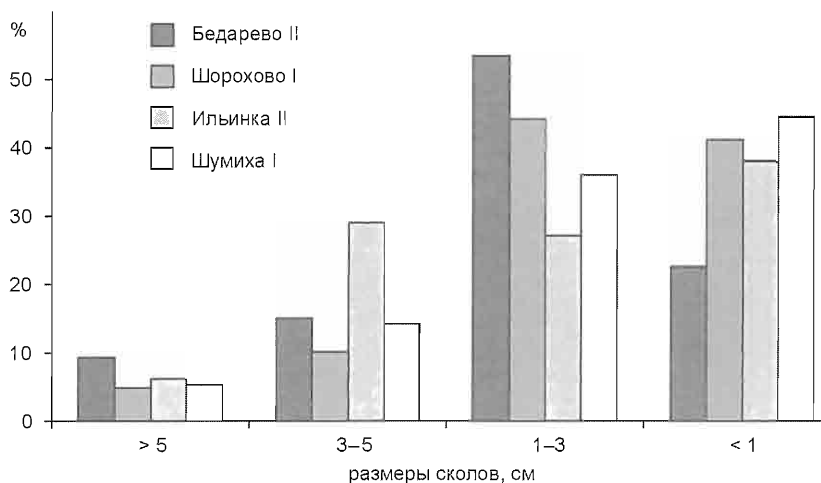

Рис. 11. Метрическая характеристика сколов с палеолитических памятников в долине Томи.

с фрагментацией заготовок в процессе производства или дальнейшей эксплуатацией в качестве орудий.

Основной формой заготовки для изготовления орудий в 50–74 % случаев являлся удлиненный скол с относительно параллельными краями и гранями. Вторичное преобразование сколов осуществлялось традиционными для верхнего палеолита приемами – выемчатый (7–9 %) и резцовый (5–12 %) сколами, подтеской (5–12 %) и ретушированием. Последняя разновидность отделки преимущественно лицевая (56,8–91,4 %), краевая, распространенная, линейная, непрерывная. На единичных образцах отмечены признаки ретуши приспособления, с помощью которой выделялись и ограничивались рабочие элементы (Шорохово I) орудий. Многократное переоформление изделий в томских индустриях не отмечено.

Наиболее характерной разновидностью орудий являются ретушированные пластины (16–30 %) – со следами лицевой, брюшковой, продольной, реже поперечной обработки (рис. 12). Среди скребков (11–18 %) преобладают концевые образцы, редко встречаются стрельчатые, с носиком, двойные и микроформы (Шорохово I, Ильинка II). Резцы (4,5–12 %) исключительно угловых и срединных разновидностей. Единичными экземплярами представлены долотовидные орудия и проколки. Скребел немного (4–9 %), обыч-

но это простые выпуклолезвийные образцы. Группа зубчато-выемчатых орудий, напротив, весьма представительна – 15–20 %. Единичны ножи и остроконечники (Шорохово I, Аильский клад).

Орудия из галек встречаются нечасто. Единичными образцами представлены чопперы (Бедарево II, Ильинка II) и чоппинги (Шорохово I).

Вторично преобразованные артефакты в процессе эксплуатации ломались. Более 50 % изделий представлено в обломках. Чаще всего ломались скребла, ретушированные пластины и анкоши. По данным функционального анализа, ретушированные пластины

служили ножами по мягкому материалу, некоторые из них вместе с анкошами и резцами использовались при обработке дерева и кости. Функции скребков и скребел были не менее разнообразны – от обработки шкур до твердых поверхностей. Изделия, выполненные на удлиненных сколах, чаще утрачивали концы. Обломы орудий на отщепах могли быть поперечными, продольными и диагональными. Случаев преднамеренного членения артефактов с признаками вторичной отделки в индустриях региона не отмечено.

Каменный инвентарь, который становился непригодным для эксплуатации, оставляли на местах поселений.

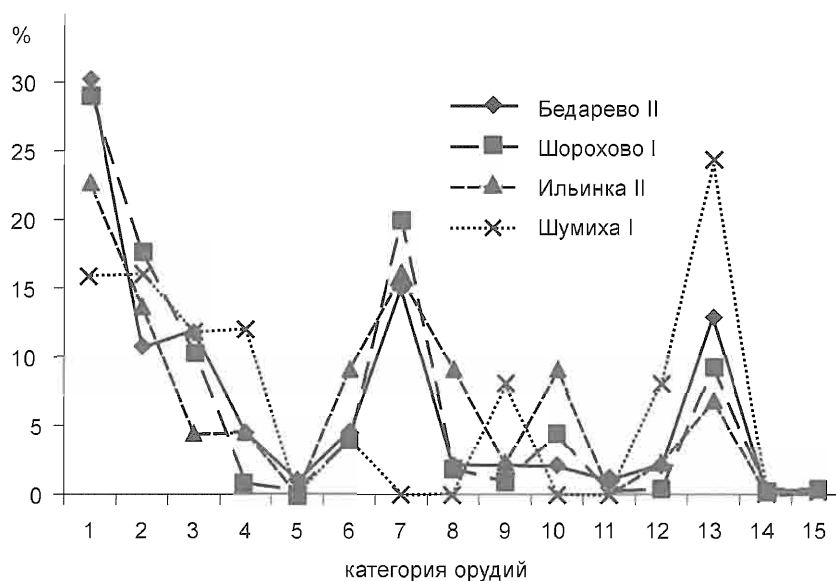

Рис. 12. Распределение орудий на палеолитических памятниках в долине Томи. 1 – ретушированные пластины, 2 – скребки, 3 – резцы, 4 – долотовидные орудия, 5 – проколки, 6 – скребла, 7 – анкоши, 8 – зубчатые орудия, 9 – галечные изделия, 10 – ножи, 11 – пластинки с притупленным краем, 12 – отбойники, 13 – ретушированные отщепа, 14 – остроконечники, 15 – бифасы.

Судя по планиграфии и планиметрии находок, отдельных частей артефактов, подходящих друг к другу, на базовых палеолитических стоянках в долине Томи отсутствуют участки особой концентрации сломанных орудий и отходов производственной деятельности.

Заключение

Создание технологических моделей, безусловно, расширяет возможности сравнения разноудаленных памятников, основанных не только на сочетании категорий и типов каменного инвентаря, но и на последовательности расщепления горных пород, изготовлении и использовании орудий. Ранее особенностью финальнопалеолитических индустрий юго-восточной части Западной Сибири считалась их пластинчатая направленность, получившая отражение в большом объеме удлиненных заготовок и разнообразии плоскостных ядрищ, предназначенных для их снятий. Эта черта сближает палеолитические памятники в районе Томи с некоторыми стоянками в долинах Енисея (Кокореве 1, Новоселово IV), Иртыша (пластинчатые индустрии стоянки Шульбинка). По другим типологическим признакам обнаруживается связь томских индустрий с индустриями Алтая (Сростки, Каратурук), западных отрогов Горной Шории (ушлепская культура, по А.Л. Кунгурову) и более удаленных объектов Северной Азии [Маркин, 1986, 1999]. Следует ожидать, что аналогии между отмеченными памятниками удастся выявить в ходе технологического анализа. Например, индустрии второй половины верхнего палеолита (слои 14а–11а возраста от $15\ 350 \pm 240$ до $10\ 310 \pm 330$ л.н.) стоянки Каминная [Деревянко и др., 1999; Кулик, Маркин, 2001; Маркин и др., 2001], расположенной в средневысотном эрозионном среднегорье Северо-Восточного Алтая, имеют немало общего с палеолитическими комплексами в долине Томи. Это сходство касается типологии некоторых артефактов (скребки, резцы, скребла, ретушированные отщепы и пластины) и технологии расщепления (плоскостное и призматическое, в т.ч. микропластинчатое, раскалывание. Кроме того, оно отразилось в технологическом цикле: в Каминной, индустрии которой основаны на местном сырье (вулканические, осадочные породы, яшмоиды, роговики), собранном вблизи стоянки, установлена такая же смена технических приемов на определенных стадиях раскалывания, как и в технокомплексах финала верхнего палеолита юго-восточной части Западной Сибири.

Список литературы

- Васильев С.А.** Поздний палеолит верхнего Енисея (по материалам многослойных стоянок района Майны). – СПб.: Центр “Петербургское востоковедение”, 1996. – 224 с.
- Деревянко А.П., Маркин С.В.** Палеолит северо-запада Алтае-Саян // Рос. археология. – 1998. – № 4. – С. 17–34.
- Деревянко А.П., Маркин С.В., Болиховская Н.С., Орлова Л.А., Форонова И.В., Дупал Т.А., Гнибиденко З.Н., Ефремов С.А., Цынерт И.И.** Некоторые итоги комплексных исследований пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 98–104.
- Зудин А.Н., Николаев С.В., Галкина Л.И., Будкева О.Ю., Ефимова Л.И., Паньчев В.А., Пономарев Е.А.** Обоснование стратиграфической схемы неогеновых и четвертичных отложений Кузнецкой котловины // Проблемы стратиграфии и палеогеографии плейстоцена Сибири. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 133–149.
- Кулик Н.А., Маркин С.В.** К петрографической характеристике каменной индустрии пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 136–141.
- Маркин С.В.** Палеолитические памятники бассейна р. Томи. – Новосибирск: Наука, 1986. – 177 с.
- Маркин С.В.** Некоторые итоги изучения палеолита бассейна р. Томи // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 169–173.
- Маркин С.В., Джалл Э.Дж.Т., Орлова Л.А., Кузьмин Я.В.** Интерпретация новых радиоуглеродных дат по пещере Каминная (Северо-Западный Алтай) // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 262–266.
- Окладников А.П.** Страница из жизни палеолитического мастера: клад каменных изделий у пос. Аил (с. Кузедеево) // Из истории Сибири и Алтая. – Барнаул: Алт. пед. ин-т, 1968. – С. 58–70.
- Холошкин Ю.П., Маркин С.В.** Опыт статистического сравнения палеолитических индустрий бассейна реки Томи // Древности Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 20–27.
- Bar-Yosef O., Meignen L.** Insights in to Levantine Middle Paleolithic Cultural variability // The Middle Paleolithic: adaptation, behavior and variability. – S.L.: The University Museum, University of Pennsylvania, 1992. – P. 163–182.

Материал поступил в редколлегию 16.09.04 г.

УДК 903.2

Е.П. Рыбин, К.А. Колобова*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: rybin@archaeology.nsc.ru*

СТРУКТУРА КАМЕННЫХ ИНДУСТРИЙ И ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ГОРНОГО АЛТАЯ*

Введение

Благодаря работам последних десятилетий на территории Горного Алтая, в результате которых были открыты и изучены стоянки эпохи среднего и ранней поры верхнего палеолита, исследователи располагают богатейшим материалом для изучения поселенческих систем и характера мобильности древнего человека. Однако возможности такого рода анализа ограничены. Например, отсутствуют зооархеологические определения костных остатков для многих объектов, что затрудняет изучение характера жизнеобеспечивающей деятельности, сезонности поселений, стратегий охоты и использования добычи. Кроме того, как было установлено в результате ряда исследований [Постнов, Анойкин, Кулик, 2000; Рыбин, 2002], спецификой палеолита Горного Алтая является использование древними популяциями почти исключительно местного сырья, в основном речного аллювия, находящегося, как правило, непосредственно около стоянки. Невозможность ввиду этого определить радиус передвижения популяций является препятствием на пути реконструкции размеров освоенной человеком территории. Материалы из некоторых регионов Западной и Центральной Европы позволяют решить эту задачу: по артефактам из сырья из близких и уда-

ленных источников удалось реконструировать систему передвижения популяций среднего и верхнего палеолита [Geneste, 1988, Féblot-Augustins, 1993]. Поэтому исследование каменной технологии и структуры индустрии остается одним из основных, если не единственным, способом изучения функциональных особенностей палеолитических памятников Горного Алтая.

Анализ каменных индустрий в этом направлении получил отражение в работах преимущественно зарубежных археологов, хотя некоторые его результаты освещались и в публикациях отечественных специалистов [Анисюткин, Филиппов, 1986; Дервянко, Петрин, Николаев и др., 1998; Рыбин, 2002]. В последнее время довольно активно обсуждаются вопросы, касающиеся каменных индустрий, украинскими археологами – исследователями палеолита Крыма [Демиденко, 1996; Chabai, Marks, 1998; Евтушенко, 2003].

Наметим в кратком обзоре, ни в коей мере не претендующем на полноту, основные направления исследований мобильности и палеоэкономических аспектов жизнедеятельности древних популяций, получивших отражение в каменной технологии (включая транспортировку и расщепление каменного сырья и утилизацию орудий). Существует несколько точек зрения на интерпретационные возможности комплекса инвентаря. Сторонники одной предполагают, что характер поселенческих систем и мобильности доисторических групп охотников-собирателей может быть восстановлен на основании анализа соотношения т.н. неформальных (или ситуационных) и формальных орудий [Binford, 1979; Henry,

* Статья написана в рамках программ, поддерживаемых фондами: РГНФ (проекты № 03-01-00424, 04-01-00537), РФФИ (проекты № 04-06-80017 и 04-06-80018), грантами Президента РФ МК (проект № 2755.2003.06) и ИШ (проект № 2315.2003.6), а также молодежным Лаврентьевским грантом СО РАН (проект № 107).

1989; Kelly, 1988]. Под неформальными орудиями понимаются слабо ретушированные, а также неретушированные сколы, которые могли использоваться в трудовых операциях (см., напр.: [Andrefsky, 1994]), и типологически самые простые и нестандартизированные формы орудий. Предполагается, что все они эксплуатировались непродолжительное время и были оставлены на месте их производства. Эти орудия, изготовление которых было вызвано потребностями, возникавшими во время работы мастера, не предназначались для использования в будущем, в предсказуемых или ожидаемых человеком ситуациях. Их производство не требовало много времени. Такая версия условий появления неформальных орудий, как считают приверженцы рассматриваемой точки зрения, позволяет предположить, что неформальные орудия были связаны с оседлыми или полуседлыми группами населения. Большой удельный вес неформальных орудий в комплексе дает основание говорить о более или менее длительном периоде проживания коллектива на стоянке. На другом полюсе орудийного набора находятся формальные орудия – предметы с признаками интенсивной обработки, неоднократно подвергавшиеся переоформлению или имеющие потенциал для дальнейших переоформлений; следы обработки на них в ряде случаев могут свидетельствовать о полифункциональном назначении артефактов. Эти орудия, изготавливавшиеся в расчете на использование при необходимости, которая может возникнуть в будущем, могли входить в транспортируемый орудийный набор. Их большая доля в индустриальном комплексе позволяет сделать предположение о повышенной мобильности популяции, оставившей комплекс.

Другой вариант дихотомичного подхода к изучению структуры орудийного набора предполагает разделение инструментов по двум признакам – надежности и восстанавливаемости, которыми обладают слабо ретушированные и легко восстанавливаемые орудия. “Надежные” и “восстанавливаемые” орудия были связаны с различными типами палеоэкологического окружения и распределения ресурсов и могли быть характерны для различных систем мобильности [Bleed, 1986]. По мнению Бинфорда [Binford, 1979], добыча и транспортировка каменного сырья были “встроены” в другие процессы человеческого жизнеобеспечения и не играли самостоятельной роли в структуре мобильности человека. Странники подобного подхода допускают, что причин и проявлений варибельности может быть больше, чем пока известно, и определение соотношения орудий как показателя мобильности не раскрывает многообразия влияний на облик индустрии. Однако есть примеры интерпретаций, отражающих несколько прямолинейный подход к использованию такого критерия, как соотношение

формальных и неформальных орудий (см., напр.: [Goebel, 2002, 2004]). В работе Т. Гэбла проводится сопоставление удельных весов разных категорий орудий, обнаруженных в Сибири на памятниках ранней поры верхнего палеолита и стоянках поздней поры верхнего палеолита. Автор, основываясь на данных о многочисленности в индустриях финала палеолита типов орудий, которые, с его точки зрения, являются формальными по определению (скребки, скребла, бифасы, резцы, клиновидные нуклеусы), делает заключение, что в поздней стадии верхнего палеолита в процессе “реколонизации” Сибири резко увеличивалась мобильность населения. Корректность такого анализа вызывает сомнения, поскольку исследователь, во-первых, не принимает во внимание удаленность, качество и доступность сырья, использовавшегося для изготовления орудий; во-вторых, сравнивает комплексы, оставленные группами населения, которые находились в совершенно разных экологических условиях; в-третьих, не учитывает, что практически все памятники ранней поры верхнего палеолита в Сибири основывались на ретушированных пластинах – удобных и универсальных заготовках для большинства обработанных предметов. Все ретушированные пластины, вне зависимости от интенсивности их обработки, Т. Гэбл относит к неформальным орудиям. Поэтому статистические данные ранневерхнепалеолитических памятников автоматически свидетельствуют о невысокой мобильности населения. Индустрии финального палеолита Приенисейской Сибири и Прибайкалья, по крайней мере те, на которые ссылается исследователь, в значительно меньшей степени, чем памятники ранней поры верхнего палеолита, ориентированы на получение пластин. Удельный вес ретушированных пластин в составе индустрий обычно невелик на фоне преобладания формальных типов, что может объясняться не функциональной, а стадийной спецификой комплексов. Таким образом, значительный перевес формальных орудий в коллекциях группы поздних сибирских палеолитических памятников является результатом объективного снижения доли пластин в структуре первичного расщепления. Вместе с тем высказанные соображения не противоречат предположению о произошедшем в конце плейстоцена усилении мобильности населения, наблюдаемой и в западной части Евразии.

Отдельные исследователи считают, что на структуру орудийного набора в первую очередь влияют количество, качество и доступность каменного сырья; именно они определяют соотношение формальных и неформальных орудий в палеоиндустриях [Andrefsky, 1994, 1998]. Предполагается, что анализ соотношения формальных и неформальных орудий, хотя и может помочь при реконструкции техноло-

гического поведения охотников-собирателей, не позволит определить характер мобильности палеопопуляции [Vamforth, 1986].

Наиболее взвешенной нам представляется позиция, согласно которой вариабельность каменных индустрий – многоаспектная проблема и в каждом конкретном случае должны учитываться самые разные факторы, способные повлиять на своеобразие орудийного набора (см., напр.: [Marks, 1988; Stiner, Kuhn, 1992; Kuhn, 1995; Rolland, Dibble, 1990; Henry, 1995; Dibble, 1995; Blades, 2001]). Среди них могут быть: продолжительность заселения стоянки, ее функциональная специфика, доступность сырья, особенности эксплуатации человеком фаунистических ресурсов, темпы износа различных типов орудий, сезонные миграции гоминид, палеоэкологическая обстановка и др. Обращает на себя внимание отсутствие в этом списке такого фактора, как “эпохальное” своеобразие индустрии, что характерно “процессуалистской” и адаптационной парадигме североамериканской традиции изучения археологии каменного века. Суммируя наши наблюдения, приходится признать правоту Р. Келли, который более десяти лет назад писал: “В настоящее время многие интерпретации комплексов каменных орудий как индикаторов мобильности являются субъективными, интуитивными и временами противоречивыми” [Kelly, 1992, p. 56].

Методика изучения вторичной обработки и структуры индустрии

Целью данной работы является изучение организации деятельности, направленной на получение орудий, и ее связи с мобильностью палеопопуляций, а также с поселенческими системами древнего человека в среднем и ранней поре верхнего палеолита Горного Алтая. Первый этап исследования связан с анализом морфологии и следов вторичной обработки орудий. Структура орудийного набора определяется сочетанием формальных и неформальных орудий. В отличие от исследователей, которые придерживаются системы, описанной выше, мы не относим к неформальным орудиям неретушированные сколы. В состав данной группы, по нашему мнению, следует включать зубчато-выемчатые орудия, ретушированные сколы, ножи на краевых сколах, сколы со следами функционально выраженной и морфологически обусловленной утилизационной ретуши. Другими словами, это артефакты, которые претерпели минимальные изменения при оформлении и изготовлении, не образуют устойчивых серий и не имеют специфичных морфологических культуроразличающих признаков. Под формальными нами понимаются орудия, относящиеся к развитым и стандартизированным

технично-морфологическим типам: срединные и боковые резцы, скребки, острия на пластинах и мустьерские, скребла, орудия, несущие следы переоформления, комбинированные орудия, орудия, подвергавшиеся интенсивной вторичной обработке (если, например, зубчато-выемчатое орудие имеет глубокие и тщательно оформленные анкоши, формирующие зубчатый рабочий край на большей части периметра заготовки, то такой артефакт относится к группе формальных орудий). Предметы со следами оформления, которые свидетельствуют, возможно, о подготовке заготовки для использования в составных орудиях, например острия с признаками вентральной подтески ударного бугорка, также относятся к данной категории. Таким образом, типологическое определение орудия для нас не имеет решающего значения при отнесении артефакта к той или иной категории орудийного набора; подход должен быть индивидуальным, учитывающим специфику обработки конкретного предмета. В группу формальных орудий включены леваллуазские острия, независимо от того, имеются ли у них признаки вторичной обработки или нет. Это решение учитывает известную сложность и ресурсозатратность производства таких сколов-заготовок и возможность их использования в качестве охотничьего инвентаря [Lieberman, Shea, 1994], а также универсальность – пригодность для выполнения самых разных трудовых операций.

Анализ структуры орудийного набора не ограничивается составлением типолого-морфологической характеристики орудий, ибо функциональное “наполнение” выделяемых нами типов инвентаря в древности могло быть иным. Оценить реальные энергозатраты и, соответственно, определить вероятную роль артефакта в трудовых процессах должен помочь анализ признаков интенсивности вторичной обработки. Степень модифицирования ретушью поверхности орудия определялась нами как слабая (фасетки простираются не более чем на 2–3 мм от края орудия), средняя (умеренно “захватывающие” фасетки) и сильная (ощутимо видоизмененная первоначальная форма заготовки). Протяженность ретушированного участка на заготовке – участок периметра со следами ретуши. Предполагается, что каждый из продольных краев, проксимальная и дистальная зоны являются равнозначными частями изделия, весь периметр которого, соответственно, состоит из четырех частей. В случае, если ретушированных зон было несколько, то их протяженность суммировалась. Главную роль при оформлении орудий в анализируемых индустриях играло ретуширование, однако часто применялись подтеска, выемка, резцовое скалывание и оббивка. В качестве дополнительного показателя был введен количественный критерий однородности вторичной

обработки каждого изделия, учитывающий не только ее различные элементы на орудии, но и участки со следами ретуши, обладающей различными характеристиками. При этом исключались изделия с первичным элементом вторичной обработки в виде следов ретуши утилизации. Этот показатель позволяет составить представление о разнообразии операций, выполнявшихся с помощью тех или иных типов орудий, и следовательно, о широте спектра деятельности человека на объекте.

Дать оценку эффективности и интенсивности первичного расщепления и деятельности, связанной с производством орудий в каждой конкретной анализируемой индустрии, позволяет второй блок показателей. Он включает, кроме характеристик удельного веса трех основных составляющих комплекса (нуклеусы, сколы и орудия), показатели, отражающие соотношение категорий инвентаря: нуклеусы/орудия, или сколько единиц орудий приходится на одно ядрище, и отношение орудий к неретушированным сколам и нуклеусам, или сколько предметов дебитажа приходится на одно орудие. Первый показатель позволяет определить эффективность утилизации нуклеусов на памятнике, второй – интенсивность деятельности по оформлению орудий в индустрии. Исходя из этих данных можно предположить (при наличии значительных статистических девиаций), какова была доля унесенных или произведенных вне лагеря орудий. Два других показателя (отношение нуклеусов к неретушированным сколам и орудиям, а также нуклеусов к отходам производства) характеризуют интенсивность первичного расщепления на памятнике.

В данной работе мы исходили из двух объективно неизбежных допущений:

первое – каменный инвентарь с раскопанного участка слоя отражает функциональную специфику либо памятника в целом, либо, по меньшей мере, данного раскопанного участка стоянки;

второе – артефакты, включенные в культурный слой, который в ряде случаев накапливался достаточно долго, позволяют составить усредненное представление о деятельности коллективов, неоднократно посещавших эту стоянку [Kuhn, 1995].

Необходимо подчеркнуть, что упомянутые условия учитываются и при использовании типологического и технологического методов исследования каменных артефактов.

Технико-типологическая вариабельность палеолитических индустрий Горного Алтая и источниковая база исследования

На основе технико-типологической группировки комплексов каменных индустрий в среднем палеоли-

те Горного Алтая выделяется два варианта технологических традиций [Деревянко, 2001; Деревянко, Петрин, Рыбин, 2000; Рыбин, 1999; Шуньков, 2001]. К первому варианту – денисовскому – отнесены, вероятно, самые древние традиции. Наиболее ранние индустрии этого варианта имеют доказанцевский возраст (древнее этапа 5е кислородно-изотопной шкалы), более поздние доживают до 36–37 тыс. л.н. Для этих индустрий характерны следующие общие признаки: ведущая роль в процессе первичного расщепления приемов параллельного и радиального снятия заготовок; большой удельный вес орудий на средних и укороченных сколах; преобладание в составе орудий скребел различных модификаций, включая диагональные и угловатые; степень участия леваллуазской технологии в формировании облика комплексов варьирует от незначительной до умеренной. Нижняя хронологическая граница второго – кара-бомовского – индустриального варианта среднего палеолита Горного Алтая соответствует ок. 90 тыс. л.н., верхняя не имеет каких-либо достоверных хронологических определений, но не более 43 тыс. л.н. Для первичной обработки камня в этих индустриях использовалось главным образом леваллуазское конвергентное и параллельное расщепление. Типологический облик инвентаря определяют остроконечники леваллуа и крупные удлиненные пластины, которые группируются с разнообразными зубчато-выемчатыми формами и орудиями верхнепалеолитической группы. Существование двух дискретных вариантов индустрий в среднем палеолите Алтая может объясняться автохтонной культурной эволюцией или миграционными процессами [Rybin, 2004]. Однако может быть и другое объяснение этой ситуации. Например, в статье А.П. Деревянко и М.В. Шунькова, посвященной листовидным бифасам в палеолите Алтая [2002], высказывалось предположение, что варианты среднепалеолитических комплексов могут отражать не только некое “культурное” своеобразие памятников, сколько специфику функционального характера объектов. Пещерные памятники (например, Денисова пещера) являются, по мнению этих исследователей, долговременными поселениями, связанными со стабильным обитанием. В индустриальных комплексах пещерных стоянок элементы леваллуа и бифасиальные орудия не играют заметной роли в структуре орудийного набора. Памятники же открытого типа скорее относятся к сезонным стоянкам; в их материалах более выразительные леваллуазский и бифасиальный компоненты отражают, скорее всего, охотничью деятельность.

Ранневерхнепалеолитические индустрии Алтая датируются от 43 до 30 тыс. л.н. Технологически и типологически они относятся к трансконтинентальному явлению начального верхнего палеолита и обнаруживают стадийную близость к известным ближневос-

точным индустриям начального верхнего палеолита (Кзар-Акил, Учагизлы, Бокер Тахтит), а также центрально- и восточноевропейским комплексам Богунисьена и, вероятно, Бачокирьена. В развитии каменных индустрий начальной поры верхнего палеолита на территории Горного Алтая выделяют два пути – карабумовский и усть-каракольский [Деревянко, 2001; Шуньков, 2001].

Источниковой базой исследования стали материалы 17 индустрий эпохи среднего и ранней поры верхнего палеолита. Для сопоставления привлекались индустрии слоя 9 в центральном зале Денисовой пещеры, относящейся, скорее всего, к более поздним этапам верхнего палеолита. Средним палеолитом датируются индустрии культурных слоев СП 2 и СП 1 стоянки Кара-Бом (далее К-Б СП 1 и СП 2), слоев 21–12 в центральном зале Денисовой пещеры (ДП 21–12), слоя 18 стоянки Усть-Каракол (У-К сл. 18). К ранней поре верхнего палеолита относятся комплексы верхнепалеолитических уровней обитания 6–1 Кара-Бомы (К-Б ВП 6–1), слоя 11 в центральном зале Денисовой пещеры (ДП сл. 11), слоев 11–9 Усть-Каракола (У-К сл. 11–9), индустрии стоянки Кара-Тенеш (К-Т) и Малоюломанской пещеры (МЯ).

Данные, ставшие основой статьи, были почерпнуты из опубликованных источников и материалов [Деревянко, Петрин, 1989; Деревянко, Петрин, Рыбин и др., 1998; Деревянко, Петрин, Николаев и др., 1998; Деревянко, Шуньков, Колобова и др., 2002; Деревянко, Шуньков, Агаджанян и др., 2003; Шуньков, Колобова, 2002; Петрин, Шуньков, Колобова, 2002], а также коллекций, обработанных лично авторами.

Вторичная обработка

Первый блок “орудийного” анализа позволил выделить следующие группировки индустрий: резким преимуществом формальных типов (далее ФТ) орудий выделяются слои СП 2 и ВП 4–1 Кара-Бомы и комплекс стоянки Кара-Тенеш* (табл. 1, рис. 1). Орудий ФТ больше, чем неформальных (далее НТ), – от 60–40 % в среднепалеолитических слоях Кара-Бомы и в комплексах Кара-Тенеша, до 20 % в индустриях ВП 4–1

* Уровни обитания ВП 4–1 оказались объединенными при анализе, поскольку немногочисленная, хотя и яркая коллекция каждого комплекса не позволяет сделать достаточно обоснованные заключения, однако индустрия каждого из этих слоев, изученная по отдельности, продемонстрировала практически полную идентичность другим слоям этого объединения. Высокая степень сходства была отмечена и в ходе технологического исследования этих слоев [Деревянко, Петрин, Рыбин и др., 1998].

Кара-Бомы. В остальных комплексах Кара-Бомы незначительное преимущество НТ отмечено в верхнепалеолитических комплексах 6–5 уровней обитания. В комплексах Денисовой пещеры (центральный зал) и стоянки Усть-Каракол-1 эти категории инвентаря распределяются иначе. В большинстве слоев НТ больше по сравнению с ФТ не менее чем на 30 %; исключением являются слои 11 Усть-Каракола-1, в его индустрии НТ составляют 87,5 %, а ФТ – 12,5 % (более чем семикратное преимущество), и слои 11 Денисовой пещеры, в коллекции которого ФТ преобладают над НТ на 10 %. В индустрии Малоюломанской пещеры преимущество НТ относительно ФТ орудий составляет ок. 13 %.

Второй блок “орудийного” анализа – сравнение удельного веса признаков утилизационной/слабомодифицирующей ретуши (далее УСМ) и средне/сильномодифицирующей ретуши (далее ССМ) (рис. 2). На 20 % ССМ больше, чем УСМ, на находках из слоя 11 Денисовой пещеры; признаков сильно модифицирующей ретуши на 45 % больше, чем УСМ, в комплексе Кара-Тенеша. Равновесие проявлений данных типов ретуши характерно для находок из слоев 21, 12 и 9 Денисовой пещеры, а также из слоя 10 Усть-Каракола и индустрии Малоюломанской пещеры. Преобладание УСМ соответствует всем слоям Кара-Бомы, слою 14 Денисовой пещеры и всем, кроме зафиксированного в слое 10, комплексам стоянки Усть-Каракол.

Относительно высокие показатели ретуши, следы которой покрывают 1/2 периметра орудия и более, фиксируются в среднепалеолитических слоях Кара-Бомы (61–62 %), а также в комплексе 6-го уровня обитания той же стоянки и в индустрии Кара-Тенеша (44–45 %; рис. 3). Около 1/3 предметов с признаками распространенной вторичной обработки отмечены в слое 11 Денисовой пещеры. Абсолютно равные доли предметов с признаками распространенной и нераспространенной по периметру орудий вторичной обработки отмечены в ассамбляже Малоюломанской пещеры. В остальных индустриях уверенный перевес имеют орудия, у которых обработана лишь 1/4 периметра и менее. Особенно выделяются в этом отношении все комплексы стоянки Усть-Каракол-1: в них орудия, у которых 1/4 периметра несет следы ретуширования, составляют не менее 82,9 %.

Наиболее разнообразная по количеству элементов вторичной обработки система формообразования орудий в среднепалеолитических слоях характерна для находок из уровня обитания ВП 4–1 Кара-Бомы, а также для комплекса стоянки Кара-Тенеш, в котором предметы с двумя и более различными элементами вторичной обработки составляют более половины всех орудий (рис. 4). Во всех слоях Усть-Каракола

**Характеристика признаков вторичной обработки и структура рассматриваемых
палеолитических индустрий Алтая и Средней Азии**

Стоянка	Слой	Учитываемые артефакты, экз.	Неформальные орудия, %	Формальные орудия, %	Орудия со следами ретуши утилизации, слабоидентифицирующей ретуши, %	Орудия со следами средней и сильной идентифицирующей ретуши, %	Орудия со следами ретуши на 1/4 периметра и менее, %	Орудия со следами ретуши на 1/2 периметра и более, %	Отношение нуклеусов к орудиям	Отношение орудий к отходам расщепления+нуклеусам	Отношение нуклеусов к отходам расщепления	Отношение нуклеусов к сколам+орудиям	Нуклеусы, % в комплексе	Сколы, % в комплексе	Орудия, % в комплексе	Орудия с одним элементом вторичной обработки, %	Орудия более чем с одним элементом вторичной обработки, %
Кара-Бом	СП2	633	20,35	79,65	53,28	46,72	37,72	62,28	1:5,55	1:4,7	1:25,1	1:30,6	3,16	79,3	17,5	47,30	52,70
	СП1	90	44,44	55,56	65,79	34,21	38,46	61,54	1:13,6	1:1,2	1:15,3	1:29	3,33	51,1	45,5	47,06	52,94
	ВП6	878	51,05	48,95	59,85	40,15	55,30	44,70	1:8,9	1:5	1:43,75	1:52,68	1,82	79,7	16,3	56,25	43,75
	ВП5	594	51,25	48,75	62,07	37,93	61,26	38,74	1:11,5	1:6,2	1:71	1:82	1,18	83,7	13,6	61,90	38,10
	ВП1-4	395	39,44	60,56	57,89	42,11	70,00	30,00	1:9,1	1:4,4	1:39,2	1:48,3	2,03	79,5	18,5	44,26	55,74
Денисова пещера	21	163	71,43	28,57	48,15	51,85	85,19	14,81	1:1,2	1:5,8	1:5,9	1:7,1	12	73	15	43,75	56,25
	19	1 092	63,64	36,36	56,89	43,11	70,00	30,00	1:2,1	1:4,8	1:9,4	1:11,5	7,97	74,9	17,1	52,27	47,73
	14	887	62,65	37,35	61,21	38,79	86,73	13,27	1:3,4	1:4,4	1:14	1:17,5	5,41	76,2	18,4	65,52	34,48
	12	1 324	66,90	33,10	48,21	51,79	74,21	25,79	1:4	1:3,6	1:13,6	1:17,6	5,36	73,2	21,5	54,29	45,71
	11	1 326	44,85	55,15	39,13	60,87	67,00	33,00	1:4,9	1:4,5	1:21	1:26	3,7	78,3	18	53,42	46,58
Усть-Каракол-1	9	804	66,40	33,60	46,46	53,54	64,17	35,83	1:3	1:4,8	1:13,7	1:16,9	5,6	77,1	17,3	43,90	56,10
	18	317	69,79	30,21	73,86	26,14	90,00	10,00	1:8,8	1:2,3	1:19	1:27,8	3,47	65,9	30,6	74,36	25,64
	11	184	87,50	12,50	78,18	21,82	95,45	4,55	1:4,2	1:2,1	1:7,9	1:12,1	7,61	60,3	32,1	84,62	15,38
Кара-Тенеш	10	296	66,02	33,98	52,04	47,96	82,95	17,05	1:6,7	1:1,9	1:12	1:12,1	5,07	60,8	34,1	64,00	36,00
	9	628	66,15	33,85	61,03	38,97	85,00	15,00	1:5,6	1:2,2	1:11,4	1:16,9	5,57	63,4	31,1	73,86	26,14
Малояломанская пещера		809	27,08	72,92	27,55	72,45	54,08	45,92	1:4,8	1:6,3	1:29,1	1:34	2,83	83,1	13,6	42,11	57,89
Оби-Рахмат	19	6 141	34,4	65,5	33,4	66,6	65,04	34,9	1:8	1:2	1:15	1:23	4,1	62,5	33,3	71,42	28,5
									1:3,5	1:13,2	1:45,4	1:48,9	2	90,94	7,05	62,05	37,9

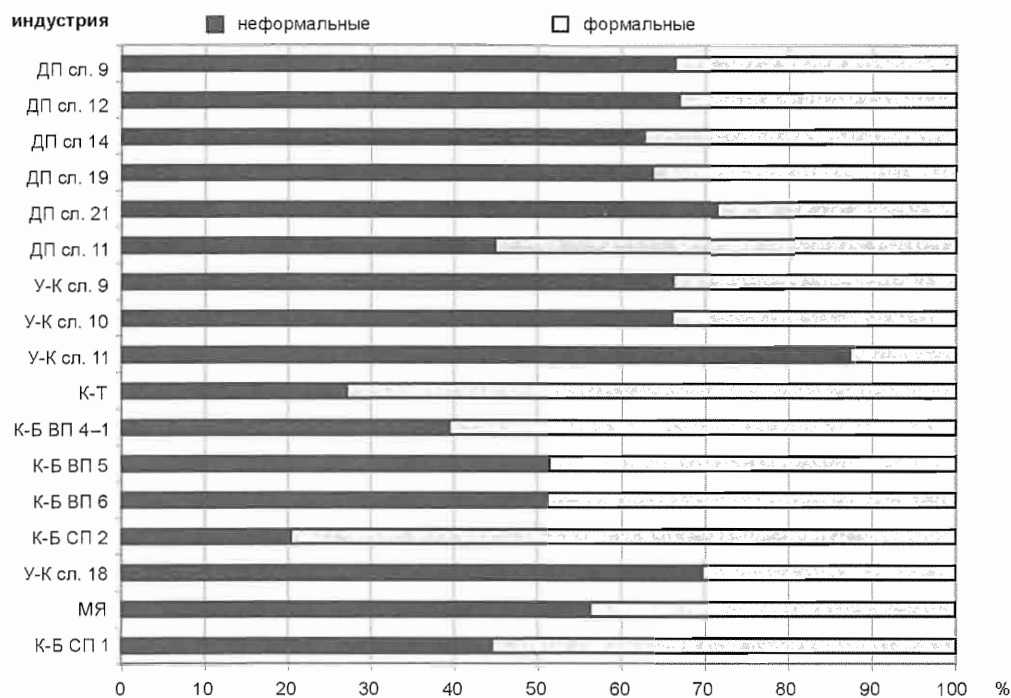

Рис. 1. Соотношение неформальных и формальных типов орудий в палеолитических памятниках Алтая. ДП – Денисова пещера, У-К – Усть-Каракол, К-Т – Кара-Тенеш, К-Б ВП – Кара-Бом, верхнепалеолитические уровни обитания, К-Б СП – Кара-Бом, среднепалеолитические слои, МЯ – Малояломанская пещера.

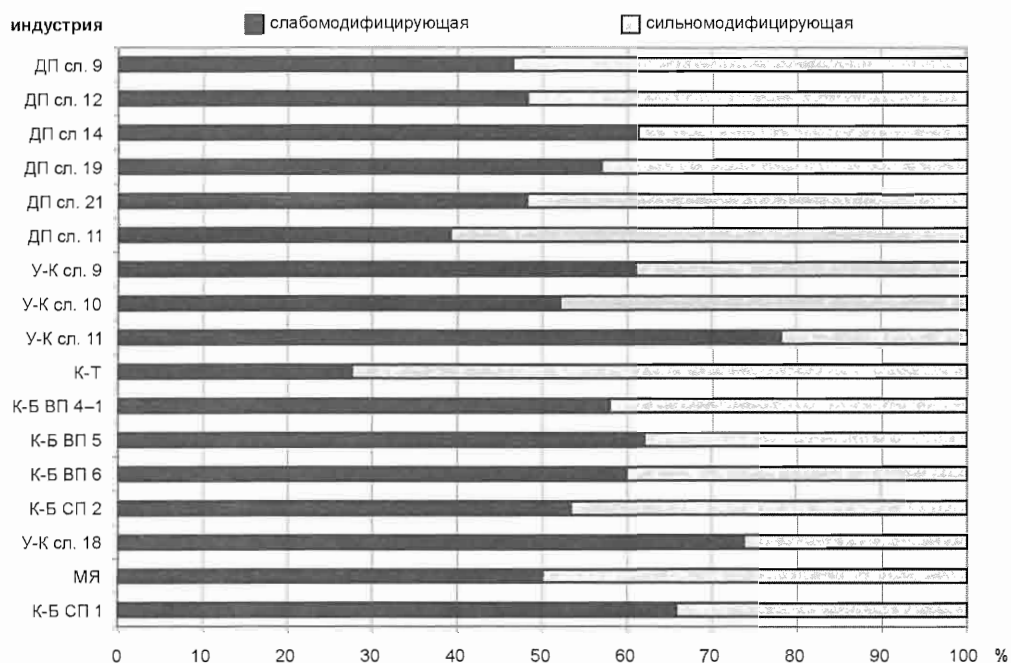

Рис. 2. Соотношение орудий со следами сильно- и слабомодифицирующей ретуши в палеолитических памятниках Алтая. Усл. обозн. см. на рис. 1.

и в индустрии Малояломанской пещеры значительно больше орудий с одним элементом вторичной обработки, чем предметов со сложной многоэлементной

системой оформления. Относительное равновесие (с небольшим преимуществом простой системы обработки) наблюдается в остальных комплексах.

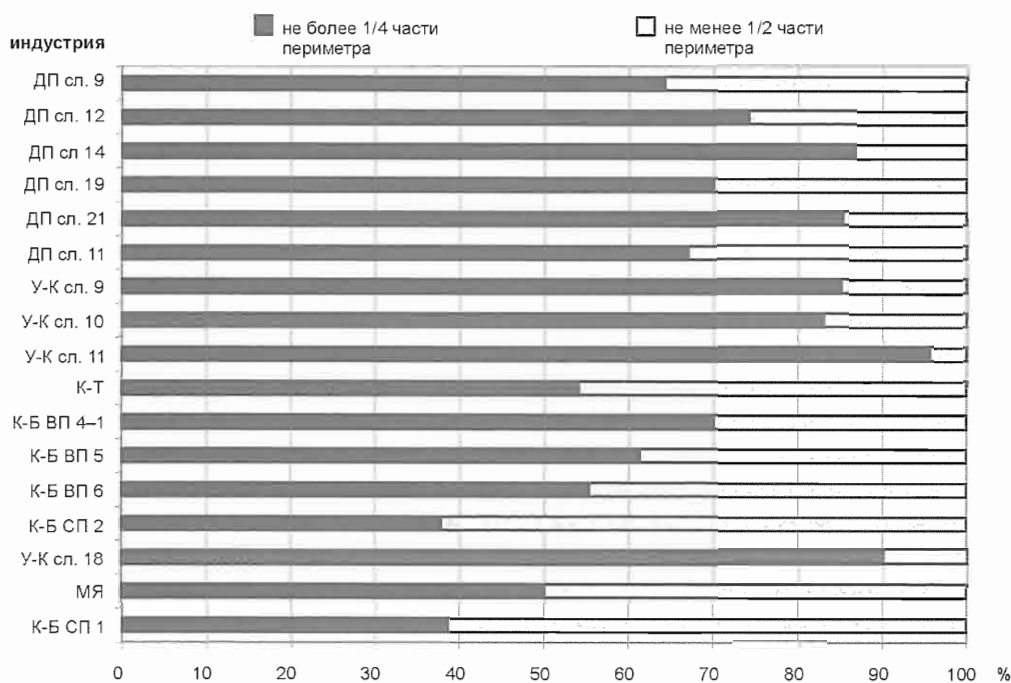

Рис. 3. Соотношение орудий с различными по протяженности ретушированными участками в палеолитических памятниках Алтая. Усл. обозн. см. на рис. 1.

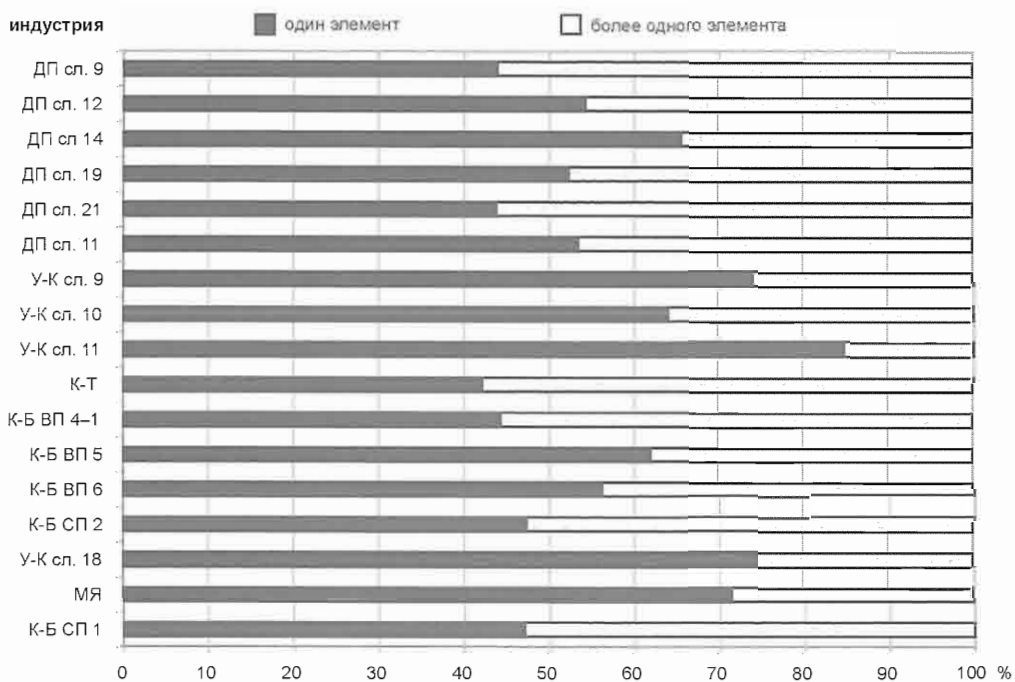

Рис. 4. Соотношение орудий с разным количеством элементов вторичной обработки в палеолитических памятниках Алтая. Усл. обозн. см. на рис. 1.

На структуру орудийного набора, характер вторичной обработки и соотношение различных категорий инвентаря могут влиять:

эпохальное и/или культурное своеобразие индустрии, функциональный характер памятника, система мобильности древних популяций,

качество, доступность каменного сырья и расстояние до его источников, продолжительность заселения стоянки, специфика жизнеобеспечивающей деятельности и объектов охоты.

Прежде чем приступить к рассмотрению влияния этих факторов на организацию палеолитических индустрий, сгруппируем ассамбляжи, согласно данным анализа признаков вторичной обработки. В результате получим следующие группы технокомплексов:

группа 1 – индустрии, которые среди анализируемых комплексов выделяются наиболее отчетливой тенденцией к интенсивной и разнообразной вторичной обработке, использованию в трудовых операциях сложных, тщательно обработанных и полифункциональных орудий. Выделены во всех индустриях Кара-Бома. Степень модифицирования заготовки с помощью вторичной обработки в комплексах этой стоянки ближе к умеренной. К этой же группе относится индустрия слоя 11 Денисовой пещеры и комплекс Малояломанской пещеры, хотя в ассамбляже последнего памятника доминируют орудия с признаками одноэлементной вторичной обработки. Экстремальные показатели интенсивности оформления и многоэлементной обработки орудий демонстрирует индустрия Кара-Тенеша, в которой более половины составляют орудия, имеющие более одного элемента вторичной обработки, и три четверти – орудия, относящиеся к категории формальных и интенсивно модифицированных ретушью. Заготовки в этих же ассамбляжах имеют следы вторичной обработки на большей части периметра;

группа 2 – все комплексы стоянки Усть-Каракол. Для них характерно удивительное единообразие, заключающееся в доминировании на орудиях следов скудной и преимущественно однородной вторичной обработки и относительно малом удельном весе формальных орудий;

группа 3 – технокомплексы слоев 21–12 и 9 Денисовой пещеры. Их показатели соотношения ФТ и НТ орудий близки к показателям для Усть-Каракола, однако их степень интенсивности и разнообразие признаков вторичной обработки свидетельствуют о значительно более интенсивной деятельности по переоформлению орудий и высокой степени их утилизации, чем в индустриях Усть-Каракола. Особенно наглядно это проявляется в стабильно высокой доле орудий со следами ССМ ретуши и разнообразными элементами вторичной обработки, а также заметно более высоким, чем на Усть-Караколе, удельном весе предметов со следами распространенной ретуши.

Структура индустрии и особенности процессов утилизации

Характеристику признаков вторичной обработки и структуры орудийного набора дополняют результаты анализа основных процессов утилизации, проходивших на памятниках. Судить об интенсивности первичного расщепления позволяет отношение нуклеусов к сколам и орудиям (здесь и далее сколы подсчитаны без учета чешуек, осколков и обломков) (рис. 5). Очень высокая интенсивность раскалывания фиксируется во всех комплексах Кара-Бома (наивысший показатель

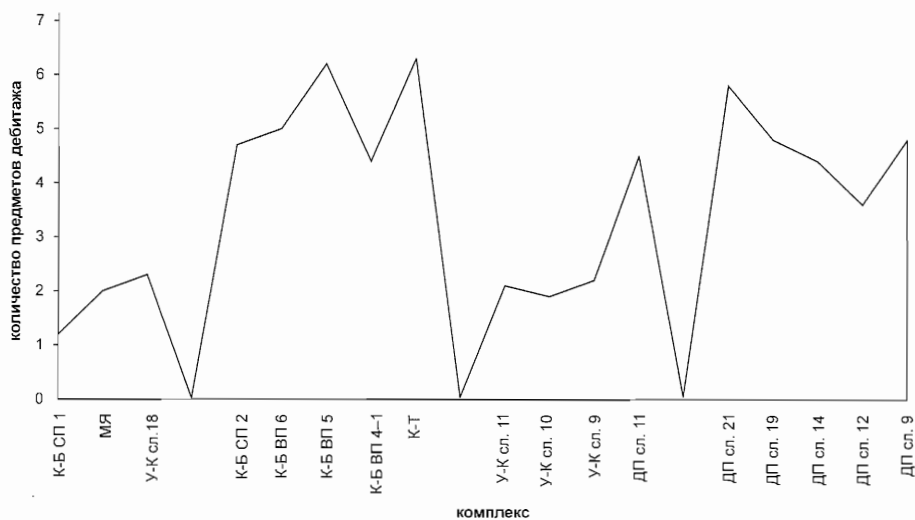

Рис. 5. Количество сколов и орудий, приходящихся на один нуклеус. Усл. обозн. см. на рис. 1.

для индустрий, рассматриваемых в настоящей статье, имеет ассамбляж уровня обитания 5 – 1:82), стоянки Кара-Тенеш, слоя 11 Денисовой пещеры, слоя 18 Усть-Каракола, индустрии Малояломанской пещеры. В остальных индустриях деятельность по расщеплению камня велась с невысокой интенсивностью, с одного ядрища снималось не более 18 сколов; особенно низкий показатель отмечен для слоя 11 Усть-Каракола, слоев 19 и 21 Денисовой пещеры (на одно ядрище приходится 7,1 скола). Картина не изменится, если будет подсчитано соотношение нуклеусы/неретушированные сколы.

Эффективность утилизации нуклеусов определяется по соотношению нуклеусы/орудия (рис. 6). Высокая степень эффективности утилизации нуклеусов отмечается во всех слоях Кара-Бома (максимальный показатель в анализируемых комплексах соответствует горизонту СП 1 Кара-Бома – на один нуклеус приходится 13,6 орудий). Довольно высокая эффективность утилизации нуклеусов характерна для слоя 11 Денисовой пещеры, большинства комплексов Усть-Каракола и Малояломанской пещеры, а также комплекса Кара-Тенеша. Относительно низкие показатели эффективности утилизации ядрищ имеют находки из всех слоев, кроме слоя 11 Денисовой пещеры; минимальный показатель определен для коллекции слоя 21 пещеры – на один нуклеус приходится 1,2 орудия – и слоя 11 Усть-Каракола.

Интенсивность деятельности по производству орудий находит отражение в соотношении орудий и дебритажа (который включает в себя неретушированные сколы и нуклеусы) (рис. 7). Иными словами, этот показатель демонстрирует то, насколько была велика вероятность оформления скола в орудие. Наиболее

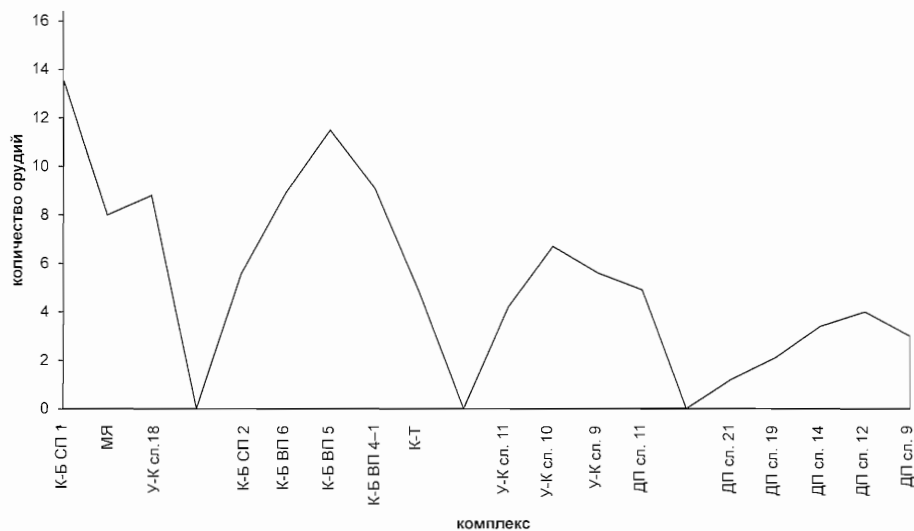

Рис. 6. Количество орудий, приходящихся на один нуклеус. Усл. обозн. см. на рис. 1.

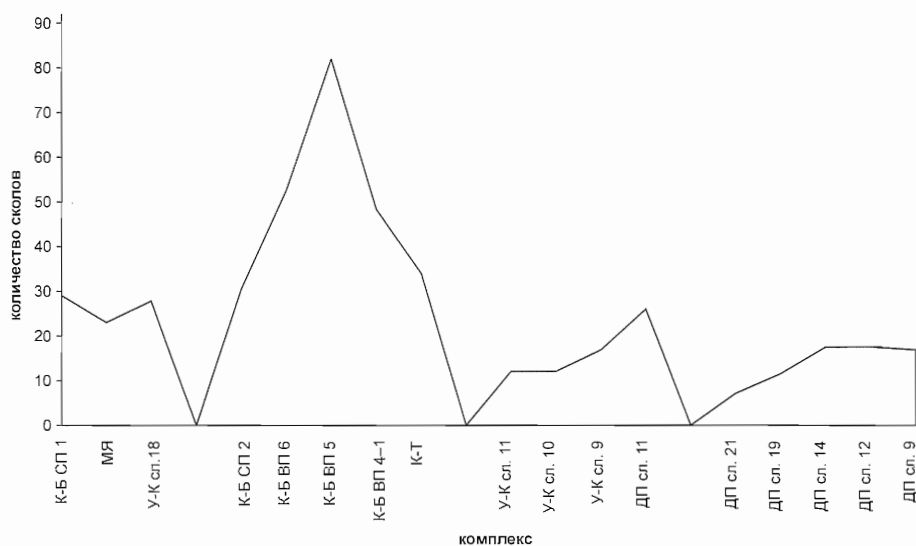

Рис. 7. Количество отходов производства и нуклеусов, приходящихся на одно орудие. Усл. обозн. см. на рис. 1.

высокие показатели интенсивности соответствуют комплексу СП 1 Кара-Бома, всем слоям Усть-Каракола и Малояломанской пещеры. В этих индустриях на одно орудие приходится от одного до трех неретушированных сколов и нуклеусов. Более низкие значения определены для всех (кроме СП 1) слоев Кара-Бома, Денисовой пещеры и комплекса Кара-Тенеша.

Обсуждение

При анализе показателей эффективности утилизации нуклеусов и интенсивности деятельности по производ-

ству орудий выявлено определенное противоречие, которое может получить адекватную интерпретацию лишь при взаимном сопоставлении. Например, на стоянке Кара-Бом высокая эффективность утилизации нуклеусов сочетается с относительно низким показателем переоформления, а в большинстве комплексов Денисовой пещеры, наоборот, – при низких показателях эффективности утилизации нуклеусов отмечается высокая интенсивность переоформления сколов в орудия. Скорее всего, причины описанных явлений следует искать в продолжительности заселения стоянок. Судя по всем показателям, на стоянке Кара-Бом производилась интенсивная первичная обработка продуктов охоты, которая велась в непосредственной близости от стоянки [Рыбин, 2002]. Деятельность человека, вероятно, была интенсивной, поскольку осуществлялась в короткие сроки в относительно непродолжительные периоды заселения стоянки. На это указывают, в частности, многочисленные сколы с ядрищ, сырье для которых находилось на расстоянии ок. 5 км и его доставляли в расчете на использование в будущем [Кулик, Шуньков, 1999; Дервянко, Рыбин, 2003]. С очень кратковременным периодом заселения связан комплекс СП 1 стоянки Кара-Бом. Это подтверждают показатели интенсивности оформления орудий и черты явной “орудийной” направленности утилизации камня. Комплексы же Денисовой пещеры (за исключением, возможно, коллекции слоя 11, о чем будет сказано ниже) отражают более продолжительный период проживания, возможно сезонного характера. Этот фактор обусловил низкую эффективность расщепления ядрищ – люди не были ограничены во времени и изготавливали орудия по мере надобности. Но чем дольше была заселена территория стоянки, тем была выше вероятность переоформления скола в орудие, что и подтверждается материалами комплексов Денисовой пещеры*. С интенсивной трудовой деятельностью, вероятно, связано периодическое заселение стоянки Усть-Каракол. Здесь для производства орудий использовалось местное сырье низкого качества [Постнов, Анойкин, Кулик, 2000], поэтому количество сколов, снятых с одного ядрища (при, очевидно, минимальной его подготовке), было в целом невелико. Единственным исключением является индустрия слоя 18 этой стоянки, в ней на один нуклеус приходится 19 сколов, что

* Такая же тенденция характерна для мустье Франции – максимальные показатели интенсивности переоформления орудий отмечены для пещерных стоянок, связываемых с относительно продолжительным периодом заселения [Rolland, 1981]. Однако она не прослеживается на мустьерских материалах Центральной Италии – разницы в характере редукции на стоянках открытого типа и в пещерах нет [Kuhn, 1995].

объясняется либо особенностью применявшейся леваллуазской технологии расщепления, которая проявлялась в весьма расточительном использовании объема нуклеуса [Постнов, 1999], либо дефицитом сырья, вызванного, например, трудностями доступа к источникам камня в зимний сезон. На Усть-Караколе эффективность деятельности по производству орудий была выше, чем на Денисовой пещере, а интенсивность деятельности по оформлению орудий, получившая отражение во всех анализируемых слоях стоянки, – одна из самых высоких в среднем и раннем верхнем палеолите Горного Алтая. Для данного памятника характерна чрезвычайно высокая доля орудий в структуре комплекса, в коллекциях всех слоев она составляет не менее 30 %. Этим подтверждается гипотеза о функциональной специфике Усть-Каракола – кратковременного охотничьего лагеря, связанного на протяжении всего периода существования стоянки с первичной обработкой туш животных. Деятельность человека протекала здесь очень непродолжительное время и была в значительной степени направлена на производство простых, не требовавших значительных трудозатрат форм орудий. Такая же структура индустрии прослеживается и в Малояломанской пещере, являвшейся, вероятно, кратковременным транзитным лагерем крайне небольшого коллектива, т.к. для постоянного проживания она неудобна. Несколько неожиданны относительно невысокие показатели эффективности утилизации нуклеусов и в целом небольшое количество орудий по отношению к дебитажу Кара-Тенеша, который является, вероятно, типичной охотничьей стоянкой и по функциональной специфике близок к Кара-Бому (об этом свидетельствуют результаты анализа признаков вторичной обработки и структуры орудийного набора). Эти данные можно объяснить кратковременностью заселения стоянки (аналогично Кара-Бому) или же тем, что часть произведенных орудий обитатели лагеря унесли за его территорию. Уже высказывалось предположение, что часть заготовок для орудий (а также часть самих орудий) была принесена на стоянку [Дервянко, Петрин, Николаев и др., 1998]. В комплексе стоянки отмечено небольшое количество нуклеусов; сломанные и многократно переоформленные листовидные бифасы подвергались редукции не на самой стоянке – здесь отсутствуют продукты переоформления этих орудий. Стоянка Кара-Тенеш, вероятно, в системе передвижений древних популяций была специально подготовленным местом для охоты и обработки добычи. Таким образом, на структуру и состав индустрии влияли, очевидно, продолжительность заселения стоянки и функциональная специфика памятника.

При организации деятельности человек учитывал доступность и качество сырья. Согласно наблюдени-

ям, сделанным на материалах палеоиндейских голоценовых стоянок [Andrefsky, 1994], при изобилии каменного сырья, равно как и его высоком качестве, в структуре индустрии должно быть равное соотношение как формальных, так и неформальных типов орудий. Орудия формальных типов делали, как правило, в условиях дефицита качественного сырья. При изобилии низкокачественного сырья изготавливались в основном орудия неформальных типов. В палеолите Северо-Западного и Центрального Алтая в зависимости от особенностей доступа к сырью и качества каменного материала выделяется две группы комплексов. Первая группа включает индустрии, основанные на изобилии местного относительно низкокачественного каменного материала. Ее представляют все памятники, находящиеся в бассейне р. Ануй (в данной работе использованы материалы Денисовой пещеры и Усть-Каракол), а также Малояломанская пещера, расположенная в бассейне р. Катунь. Вторую группу составляют комплексы стоянок открытого типа Кара-Бом и Кара-Тенеш, основанные на сырье высокого качества, доступ к которому был затруднен, например, из-за отдаленности. На первый взгляд, североамериканские данные подтверждаются и алтайскими материалами. Можно согласиться, например, с тем, что взятое изолированно от других характеристик соотношение формальных и неформальных орудий лишь в малой степени отражает функциональную специфику объекта и мобильность населения. Усть-Каракол, Кара-Бом, Кара-Тенеш, а также Малояломанская пещера являются относительно кратковременными охотничьими стоянками. Однако по структуре орудийного набора и показателям трудозатрат на изготовление орудий стоянка Усть-Каракол кардинальным образом отличается от трех других стоянок с идентичными функциональными особенностями. В структуре ануйских комплексов по сравнению с индустриями второй (центрально-алтайской) группы наблюдается отчетливый перевес орудий неформальных типов, очень невелико количество сколов-заготовок, снимавшихся с нуклеусов. Между тем, ануйские стоянки, хотя основаны на местном, близко расположенном сырье, имеют особенности, обусловленные отмеченной выше функциональной спецификой и различиями в продолжительности заселения. Так, по сравнению с комплексами стоянки Усть-Каракол индустрии Денисовой пещеры в целом характеризуются более тщательной и интенсивной вторичной обработкой, что отражает стабильный сезонный характер заселения. Заметно отличается по большинству показателей от всех ануйских комплексов индустрия слоя 11 Денисовой пещеры. Данные свидетельствуют о том, что по структуре орудийного набора и специфике процессов утилизации артефактов, а также функциональной принадлежности она наиболее близ-

ка кратковременным охотничьим стоянкам Кара-Бом и Кара-Тенеш. На формирование облика индустрий двух последних стоянок повлияли не только продолжительность заселения, функциональные особенности, качество сырья, но и значительное расстояние до источников камня. Как отмечалось выше, стоянка Кара-Бом удалена от источника сырья примерно на 5 км. Данные о происхождении породы камня, служившего основой для изготовления орудий на стоянке Кара-Тенеш, отсутствуют (ясно только, что оно не местное, в ближайших окрестностях нет выходов этого относительно высококачественного материала). Однако, учитывая значительную близость всех анализируемых показателей обеих индустрий, с большой долей уверенности можно предположить, что источник сырья для орудий находился от Кара-Тенеша также примерно на расстоянии 5 км и более. Возможно, обитатели обеих стоянок, связанных с охотничьей деятельностью, определенным образом планировали свои действия по обеспечению каменным материалом места будущей своей деятельности. Сырье, которое приносили (по всей видимости, уже в виде готовых нуклеусов) [Рыбин, 2002] издалека, раскалывали с максимальной интенсивностью не случайно; именно в индустриях этих двух памятников (как и в технокомплексе слоя 11 Денисовой пещеры) отмечено самое высокое количество сколов, приходящихся на один нуклеус. Для этих же индустрий отмечены самая высокая степень модификации сколов с помощью ретуши и обилие формальных и полифункциональных орудий. Касаясь вопроса о том, какие источники сырья для алтайского палеолита могут считаться “местными”, а какие “удаленными”, отметим, что, согласно европейской “норме” [Geneste, 1988; Gamble, 1999], “удаленным” считается сырье из источников, находящихся на расстоянии свыше 20 км. Например, для финала среднего палеолита Центральной Европы характерны индустрии (они составляют более половины), основанные на сырье, источники которого удалены от стоянки на 20 км и более [Féblot-Augustins, 1993]. Такие индустрии не выявлены в среднем палеолите Алтая; в коллекциях раннего верхнего палеолита удельный вес предметов из столь удаленных источников составляет доли процента. Анализируемые материалы позволяют достаточно уверенно говорить о различиях в подходах к обработке сырья в палеолитических индустриях Центральной Азии. Специфика в характере утилизации сырья и подготовке орудий проявляется в тех случаях, когда сырье приносили из источника, удаленного примерно на 1 км и более. “Местным” может считаться сырье, находящееся лишь в непосредственной близости от памятника. Это предположение подтверждается не только результатами анализа алтайских материалов, но и данными изучения отдельных центрально-

азиатских памятников, относящихся к той же культурно-исторической провинции, что и Горный Алтай. Например, при анализе коллекции Юташ-Сай (Киргизия) выявлена корреляция между размерами артефактов и признаками интенсивной обработки орудий в комплексах, основанных на сырье, которое находилось непосредственно под ногами мастера и которое принесли с участка, удаленного на 1 км [Зенин, Рыбин, Чаргынов, 2004].

По нашему мнению, специфика “культурной общности” или эпоха, к которой можно отнести тот или иной комплекс, значительно меньше, чем перечисленные выше факторы, влияют на формирование структуры каменной индустрии. Например, и Кара-Бом, и Усть-Каракол являются многослойными стоянками, в отложениях которых есть и среднепалеолитические, и ранневерхнепалеолитические индустрии. Однако интракомплексные корреляции между одновременными и, возможно, разнокультурными слоями одного памятника значительно заметнее, чем между одновременными и, вероятно, близкими в культурном отношении индустриями разных объектов. Так, слой 9 Денисовой пещеры, относящийся ко второй половине верхнего палеолита, по структуре комплекса не выделяется своеобразием в общей схеме индустриальной последовательности памятника. Исключением является слой 11 Денисовой пещеры, относящийся к ранней поре верхнего палеолита и, как отмечалось, – он более близок к Кара-Бому, Кара-Тенешу и Малояломанской пещере. В целом можно предположить, что для ранней поры верхнего палеолита были характерны более разнообразные в функциональном отношении типы поселений и, очевидно, более высокий уровень мобильности, чем для среднего палеолита. Дихотомия индустриальных комплексов среднего палеолита Горного Алтая, прослеживаемая по морфологии артефактов и соотношению категорий изделий, может быть объяснена функциональным своеобразием структуры орудийных наборов.

Исходя из данных, которые можно почерпнуть при изучении каменной индустрии, выделяются следующие функциональные типы памятников и относящиеся к ним индустрии:

1-й – транзитные, очень кратковременные охотничьи лагеря с эфемерными проявлениями деятельности человека – Кара-Бом (среднепалеолитический горизонт 1), Малояломанская пещера, Усть-Каракол (слой 18);

2-й – кратковременные охотничьи стоянки с признаками интенсивной утилизации камня и оформления орудий, связанные с первичной переработкой туш животных:

подтип А – памятники, на которые сырье для изготовления орудий доставлялось из мест, удаленных от

лагеря на 1 км и более, – Кара-Бом (среднепалеолитический горизонт 2, верхнепалеолитические уровни обитания 6–1), Кара-Тенеш;

подтип Б – стоянки, на которых орудия изготавливались из местного сырья, – Усть-Каракол (слои 11–9), Денисова пещера (слой 11);

3-й – сезонные стационарные поселения – Денисова пещера (слои 21–12, 9).

Весьма важно проверить возможности обсуждаемой методики на материалах памятников разных регионов. При сравнении алтайских коллекций и среднепалеолитического комплекса слоя 19 грота Оби-Рахмат (Узбекистан) [Деревянко и др., 2001] отчетливо видно, что последний выделяется многочисленностью артефактов (более 6 тыс. экз.) (см. табл. 1). Это может свидетельствовать либо о крайне активной деятельности гоминид на стоянке, либо о ее неоднократном посещении, жизнедеятельности, либо о том и другом. Вторичная обработка характеризуется большой долей формальных орудий (65 %); предметы со средне- и сильно модифицирующей ретушью значительно преобладают над артефактами, обработанными слабомодифицирующей ретушью (66 и 34 % соответственно); орудия с признаками ретуши, распространенной на 1/4 периметра, доминируют на фоне орудий, обработанных распространенной ретушью. Интенсивность расщепления очень высока – на один нуклеус приходится 49 сколов. Эффективность утилизации нуклеусов невелика – на одно ядрище приходится 3,5 орудий. Интенсивность производства орудий минимальна среди рассматриваемых комплексов – на одно орудие приходится 13 предметов дебитаж. Доля орудий относительно невысока – 7 %, она уступает показателям алтайских коллекций. Сопоставляя характеристики вторичной обработки и структуры индустрии, отметим, что комплекс слоя 19 грота Оби-Рахмат относится к индустриям с высокой интенсивностью ретушной отделки и разнообразными признаками вторичной обработки, переоформления орудий. По всем показателям он сближается с индустриями 1-й группы, объединяющей все комплексы Кара-Бомы, слоя 11 Денисовой пещеры, Малояломанской пещеры и Кара-Тенеша. Очень высокая интенсивность расщепления сопоставима с показателями Кара-Бомы и стоянки Кара-Тенеш. Если каждый из 15 показателей, по которому мы проводим сопоставление комплексов, взять за единицу, то окажется, что по количеству совпадений комплексу Оби-Рахмата близки индустрии Кара-Тенеша (13 показателей), слоя 11 Денисовой пещеры (11 совпадений) и практически всех слоев Кара-Бомы (7 совпадений). По аналогии с алтайскими памятниками можно попытаться объяснить и необычно низкие показатели эффективности утилизации нуклеусов и интенсивности производства орудий, которые сбли-

жают комплекс слоя 19 Оби-Рахмата с Денисовой пещерой и Кара-Тенешем. Вероятными кажутся следующие объяснения этого феномена: первое, основанное на сопоставлении с Денисовой пещерой, – относительно длительный период проживания на территории лагеря (о чем, вероятно, может свидетельствовать очень большое количество артефактов); второе, учитывающее близость характеристик индустрии грота и Кара-Тенеша, – значительный объем орудий уносился с территории памятника. Исходя из суммы данных последний вариант кажется более предпочтительным, тем более, что территория вокруг памятника была, скорее всего, не слишком богата сырьем, и орудия, изготовленные на территории стоянки, могли пригодиться при дальнейших передвижениях. Таким образом, слой 19 Оби-Рахмата близок к 2-й группе алтайских стоянок, подтипу А. Источник сырья для Оби-Рахмата до сих пор не определен, но, судя по приведенным характеристикам, он мог бы находиться на расстоянии не ближе 1 км.

Наши заключения ни в коей мере не претендуют на окончательность, т.к. без анализа фаунистических находок или без привлечения более широкого круга материалов задачу реконструкции жизнедеятельности палеолитического населения Горного Алтая решить крайне трудно. Однако мы надеемся, что наша работа станет одним из шагов в этом направлении.

Благодарности

Авторы благодарят своих учителей, друзей и коллег, оказавших моральную поддержку, обсуждавших основные положения статьи в плодотворных дискуссиях и высказывавших конструктивную критику, а также любезно предоставивших свои материалы: А.П. Деревянко, М.В. Шунькова, Н.А. Кулик, А.И. Кривошапкина, А.А. Анойкина, А.В. Постнова. Без них эта статья бы не состоялась.

Список литературы

- Анисюткин Н.К., Филиппов А.К.** К характеристике раннепалеолитических комплексов // Палеолит и неолит. – Л.: Наука, 1986. – С. 64–68.
- Демиденко Ю.Э.** Среднепалеолитические индустрии Восточного Крыма: интерпретации их различий // Археологический альманах. – 1996. – № 5. – С. 95–100.
- Деревянко А.П.** Переход от среднего к верхнему палеолиту на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3 (7). – С. 70–103.
- Деревянко А.П., Кривошапкина А.И., Анойкина А.А., Исламов У.И., Петрин В.Т., Сайфуллаев Б.К., Сулейманов Р.Х.** Ранний верхний палеолит Узбекистана: индустрия грота Оби-Рахмат (по материалам слоев 2–14) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 4 (8). – С. 42–63.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т.** Археология Малояломанской пещеры // Карст Алтае-Саянской горной области и сопредельных горных стран: Тез. докл. Всесоюз. науч.-практич. конф. “Проблемы горного природопользования” / Ин-т водных и экологических проблем. – Барнаул, 1989. – С. 6–19.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М.** Палеолитические комплексы стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Николаев С.В., Дергачева М.И., Феденева И.Н., Кривошапкина А.И., Чевалков Л.М.** Стоянка Кара-Тенеш – памятник начальной поры позднего палеолита // Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 205–288.
- Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П.** Характер перехода от мустье к позднему палеолиту на Алтае (по материалам стоянки Кара-Бом) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 2 (2). – С. 33–52.
- Деревянко А.П., Рыбин Е.П.** Древнейшее проявление символической деятельности древнего человека на Горном Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 27–50.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В.** Индустрия с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 16–42.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Колобова К.А., Петрин В.Т.** Основные приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 2–22.
- Деревянко А.П., Шуньков М.В., Агаджанян А.К., Барышников Г.Ф., Малаева Е.М., Ульянов В.А., Кулик Н.А., Постнов А.В., Анойкин А.А.** Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.
- Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Чаргынов Т.Т.** Скребки в среднепалеолитических комплексах стоянки Юташ-Сай (Кыргызстан) // Археология и палеоэкология Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – С. 117–137.
- Евтушенко А.И.** Караби-Тамчин – новая среднепалеолитическая стоянка крымского высокогорья // Вариативность среднего палеолита Украины. – Киев: Шлях, 2003. – С. 207–243.
- Кулик Н.А., Шуньков М.В.** Каменное сырье Тюменского комплекса палеолитических местонахождений // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – С. 136–139.
- Петрин В.Т., Шуньков М.В., Колобова К.А.** Особенности вторичной обработки каменных орудий мустьерских уровней стоянок Кара-Бом и Усть-Каракол-1 (Горный Алтай) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 166–172.
- Постнов А.В.** Метод леваллуазского расщепления, реконструированный на основе ремонта артефактов стоянки Усть-Каракол-1 (Горный Алтай) // Гуманитарные науки в Сибири. Сер.: Археология и этнография. – 1999. – № 3. – С. 16–20.

- Постнов А.В., Аношкин А.А., Кулик Н.А.** Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 18–30.
- Рыбин Е.П.** Начало верхнего палеолита на территории Южной Сибири (по материалам памятников кара-бомовского пласта): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1999. – 22 с.
- Рыбин Е.П.** Поведенческие стратегии и системы мобильности древнего человека на рубеже среднего и верхнего палеолита Горного Алтая (стоянка Кара-Бом) // Проблемы каменного века Средней и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 183–188.
- Шуныков М.В.** Археология и палеогеография палеолита Северо-Западного Алтая: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2001. – 54 с.
- Шуныков М.В., Колобова К.А.** Особенности вторичной обработки каменных орудий в индустриях Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – С. 202–217.
- Andrefsky W.Jr.** Raw-Material Availability and the Organization of Technology // *American Antiquity*. – 1994. – Vol. 59. – P. 21–35.
- Andrefsky W.Jr.** Lithics: Macroscopic Approaches to Analysis. – Cambridge: Cambridge University Press, 1998. – 258 p.
- Bamforth D.B.** Technological Efficiency and Tool Curation // *American Antiquity*. – 1986. – Vol. 51. – P. 38–50.
- Binford L.R.** Organization and Formation Processes: Looking at Curated Technologies // *J. of Anthropological Research*. – 1979. – Vol. 35. – P. 255–273.
- Blades B.S.** Aurignacian Lithic Economy: Ecological Perspectives from Southwestern France. – N.Y.: Kluwer Academic; Plenum Publishers, 2001. – 208 p.
- Bleed P.** The optimal Design of Hunting Weapons: Maintainability or Reliability // *American Antiquity*. – 1986. – Vol. 51. – P. 737–747.
- Chabai V.P., Marks A.E.** Preliminary Synthesis: Middle Paleolithic Assemblage Variability in Western Crimea // *The Paleolithic of Crimea. The Middle Paleolithic of Western Crimea* / Eds. A.E. Marks, V.P. Chabai. – Liège: Université de Liège, 1998. – Vol. 1. – P. 49–61. – (ERAUL; № 87).
- Dibble H.L.** Middle Paleolithic Scraper Reduction: Background, Clarification and Review of the Evidence to Date // *J. of Archaeological Method and Theory*. – 1995. – Vol. 2. – P. 299–368.
- Féblot-Augustias J.** Mobility Strategies in the Late Middle Palaeolithic of Central Europe and Western Europe: Elements of Stability and Variability // *J. of Anthropological Archaeology*. – 1993. – Vol. 12. – P. 211–265.
- Geneste J.-M.** Systèmes d'approvisionnement en matières premières au Paléolithique moyen et au Paléolithique supérieur en Aquitaine // *L'homme de Néandertal*. – Liège: Université de Liège, 1988. – T. 8: La Mutation. – P. 61–70. – (ERAUL; № 35).
- Gamble C.** *The Palaeolithic Societies of Europe*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1999. – 506 p.
- Goebel T.** The “Microblade Adaptation” and Recolonization of Siberia during the Late Upper Pleistocene // *Thinking small: global perspectives on microlithization* / Eds. R.G. Elston, S.L. Kuhn. – Arlington: American Anthropological Association, 2002. – P. 117–132. – (Archeological Papers of the American Anthropological Association; N 12).
- Goebel T.** The Early Upper Paleolithic of Siberia // *The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe* / Eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. – Berkeley: University of California Press, 2004. – P. 162–195.
- Henry D.O.** Correlation Between Reduction Strategies and Settlement Patterns // *Alternative Approaches to Lithic Analysis*. – Boulder.: Westview Press, 1989. – P. 139–212.
- Henry D.O.** *Prehistoric Cultural Ecology and Evolution: Insights from Southern Jordan*. – N.Y.; L.: Plenum Press, 1995. – 466 p.
- Kelly R.L.** The Three Sides of a Biface // *American Antiquity*. – 1988. – Vol. 53. – P. 717–734.
- Kelly R.L.** Mobility / Sedentism: Concepts, Archaeological Measures and Effects // *Annual Review of Anthropology*. – 1992. – Vol. 21. – P. 43–66.
- Kuhn S.L.** *Mousterian Lithic Technology: An Ecological Perspective*. – Princeton: Princeton University Press, 1995. – 209 p.
- Lieberman D.E., Shea J.J.** Behavioral Differences between Archaic and Modern Humans in the Levantine Mousterian // *American Anthropologist*. – 1994. – Vol. 96. – P. 300–332.
- Marks A.E.** The Middle to Upper Paleolithic Transition in the Southern Levant: Technological Change as an Adaptation to Increasing Mobility // *L'homme de Néandertal*. – Liège: Université de Liège, 1988. – T. 8: La Mutation. – P. 109–123. – (ERAUL; № 35).
- Rybin E.P.** Middle Paleolithic “Blade” Industries and the Middle-to-Upper-Paleolithic Transition in South Siberia: Migration or Regional Continuity? // *Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 5: The Middle Paleolithic*. – Oxford: Archaeopress, 2004. – P. 81–89. – (BAR International Series; N 1239).
- Rolland N.** The Interpretation of Middle Paleolithic Variability // *Man*. – 1981. – P. 15–42.
- Rolland N., Dibble H.L.** A New Synthesis of Middle Paleolithic Variability // *American Antiquity*. – 1990. – Vol. 55. – P. 480–499.
- Stiner M., Kuhn S.** Subsistence, Technology and Adaptive Variation in Middle Paleolithic Italy // *American Anthropologist*. – 1992. – Vol. 94. – P. 306–339.

Материал поступил в редколлегию 26.06.04 г.

ДИСКУССИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА

УДК 903.27

Р. Беднарик

*Международная федерация организаций по изучению наскального искусства, Австралия
International Federation of Rock Art Organizations (IFRAO)
PO Box 216 Caulfield South, Vic. 3162, Australia
E-mail: ifrao@hotmail.com*

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДАННЫХ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ИСКУССТВА

Введение

На протяжении большей части XX в. вопрос о происхождении искусства обсуждался лишь на материалах Европы, главным образом Юго-Западной (мобильное и наскальное искусство предположительно эпохи верхнего палеолита). Весьма древние его формы с других континентов рассматривались очень поверхностно, а многими авторами и вовсе не принимались во внимание. Это привело к ошибочным моделям происхождения языка, самосознания и когнитивной способности человека.

В последнее время стали подвергать сомнению достоверность большей части данных, касающихся наскального искусства Европы эпохи верхнего палеолита. Основными факторами сегодняшнего кризиса в исследовании палеолитического изобразительного творчества, вероятно, являются следующие:

1) результаты традиционного датирования по стилистическим особенностям во многих случаях опровергнуты естественно-научными методами, в частности, достоверные даты, полученные для живописи из пещеры Шове [Clottes et al., 1995], делают несостоятельными все хронологические схемы, построенные на анализе стиля, в т.ч. А. Брейля и А. Леруа-Гурана;

2) поставлены под вопрос и сами стилистические параметры, в особенности их корреляция с упрощенными взглядами на традиции изготовления каменных орудий;

3) сомнительна идентификация изображенных объектов, включая и фигуры животных, доказана ее ненаучность и субъективность (ее нельзя проверить посредством логики К.Р. Поппера);

4) новая тафономическая теория [Bednarik, 1994a] привела к существенно иным трактовкам большинства имеющихся фактов;

5) неоднократно указывалось на значительные лакуны в наших знаниях;

6) проблемы подделок и ошибочных археологических идентификаций продолжают затруднять исследование палеоискусства, особенно Западной Европы [Bednarik, 1994б];

7) крайняя неравномерность в изученности палеоискусства различных географических регионов на протяжении прошлого столетия делает существующие данные беспорядочными и основывающиеся на них многие гипотезы несостоятельными;

8) отнесение наскального искусства голоцена по всей Евразии к эпохе плейстоцена указывает на серьезные проблемы с палеолитической атрибуцией петроглифов.

Избирательность в том, что рассматривать, а что нет, довольно очевидные проблемы датирования, недостоверность стилистических оценок любого вида древних наскальных изображений и тафономическая безграмотность показывают несостоятельность археологических исследований палеоискусства в XX в.

Согласно все еще доминирующей модели происхождения искусства, оно появилось на юго-западе Европы ок. 32 тыс. л.н., возможно, одновременно

с членораздельной речью и моделью поведения человека современного типа. В течение многих лет я выступал против этой модели. Наиболее непреклонными противниками гипотезы о доверхнепалеолитическом искусстве являются ученые, настаивающие на очень позднем появлении языка, а также сторонники теории “африканской Евы”. После указания мною на то, что достигшие Австралии по меньшей мере 60 тыс. л.н. мореплаватели эпохи среднего палеолита, вероятно, имели язык, без которого невозможно успешная навигация, мои оппоненты согласились с этим и видоизменили свою гипотезу: теперь первая высадка на берег Австралии стала самым ранним доказательством использования языка. Но подобное лишь демонстрирует их неосведомленность, поскольку мы уже 40 лет знаем, что *Homo erectus* неоднократно пересекали море много сотен тысячелетий назад [Bednarik, 1997a]. Эти данные публиковались в серии работ (ок. 10) между 1958 и 1972 г., но до 1995 г. они оставались неизвестными англоговорящему миру. Согласно критериям моих оппонентов, членораздельная речь появилась по меньшей мере 840 тыс. л.н.

Неосведомленностью объясняются и утверждения о том, что появление языка совпадает с началом верхнего палеолита в Европе или же что искусство не существовало до 32 тыс. л.н. По мнению многих исследователей, мы имеем лишь несколько человеческих захоронений и редкое использование охры, указывающие на более раннюю поведенческую модель, включающую деятельность неутилитарного характера. Ошибочны также утверждения, что личные украшения (бусы и подвески), гарпуны с зубринами, подземная добыча сырья или использование красящих веществ являются инновацией верхнего палеолита.

Я описал сотни случаев обратных свидетельств и поэтому здесь представлю лишь краткий обзор некоторых ключевых находок и обращусь к эпохе нижнего палеолита. Применение охры и гематита ориентировочно восходит к 800 тыс. л.н. и уже вполне обычно к 300 тыс. л.н. на трех занимаемых в то время гоминидами континентах, в т.ч. и использование кусочков наподобие мелка, с помощью которых делались отметки на поверхности камня. Близкого возраста и коллекция кристаллов кварца, отпечатков окаменелостей и других экзотических объектов, фиксируемых на протяжении всего плейстоцена. Самые древние известные протофигурки [Bednarik, 2003a], видоизмененный камень кварцита из Марокко и модифицированная галька вулканического шлака из Израиля также относятся к преобладавшей в то время ашельской традиции каменных орудий и датируются в интервале 500–233 тыс. л.н. С ашелем связаны и самые ранние петроглифы, преимущественно

представленные чашевидными углублениями, эта традиция продолжает свое существование на протяжении последующего мустье [Bednarik, 1995]. Около 300 тыс. л.н. появляются первые известные нам образцы мобильного искусства – фрагменты костей исчезнувших животных и каменные бляшки с насечками. Самые ранние предметы с отверстиями, предположительно используемые в качестве подвесок, оказывается, также имеют возраст несколько сотен тысяч лет, и в последующие периоды их количество неуклонно растет. Например, бусины из скорлупы яиц страуса, датируемые временем ок. 200 тыс. л.н., были обнаружены в результате раскопок памятника ашельской культуры в Сахаре, и еще более древние бусины из окаменелостей встречаются по меньшей мере в трех странах [Bednarik, 2003б].

Появление бусин свидетельствует о социальном контексте, в котором символизм имеет вполне определенные функции. Никто бы серьезно не рассматривал точку зрения, что постоянно изготавливаемые маленькие круглые перфорированные в центре изделия из скорлупы яиц страуса являлись не “декоративными” бусинами, а чем-либо иным (каково же еще могло быть их действительное назначение и применение?) или что клыки животных с проделанным у корня отверстием использовались в качестве крюков либо грузиков.

Объекты такого рода могут много сказать нам о технологических навыках сделавших их людей. Например, и бусины, и подвески предполагают наличие какой-либо нити: без нее совершенно бессмысленно браться за очень сложный процесс перфорирования зуба. Более того, требуется использование узлов, без которых почти невозможно соединить концы нити, поэтому из существования бусин и подвесок мы обоснованно можем сделать вывод о применении веревки и узлов. Мореплавание также предполагает использование канатно-веревочных изделий, а оно значительно предшествует появлению подвесок.

Возможно, самый важный вывод, который позволяют нам сделать такие предметы, как бусины и подвески, соотносится с необходимой для них культурной системой. Независимо от того, являются ли бусины маркерами личной или этнической идентичности, социального или политического статуса, они передают сложную символическую или социальную информацию об их владельце, а подразумеваемый контекст был бы невозможен без использования языка как системы коммуникации. Мы имеем и множество других свидетельств его вероятного использования в период нижнего и среднего палеолита (например, иные формы символической деятельности или успешная навигация по океану). Все это ставит под сомнение преобладающую до настоящего времени модель когнитивной эволюции.

Тафономическая логика

Понятие тафономии как раздела палеонтологии, изучающего процессы захоронения остатков ископаемых животных и растений, в 1940 г. ввел русский палеонтолог И.А. Ефремов [Efremov, 1940]. Привлечение тафономии к археологическим исследованиям началось в 1980-х гг., но остается ограниченным. В сфере изучения наскального искусства это привело к развитию основанной на идее тафономии аксиоматической формы логики, получившей название “тафономическая логика” [Bednarik, 1994a].

Вполне очевидно, что дисковидные бусины, сделанные из скорлупы яиц страуса, являются артефактами, которые не создавались в очень малом количестве каким-либо одним из сообществ. Их роль всегда была неутилитарной – идеологической или символической. Поэтому они изготавливались в больших количествах, поскольку обычно именно многократное использование придает символическим артефактам социальное значение. Однако имеющееся реальное количество среднепалеолитических бусин (всего несколько сотен) все еще незначительно, и находки не связаны между собой географически, поэтому необоснованно интерпретировать их, не обращаясь к тафономии.

Это приводит нас к вопросу первостепенной важности, без которого интерпретация самых ранних образцов палеоискусства становится бесполезной. Ни одно археологическое событие не может иметь вероятность сохранения 0 или 100 %. Это устанавливает понятие времени тафономического запаздывания, которое определяет временной промежуток между моментом возникновения явления и периодом его повторяющегося присутствия в т.н. археологических данных. Время тафономического запаздывания может колебаться от менее 1 до более 99 % продолжительности существования того или иного явления, в зависимости от типа сохраняющихся остатков. Так, для деревянных объектов оно гораздо больше, чем для каменных. Однако ни при каких условиях тафономический порог (момент, с которого изучаемое явление становится частым) не может совпадать с моментом первого появления данного феномена.

Для большинства археологических фактов время тафономического запаздывания очень значительно. К примеру, в случае с судами оно составляет ок. 99 % реальной продолжительности существования явления. У нас нет материальных свидетельств использования судов ранее 9 тыс. л.н. (Стар Карр (Star Carr), Хольмгард (Holmgaard) – 9 000 л.н., Пессе (Pesse) – 8 020 л.н.). Для периода 8–6 тыс. л.н. их уже достаточно много, а после 6 тыс. л.н. мы, ко-

нечно же, имеем египетские и другие материалы. Таким образом, хронологическое распределение будет иметь форму классической параболической кривой, как того и требует тафономическая логика [Bednarik, 1994a, fig. 2]. Тафономический порог приходится на ранний голоцен. Однако у нас имеются неоспоримые данные о нескольких случаях пересечения моря, как минимум, 840 тыс. л.н. Это классический пример чрезвычайно длительного времени запаздывания.

Наскальная живопись становится распространенной по всему миру в самом конце плейстоцена или самом начале голоцена (в зависимости от региональных различий в литологии и климате), особенно с приходом в Евразию мезолитических технологий. Все сохранившиеся наиболее ранние изобразительные материалы являются счастливой случайностью, они не исчезли лишь в силу исключительных условий (например, благодаря местоположению в глубоких пещерах или кремнесодержащей защитной оболочке). Именно здесь возникает необходимость в поиске тафономического порога, и поскольку наскальная живопись имеет очень значительное время тафономического запаздывания, нам следует предположить, что краски или сухие красящие вещества впервые были использованы, вероятно, задолго до эпохи верхнего палеолита. Статистические и логические инструменты для квантификации этой теории довольно сложны, но их применимость была доказана математически [Ibid.].

Вероятно, петроглифы имеют менее длительное время тафономического запаздывания, и значительное их количество также, очевидно, появляется раньше. Самый большой массив палеолитических наскальных изображений находится в Австралии и всецело относится к традиции среднего палеолита [Foley, Lahr, 1997]. Среди незначительного числа образцов наскального искусства, датированных ранее соответствующего тафономического порога, петроглифы явно преобладают и свидетельствуют о существовании известного наскального искусства в мире ранее ориентировочно 32 тыс. л.н.

Палеоискусство появилось несколько сотен тысяч лет назад. Тафономическая логика требует, чтобы на протяжении большей части периода его существования проявлялись лишь очень редкие, обособленные и не связанные между собой по месту и времени свидетельства, и именно это мы имеем исходя из фактов. Нелогичное объяснение некоторых археологов, что “неожиданно ранние” находки указывают на “опережение” с точки зрения когнитивной и технологической эволюции [Vishnyatsky, 1994], возможно, является самой большой теоретической ошибкой, когда-либо допускаемой в археологии плейстоцена.

Искусство нижнего палеолита

Искусство нижнего палеолита было обнаружено уже более 150 л.н. и остается совсем непринятым во внимание, неверно истолкованным или, как минимум, спорным. Имеющиеся на сегодня достоверные данные о символичности и неутилитарном характере поведения человека этой эпохи кратко представлены ниже. Материальные свидетельства такого рода называют палеоискусством; является ли оно искусством в принятой на сегодняшний день терминологии, в данном случае не имеет значения. Главное то, что такие материалы являются решающими в оценке когнитивного и интеллектуального статуса гоминидов рассматриваемой эпохи. Их легко можно разделить на несколько групп: образцы мобильного искусства с отверстиями, вероятно использовавшиеся в качестве бусин или подвесок, петроглифы, свидетельства использования красящих веществ, статуэтки, гравировки на предметах малых форм и объекты, не имеющие следов видоизменения человеком, очевидно хранившиеся по причине некоторой выдающейся особенности (манупорты).

Образцы палеоискусства, относящиеся к столь раннему времени, все еще крайне редки, и среди указанных в качестве таковых есть и имеющие неопределенный статус или же справедливо опровергнутые. Представленные ниже материалы отобраны из большого массива описанных находок и включают экземпляры, либо являющиеся неопровержимыми примерами символизма, либо имеющие настолько убедительный вид, что заслуживают серьезного рассмотрения в данном контексте. Я лично изучил множество наиболее значимых свидетельств, и упоминание их здесь говорит о том, что в результате тщательного анализа их достоверность признана мною.

Бусины и подвески

Как известно, существование палеолитической культуры впервые было продемонстрировано Ж. Буше де Перт (1788–1868). Но вскоре забыли, что наряду с “рубилками” и костями животных в Аббевилле и Сэнт-Ашеле он и М.-Ж. Риголло обнаружили и большое количество окаменелых фрагментов губок (*Coscinopora globularis*) с отверстиями в центре, может быть являвшихся манупортами [Boucher de Perthes, 1846]. Риголло считал, что их использовали в качестве бусин (см.: [Prestwich, 1859, p. 52]), тогда как Дж. Прествич, также нашедший несколько экземпляров, не пришел к какому-либо выводу, однако указал, что некоторые отверстия оказались искусственно увеличенными. Поскольку эти находки не привлекли особого внимания, о них забыли, пока В.Г. Смит [Smith, 1894, p. 272–276] не обнаружил ок. 200 иден-

тичных образцов (имеющих искусственное увеличение естественного отверстия) во время раскопок ашельского памятника в Бедфорде (Англия). По мнению исследователя, их использовали в качестве бусин, что с учетом аналогичных французских находок, относящихся к тому же периоду, действительно вероятно. Л. Кили [Keeley, 1980; p. 164] изучил несколько английских образцов и подтвердил: их несколько видоизмененные отверстия не вызывают сомнения. Н. Горен-Инбар [Goren-Inbar, Lewy, Kislev, 1991] обнаружил подобные дискообразные окаменелости с отверстиями при раскопках ашельского памятника Гешер Яков (Gesher Ya'aqov) в Израиле, правда, они являются сегментами морских лилий (*Millericrinus* sp.) и следов видоизменения не отмечено. Мною было проведено микроскопическое исследование 325 французских и английских шарообразных образцов *Coscinopora globularis**, которое показало, что большее их число имеет значительные видоизменения, а вокруг отверстий у многих есть отчетливые следы изношенности, указывающие на ношение предметов нанизанными на шнурок в течение длительного времени. Поэтому я считаю их функциональный статус бусин достоверно установленным (рис. 1).

Мой вывод подтверждается и обнаружением дисковидных бусин, изготовленных из скорлупы яиц страуса, на памятнике позднего ашеля Эль-Грейфа (El Greifa) в Ливии [Ziegert, 1995; Bednarik, 19976]. Согласно результатам Th/U-датирования и другим данным, им ок. 200 тыс. лет, и мои эксперименты по воспроизведению процесса изготовления этих бусин показали, что он весьма сложный. Сначала были найдены лишь три поврежденных экземпляра, но позднее появились еще. Кроме того, не вызывает сомнения подлинность двух подвесок из пещеры Реполуст (Repolust) в Штирии (Австрия) [Bednarik, 1992, 19976], отверстия в которых, несомненно, сделаны человеком, но этим находкам [Mottl, 1951] не придали никакого значения. Резец волка с просверленным отверстием (рис. 2) и сделанный путем скальвания костяной наконечник были найдены вместе с большим комплексом каменных изделий, описываемым по-разному: как леваллуазский, тейякский и клетонский, вероятно, поздней нижнепалеолитической индустрии. Он находился значительно ниже ориньякского слоя, будучи отделенным от него мощными обломочными отложениями. Для указанного памятника нет достоверных дат, но согласно палеонтологическим данным (в особенности филогенезу медведей), этот горизонт, вероятно, имеет возраст порядка 300 тыс. лет.

* С 1840-х гг. их идентифицировали неверно, все они представляют вид *Porosphaera* PHILLIPS 1829, разновидность губки мелового периода [Bednarik, in press (a)].

Рис. 1. Бусины из фрагментов окаменелых губок, относящиеся к ашелю. Бидденхам (Biddenham) в Бедфорде, Англия.

Петроглифы

Если некоторые (хотя, конечно, не все) похожие на бусины находки могут иметь альтернативные интерпретации или даже трактоваться как не связанные с деятельностью человека, то антропогенное происхождение петроглифов уже доказано. Среднепалеолитические наскальные изображения – обычное явление, фактически их даже больше, чем верхнепалеолитических [Bednarik, 1995, p. 628]. Количество петроглифов, несомненно относящихся к нижнему палеолиту, остается довольно небольшим, но следует помнить, что почти все они обнаружены в последнее десятилетие.

Первые отнесенные к ашелю образцы наскального искусства – 11 петроглифов из пещеры “Амфитеатр” (Auditorium) комплекса Бхимбетка (Bhimbetka) в индийском штате Мадха Прадеш [Bednarik, 1993a, 1994b]. Девять чашеобразных углублений (лунок) располагались на возвышающейся над поверхностью земли части крупного валуна, тогда как десятая лунка и меандрический желобок, очевидно связанный с ней, были обнаружены при раскопках, они находились в самой верхней части мощного культурного горизонта позднего ашеля, перекрытой сильно карбонатистыми среднепалеолитическими отложениями, что практически исключает возможность постдепозиционных нарушений. Пещера сформирована в сильно метаморфизованном кварците – очень твердой породе. Ее использование в качестве сырья для изготовления орудий фиксируется на нескольких памятниках комплекса Бхимбетка. Еще в одной индийской пещере в кварците Дараки-Хаттан (Daraki-Chattan) обнаружили две вертикальные плоскости, густо покрытые 498 лунками [Kumar, 1996]. Поскольку каменные орудия, без сомнения относящиеся к среднему палеолиту и ашелю, были найдены на поверхности пола пещеры, эти чашеобразные углубления, вероятно, также очень древние (рис. 3). Два других памятника с лунками – в Раджастане на открытых

Рис. 2. Резец волка с просверленным у корня отверстием. Пещера Реполуст (Repolust Cave), Австрия.

Рис. 3. Чашеобразные углубления на вертикальной плоскости кварцита, относящиеся к ашелю. Пещера Дараки-Хаттан (Daraki-Chattan Cave), Индия.

валунах и в нише в кварците – также предположительно очень древние, хотя здесь доказательства остаются косвенными [Kumar, Sharma, 1995]. В связи с этими находками мною был предложен проект по изучению ранних индийских петроглифов (EIP) международной группой экспертов [Bednarik, 2000, 2001a; Kumar et al., 2003]. В рамках проекта в 2002 г. начались крупные раскопки на объектах Бхимбетка

и Дараки-Хаттан. В результате на последнем в пределах палеолитического горизонта были найдены многочисленные отслоившиеся фрагменты стены. На этих каменных плитах в общей сложности ок. 20 лунок, идентичных обнаруженным на стенах, и поскольку раскопки не завершены, мы предполагаем, что будут и еще. Каменные орудия, характеризующиеся чертами индустрий нижнего и среднего палеолита, найдены в тех же и вышележащих слоях, не имеющих постдепозиционных нарушений. OSL-датирование отложений в Дараки-Хаттан и на двух памятниках комплекса Бхимбетка еще не закончено.

Необходимо также обратить внимание и на три находки в южной части Африки. Во-первых, это фоновитовая галька со стоянки FLK-N1 с уровня 1 ущелья Олдувай [Leakey M.D., 1971, p. 269, pl. 17], имеющая выбитые углубления, по одному с каждой стороны (рис. 4). Ее возраст оценивается временем перехода от плиоцена к плейстоцену, что, возможно, исключает принадлежность этой гальки к объектам палеоискусства, и, может быть, она имела утилитарное назначение. Тем не менее не следует априорно отбрасывать вероятность того, что лунки на ней являются ранними формами чашеобразных углублений.

Вторая находка из того же региона, которую необходимо упомянуть здесь, – терочный камень, относящийся к индустрии фаурсмит и имеющий частично выбитый решетчатый узор. Его обнаружил П.В. Лейдлер [Laidler, 1933] в устье р. Блайнд (Blind River) в Ист-Лондоне (ЮАР). Фаурсмит с мелкими, хорошо изготовленными рубилами – это индустрия позднего ашеля внутренней области Южной Африки, и П. Бомон (устное сообщение) считает, что возраст комплекса с таким объектом порядка 400 тыс. лет.

В 2001 г. П. Бомон (устное сообщение) обнаружил ряд древних памятников с чашеобразными углублениями в области Кораннаберг (Korannaberg) в южной части Калахари. Подобно очень ранним индийским лункам, они были сделаны на очень твердом кварците.

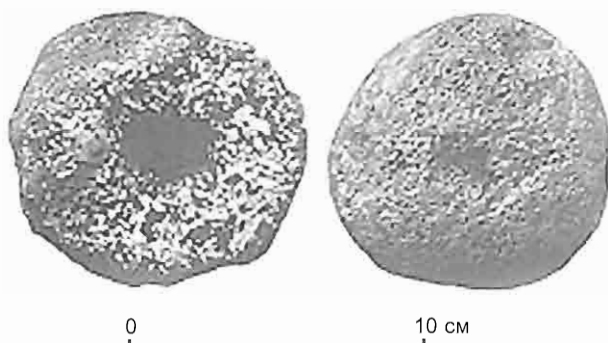

Рис. 4. Галька из ущелья Олдувай, имеющая чашеобразные углубления с обеих сторон (по: [Leakey M.D., 1971]).

Из этого материала изготовлена и большая часть найденных там каменных орудий. Артефакты относятся к среднему палеолиту (более 120 тыс. л.н.), фаурсми-ту (более 400 тыс. л.н.) и ашелю (еще старше). Находку П. Бомона еще необходимо подробно изучать, и она, без сомнения, заслуживает внимания в контексте очень раннего наскального искусства.

Использование красящих веществ

Нижнепалеолитические петроглифы все-таки довольно редкое явление, а свидетельства использования окислов и гидроокисей железа предположительно в качестве красящего вещества обнаружены на многих памятниках Старого Света. Кусочки гематита и подобных минералов с бороздчатыми следами утилизации известны по нескольким стоянкам нижнего палеолита в различных частях Африки, Европы и Индии [Bednarik, 1992, 1994г].

В пещере Вондерверк в Южной Африке многочисленные куски охры встречаются на всех уровнях вплоть до скального основания, самые нижние из которых, вероятно, относятся к ранней стадии среднего плейстоцена [Imbrie et al., 1984; Beaumont, 1990, 1999; Binneman, Beaumont, 1992; Bednarik, 1994б]. Более древними являются два куса “охры”, найденные на стоянке ВК-2 в ущелье Олдувай с развитой олдувайской индустрией [Leakey L.S., 1985], но впоследствии они были идентифицированы как красный вулканический туф [Oakley, 1981, p. 207], и следовательно, это спорное свидетельство. Кусок гематита из пещеры Кабве возле Брокен-Хилл в Замбии, вероятно, имеет возраст порядка 300 тыс. лет, следует обратить внимание и на сфероидальный камень с красными пятнами с того же памятника [Clark et al., 1947]. Дж. Д. Кларк также предоставляет факты использования красящих веществ на ашельской стоянке Каламбо-Фоллз в Замбии, имеющей возраст ок. 200 тыс. лет [Clark, 1974]. Несколько старше более поздняя находка – явно потертый кусок гематита из Нуитгедахта (Nooitgedacht) в Южной Африке [Guide..., 1990]. Также следует упомянуть следы красной краски на фигурке Тан-Тан из Марокко, несмотря на их микроскопические размеры. Имея возраст ок. 400 тыс. лет, они являются самыми ранними из известных на сегодня свидетельств использования красящих веществ [Bednarik, 2001б, 2003а].

Все это отдельные случайные находки, тогда как более поздние среднепалеолитические памятники Южной Африки давно демонстрируют присутствие значительного количества железистого красителя, в т.ч. и вполне убедительные свидетельства его добычи [Stapleton, Hewitt, 1928; Beaumont, Boshier, 1972; Beaumont, 1973; Miller et al., 1999; Grün, Beaumont, 2001; Henshilwood et al., 2001, 2002]. Однако в после-

днее время сильно увеличилось количество подобного материала периода нижнего палеолита. Он включает более 70 кусков красной охры, в т.ч. со следами утилизации в виде фасеток с бороздками, общим весом свыше 5 кг с памятника GnJh-15 в формации Каптурин в Кении, возраст которых больше 285 тыс. лет. [McBrearty, 2001, p. 92]. Более 300 кусков спекулярита, гематита, лимонита, охристого песчаника и двуокиси марганца, датированных в интервале 270–170 тыс. л.н., было обнаружено при раскопках у Туинс Риверс (Twins Rivers) в Замбии [Barham, 2002]. Особенно значимо то, что 3 % материала имеет следы дробления или затирания. Это подтверждает использование железистого красно-коричневого красителя в период нижнего палеолита, впервые зафиксированное А. Маршакком [Marshack, 1981] в Европе и мною – в Азии. А. Маршак описал 33-миллиметровый кусочек гематита с бороздками на двух гранях, обнаруженный в ашельском слое памятника Бечов в Чехии. Пол около находки был покрыт измельченными частицами этого минерала, что говорит об активном изготовлении здесь красящего порошка. Из примерно 20 кусочков гематита, найденных в ашельском слое на стоянке Хунгси (Hungsi) в Индии, один образец размером 20 мм имеет отчетливую грань с субпараллельными бороздками, указывающими на использование его в качестве мелка для окрашивания поверхности камня [Bednarik, 1990]. Нам не известно, как могли выглядеть эти цветные следы, но то, что они были сделаны, увеличивает возможность существования некоей формы цветного наскального изображения. Ранее опубликованные материалы некоторых ашельских памятников Европы также включали предполагаемые свидетельства использования охры. На стоянке Терра Амата во Франции среди 75 кусков красного, коричневого и желтого обожженного лимонита, залежавших в слое, возраст которого ок. 380 тыс. лет, отмечено несколько очевидно фасетированных [Lumley, 1966]. Оформленная пластина охры была найдена в ашельском слое стоянки Амброн в Испании [Howell, 1966, p. 129], а “потертый” кусок гематита с памятника Ашенхейм (Achenheim) во Франции, по всей вероятности, имеет возраст ок. 250 тыс. лет [Thévenin, 1976].

Вышперечисленные находки указывают, что красители использовались в Южной Африке на протяжении большей части, а то и всего периода среднего палеолита, а на территории Старого Света – по крайней мере, большую часть второй половины этого периода. Красящие вещества могут использоваться для раскраски тела, окрашивания предметов (как показывает фигурка Тан-Тан) или нанесения изображений на каменные поверхности. Все эти занятия предполагают сложные виды культурной деятельности и, вероятно, использование символизма.

Протофигурки

Существование фигурок в эпоху нижнего палеолита недавно серьезно рассматривалось, и на сегодняшний день у нас есть всего два образца, имеющих право называться статуэтками, для чего необходимо, чтобы фигурка не просто напоминала представляемый ею объект, а имела следы видоизменения человеком с целью подчеркивания этого сходства.

При раскопках мощного позднеашельского горизонта на стоянке Берехат-Рам (Израиль) была обнаружена галька базальтового туфа с включениями вулканического шлака, имеющая возраст более 230 тыс. лет [Goren-Inbar, 1985]. Ее естественные очертания, напоминающие голову, торс и руки женщины, усилены сделанными человеком желобками. Это указывает на то, что антропоморфные черты объекта были замечены и оценены [Goren-Inbar, 1986; Goren-Inbar, Peltz, 1995]. В последующие годы большинство авторов оставили без внимания данную находку, даже не изучив ее [Chase, Dibble, 1987; Davidson, 1990; Pelcin, 1994; Noble, Davidson, 1996; Davidson, Noble, 1998]. Проведенное микроскопическое исследование [Marshack, 1996, 1997] привело к заключению, что желобки и затертости были сделаны посредством каменных орудий. Это также подтвердили Ф. д’Эррико и А. Новелл [d’Errico, Nowell, 2000]. Они признали статус артефакта указанного объекта, но, несмотря на то что назвали его статуэткой, все-таки высказали сомнения относительно выразительности антропоморфных черт.

Вторая каменная статуэтка была найдена на памятнике Тан-Тан в Марокко. Объект из кварцита залегал в горизонте, относящемся по типологии каменного инвентаря к среднему ашелю, который ориентировочно датирован ок. 400 тыс. л.н. [Bednarik, 2001b, 2003a]. Антропоморфные очертания фигурки еще более ярко выражены, чем у находки из Израиля, и усилены восемью желобками (рис. 5), пять из них были видоизменены человеком. Кроме того, микроскопические следы ярко-красного красителя, вероятно, указывают на то, что статуэтка когда-то была покрыта красной краской.

Гравировки

Археологическое сообщество все еще не имеет однозначного мнения относительно статуса нескольких гравированных объектов эпохи нижнего палеолита. Больше всего их найдено на крупном (площадь раскопок более 1000 м²) памятнике гольштейнского межледниковья Бильцингслебен (Bilzingsleben) в Германии [Mania D., 1991]. Здесь была обнаружена не включающая бифасы индустрия (орудийный набор ок. 100 тыс. единиц) вместе с многочисленными скелетными

Рис. 5. Статуэтка из кварцита, относящаяся к среднему ашелю. Тан-Тан, Марокко.

остатками *Homo erectus* либо массивных архаичных сапиеноидов (учитывая дату – ок. 300 тыс. лет – скорее последнее). На этой озерной стоянке найдены шесть явно гравированных фрагментов костей, главным образом принадлежащих лесному слону, и одна гравировка на плите кварцита [Mania D., Mania U., 1988; Bednarik, 1988, 1993b, 1995]. Общепризнано, что желобки на данных объектах сделаны острыми концами костяных орудий, но некоторые исследователи истолковали их как случайные следы утилитарной деятельности. Однако D-образная отметка на каменной плите демонстрирует многократное приложение орудия для придания более совершенной формы сложному изогнутому участку. Поскольку большинство других гравировок представляет собой просто группы линейных желобков, был проведен лазерномикроскопический анализ четырех фрагментов костей, который показал, что эти желобки не случайные [Steguweit, 1999]. Пять из субпараллельных желобков на костяном изделии № 3 были сделаны одним и тем же каменным орудием [Bednarik, 1988], а прямоугольное изображение на плюсневой кости слона слишком сложное, чтобы считать его случай-

ным [Bednarik, 1995, p. 609]. Более того, оно напоминает выгравированный прямоугольный узор на плите гематита, имеющей возраст 77 тыс. лет, из пещеры Бломбос [d'Errico, Henshil-Wood, Nilssen, 2001] и даже схоже с верхнепалеолитическими находками. Эти и другие факты опровергают отнесение данных отметок к следам утилитарных действий. И наконец, один из трех гравированных фрагментов кости из карьера Олдислебен-1 в Тюрингии (Германия), найденных с индустрией микок и ээмским фаунистическим комплексом [Bednarik, in press (б)], имеет отметки, почти такие же, как на образце № 1 из Бильцингслебена: на фрагменте лопатки две, бесспорно, не случайно сделанные группы выгравированных параллельных линий (всего их ок. 20), расположенных таким же образом, как и на изделии из Бильцингслебена (рис. 6). Эти и другие постоянные черты, обнаруживаемые на самых ранних известных образцах палеоискусства, указывают, что даже в столь отдаленные времена уже существовали условности, которые можно определить как “традиции” [Bednarik, 1995; Hodgson, 2000].

Статус подобным образом отмеченной кости слона из Странска-Скала (Чехия) – еще с одного места обитания гоминидов в Центральной Европе [Valoch, 1987] – следует прояснить, хотя по характеру отметок она действительно напоминает другие более ранние находки. Линии на фрагменте ребра быка времен ашеля с Пеш-дель-Азе (Франция) [Bordes, 1969; Marshack, 1977], по всей вероятности, являются естественным явлением. А антропогенное происхождение десяти коротких нарезок вдоль края фрагмента кости с памятника ашеля Сэнт-Анн I во Франции кажется очевидным [Crémades, 1996]. Фрагмент бивня мамонта с памятника Вюлен (Whylen) близ Лёгрраха (Lötgach, Германия) имеет ряд из ок. 20 коротких наклонных выемок, интервалы между ними настолько равные, что эти выемки кажутся условными обозначениями [Moog, 1939] (рис. 7). Поскольку фрагмент бивня был обнаружен в лессовых отложениях периода рисса, то, возможно, он того же возраста, что и кость лошади со схожими отметками из Полиньяка (Верхняя

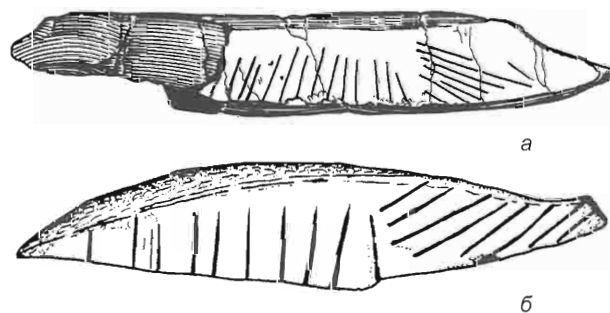

Рис. 6. Гравированные фрагменты кости из Германии. а – нижний палеолит, Бильцингслебен; б – микок, Олдислебен-1.

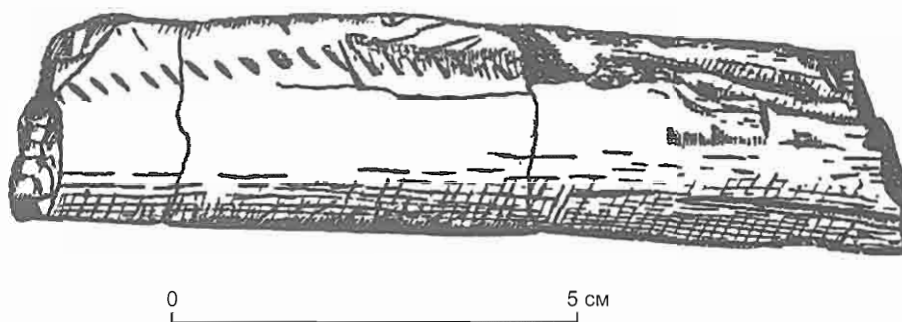

Рис. 7. Фрагмент бивня слона периода ресса, имеющий ряд выгравированных выемок, Вюлен (Whylen), Германия.

Луара, Франция), относящаяся к финальной стадии нижнего палеолита. Наконец, в пещере Вондерверк (Wonderwerk) в Южной Африке найдены два фрагмента полосчатого железняка, имеющие группы изогнутых субпараллельных линий, сделанных каменными орудиями. Они относятся к позднему фаурсмицу, датированному в интервале 420–260 тыс. л.н. [Imbrie et al., 1984], и, следовательно, хронологически близки находкам из Бильцингслебена.

Имея в своем распоряжении около дюжины достоверных образцов мобильного искусства, мы должны признать, что количество гравировок нижнего палеолита остается незначительным. Но сходство этих находок, особенно использовавшихся способов нанесения отметок [Bednarik, 1995; Hodgson, 2000], требует их серьезного рассмотрения. Есть характерные признаки: отметки, несомненно сделанные посредством каменных орудий, зависят в большинстве случаев от формы грани. Почти все образцы демонстрируют продуманное расположение отдельных отметок, к тому же имеются и другие свидетельства, указывающие на целенаправленные действия. Учитывая, что достоверно доказано использование красящих материалов со времен конечной поры нижнего палеолита, а в некоторых случаях нанесение цветными мелкими отметками на поверхностях камня одним движением, вполне разумно предположить, что подобные отметки пытались сделать и путем трения или высекания. Такое действие широко использовалось в утилитарной технологии того времени, о чем свидетельствуют деревянные артефакты.

Манупорты

Невидоизмененные предметы, которые люди современного типа или гоминиды собирали, переносили с собой и хранили, могут быть зафиксированы в горизонтах обитания, где их присутствие нельзя объяснить естественными причинами. Отличительной чертой манупортов является наличие некоторых выдающих-

ся качеств, что предположительно и стало причиной их приобретения. Собираемые причудливых предметов свойственно не только гоминидам, подобное наблюдается, например, у птиц.

Наиболее ранний манупорт датируется самым началом филогенеза гоминидов, ок. 3 млн л.н. До недавнего времени его приписывали *Australopithecus africanus*, но с обнаружением *Kenyanthropus platyops* (3,5 млн л.н.) появился еще один возможный вариант. Крупная галька яшмы из Макапангата была найдена в 1925 г. при раскопках содержащей окаменелости и костные остатки представителей рода австралопитеков брекчии 3 в доломитовой пещере Лаймуорк (Limeworks) в долине Макапан (Южная Африка) [Eitzman, 1958; Dart, 1974]. Ее историю восстановили путем микроскопического исследования поверхности [Bednarik, 1998]. Отличительные отметки на гальке, особенно наиболее выразительные “глаза” и “рот” (рис. 8), вероятно, явились причиной того, что ее подобрали на расстоянии, как минимум, нескольких километров от места обитания австралопитеков или каких-либо других, еще более ранних гоминидов. Эта находка остается совершенно уникальной. Более распространенный вид манупортов на ранних стоянках – кристаллы горного хрусталя призматической формы. Они иногда настолько малы, что просто не могли иметь какое-либо утилитарное назначение, вероятно, их очевидные внешние качества привлекали внимание. Горный хрусталь призматической формы встречается во всех ашельских горизонтах обитания пещеры Вондерверк (Wonderwerk), самый нижний из которых предположительно имеет возраст ок. 800–900 тыс. лет (устное сообщение П. Бомона). На стоянке времен нижнего ашеля Синги Талав (Singi Talav) в Индии зафиксировано шесть цельных невидоизмененных кристаллов кварца в форме призмы (их длина от 7 до 25 мм). Они отличаются минералогически, что указывает на происхождение с разных мест, вероятно, их принесли независимо друг от друга [d’Errico, Gaillard, Misra, 1989]. Кристаллы кварца еще меньшего размера были найдены в ашельском слое при раскопках

Рис. 8. Плиоценовая галька яшмы, манупорт. Макапансгат, Южная Африка.

на стоянке Гешер Бенот Яаков (Gesher Benot Ya'akov), в Израиле [Goren-Inbar, Lewy, Kislav, 1991]. На китайском памятнике Чжоукоудянь обнаружены приблизительно 20 кристаллов кварца вместе с костными остатками *Homo erectus* [Pei, 1931, p. 120]. Крупный фрагмент кристалла горного хрусталя был найден в ашельском слое в Гуденухёле (Gudenushöhle, Австрия) вместе с несколькими более мелкими осколками этого стеклообразного материала [Bednarik, 1992].

Как ни странно, наиболее часто приводимым примером свидетельств “символического знания” в эпоху нижнего палеолита является рубило из Вест-Товфтс (West Tofts) в Норфолке [Oakley, 1981]. Хотя вполне возможно, что хорошо сохранившийся отпечаток окаменелостей на его поверхности был замечен создателем данного артефакта [Feliks, 1998], это нельзя доказать. Отпечатки окаменелостей время от времени встречаются во всех осадочных кремнеземах, и существует статистическая вероятность, что подобная особенность могла оказаться на крупном каменном орудии случайно.

Точно так же антропоморфного вида кусок доломита из пещер Мумбва в Замбии [Barham, 2000] вполне может быть манупортом, но, поскольку, как оказалось, он был либо найден, либо видоизменен гоминидами, его статус остается неясным. Эту находку обнаружили в обломочной породе, ассоциированной с основанием ветрозащитного заслона, и датировали кислородно-изотопной стадией 5e. Манупорт из Ерфуда (Erfoud, Марокко) также был найден в рамках

ветрозащитного заслона или жилища позднего ашеля [Bednarik, 1992]. Эта окаменелость *Orthoceras* sp. по форме, размеру и текстуре поверхности отчетливо напоминает фаллос. Ископаемые каракатицы довольно распространены в других частях Марокко, но они не встречаются в естественном виде на месте обнаружения находки, следовательно, это также манупорт эпохи нижнего палеолита.

Обсуждение

Таким образом, становится очевидным, что распознавание трехмерного иконического изображения было доступно и в период нижнего палеолита. В настоящее время у нас имеются достаточные доказательства использования охры в эпоху среднего плейстоцена, что, возможно, подразумевает наложение красителей на каменные поверхности. Более того, гравированные изображения этого периода предполагают существование отчетливых, пусть зачаточных, традиций, а именно поведенческую модель маркировки, которую можно назвать “пространственно определенное машинальное рисование” и которая имеет место и сегодня. Еще более отчетливая модель поведения – создание чашеобразных углублений, – фиксируемая в период ашеля и позднее среднего палеолита от Франции (Ла Феррасси) до Австралии, также сохранилась до исторических времен. Имея эти данные, неразумно продолжать отрицать, что традиции палеоискусства уже существовали в эпоху нижнего палеолита. Использование бусин и подвесок, доказанное, как минимум, для поздней поры указанного периода, конечно же, подразумевает существование сложных социальных систем, поскольку вне такого контекста эти исключительно символические изделия просто не могли бы иметь какое-либо значение или назначение.

Подобные наблюдения указывают на ошибочность наших оценок когнитивного и культурного уровня древних людей. В настоящее время мы допускаем, что такие гоминиды, как *Sahelanthropus tchadensis*, возможно, начали распространяться 7 млн л.н. и почти 3 млн л.н. гоминид посчитал крайне интересной гальку, найденную нами в Макапансгате, которую он носил с собой [Bednarik, 1992]. Вполне разумно предположить развитие со временем этого любопытства. Просто абсурдно считать, что за 7 млн лет у гоминидов не произошло почти никакой когнитивной эволюции, а затем в последней трети позднего плейстоцена, что составляет 0,5 % длительности эволюции гоминидов, последовал огромный “всплеск” их когнитивных способностей. Однако именно этого мнения придерживались палеоантропологи и археологи, в особенности англо-американской археоло-

логической школы, в течение нескольких последних десятилетий. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что гоминиды были мореплавателями с поздней поры раннего плейстоцена, т.е. ок. 1 млн л.н. [Bednarik, 1999, 2001в; Bednarik, Kuckenburg, 1999]. Следовательно, преобладавшая в последних обсуждениях модель прерывистости или кратковременности эволюции человека (т.е. “модель африканской Евы”) почти бесспорно является ошибочной. Куда более вероятно, что рост когнитивных способностей происходил постепенно, в течение длительного времени, возможно, приблизительно отражая увеличение емкости черепа в тот же период. Это также относится к языку и речи, без сомнения доступным первым мореплавателям, и другим фундаментальным способностям человека, таким как создание концептов действительности и самого себя, а также неутилитарных систем, способствовавших развитию культурных и социальных конструктов. Все это получило свое развитие задолго до прихода людей, которые сейчас считаются кульминацией эволюции, *Homo sapiens sapiens*.

Опровергается традиционное в археологии мнение об отсутствии у гоминидов нижнего палеолита признаков человеку когнитивных способностей: значительное число находок того периода указывает на то, что эти гоминиды дали начало традициям палеоискусства. Хотя количество находок каждой категории остается недостаточным для того, чтобы в деталях представить процесс зарождения искусства, отчетливые закономерности в их встречаемости облегчают формулирование первоначальных гипотез. Соответственно, самое раннее сохранившееся палеоискусство главным образом представлено гравированными линиями с простейшей пространственной организацией, не имеющими четкой структуры группами чашеобразных углублений и минимально видоизмененными антропоморфными протофигурками. Особое значение для решения проблем когнитивной эволюции и самосознания имеют бусины и подвески: их присутствие в археологических материалах нижнего палеолита, без сомнения, указывает на наличие у этих гоминидов форм символизма, более того, подразумевает существование достаточно развитых социальных структур, необходимых для возникновения традиций, с которыми связано использование бусин.

Все эти данные противоречат традиционной парадигме, и тафономическая логика исчерпывающе разъясняет причины почти полностью ошибочной интерпретации данных в археологии плейстоцена. Период нижнего палеолита скорее являлся временем важных перемен и когнитивного развития, положивших начало всему последовавшему далее, чем эпохой минимальной культурной эволюции. Таким образом, археология совершенно неверно толковала про-

цессы очеловечивания. Гоминиды стали людьми не в результате физических изменений скелета и не путем совершенствования ими каменных орудий (почти исключительно только эти артефакты рассматривались до настоящего времени), а благодаря развитию способности создания концептов действительности и самих себя. Свидетельства такого рода до сих пор не изучались последовательно, но подобная методология, вероятно, получит свое развитие на протяжении этого столетия. Она может развиваться лишь за рамками традиционной археологии, которая за два века показала себя неспособной эффективно искать пути решения вопросов, связанных с когнитивной эволюцией гоминидов.

Список литературы

- Barham L.S.** The Middle Stone Age of Zambia, south central Africa. – Bristol: Western Academic and Specialist Press, 2000. – 306 p., 163 fig., 79 tab.
- Barham L.S.** Systematic pigment use in the Middle Pleistocene of south-central Africa // *Current Anthropology*. – 2002. – Vol. 43. – P. 181–190.
- Beaumont P.** The ancient pigment mines of southern Africa // *South African Journal of Science*. – 1973. – Vol. 69. – P. 140–146.
- Beaumont P.** Wonderwerk Cave // *Guide to archaeological sites in the Northern Cape* / Eds. P. Beaumont, D. Morris. – Kimberley: McGregor Museum, 1990. – P. 101–134.
- Beaumont P.** Wonderwerk Cave // *INQUA XV International Conference Field Guide: Northern Cape*. – Cape Town, 1999. – P. 27–31.
- Beaumont P., Boshier A.** Mining in southern Africa and the emergence of modern man // *Optima* – 1972. – № 22(1). – P. 2–12.
- Bednarik R.G.** Comment on Mania and Mania 1988 // *Rock Art Research*. – 1988. – Vol. 5. – P. 96–100.
- Bednarik R.G.** An Acheulian haematite pebble with striations // *Rock Art Research*. – 1990. – Vol. 7. – P. 75.
- Bednarik R.G.** Palaeoart and archaeological myths // *Cambridge Archaeological Journal*. – 1992. – Vol. 2(1). – P. 27–43.
- Bednarik R.G.** Palaeolithic art in India // *Man and Environment*. – 1993a. – Vol. 18(2). – P. 33–40.
- Bednarik R.G.** Die Bilzingslebener Gravierungen im Lichte altpaläolithischer Beweise kognitiver Fähigkeit // *Ethnographisch-archäologische Zeitschrift*. – 1993b. – Bd. 34. – S. 550–554.
- Bednarik R.G.** A taphonomy of palaeoart // *Antiquity*. – 1994a. – Vol. 68. – P. 68–74.
- Bednarik R.G.** The discrimination of rock markings // *Rock Art Research*. – 1994b. – Vol. 11. – P. 23–44.
- Bednarik R.G.** The Pleistocene art of Asia // *Journal of World Prehistory*. – 1994в. – Vol. 8(4). – P. 351–375.
- Bednarik R.G.** Art origins // *Anthropos*. – 1994г. – Vol. 89. – P. 169–180.
- Bednarik R.G.** Concept-mediated marking in the Lower Palaeolithic // *Current Anthropology*. – 1995. – Vol. 36. – P. 605–634.

- Bednarik R.G.** The earliest evidence of ocean navigation // *International Journal of Nautical Archaeology*.—1997a. — Vol. 26. — P. 183–191.
- Bednarik R.G.** The role of Pleistocene beads in documenting hominid cognition // *Rock Art Research*. — 1997b. — Vol. 14. — P. 27–43.
- Bednarik R.G.** The australopithecine cobble from Makapansgat, South Africa // *South African Archaeological Bulletin*. — 1998. — Vol. 53. — P. 3–8.
- Bednarik R.G.** Maritime navigation in the Lower and Middle Palaeolithic // *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences Paris*. — 1999. — Vol. 328. — P. 559–563.
- Bednarik R.G.** Early Indian petroglyphs and their global context // *Purakala*. — 2000. — Vol. 11. — P. 37–47.
- Bednarik R.G.** The Early Indian Petroglyphs Project (EIP) // *Rock Art Research*. — 2001a. — Vol. 18. — P. 72.
- Bednarik R.G.** An Acheulian figurine from Morocco // *Rock Art Research*. — 2001b. — Vol. 18. — P. 115–116.
- Bednarik R.G.** Replicating the first known sea travel by humans: the Lower Pleistocene crossing of Lombok Strait // *Human Evolution*. — 2001c. — Vol. 16(3/4). — P. 229–242.
- Bednarik R.G.** An Acheulian palaeoart manuport from Morocco // *Rock Art Research*. — 2002. — Vol. 19. — P. 137–139.
- Bednarik R.G.** A figurine from the African Acheulian // *Current Anthropology*. — 2003a. — Vol. 44. — P. 403–413.
- Bednarik R.G.** The earliest evidence of palaeoart // *Rock Art Research*.—2003b. — Vol. 20. — P. 89–135.
- Bednarik R.G.** Middle Pleistocene beads and symbolism (in press (a)).
- Bednarik R.G.** The Middle Palaeolithic engravings from Oldisleben, Germany (in press (b)).
- Bednarik R. G., Kuckenburger M.** Nale Tasił: eine Floßfahrt in die Steinzeit. — Stuttgart: Thorbecke, 1999. — 239 S.
- Binneman J., Beaumont P.** Use-wear analysis of two Acheulean handaxes from Wonderwerk Cave, Northern Cape // *South African Field Archaeology*. — 1992. — Vol. 1. — P. 92–97.
- Bordes F.** Os percé mousterien et os gravé acheuléen du Pech de l'Azé II // *Quaternaria*. — 1969. — Vol. 11. — P. 1–5.
- Boucher de Perthes J.** Antiquités celtiques et antédiluviennes. — P.: J.-M. Place, 1846. — 628 p.
- Chase P.G., Dibble H.L.** Middle Palaeolithic symbolism: a review of current evidence and interpretations // *Journal of Anthropological Archaeology*. — 1987. — Vol. 6. — P. 263–296.
- Clark J.D.** Kalambo Falls prehistoric site. — Cambridge: Cambridge University Press, 1974. — Vol. 2. — 436 p.
- Clark J.D., Oakley K.P., Wells L.H., McClelland J.A.C.** New studies on Rhodesian man // *Journal of the Royal Anthropological Society*. — 1947. — Vol. 77. — P. 4–33.
- Clottes J., Chauvet J.-M., Brunel-Deschamps E., Hillaire C., Daugas J.-P., Arnold M., Cachier H., Evin J., Fortin P., Oberlin C., Tisnerat N., Valladas H.** Les peintures paléolithiques de la Grotte Chauvet-Pont d'Arc, à Vallon-Pont-d'Arc (Ardèche, France): datations directes et indirectes par la méthode du radiocarbone // *Comptes Rendus de l'Académie des Sciences de Paris*. — 1995. — Vol. 320. — P. 1133–1140.
- Crémades M.** L'expression graphique au paléolithique inférieur et moyen: l'exemple de l'Abri Suard (La Chaise-de-Vouthon, Charente) // *Bulletin de la Société Préhistorique Française*. — 1996. — Vol. 93(4). — P. 494–501.
- Dart R.A.** The waterworn australopithecine pebble of many faces from Makapansgat // *South African Journal of Science*. — 1974. — Vol. 70. — P. 167–169.
- Davidson I.** Bilzingsleben and early marking // *Rock Art Research*. — 1990. — Vol. 7. — P. 52–56.
- Davidson I., Noble W.** Two views of language origins // *Cambridge Archaeological Journal*. — 1998. — Vol. 8. — P. 82–88.
- d'Errico F., Gaillard C., Misra V.N.** Collection of non-utilitarian objects by Homo erectus in India // *Hominidae: Proceedings of the 2nd International Congress of Human Paleontology*. — Milan: Editoriale Jaca Book, 1989. — P. 237–239.
- d'Errico F., Henshilwood C., Nilssen P.** An engraved bone fragment from c. 70,000-year-old Middle Stone Age levels at Blombos Cave, South Africa: implications for the origin of symbolism and language // *Antiquity*. — 2001. — Vol. 75. — P. 309–318.
- d'Errico F., Nowell A.** A new look at the Berekhat Ram figurine: implications for the origins of symbolism // *Cambridge Archaeological Journal*. — 2000. — Vol. 10. — P. 123–167.
- Efremov J.A.** Taphonomy: a new branch of paleontology // *Pan American Geologist*. — 1940. — Vol. 74(2). — P. 81–93.
- Eitzman W.I.** Reminiscences of Makapansgat Limeworks and its bone-breccial layers // *South African Journal of Science*. — 1958. — Vol. 54. — P. 177–182.
- Feliks J.** The impact of fossils on the development of visual representation // *Rock Art Research*. — 1998. — Vol. 15. — P. 109–134.
- Foley R., Lahr M.M.** Mode 3 technologies and the evolution of modern humans // *Cambridge Archaeological Journal*. — 1997. — Vol. 7. — P. 3–36.
- Goren-Inbar N.** The lithic assemblages of Berekhat Ram Acheulian site, Golan Heights // *Paléorient*. — 1985. — Vol. 11. — P. 7–28.
- Goren-Inbar N.** A figurine from the Acheulian site of Berekhat Ram // *Mi'tekufat Ha'even*. — 1986. — Vol. 19. — P. 7–12.
- Goren-Inbar N., Lewy Z., Kislev M.E.** Bead-like fossils from an Acheulian occupation site, Israel // *Rock Art Research*. — 1991. — Vol. 8. — P. 133–136.
- Goren-Inbar N., Peltz S.** Additional remarks on the Berekhat Ram figurine // *Rock Art Research*. — 1995. — Vol. 12. — P. 131–132.
- Grün R., Beaumont P.** Border Cave revisited: a revised ESR chronology // *Journal of Human Evolution*. — 2001. — Vol. 40. — P. 467–482.
- Guide** to archaeological sites in the Northern Cape / Eds. P. Beaumont, D. Morris. — Kimberley: McGregor Museum, — 1990.
- Henshilwood C.S., d'Errico F., Yates R., Jacobs Z., Tribola C., Duller G.A.T., Mercier N., Sealy J.C., Valladas H., Watts I., Wintle A.G.** Emergence of modern human behaviour: Middle Stone Age engravings from South Africa // *Science*. — 2002. — Vol. 295. — P. 1278–1280.
- Henshilwood C.S., Sealy J.C., Yates R., Cruz-Urbe K., Goldberg P., Grine F.E., Klein R.G., Poggenpoel C., van Niekerk K., Watts I.** Blombos Cave, southern Cape, South Africa: preliminary report on the 1992–1999 excavations of the Middle Stone Age levels // *Journal of Archaeological Science*. — 2001. — Vol. 28. — P. 421–448.
- Hodgson D.** Art, perception and information processing: an evolutionary perspective // *Rock Art Research*. — 2000. — Vol. 17. — P. 3–34.

- Howell F.C.** Observations of the earlier phases of the European Lower Palaeolithic // *American Anthropologist*. – 1966. – Vol. 68(2). – P. 88–201.
- Imbrie J., Hays J.D., Martinson D.G., McIntyre A., Mix A.C., Morley J.J., Pisias N.G., Prell W.L., Shackleton N.J.** The orbital theory of Pleistocene climate: support from a revised chronology of the marine $\delta^{18}\text{O}$ record // *Milankovitch and climate* / Eds. A.L. Berger, J. Imbrie, J. Hays, G. Kukla and B. Saltzman. – Dordrecht: Reidel, 1984. – Pt. 1. – P. 269–305.
- Keeley L.H.** Experimental determination of stone tool uses. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 60 p.
- Kumar G.** Daraki-Chattan: a Palaeolithic cupule site in India // *Rock Art Research*. – 1996. – Vol. 13. – P. 38–46.
- Kumar G., Bednarik R.G., Watchman A., Roberts R.G., Lawson E., Patterson C.** 2002 progress report of the EIP Project // *Rock Art Research*. – 2003. – Vol. 20. – P. 70–71.
- Kumar G., Sharma M.** Petroglyph sites in Kalapahad and Ganesh Hill: documentation and observations // *Purakala*. – 1995. – Vol. 6. – P. 56–59.
- Laidler P.W.** Dating evidence concerning the Middle Stone Ages and a Capsio-Wilton culture, in the South-East Cape // *South African Journal of Science*. – 1933. – Vol. 30. – P. 530–542.
- Leakey L.S.B.** Recent discoveries at Olduvai Gorge, Tanganyika // *Nature*. – 1985. – Vol. 19. – P. 1099–1103.
- Leakey M.D.** Olduvai Gorge. – Cambridge: Cambridge University Press, 1971. – Vol. 3: Excavations in Beds I and II, 1960–1963. – 306 + XXI p.
- Lumley H., de.** Les fouilles de Terra Amata à Nice. Premiers resultants // *Bulletin du Musée d'Anthropologie Préhistorique de Monaco*. – 1966. – Vol. 13. – P. 29–51.
- McBrearty S.** The Middle Pleistocene of East Africa // *Human roots: Africa and Asia in the Middle Pleistocene* / Eds. L. Barham, K. Robson-Brown. – Bristol: Western Academic and Specialist Press, 2001. – P. 81–92.
- Mania D.** The zonal division of the Lower Palaeolithic open-air site Bilzingsleben // *Anthropologie*. – 1991. – Vol. 29. – P. 17–24.
- Mania D., Mania U.** Deliberate engravings on bone artefacts of *Homo erectus* // *Rock Art Research*. – 1988. – Vol. 5. – P. 91–107.
- Marshack A.** The meander as a system: the analysis and recognition of iconographic units in Upper Palaeolithic compositions // *Form in indigenous art. Schematisation in the art of Aboriginal Australia and prehistoric Europe* / Ed. by P.J. Ucko. – Canberra: Australian Institute of Aboriginal Studies, 1977. – P. 286–317.
- Marshack A.** On Paleolithic ochre and the early uses of color and symbol // *Current Anthropology*. – 1981. – Vol. 22. – P. 188–191.
- Marshack A.** A Middle Palaeolithic symbolic composition from the Golan Heights: the earliest known depictive image // *Current Anthropology*. – 1996. – Vol. 37. – P. 357–365.
- Marshack A.** The Berekhat Ram figurine: a late Acheulian carving from the Middle East // *Antiquity*. – 1997. – Vol. 71. – P. 327–337.
- Miller G.H., Beaumont P.B., Brooks A.S., Deacon H.J., Hare P.E., Jull A.J.T.** Earliest modern humans in South Africa dated by isoleucine epimerization in ostrich eggshell // *Quaternary Science Reviews*. – 1999. – Vol. 18. – P. 1537–1548.
- Moog F.** Paläolithische Freilandstation im Älteren Löss von Wyhlen (Amt Lörrach) // *Badische Fundberichte*. – 1939. – Bd. 15. – S. 36–52.
- Mottl M.** Die Repolust-Höhle bei Peggau (Steiermark) und ihre eiszeitlichen Bewohner // *Archaeologica Austriaca*. – 1951. – Vol. 8. – P. 1–78.
- Noble W., Davidson I.** Human evolution, language and mind: a psychological and archaeological inquiry. – Cambridge: Cambridge University Press, 1996. – 272 + XIII p.
- Oakley K.P.** Emergence of higher thought, 3.0–0.2 Ma B.P. // *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*. – 1981. – Vol. B 292. – P. 205–211.
- Pei W.C.** Notice of the discovery of quartz and other stone artifacts in the Lower Pleistocene hominid-bearing sediments of the Choukoutien Cave deposits // *Bulletin of the Geological Society of China*. – 1931. – Vol. 11(2). – P. 109–146.
- Pelcin A.** A geological explanation for Berekhat Ram figurine // *Current Anthropology*. – 1994. – Vol. 35. – P. 674–675.
- Prestwich J.** On the occurrence of flint-implements, associated with the remains of extinct mammalia, on undisturbed beds of a late geological period // *Proceedings of the Royal Society of London*. – 1859. – Vol. 10. – P. 50–59.
- Smith W.G.** Man the primeval savage. – L.: Edward Stanford, 1894. – 361 p.
- Stapleton P., Hewitt J.** Stone implements from Howieson's Poort near Grahamstown // *South African Journal of Science*. – 1928. – Vol. 25. – P. 399–409.
- Steguweit J.** Intentionelle Schnittmarken auf Tierknochen von Bilzingsleben – Neue lasermikroskopische Untersuchungen // *Præhistoria Thuringica*. – 1999. – Bd. 3. – S. 64–79.
- Thévenin A.** Les civilisations du paléolithique intérieur en Alsace // *Le préhistoire française* / Ed. by H. de Lumley. – P.: Centre National de la Recherche Scientifique, 1976. – Vol. 1: Les civilisations paléolithiques et mésolithiques de la France. – P. 984–996.
- Valoch K.** The early Palaeolithic site Stránská skála I near Brno (Czechoslovakia) // *Anthropologie*. – 1987. – Vol. 25. – P. 125–142.
- Vishnyatsky L.B.** 'Running ahead of time' in the development of Palaeolithic industries // *Antiquity*. – 1994. – Vol. 68. – P. 134–140.
- Ziegert H.** Das neue Bild des Urmenschen // *Uni HH-Forschung: Wissenschaftsberichte aus der Universität Hamburg*. – Hamburg: Pressestelle der Universität. – 1995. – Bd. 30. – S. 9–12.

Материал поступил в редколлегию 10.03.04 г.

Г.П. Григорьев

*Институт истории материальной культуры
Дворцовая наб., 18, Санкт-Петербург, 191065, Россия**E-mail: Grigoriev@GG11569:spb.edu*

**ЗАМЕЧАНИЯ К СТАТЬЕ Я.А. ШЕРА
“СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ ПЕРВОБЫТНОГО ИСКУССТВА”
(Археология, этнография и антропология Евразии. –
2004. – № 2 (18). – С. 36–52)**

Я.А. Шер взял на себя непосильную ношу – написать статью, в которой были бы поставлены основные вопросы, связанные с первобытным искусством. Указать на спорные вопросы ему, пожалуй, и вовсе не удалось. В его статье больше очевидного и бесспорного. Принимая во внимание это обстоятельство, следует признать статью Я.А. Шера интересной, постановку вопроса – широкой. Может быть, она излишне широка. Но иначе и нельзя было поступить, у каждого археолога (или историка) свой взгляд на то, что самое важное в первобытном искусстве. Термин “первобытное искусство” слишком широкий. Кажется, это понимает и автор статьи, но не догадывается, как близок он к мысли, что уже давно пора отделить искусство палеолита от искусства первобытных народов – то ли эпохи бронзы, то ли современных австралийцев. Может быть, это и будет первый спорный (для него) вопрос.

Понятие “первобытное искусство” включает в себя уж очень разные явления. Это и профессиональная роспись в пещере Шове, и кукла, на скорую руку сооруженная тунгусской женщиной по случаю. Вряд ли такая широта позволит найти закономерности развития и того, и другого. Широта автора статьи подкупает, но это обстоятельство одновременно приводит к несамостоятельности в постановке вопросов. А предложение чуть ли не приравнять первобытное искусство к фольклору уведет в направлении, противоположном ранее намеченному пути – различить палеолитическое искусство и искусство первобытных народов. Неспециалист всегда бывает обольщен знатоком искусства и литературы Древней Греции или

русского фольклора. А потом другие специалисты по фольклору, часто – узкие, указывают на грубые ошибки знатока русского фольклора. После прочтения статьи хочется узнать, а где, в какой области знаний Я.А. Шер известен как специалист, чтобы там ему и поверить в наибольшей степени. Когда же он рассуждает о характере труда до австралопитеков, о технике раскалывания камня и о прогрессе – ему трудно верить. Дело это узкоспециальное, и новые работы скорее указывают на большую сложность трудовых процессов, чем мы думали раньше.

Далее Я. А. Шер осторожно присоединяется к тем, пока немногочисленным, специалистам (чаще не в области искусства, а по совместительству), которые отказывают искусству древности чуть ли не до нового времени в праве быть искусством.

Если говорить о проблемах, касающихся именно искусства, то, конечно, на первом месте автором правильно поставлен вопрос об эволюции искусства и ее нормах. Его постановка может быть только в пределах, например, палеолита, о чем и идет сейчас оживленная дискуссия. Но экскурсы в искусство другого рода вряд ли помогут в решении этого вопроса. Я понимаю, что десять лет тому назад можно было говорить о мифопоэтических образах, сопоставлять Полифема и Лихо Одноглазое и думать, будто семантическая пара “бык – женщина” существует с верхнего палеолита до античности и позднее. Тогда нужно было ссылаться на Б.А. Рыбакова. Но теперь мода на это как будто прошла. Я не думаю, что колесо солнца на петроглифах сопоставимо с изображениями на прялках. Может, оно и так, но ведь методика ис-

следований такого рода никогда не предполагала и минимальных доказательств того, что подобные образы переносились передвигающимся населением. В структурализме достаточно было сказать: в палеолитических материалах рядом женщина и бык (семантическая пара?) и в искусстве Нового времени есть такая пара. Уж очень много в рассуждениях привычных банальностей, правда, из чуждого гуманитариям мира – тут и принцип дополнительности, и работа левого полушария. Ах, как опасно, будучи археологом, судить о Хлудовской псалтыри! И иллюстративная часть ее не так просто понимаема, чтобы поверить нашему пылкому Л.А. Зарубину*. Пример широты воззрений Я.А. Шера – смелое сопоставление “ярко пылающей женщины” из Ригведы с Эос из Гомера и далее с женщиной из Хлудовской псалтыри. Для него это очевидно. Но я не вижу, как такая широта обзора далеко не первобытных источников может помочь в анализе палеолитического искусства. Я.А. Шер полагает, что есть такие образы, которые переходят из древности в современность или в недавние (для археолога) времена. А если они похожи благодаря только ассоциативности нашего мышления, понимания искусства? Уж очень примелькались эти сопоставления первобытного искусства с детским изобразительным творчеством. Рисунки детей без дарования сравнивают с произведениями искусства, где художественные достоинства несомненны. Я думаю, что это несопоставимые явления.

Статья Я.А. Шера традиционна, оснащена по нынешней моде и не нацелена на действительную проблематику искусства палеолита или бронзы. Мне казалось, автору есть что сказать помимо мифопоэтических образов, далеких от тематики археолога.

Гораздо ближе к обсуждаемой теме его мнение о том, что в искусстве палеолита нет распознаваемых

отдельных художников. Но их нет там, где отсутствуют письменные источники, где нет подписных работ. Даже в раннем Возрождении больше половины произведений живописи известны под условным наименованием “мастер мадонны Штрауса” или другим.

Если есть что-нибудь противоположное в изобразительном творчестве, то это монументальное искусство и фольклор. В первом случае предполагается высокое мастерство, устойчивая традиция, сложная система художественных приемов.

Действительная проблема сегодняшнего дня – анализ художественных достоинств произведений искусства, доставшихся археологам. При таком анализе возникает иная проблематика, нежели мифопоэтические образы, которые совпадают по ассоциации и вместе с тем, по мнению Я.А. Шера, несомненно, взаимосвязаны, да еще и перемещаются с носителями этих образов.

Разумеется, приходится отвергнуть как не соответствующую нынешнему пониманию искусства гипотезу Леруа-Гурана, согласно которой половина верхнего палеолита отводится на знаки и элементарные изображения. Следует признать, что Леруа-Гуран и другие исследователи игнорировали многочисленные памятники иного рода, неупрошенные и неэлементарные для первой половины верхнего палеолита. Стало быть, проблема № 1 – это эволюция искусства во время после появления росписи в пещере Шове. И другая проблема, которая, видимо, теперь уже будет решаться без привлечения детских рисунков и без построения макетов, – возникновение искусства. Материала для новых гипотез даже больше чем достаточно. Необходим аппарат для построения гипотезы, нужно принципиальное решение некоторых вопросов. Может быть, появятся наконец искусствоведы, которые отодвинут в сторону археологов и займутся проблемой происхождения искусства.

* Зарубин Л.А. Сходные изображения Солнца и зорь у индоарийцев и славян // Сов. славяноведение. – 1971. – № 6. – С. 41–49.

ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ ОБРАЗА ХИЩНИКА, СВЕРНУВШЕГОСЯ В КОЛЬЦО, В “ВОСТОЧНОЙ ПРОВИНЦИИ” СКИФСКОГО МИРА

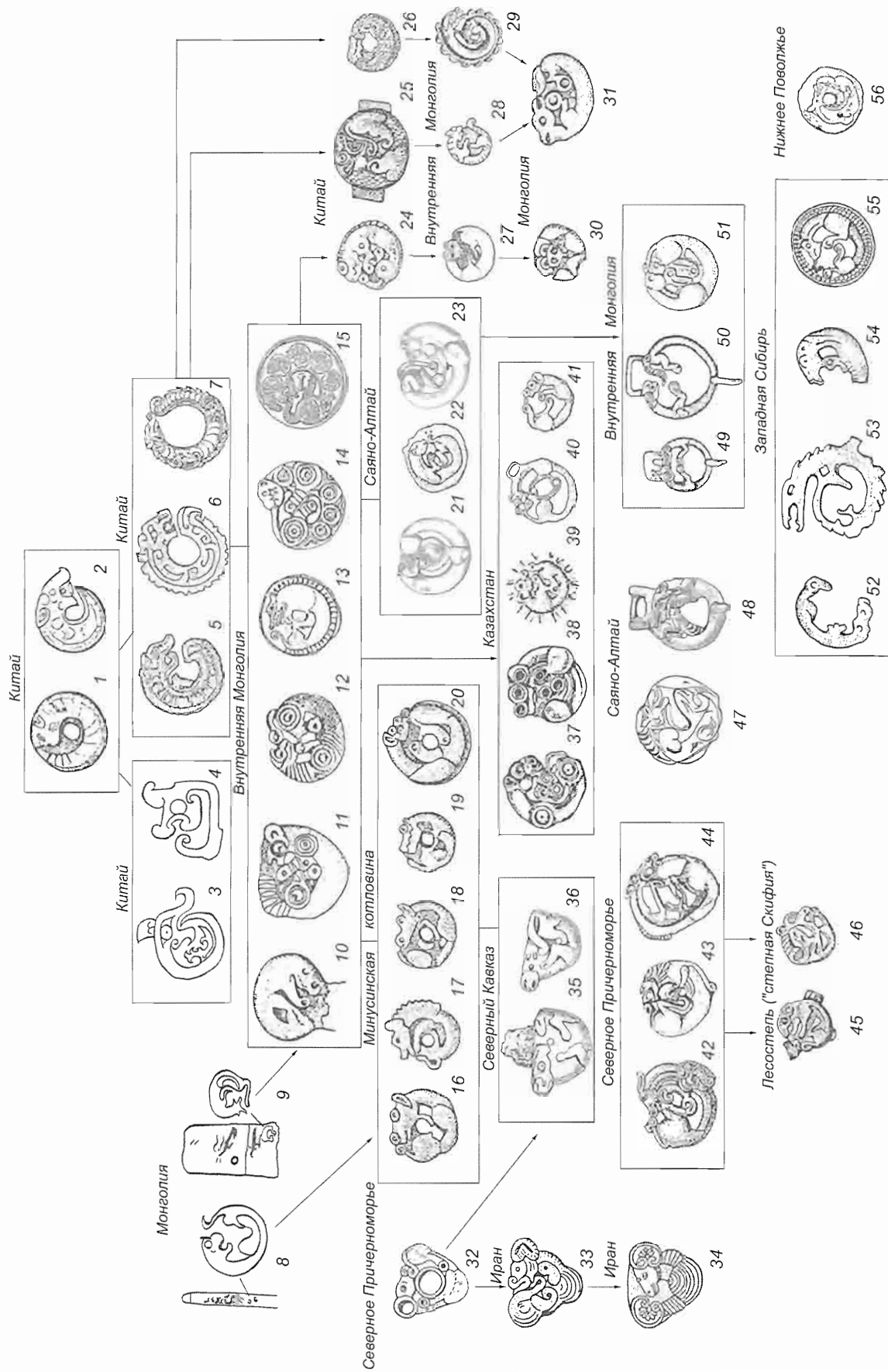
Более 30 лет назад В.А. Ильинская в одной из своих основополагающих работ написала, что свернувшегося в кольцо хищника “следует относить к числу наиболее оригинальных, самобытных, ниоткуда не заимствованных мотивов, составляющих первоначальное ядро скифского звериного стиля” [Ильинская, 1971, с. 78]. Если принимать во внимание то, что именно в ядре сосредоточена наиболее значимая часть культуры, то становится понятным тот интерес, который вот уже более ста лет проявляют различные исследователи к этому сюжету. В результате изучения удалось выявить его локальные варианты, определить характерные стилистические приемы, а также некоторые формальные и семантические особенности изображений. Из числа специальных исследований, посвященных только этим проблемам, следует отметить работы А.И. Шкурко [1969], В.А. Ильинской [1971], С.С. Сорокина [1972], Л.Л. Барковой [1983], Е.Ф. Чежиной [1984], Г.Н. Курочкина [1993], В.А. Киселя [1994], В.Ю. Зуева [1994], Ю.Б. Полидовича [1994, 2001], С.А. Васильева [1997, 2000]. Однако приходится констатировать, что до настоящего времени остродискуссионными остаются самые важные вопросы, связанные в основном с происхождением и причинами появления образа свернувшегося хищника в культурах скифского облика. Одни исследователи считают его лишь производным от согнутой фигуры, превратившейся в самостоятельный мотив [Членова, 1967, с. 126–127; Шкурко, 1969, с. 33–34; Федоров-Давыдов, 1976, с. 20, 192; Чежина, 1984, с. 61, 64; Абрамова, 1987, с. 89; и др.].

В основе этой теории лежит эволюционный ряд: изображение зверя на вавилонских, ассирийских и ахеменидских предметах > антитетические композиции > одиночная фигура свернувшегося хищника. Однако, как правильно отметила В.А. Ильинская, “здесь налицо глубокий хронологический разрыв, отсутствие непосредственных культурно-исторических контактов, различие в сюжетах и стилях”. Кроме того, “не правомочно проводить параллель между искусством древневосточного круга и памятниками скифского искусства V–IV вв. до н.э., когда на культуру скифов оказывают активное воздействие такие могучие факторы, как искусство ахеменидского Ирана и античной Греции, во многом действительно восходящие к искусству Древнего Востока” [Ильинская, 1971, с. 77].

Есть и другая большая группа исследователей, которые априорно считают, что образ свернувшегося хищника является изобретением собственно скифским, не связанным ни с какой иной изобразительной традицией [Ильинская, 1971, с. 76–78; Сорокин, 1972, с. 75–76; Полидович, 2001; и др.]. “Он появился уже в готовом, полностью оформленном виде в силу возникшей необходимости материализации некоего мифического образа или идеи” [Полидович, 2001, с. 26]. Но тогда совершенно естественно возникает вопрос: что это за “мифический образ или идея”?

Еще в первой половине XX в. К. Йетмар, Х. Хюттель предположили, что образ свернувшегося хищника в скифо-сибирском зверином стиле сформировался на базе китайских “кольцевидных зооморфных композиций” (см.: [Курочкин, 1993, с. 65]). С этим

Схема сложения и развития образа свернувшегося хищника на территории степей Евразии

мнением соглашаются многие зарубежные и отечественные исследователи [Kossack, 1987, S. 29; Курочкин, 1993, с. 65; Зуев, 1994, с. 91; Васильев, 2000, с. 18–19; Савинов, 2002, с. 67; и др.]. Основным доказательством служат найденные в погребальном комплексе Фу-Хао (Аньян) украшения из жадеита с изображением “дракона, кусающего себя за хвост” (см. *рисунок, 6*). Подобные подвески находят достаточно часто и в других провинциях Китая (напр., в мог. 60 памятника Фэнси (см. *рисунок, 5*)). Вот уже на протяжении нескольких десятилетий продолжается дискуссия по вопросу, кто же был изображен на них? Одни исследователи считают, что это “дракон, кусающий себя за хвост”, и интерпретируют его как “изображение события вселенского масштаба, связанного с философией бытия, – бесконечного круговорота возникновения, гибели и возрождения Мироздания” – “чудовище заглатывает Солнце и захватывает хвостом Луну” [Ларичев, Бородовский, 2002, с. 371–372].

С.В. Алкин, изучая нефритовые образцы мелкой пластики С-образной формы из Северо-Восточного Китая, датируемые V–III тыс. до н.э., пришел к выводу, что это изображения личинок насекомых, воплотившие в себе представления об идее рождения [Алкин, 1995, с. 14; 2003, с. 135]. Насекомое – единственный класс живых существ, у которых в процессе жизненного цикла происходят метаморфозы с полным превращением. Таким образом, они являются “единственной природной иллюстрацией глубоко сакральной темы разрушения и восстановления, рождения, смерти и возрождения”. Личинка может развиваться в земле, а взрослое насекомое живет на поверхности земли и даже летает. Кроме того, личинки многих насекомых имеют сходство с общей формой эмбриона–зародыша млекопитающих. И действительно, в большинстве случаев на нефритовых подвесках существо изображалось часто очень схематично, без лап, с большой головой и невыраженным телом–хвостом [Алкин, 2003, с. 139–140; рис. 2] (см. *рисунок, 1, 2*).

В Китае неолитическая традиция украшения подобными изображениями различных предметов получила свое продолжение позже не только в камне, но и в металле. В эпоху Шан-Инь они служат элементами декора бронзовых сосудов (см. *рисунок, 3, 4*). Изображения “полусвернувшихся существ” встречаются и на предметах вооружения. Так, на секире с С-видным лезвием из погр. 1 могильника Байцаопо, датируемой эпохой Западного Чжоу [Чу Шибинь, 1977, с. 114, рис. 12, 3], есть фигура животного, которого можно трактовать как хищника*.

Анализ данного материала позволяет признать, что мнение о заимствовании сюжета свернувшегося в кольцо животного из древнекитайской изобразительной традиции не лишено оснований. В свое время М.Н. Погребова, Д.С. Раевский и Е.В. Переводчикова возражали против этой гипотезы, ссылаясь на отсутствие промежуточных звеньев – “слишком велики хронологические разрывы в тех случаях, где предполагается прямая преемственность” [Погребова, Раевский, 1992, с. 121; Переводчикова 1994, с. 138]. Хотя началом I тыс. до н.э. можно было датировать изображения на оленных камнях в Архангайском и Баянхонгорском аймаках Монголии [Волков, 1981, с. 127, 157, 192] (см. *рисунок, 8, 9*). В последние годы появились новые материалы, позволяющие заполнить имеющиеся лакуны. Так, IX–VIII вв. до н.э. датируется нож с навершием в виде свернувшегося “хищника” из мог. 101 памятника Наньшаньгэнь и бляшка с подобным изображением из могилы Сяохэйшигоу 1985 г. (Внутренняя Монголия) [Ковалев, 1998, с. 123] (см. *рисунок, 10, 11*). Такая датировка не вызывает сомнения, поскольку в состав данных комплексов наряду с вещами раннескифского облика входят китайские предметы, имеющие свою внутреннюю хронологию [Там же, с. 123–127], в частности, клевцы “гэ” с уплощенным бойком и бронзовые сосуды “гуй”, “дин” и др. Все эти предметы не встречаются в комплексах на территории Китая и Внутренней Монголии позже VII в. до н.э. Кроме того, на одном из сосудов “гуй” из могилы Сяохэйшигоу 1985 г. имеется надпись, относящая его к ритуальным предметам небольшого владения Сюй, существовавшего в IX–VIII вв. до н.э. [Там же, с. 125–126].

Скорее всего, в пределах VII в. до н.э. можно датировать случайную находку из Ордоса (см. *рисунок, 12*), а также практически идентичный ей экземпляр неизвестного происхождения из коллекции А.М. Секлера и еще одну бляшку из того же частного собрания, найденную на границе Северного Хэбэя и Восточного Ляонина [Bunker, 1997, p. 196, N 128; p. 288, N 258]. Причем во всех этих случаях мы наблюдаем изображение животного без выраженных признаков хищного зверя, и его можно считать переходным между китайскими кольцевидными зооморфными композициями и более поздними (напр., минусинскими) бляшками (см. *рисунок, 16–18*), которые датируются в пределах VIII–VI вв. до н.э. [Курочкин, 1993, с. 63, 65]. Интересно, что практически все ранние изображения (VII в. до н.э.) подобного типа из “степной Скифии”, Северного Причерноморья, с Северного Кавказа и из Казахстана (см. *рисунок, 32, 35–46*) выполнены в очень близкой манере; есть они и в ахеменидском Иране (см. *рисунок, 33, 34*). Основу идеи здесь составляет воплощение образа свернувшегося животного как такового: везде переданы удлиненная морда

* Автор признателен А.В. Варенову, указавшему на неизвестные ему китайские материалы.

и круглое (чаще сегментовидное) ухо, кружками выделены глаз, кончик носа, окончания лап и короткого хвоста, не имеющего ничего общего с хвостом хищника. Изображение построено так, чтобы морда, тело и хвост образовывали кольцо, а лапы находились внутри него точно по центру. Мягкая округлость форм передавалась при помощи определенных, наиболее условных приемов, что формально и семантически сближает эти изображения с китайскими кольцевидными зооморфными композициями на нефритовых дисках и позволяет говорить о существовании единого изобразительного канона в пределах композиционной схемы воспроизведения животного в “утробной позе”.

Конечно, мы далеки от того, чтобы применять в отношении развития древнего искусства априорно шаблонную модель линейного, поступательного развития – от простейших форм к сложным. В данном случае мы просто попытаемся наметить один из возможных вариантов появления и развития одной иконографической схемы (в пределах “восточной провинции” скифского мира). Неолитические традиции, в основе которых лежали мифологические представления “об идее рождения, смерти и последующего возрождения” – цикличности процессов в природе, могли продолжать существовать и в последующие эпохи на территории всего восточного региона, правда, получая со временем совершенно иное изобразительное воплощение. В Китае найденные в погребениях украшения из жадеита с зооморфными кольцевидными изображениями трактуются как подвески. В могилах они находятся в области грудной клетки умерших – традиционном вместилище души человека [Алкин, 2003, с. 141]. Интересно, что практически на всех бляшках, которые считаются самыми ранними в Минусинской котловине, имеется также по центру круглое отверстие функционального характера, что опять же сближает их с нефритовыми дисками-подвесками из Китая. И если говорить о преемственности традиций, то не случайно именно в материалах из Минусинской котловины мы находим так много общего с северо-китайскими находками. Все это может объясняться не только постоянными миграциями населения, но и тесными культурными связями, сложившимися в эпоху бронзы между данными регионами. Так, основная масса вещей карасукского облика происходит именно из районов Северного Китая (Внутренней Монголии) и Минусинской котловины [Волков, 1967; Новгородова 1970, 1989; Членова, 1967, 1976]. Это обусловлено не только общими знаниями в области технологии производства, но и сходными мировоззренческими установками. Поэтому можно предположить, что изображение животного в “утробной позе”, появившееся в Китае, в более позднее время в кочевнической среде стало использоваться как

“символ рождения нового”, а в контексте погребального обряда и тотемистических представлений – как “символ возрождения”. Смерть (смена облика > превращение в животного, причем неопределенного) могла мыслиться как уход в звериной ипостаси. Таким образом, погребение являлось необходимой фазой в круговороте возрождения через смерть. И данные изображения животного в “утробной позе” могли быть своеобразным гарантом этого возрождения. Конечно, при сопоставлении китайских материалов и более поздних центрально-азиатских нужно помнить, что сюжетная близость изображений и стилистическое сходство – совершенно разные понятия. Вполне вероятно возникновение одних и тех же “идей” независимо друг от друга на различных территориях и в разное время. Но тогда манера передачи, формы их художественного воплощения должны разительно отличаться. Сходство компонентов рассматриваемых изображений, стилистических признаков в какой-то мере позволяет говорить о преемственности традиций. В данном случае можно предположить заимствование кочевниками схемы изображения “свернувшегося животного” из Китая с последующей доработкой сюжета, поскольку неизменным остается сам принцип создания образа. Именно центрально-поворотная симметрия, само вращение обыгрывается древними мастерами. Поэтому нельзя согласиться с мнением некоторых исследователей о том, что для ранних изображений свернувшегося животного (хищника) была характерна подтреугольная форма [Погребова, Раевский, 1992, с. 106–112; Полидович, 1994, с. 73; 2001, с. 28]. По законам геометрии все изображения можно вписать как в круг, так и в треугольник. В данном случае, как нам кажется, происходит подмена понятий. Не изображения свернувшегося в кольцо “хищника” имеют подтреугольную форму, а предметы, на которых они размещены*. Подтреугольными были только бутероли на ножнах акинаков и мечей (см. рисунок, 33–36), что обусловлено самой формой оружия. Подобные украшения появились в результате похода скифов через Кавказ в Переднюю Азию и просуществовали (только в этих регионах) совсем недолго (в течение VII–VI вв. до н.э.), не оказав существенного влияния на дальнейшее развитие скифского искусства [Погребова, Раевский, 1992, с. 110–111]. Поэтому считать подтреугольную форму изобразительным каноном для всех раннескифских изображений не совсем верно. Конечно, не приходится сомневаться, что смысловая нагрузка в данном случае ложится не только на образ, остающийся практически неизменным,

* Единственное исключение составляет изображение животного на костяном предмете из ямы № 81 памятника Темир-Гора (раскопки А.Е. Люценко 1870–1871 гг.), которое действительно подтреугольное (см. рисунок, 32).

но и на геометрические преобразования, формирующие структуру, в которую он включен. Скажем, знаки “колесо истории” или “веретено Ананки” – это символы постоянства жизни и судьбы при бесконечной изменчивости ее конкретных каждодневных воплощений. Они отражают математическое свойство окружности оставаться самой собою при бесконечном разнообразии поворотов вокруг собственного центра. Поэтому многообразие и постоянство жизни символизирует именно “колесо истории”, а не, скажем, “квадрат истории” или “треугольник истории” – тут архетипический смысл, выводящий нас на роль геометрических архетипов в культурах, в данном случае скифского облика.

Однако из стройной картины выбивается одно очень важное обстоятельство: неожиданное преобразование мотива животного в “утробной позе” в образ вполне конкретного свернувшегося хищника сем. кошачьих. Причем очевидно, что это произошло на довольно раннем этапе бытования рассматриваемой иконографической схемы. Так, VIII (IX) в. до н.э. датируется курган Аржан, где была найдена известная “аржанская пантера”, у которой показаны все ярко выраженные признаки хищника: оскаленная пасть, когти на лапах (вместо кружков), длинный хвост (см. *рисунок, 21*). Идентичная бляха (правда, плохого качества и обломанная) была найдена в Монголии [Волков, 1981, с. 115]. Хищник изображен “кусающим себя за хвост”, как и на ранних китайских и центрально-азиатских образцах, но при этом обращает на себя внимание почти полное отсутствие элементов стилизации образа. Поэтому такая манера многими учеными называется реалистичной – “мастер был отлично знаком с натурой, знал повадки хищного зверя и манеру его поведения” [Черников, 1965, с. 79; Баркова, 1983, с. 23; и др.]. Причину изменения формы изображения свернувшегося животного, а значит и его структуры, внутреннего содержания, нужно, по всей видимости, искать в общих процессах трансформации символики культур раннескифского облика. Если говорить о причинах преобразования мотива свернувшегося животного в образ вполне конкретного хищника сем. кошачьих, то никак нельзя обойти вниманием факт существования в центрально-азиатском регионе с начала I тыс. до н.э. традиции изображения хищника т.н. хэланьшаньского типа. Этот образ животного с оскаленной зубастой пастью, с длинным изогнутым, как бы змеиным, языком, поперечными или извилистыми линиями на теле, возможно имитирующими полосы на тигриной шкуре, встречается в петроглифах IX–VIII вв. до н.э. в горах Хэланьшань (пров. Нинся), Хэйшань (пров. Ганьсу) и Иньшань (север Ордоса) [Ковалев, 2000, рис. 8, 3–9]. Изображены подобные хищники и на оленных камнях Северной Монголии: № 15 Ушкийн-Увэра, № 23 жертвенника Жаргалант, № 2 (41)

“Хушот увгэд бригада” [Волков, 1981, табл. 40, 1; 78; 94], и на камне 9 ограды 2 жертвенника Жаргалант-90 [Волков, 2001, рис. 6]. В этой связи необходимо еще раз напомнить о существовании на оленных камнях монгольско-забайкальского типа изображений свернувшегося животного. Возможно, правы были М.Н. Погребова и Д.С. Раевский в том, что выбивки “производят впечатление воспроизведения предметов, украшенных изображениями, к примеру, бронзовых блях типа аржанской” [1992, с. 121]. Что касается предметов мелкой пластики, то VIII–VI вв. до н.э. датируется найденное в мог. 165 могильника № 4 памятника Чаухугоу в Синьцзяне бронзовое зеркало с петелькой на тыльной стороне. Вокруг этой петельки силуэтно изображен свернувшийся в кольцо хищник (см. *рисунок, 13*) (см.: [Комиссаров, 2000, с. 454]). Довольно четко показаны голова животного с оскаленной пастью и хвост, лапы не выделены (что, возможно, связано с качеством отливки). Обращают на себя внимание насечки по краю зеркала, очевидно изображающие шерсть животного. Подобный стилистический прием был характерен для Северного Китая и Внутренней Монголии. Возможно, мы имеем дело с определенной переработкой “гребня” свернувшегося животного, изображенного на подвеске из Аньяна (см. *рисунок, 6*). В пределах VII в. до н.э., скорее всего, датируются бляшки из Минусинской котловины (см. *рисунок, 19, 20*) и бронзовый диск из частной коллекции Х. Биддера, хранящийся в Музее восточно-азиатского искусства в г. Берлине. В последнем случае перед нами пример более углубленной и разнообразной трактовки мотива (см. *рисунок, 15*). Крупный хищник (причем явно “хэланьшаньского” типа) с оскаленной пастью, длинным хвостом и полукольчатыми лапами показан свернувшимся в кольцо (вокруг петельки – центра зеркала), контур спины и брюха отмечен зигзагообразной линией, обозначающей шерсть. На теле изображенного хищника расположены еще шесть одинаковых фигур животных, которые являются абсолютной его копией, только на них вместо зооморфных изображений по шесть завитков*, а в районе бедра – фигура “скребущего” хищника с полукольчатыми лапами и с оскаленной пастью, ориентированная так же, как и остальные. Данная композиция уникальна не только для Центрально-Азиатского региона, но для всего степного пояса Евразии. Несколько изображений свернувшихся хищников в рамках одной изобрази-

* Интересно, что также шесть завитков на фигуре свернувшегося хищника на медалевидном зеркале из кург. 16 памятника Юстыд XII [Кубарев, 1991, табл. XXXVIII, 26] и столько же концентрических кругов на теле животного, изображенного на бронзовой бляхе из Ордоса (см. *рисунок, 14*). Однако объяснение этой закономерности должно стать результатом отдельного исследования.

тельной схемы есть только на “келермесской пантере” [Руденко, 1962, с. 31, рис. 33], причем их также шесть, но все расположены на хвосте основной фигуры.

Очевидно, в IX–VII вв. до н.э. в Центрально-Азиатском регионе (как, впрочем, и на остальной территории степей Евразии) шел творческий процесс поиска наглядной системы знаков, которая бы отражала формирующуюся в общественном и индивидуальном сознании кочевников новую “картину мира”. Именно поэтому мы встречаем в погребальных памятниках раннескифского времени совершенно разные по стилистическому и композиционному оформлению вещи, свидетельствующие о своеобразной “пробе пера”, уж очень они индивидуальны и уникальны. Это аржанская и майэмирские “пантеры” (см. *рисунк*, 21, 22), зеркало из мог. 165 могильника 4 памятника Чаухугоу (см. *рисунк*, 13), изображения на минусинских бляшках (см. *рисунк*, 16–20) – на востоке; “келермесская пантера”, роговая бляха в виде свернувшегося животного с памятника Темир-Гора (см. *рисунк*, 32) и т.д. – на западе. Можно предположить, что существовавшие в эпоху бронзы на территории степной полосы Евразии мифологические представления о “свирипом хищном звере-поглотителе”, имеющие по большей части индоиранские корни, получили свое наглядное выражение в раннескифское время не только в петроглифах и монументальной скульптуре, но и в мелкой пластике. Соответственно, появившиеся в массовом порядке на конской сбруе и на поясе (в VIII–VII вв. до н.э.) предметы с изображением свернувшегося в кольцо животного должны были не только выполнять декоративную функцию, но и нести определенную информацию мировоззренческого характера. Круг является универсальным кодом для идей, связанных с категориями пространства и времени, и означает полноту, завершенность, целостность, а также закрытость, замкнутость. Символика круга проявлялась и в графическом исполнении, и в ритуалах: с одной стороны, это форма блях и самого изображения (закрытость, замкнутость внутреннего метафизического пространства), с другой – обвязывание, опоясывание (создание защищенного пространства вокруг человека или лошади).

В связи с вышесказанным мы можем констатировать, что в раннескифское время на территории Центрально-Азиатского региона происходил очень сложный процесс, результатом которого стало формирование образа хищника, свернувшегося в кольцо. На основе китайских зооморфных кольцевидных композиций в контексте идей рождения и возрождения, цикличности “мировых процессов” сложилась традиция изображения животного в “утробной позе”. Изменение погребального обряда и определенные тотемистические представления о смерти и последующем возрождении в зверином облике привели к тому, что этот сюжет трансформировался в образ хищника (сначала сем. кошачьих, потом – волкообразного).

Список литературы

- Абрамова Л.М.** Образ кошачьего хищника в искусстве Евразии в скифо-сарматское время // Проблемы археологии степной Евразии. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1987. – С. 89–91.
- Алкин С.В.** Энтомологическая идентификация хуншаньских нефритов (постановка проблемы) // III годовая сессия Института археологии и этнографии СО РАН, ноябрь 1995. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 14–16.
- Алкин С.В.** Археологические свидетельства существования культа насекомых в неолите Северо-Восточной Азии // Древние культуры Северо-Восточной Азии: Астроархеология. Палеоинформатика. – Новосибирск: Наука, 2003. – С. 134–143.
- Баркова Л.Л.** Изображения свернувшихся хищников на золотых пластинах из Майэмира // АСГЭ. – 1983. – Вып. 24. – С. 19–31.
- Васильев С.А.** Мотив свернувшегося в кольцо хищника в искусстве пермского звериного стиля в ананьинскую эпоху // Культурные взаимодействия в условиях контактных зон. – СПб.: ИИМК, 1997. – С. 33–35. – (Археол. изыскания; № 41).
- Васильев С.А.** К вопросу о происхождении сюжета “хищник, свернувшийся в кольцо” в скифском зверином стиле: Каталог изображений. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2000. – 80 с.
- Волков В.В.** Бронзовый и ранний век Северной Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1967. – 148 с.
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 253 с.
- Волков В.В.** Ранние кочевники Северной Монголии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: Старый сад, 2001. – С. 330–354.
- Зуев В.Ю.** Образ свернувшегося в кольцо хищника из IV Семибратнего кургана (иконографические истоки и их исторический контекст) // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. – СПб.: ИИМК, 1994. – С. 90–94. – (Археол. изыскания; № 13).
- Ильинская В.А.** Образ кошачьего хищника в раннескифском искусстве // СА. – 1971. – № 2. – С. 64–85.
- Кисель В.А.** Несколько замечаний об образе кошачьего хищника в раннем скифском искусстве // Элитные курганы Евразии в скифо-сарматскую эпоху. – СПб.: ИИМК, 1994. – С. 111–118. – (Археол. изыскания; № 18).
- Ковалев А.А.** Древние датированные памятники скифо-сибирского звериного стиля // Древние культуры Центральной Азии и Санкт-Петербург. – СПб.: Культ-информ-пресс, 1998. – С. 122–131.
- Ковалев А.А.** О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: ГЕОС, 2000. – С. 138–181.
- Комиссаров С.А.** О ранних бронзовых зеркалах, найденных на территории Восточного Туркестана // Рериховские чтения: Материалы конференции 3–6 ноября 1997 г. – Новосибирск: Сиб. рериховское об-во, 2000. – С. 453–461.
- Кубарев В.Д.** Курганы Юстыда. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.
- Курочкин Г.Н.** Изображения свернувшегося хищника в тагарском искусстве // КСИИМК. – 1993. – Вып. 207. – С. 59–67.
- Ларичев В.Е., Бородовский А.П.** Божество из Каракана (опыт астральной интерпретации канонического об-

раза) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: Материалы годовой сессии Института археологии и этнографии СО РАН. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 8. – С. 366–372.

Новгородова Э.А. Центральная Азия и карасукская проблема. – М.: Наука, 1970. – 191 с.

Новгородова Э.А. Древняя Монголия: Некоторые проблемы хронологии и этнокультурной истории. – М.: Наука, 1989. – 384 с.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов: Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. – М.: Вост. лит., 1994. – 206 с.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и древний Восток: К истории становления скифской культуры. – М.: Наука, 1992. – 260 с.

Полидович Ю.Б. О мотиве свернувшегося хищника в скифском “зверином стиле” // РА. – 1994. – № 4. – С. 63–78.

Полидович Ю.Б. К истокам скифского искусства: происхождение мотива свернувшегося хищника // РА. – 2001. – № 3. – С. 25–34.

Руденко С.И. Сибирская коллекция Петра I. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 51 с. – (САИ; Вып. Д 3–9).

Савинов Д.Г. Ранние кочевники верхнего Енисея. – СПб.: СПб. гос. ун-т, 2002. – 202 с.

Сорокин С.С. Свернувшийся зверь из Зивие // СГЭ. – 1972. – Вып. 34. – С. 75–78.

Федоров-Давыдов Г.А. Искусство кочевников Золотой Орды. – М.: Искусство, 1976. – 227 с.

Чежина Е.Ф. Изображения свернувшегося в кольцо хищника в искусстве Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху // АСГЭ. – 1984. – Вып. 25. – С. 61–64.

Черников С.С. Загадка золотого кургана. – М.: Наука, 1965. – 188 с.

Членова Н.Л. Происхождение и ранняя история племен тагарской культуры. – М.: Наука, 1967. – 253 с.

Членова Н.Л. Карасукские кинжалы. – М.: Наука, 1976. – 104 с.

Шкурко А.И. Об изображении свернувшегося в кольцо хищника в искусстве лесостепной Скифии // СА. – 1969. – № 1. – С. 31–39.

Чу Шибинь. Западнотюанские могилы в Байцаопо уезда Линтай провинции Ганьсу // Каогу Сюэбао. – 1977. – № 2. – С. 99–130 (на кит. яз.).

Bunker E. Ancient bronzes of the eastern Eurasian steppes from the Arthur M. Sackler collection. – N. Y.: Arthur M. Sackler Fondation, 1997. – 401 p.

Kossack G. Von den Anfängen des skytho-iranischen Tierstil // Galanina L., Grač N., Kellner H.-J., Kossack G. Skythika. – München: Bayerische Akademie Wissenschaften, 1987. – (Phil.-hist. N. F.; H. 98).

Материал поступил в редколлегию 10.03.04 г.

УДК 903.53

В.И. Молодин, Д.В. Черемисин, А.В. Новиков*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: cheremis@archaeology.nsc.ru*

ОЛЕННЫЕ КАМНИ АРГАМДЖИ (ПЛОСКОГОРЬЕ УКОК)

Введение

В 1996 г. на плато Укок проводилась фронтальная археологическая разведка с целью обнаружения, фиксации и постановки на учет всех археологических памятников на плоскогорье. При картографировании объектов в верховьях р. Калгуты на левом берегу было обнаружено два монументальных изваяния – оленных камня. Эти изваяния являлись частью погребально-поминального комплекса Аргамджи I, включавшего также ограды, курганы и херексуры. В настоящей публикации мы хотим познакомить читателя с этим незаурядным памятником.

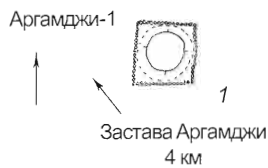
Характеристика объектов

Погребально-поминальный комплекс Аргамджи I расположен в 4 км к ЮВ от пограничной заставы Аргамджи, у подножия небольшого горного возвышения. Ансамбль насчитывает семь объектов (рис. 1). Объект № 1, крайний северный, представляет собой подквадратную кладку, сложенную из окатанных рекой валунов. Размеры квадрата: 13,5 × 14 м. Сооружение ориентировано по сторонам света. Внутри квадрата находится круглая насыпь из валунов. Ее диаметр 12 м (насыпь не выходит за контур квадрата), максимальная высота над общим уровнем дерна 0,3 м. Периферийные участки насыпи задернованы, ширина задернованного кольца 1,5–2 м. В центральной незадернованной части, диаметр которой 9,5 м, встречаются крупные валуны (диаметр в поперечнике до 0,7 м).

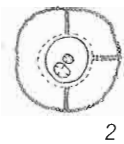
Объект № 2 расположен в 139 м к ЮЮЗ от объекта № 1. Представлен кольцом, сложенным из крупных речных валунов. Диаметр кольца 22,3 м. В центре его находится круглая насыпь из валунов с задернованными периферийными участками. Высота насыпи 0,3 м. В ее центральной части прослежено округлое понижение диаметром 2 м, глубиной 0,3 м. К ЮЗ от него – еще одно понижение аморфной формы; его максимальные размеры: 4,5 × 3,5 м. Внешнее кольцо соединено с насыпью перемычками из двух параллельно расположенных рядов крупного валунника. Эти перемычки строго ориентированы: две (“северная” и “южная”) – по линии С – Ю, а третья (“восточная”) – по линии З – В. В западной части насыпи перемычка не прослежена. Длина перемычек 5–5,5 м. Во внешнем кольце, в местах его соединения с “северной” и “восточной” перемычками, находятся наиболее крупные валуны, значительно превосходящие по размерам остальные камни кольца, а в месте соединения с “южной” перемычкой зафиксирован разрыв шириной 1,5 м.

Объект № 3 расположен в 39,6 м к ЮВ от сооружения № 2 (объекты № 1–3 находятся у подножия горного обрамления долины). Представляет собой кольцо диаметром 12 м, сложенное из речных валунов. На внутренней площадке кольца расположена круглая насыпь диаметром 9 м, высотой 0,2 м. Насыпь сложена из валунов, не задернована, поверхность ее плоская. Она находится немного западнее центральной части внутренней площадки кольца. В результате западная периферия насыпи сливается с кольцом.

Объекты № 4–6 расположены в 9–10 м к З и СЗ от объекта № 3. Представляют собой кольцевые выклад-

0 10 м

2

Рис. 1. План комплекса Аргамджи I (фрагмент).

ки из окатанного рекой валунника. Их диаметры соответственно 1,3; 1,4 и 2 м. Выкладки образуют цепочку, ориентированную по линии СВ – ЮЗ. Расстояние между кольцами № 4 и 6, которые максимально удалены друг от друга в этой цепочке, составляет 9 м.

Объект № 7 расположен в 136,4 м к ЮЗ от объекта № 3. Представлен двумя крупными сланцевыми камнями, лежавшими на узких гранях на расстоянии 1,5 м друг от друга. Высота камней над уровнем дерна не более 0,5 м. Определить размеры камней в момент первоначальной фиксации не представлялось возможным, поскольку их основная часть находилась под дерном (рис. 2), поверх которого была скрыта мощный выброс галечника из норы сурка. Как выяснилось уже при первоначальном осмотре, края камней подверглись обработке, а на грани нанесена выбивка (ее частично скрывали лишайники). Даже по выступавшим на поверх-

Рис. 2. Камень № 2, лежащий на современной дневной поверхности.

ности фрагментам можно было определить, что это упавшие оленные камни. С целью получения максимальной информации оба изваяния подняли и установили в первоначальном положении, при этом были сохранены порядок их взаиморасположения и ориентация граней. Разумеется, нельзя говорить об абсолютной точности восстановления памятника, т.к. при падении обелиски могли потерять первоначальную ориентацию относительно друг друга, между тем очевидно, что стоящие рядом стелы – часть единого ритуального комплекса (рис. 3, 4).

Камень 1 (рис. 5, 6). Представляет собой сланцевую плиту прямоугольной формы. Высота наземной части 180 см, ширина боковых граней 38 и 45 см, ширина лицевой – 13,5 см, а противоположной ей грани – 16 см. Все края подшлифованы; вершина камня слегка скошена под углом, верх этой узкой “лицевой грани” моделирован в виде человеческого лица. Реалии – пояс, диадема, серьги – изображены в технике глубокой ровной выбивки, края сколов подшлифованы. Конические бусы показаны глубокими лунками, которые соединены линией, выполненной менее глубокой выбивкой, – таким образом показана нить или ремешок, на который надеты бусины. В нижней части стела обызвесткована и местами покрыта лишайником.

Камень 2 (рис. 7). Имеет скошенный верхний край, высота наземной части 230 см, ширина боковых граней 44 и 51 см, лицевой и противоположной ей соответственно 10,5 и 11 см. Края камня обтесаны и отшлифованы. В средней части камня – небольшой древний скол, появившийся, видимо, до оформления изваяния; в верхней части сколами разрушена часть поверхности с изображениями. Одна из боковых и лицевая поверхности стелы покрыты лишайником. Вверху на узкой грани плиты – углубление в форме правильного круга, очевидно, естественного происхождения. Изображения нанесены

Рис. 3. Восстановленные изваяния Аргамджи I.

тщательной выбивкой, а края сколов подшлифованы. В отличие от первого изваяния, серьга с конической подвеской воспроизведена лишь на одной боковой грани. В средней части изваяния на одной поверхности между поясом и ожерельем изображен диск, по всей видимости, воспроизводящий зеркало с ручкой, а на противоположной – две параллельные линии и кольцо. На поясе показаны лук в горите, подвешенный к поясу на двух ремешках (рис. 8), и, вероятно, плеть. Выбивкой с последующей подшлифовкой обозначены конические бусы, глубокая резная линия внутри бусин воспроизводит нить, на которую они нанизаны.

Приблизительно в 0,7 км к ЮЮВ от оленных камней находятся еще два объекта – памятники Аргамджи IV и V. С них, несомненно, были видны вертикально установленные стелы, возможно, они были синхронны изваяниям.

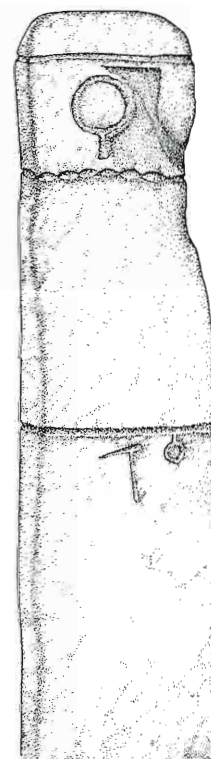
Памятник Аргамджи IV зафиксирован в седловине моренной гривы на берегу безымянного озера. Одинокруглая в плане плоская насыпь диаметром 17,5 м, высотой 0,2 м от уровня современной поверхности сложена из валунов и рваного камня

Рис. 4. Оленные камни Аргамджи I на фоне г. Таван-Богдо Ула (вид с С).

а

б

Рис. 5. Камень 1.
а – фото, б – прорисовка.

средних размеров. В северо-восточной части насыпи наблюдается понижение размерами $2 \times 3,5 \times 0,15$ м. Насыпь сильно задернована. В 4 м севернее находится округлая кладка диаметром 1,5 м из крупных валунов. От нее к ССЗ отходит своего рода луч длиной 6 м, выложенный валунами. В 3 м западнее насыпи – кольцевые кладки диаметром 1,5–2 м, выложенные из 7–12 валунов среднего диаметра. В центре некоторых кладок расположено по одному-два

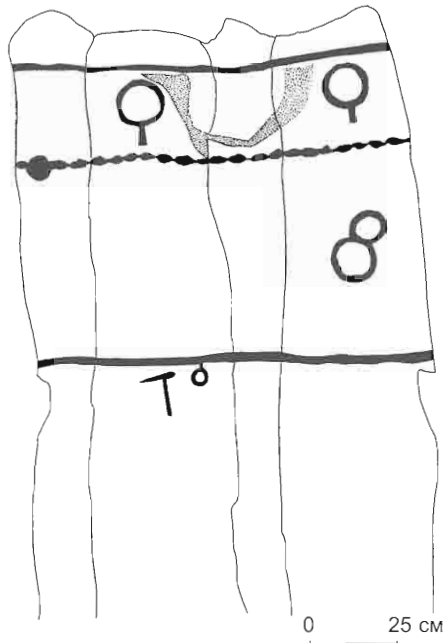

Рис. 6. Изображения на гранях изваяния 1.

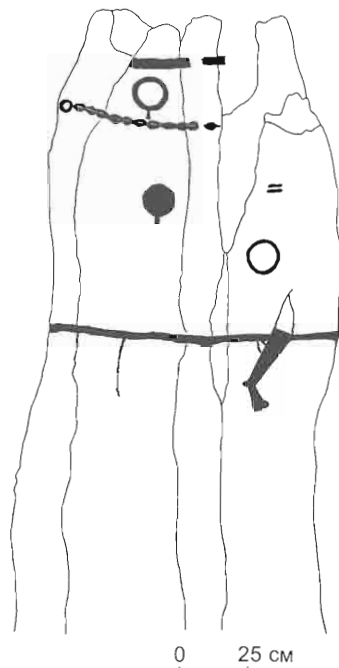

Рис. 7. Изображения на гранях камня 2.

валуна. В 3 м к ЮВ от насыпи семь таких же колец образуют дугу, повернутую внутренней стороной на ЮВ.

Памятник Аргамджи V находится в 120 м к ЮЗ от памятника Аргамджи IV. Представляет собой кольцевую кладку из плит и валунов. Внутренняя площадка имеет сложную форму. Опорные точки конструкции

Рис. 8. Изображение лука в горите на камне 2.

подчеркнуты крупными валунами или обломками плит. В ней по линии В – 3 вертикально стоящими плитами высотой 0,4–0,5 м обозначены своеобразные “ворота” шириной 0,7–0,8 м. Напротив восточных “ворот” в 1,5 м от объекта вертикально установлен валун трапециевидной формы высотой 1 м, размерами (в верхней части) 0,8 × 0,5 м. Он окружен кольцом, сложенным из небольших валунов. Основой внутренней конструкции объекта являются четыре “луча” длиной 2,5 м, сложенные из валунов среднего диаметра. “Лучи” сходятся по линии В – 3 и как бы делят пространство на южный и северные секторы. Ширина разрыва между “лучами” по линии В – 3 составляет 3 м. В 0,6 м от внутреннего края северной дуги, поврежденной норой сурка, врыта плита, ориентированная широкой плоскостью на юг. Размеры ее видимой части 0,5 × 0,2 м, высота 0,4 м. С южной стороны к плите примыкает кладка подпрямоугольной формы, размерами 1,5 × 1,3 м, сооруженная из небольших плит.

Анализ источников

Оба оленных камня комплекса Аргамджи I изготовлены из крупных блоков сланца. Один камень сигарообразной, другой прямоугольной формы, углы подтесаны. Обе стелы прямоугольные в сечении. Близким аналогом данному памятнику по форме и, очевидно, назначению является ансамбль из трех монументальных стел-обелисков фаллообразной формы, обнаруженных, как и на Укоке, лежащими на террасе Катуня

выше с. Иня и поднятых В.Д. Кубаревым (рис. 9). Оба укокских изваяния, в отличие от чуйских, на которых показан минимум реалий (причем не на всех стелах), содержат характерные для оленных камней изображения.

На обеих стелах воспроизведены обычные для оленных камней Евразии атрибуты, символизирующие антропоморфный образ героя – воина-предка. Это диадемы, показанные ровной желобчатой выбивкой на вершинах обелисков, серьги с подвесками, ожерелья, пояса, зеркала и оружие. Структурные зоны, которым соответствуют опоясывающие изображения диадем, ожерелий и поясов, по пропорциям на обоих изваяниях практически одинаковы. Запечатленные на них диадемы, серьги и ожерелья воспроизводят идентичные артефакты. Округлые “застежки” на ожерельях в виде кольца и диска на обеих стелах показаны на “шее” человеческой фигуры – на узкой грани камня, противоположной лицевой.

Установленные “плечом к плечу” стелы различаются по некоторым деталям реалий. Кроме того, у воплощенных в камне персонажей разное оружие: у одного лук в горите и, возможно, плеть, у другого – чекан. На поясе рядом с чеканом изображено кольцо, в средней части другой стелы – две параллельные линии (данный элемент и более часто встречающиеся три параллельные линии обозначены, как правило, в верхней части подобных изваяний). У меньшего изваяния человеческое лицо искусно моделировано рельефом в верхней части обелиска на трех плоскостях камня. Для этого фон камня на боковых широких гранях был углублен, а лицо являла узкая грань изваяния (см. рис. 5, 6). Края стелы тщательно подшлифованы.

Человеческое лицо, моделированное на одной из стел Аргамджи I (но не изображение его черт или стилизованное воспроизведение личины), по семантике и стилю оформления соответствует изображениям на оленных камнях, антропоморфность которых по существу символизируется. Как отметил В.В. Волков, исследовавший многочисленные оленные камни Монголии, “обычно человеческое лицо на оленных камнях лишь намечено” [1981, с. 84]. Э.А. Новгородова вместе с редкими образцами оленных камней Монголии типа ушкийн-увэрского, достаточно реалистично воспроизводящими черты человеческого лица, опубликовала несколько изваяний, на которых лицо дополнительно выделено рельефом на плоскости, как и на аргамджинском камне [1989, с. 183, рис. 7, 9, 11–13]. Изваяние, оформленное подобным образом, известно в Туве (Самагалтай). На нем лицо выделено рельефом камня без воспроизведения черт (их заменяют три параллельные линии), на боковой поверхности показана рука или фигура оленя [Grjaznov, 1984, S. 58; S. 74, Abb. 29, 9].

Д.Г. Савинов, подробно проанализировавший серию стел с наиболее детализированными антропоморфными чертами, отметил, что подобные изваяния относятся к разным типам оленных камней и не являют собой ни исходный, ни конечный образец развития традиции данного вида творчества. Это связано, как полагает исследователь, с особенностями мифологизации исходного образа или с его социальным статусом [1994, с. 82]. Истоки же облика воспроизводимого в изваянии антропоморфного образа, по его мнению, “уходят в глубину эпохи бронзы”. Особое внимание в связи с этим Д.Г. Савинов уделил выявлению черт окуневской культуры в раннекочевнических культурах Центральной Азии [1993; 1994, с. 86–90].

Изваяния с рельефным воплощением человеческого лица отмечены на территории Тувы (камень с г. Чарга и стела из Туранского музея) [Килуновская, Семенов, 1999, с. 139, 140, рис. 11, 12], Казахстана (Жантабыл, Маркаколь), а также Алтая (Чуйский оленный камень и изваяние в Кызыл-Джаре) (см.: [Савинов, 1994, с. 84]). Изваяние с подобным изображением личины недавно было обнаружено в долине р. Сентелек (Российский Алтай) в составе сложного погребально-поминального комплекса [Гельмел и др., 1995, с. 16].

На Алтае известны также антропоморфные изваяния и каменные скульптуры с “зооантропоморфными” чертами. Это фрагменты изваяний в Елангаше и окрестностях с. Иня [Кубарев, 1979, с. 9, рис. 2]. Скульптурное изображение человеческой головы было обнаружено на Укоке в каменной насыпи пазырыкского кургана и отнесено В.И. Молодиным к эпохе бронзы [1994, с. 43–45]. Уже приходилось отмечать, что названные артефакты, по всей видимости, принадлежали культурам эпохи бронзы Горного Алтая, возможно, каракольской или же близкой ей по времени. Эти материалы подтверждают вывод Д.Г. Савинова о том, что подобные изображения на оленных камнях являются отражением “предшествующей традиции” [1993, с. 24–26; 1994, с. 92].

Чекан, подвешенный бойком кверху, и зеркало на поясе на анализируемом укокском изваянии воспроизведены в общеевразийском каноне оформления оленных камней; изображения находят многочисленные аналоги. Фигура в виде восьмеркообразного знака или двух сомкнутых колец, показанная в средней зоне камня, в отличие от остальных реалий не поддается однозначной интерпретации, однако данный атрибут явно имел большое значение для создателей обелиска. Ближайшим его аналогом во всех отношениях являются два изображения на разных гранях камня, установленного в центре насыпи над погребением в кургане Ак-Алаха-2 на Укоке [Полосьмак, 1993, с. 21–31, рис. 5]. Значение этого памятника, в котором представлено несколько элементов раннескифской культуры [Там же, с. 21], в т.ч. ряды оленных камней, несомненно состав-

Рис. 9. Комплекс изваяний у с. Иня.

ляющие с насыпью кургана единый комплекс, пока не в полной мере оценено специалистами. На двух боковых гранях центрального камня в Ак-Алахе-2 имеются изображения, можно сказать, идентичные анализируемым [Там же, с. 27, рис. 5]. Они расположены в средней части камня, выше пояса человека. Подобные изображения показаны на одной из стел ямной культуры (Старогорожено II) [Telehin, Mallory, 1995, p. 321, fig. 2, 4].

Следы выбивки (неясные контуры с сильно сглаженными краями), возможно эскизы фигур животных, отмечены на боковой грани аргамджинского изваяния. Может быть, там было помещено несколько фигур животных (оленей?) одна над другой, но эти изображения очень нечеткие.

На Укоке, помимо комплекса Ак-Алаха-2, известно еще несколько стел, сходных с оленными камнями. В долине р. Ак-Алаха (урочище Кенеткель) зафиксирована каменная стела, напоминающая олений камень; она находится в центре оградки, сложенной из сланцевых плит (рис. 10). Здесь обследован ритуальный комплекс из двух оград с вертикальными каменными столбами на внутренней площадке. Наземная часть камня, установленного в оградке № 1, разделена пополам поперечным углублением. Вероятно, естественный рельеф камня мог восприниматься как пояс, воспроизводимый на большей части оленных камней (см.: [Молодин, Новиков, Черемисин, 1995, с. 146–148, рис. 18]). Плита вкопана таким образом, что углубление, разделяя камень на две равные части, приходится точно на середину. Стела, установленная в центре соседней оградки, сильно наклонена и не имеет изображений в наземной части, хотя не исключено, что и она может являться оленьим камнем. К разряду оленных камней по аналогии с невысокими (до 1 м) образцами из Ак-Алахи-2, возможно, стоит отнести миниатюрную стелу, установленную в центре насыпи кургана могильника Мойнак I [Там же, с. 126, рис. 3].

Рис. 10. Стела в оградке (урочище Кенеткель).

Большая серия оленных камней Восточного Алтая опубликована В.Д. Кубаревым. Благодаря раскопкам, проведенным им на Юстыдском комплексе, установлена связь оленных камней с кольцевыми выкладками со следами кострищ и жертвоприношений, т.е. с ритуалами, которые исследователь считает поминальными [1979, с. 28–40, 91–96]. В настоящее время на территории Алтая, согласно последним данным В.Д. Кубарева, известно чуть более 100 оленных камней*. Заслуживает внимания отмеченная В.Д. Кубаревым традиция установки парных изваяний. Парные стелы встречаются в долинах верховьев Чуи, а также на Укоке в урочище Аргамджи.

Необходимо отметить также распространение традиции устанавливать монументальные изваяния, символизирующие фигуру человека, на территории Китая. Сегодня известно о 63 отмеченных здесь оленных камнях разных типов** [Ван Бо, 1995; Сюй Юйфан, Ван Бо, 2002; Ван Бо, Ци Сяошань, 1996; Natakeyama Tei, 2002]. Большая часть из них зафиксирована в пределах южных отрогов Алтая, на территории Синьцзян-Уйгурского автономного

* Благодарим В.Д. Кубарева за предоставленную в наше распоряжение неопубликованную информацию.

** Благодарим И.В. Астрелину за информацию о результатах новейших исследований оленных камней Синьцзяна.

района, в разных пунктах зоны, пограничной с Монголией, Казахстаном, Россией. Часть изваяний опубликована [Чжунго Аэртайшань яньхуа, 1987, с. 72, 121; Pak, 1995, fig. 6; 19, 9; Ковалев, 2000, с. 164, рис. 12, 1–3; с. 168, рис. 14; Ван Бо, Ци Сяошань, 1996; Су Бэйхай, 1994, с. 44–46; Варенов, 1998, с. 91–92; Худяков, Комиссаров, 2002]. Китайский исследователь Ван Бо делит оленные камни Синьцзяна на два типа. К первому он относит обелиски со стилизованными изображениями оленей (изваяния монголо-забайкальского типа), ко второму – стелы, украшенные “геометрическим орнаментом” в верхней и изображением оружия в средней частях изваяний. Анализируя эти материалы, Ван Бо в целом придерживается концептуальной схемы, разработанной В.В. Волковым при изучении оленных камней Монголии [Wang Bo, 2001, S. 105–131].

Выводы

В укокском комплексе, на наш взгляд, очевидна и показательна связь оленных камней с другими памятниками раннескифского времени – херексурами, весьма редкими среди археологических объектов на плоскогорье, а также погребальными памятниками типа Ак-Алахи-2. Изображения животных на некоторых оленных камнях этого кургана имеют прямые аналоги среди петроглифов плоскогорья, что позволяет синхронизировать данные изображения и выделить на Укоке наскальные изобразительные памятники начала I тыс. до н.э., предшествующие пазырыкским.

Список литературы

- Варенов А.В.** Оленные камни из Восточного Туркестана // Конф. по первобытному искусству: Тез. докл. – Кемерово: Сиб. ассоц. исследователей первобыт. искусства. – 1998. – С. 91–92.
- Ван Бо.** Обзор оленных камней Синьцзяна // Каогусюэ цзикань. – 1995. – № 9. – С. 239–260 (на кит. яз.).
- Ван Бо, Ци Сяошань.** Сычоу чжилу цаоюань шижэнь яньцзю (Изучение степных каменных изваяний на Шелковом пути). – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. – 313 с. +199 с. (на кит. яз.).
- Волков В.В.** Оленные камни Монголии. – Улан-Батор: Изд-во АН МНР, 1981. – 254 с.
- Гельмелъ Ю.И., Демин М.А., Ситников С.М., Шульга П.И.** Работы в долине Сентелек // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1995. – С. 16.
- Килуновская М.Е., Семенов В.А.** Оленные камни Тувы (Ч. 2: Сюжеты, стиль, семантика) // Археол. вести. – 1999. – № 6. – С. 130–143.
- Ковалев А.А.** О происхождении оленных камней западного региона // Археология, палеоэкология и палеодемография Евразии. – М.: Геос, 2000. – С. 138–180.
- Кубарев В.Д.** Древние изваяния Алтая: Оленные камни. – Новосибирск: Наука, 1979. – 120 с.
- Молодин В.И.** Антропоморфное изваяние эпохи бронзы с Юго-Западного Алтая // Материалы по истории и культуре Республики Алтай. – Горно-Алтайск: ГАНИИЯЛ, 1994. – С. 43–45.
- Молодин В.И., Новиков А.В., Черемисин Д.В.** Археологические памятники долины Мойнак и ближайших окрестностей (Горный Алтай, плоскогорье Укок) // Археология вчера, сегодня, завтра. – Новосибирск: Новосиб. пед. ун-т, 1995. – С. 121–160.
- Новгородова Э.А.** Древняя Монголия. – М., Наука, 1989. – 383 с.
- Полосьмак Н.В.** Исследования памятников скифского времени на Укоке // Altaica. – 1993. – № 3. – С. 21–31.
- Савинов Д.Г.** Антропоморфные изображения эпохи бронзы и раннескифского времени из восточной части евразийских степей // Петербург. археол. вестн. – 1993. – № 6. – С. 23–27.
- Савинов Д.Г.** Оленные камни в культуре кочевников Евразии. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1994. – 209 с.
- Су Бэйхай.** Синьцзян яньхуа (Петроглифы Синьцзяна). – Урумчи: Синьцзян мэйшу шэинь чубаньшэ, 1994. – 614 с. (на кит. яз.).
- Сюй Юйфан, Ван Бо.** Исследование каменных изваяний и оленных камней уезда Бурцзинь // Синьцзян вэньу. – 2002. – № 1/2. – С. 38–50 (на кит. яз.).
- Худяков Ю.С., Комиссаров С.А.** Каменные изваяния и оленные камни Восточного Туркестана (по новым материалам) // История и культура востока Азии: Материалы междунар. науч. конф. к 70-летию В.Е. Ларичева. – Новосибирск, ИАЭГ СО РАН, 2002. – С. 171–178.
- Grjaznov M.P.** Der Großkurgan von Aržan in Tuva, Südsibirien. – München: Verlag C.H. Beck. – 1984. – 88 S., 4 Taf.
- Hatakeyama Tei.** The Tumulus and Stag Stones at Shiebar – Kul in Xinjiang, China // The Stepper Archaeology Society. – 2002. – N 13.
- Pak Y.** A Study of the Bronze Age Culture of the Northern Zone of China. – Cambridge: Cambridge University Press, 1995.
- Telehin D.Ya., Mallory J.P.** Statue-menhirs of the North-Pontic Region // Notizie Archeologiche Bergomensi. – 1995. – N 3. – P. 319–332.
- Wang Bo.** Hirschteine in Xinjiang // Eurasia Antiqua. – 2001. – Bd. 7. – S. 105–131.
- Чжунго Аэртайшань яньхуа** (Наскальная живопись китайского Алтая). – Сиань: Шэнси жэньминь чубаньшэ, 1987 (на кит. яз.).

Материал поступил в редколлегию 18.12.03 г.

ЭПОХА ПАЛЕОМЕТАЛЛА

УДК 902.652+543.52+903.5

А.В. Вебер¹, О.И. Горюнова², Р.П. Бэукенс³

¹*Отделение антропологии, Университет Альберты, Эдмонтон, Альберта, Канада
Department of Anthropology, University of Alberta
Edmonton, AB, T6G 2H4, Canada
E-mail: aweber@ualberta.ca*

²*Иркутская лаборатория археологии и палеоэкологии Института археологии и этнографии СО РАН –
Иркутского государственного университета
ул. Карла Маркса, 1, Иркутск, 664003, Россия
E-mail: as122@yandex.ru*

³*Лаборатория Iso Trace, Университет Торонто, Торонто, Онтарио, Канада
Iso Trace Laboratory, University of Toronto
Toronto, ON, M5S 1A7, Canada
E-mail: roelf.beukens@utoronto.ca*

РАДИОУГЛЕРОДНОЕ ДАТИРОВАНИЕ МОГИЛЬНИКА ЭПОХИ БРОНЗЫ ХУЖИР-НУГЭ XIV (оз. Байкал)

Введение

Для могильника Хужир-Нугэ XIV (рис. 1, 2) по человеческим костям получено 80 ¹⁴C-дат (почти для всех раскопанных захоронений). Эта серия дат является уникальной, т.к. ни один могильник неолита и эпохи бронзы Прибайкалья не был датирован настолько тщательно. Следовательно, материалы Хужир-Нугэ XIV открывают новые возможности для изучения различных проблем, связанных с его функционированием. В данной работе мы сосредоточимся на таких вопросах, как общая продолжительность использования могильника, хронологическое и пространственное распределение могил.

Материалы и методы исследования

В итоге шести сезонов полевых исследований (1993, 1997–2001 гг.) на могильнике Хужир-Нугэ XIV был получен обширный археологический материал по 79 вскрытым могилам, в которых зафиксированы костные остатки 89 индивидуумов. На основании ти-

пологических критериев погребального обряда и сопроводительного инвентаря могила 7 была отнесена к серовской культуре, а остальные – к глазковской. В мог. 7 погребенный был уложен головой на север. Подобная ориентация характерна для большинства серовских погребений в Приольхонье [Горюнова, 1997]. В глазковских могилах с достаточно хорошо сохранившимися костями погребенные были уложены головой на запад или юго-запад. Мог. 7 исключена из дальнейшего анализа, кроме тех случаев, где это специально отмечается.

Датирование костного материала, полученного от 83 из 89 индивидуумов, проводилось на масс-спектрометре в радиоуглеродной лаборатории Iso Trace Университета Торонто (Канада). Состояние остеологических остатков четырех индивидуумов было неудовлетворительным для любых лабораторных анализов, включая и радиоуглеродное датирование; мог. 30 и вовсе не содержала никакого антропологического материала. Все образцы были обработаны и датированы по очищенным коллагеновым фракциям при помощи усовершенствованной методики Р. Лонжина [Longin, 1971]. Анализ каждого из них проводился дважды, после чего усредненные результаты дати-

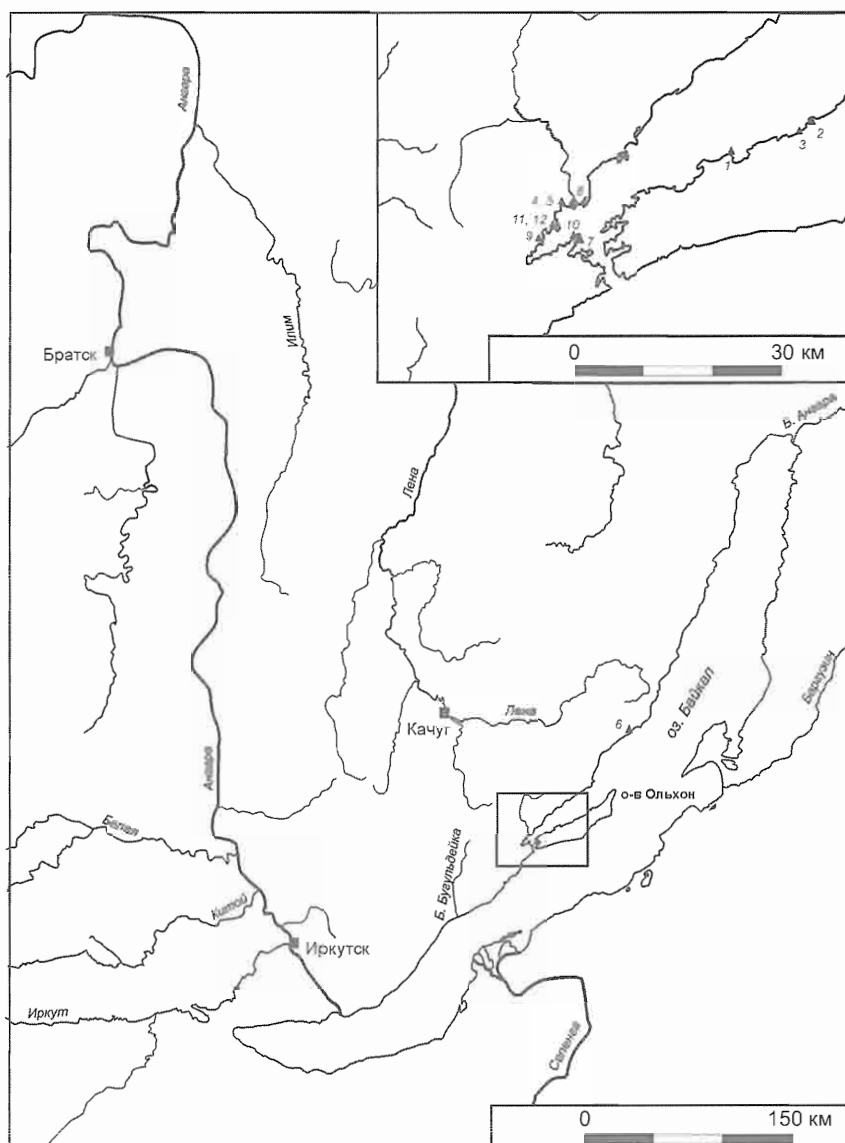

Рис. 1. Расположение основных могильников серовской и глазковской культуры в районе Малого моря на Байкале.

1 – Елга III, 2 – Харанса I, 3 – Шаманский Мыс, 4 – Хужир-Нугэ VI, 5 – Хужир-Нугэ XIV, 6 – Кулгана, 7 – Саган-Нугэ, 8 – Сарминский Мыс, 9 – Шракшюра II, 10 – Улан-Хада, 11 – Улярба I, 12 – Улярба II.

рования были поправлены с учетом изотопного разделения, полученного при фотосинтезе и эффекте ионного напыления в масс-спектрометре. Радиоуглеродный возраст образцов вычислялся по методу Либби, основанному на полураспаде ^{14}C , равном 5 568 лет.

Для датирования хорошо сохранившихся костей на ускорительном масс-спектрометре обычно требуется 200–300 мг костной массы, но остеологические материалы из Хужир-Нугэ XIV плохой сохранности, поэтому мы использовали 2–4 г. Усовершенствованная методика Р. Лонжина по экстракции

коллагена позволяет эффективно устранять любые остаточные загрязнения, если таковые присутствуют. Она не оказывает значительного влияния на результаты радиоуглеродного анализа, если костный материал имеет высокое содержание коллагена. Однако образцы, в которых его меньше 5 % от сохранившегося первоначального количества белка (что приблизительно соответствует выходу коллагена менее 1 %), могут дать неправильные ^{14}C -даты из-за любого остаточного загрязнения [Taylor, 1997]. В нашем случае примерно треть всех образцов имела выход коллагена более 1 %, а несколько – очень

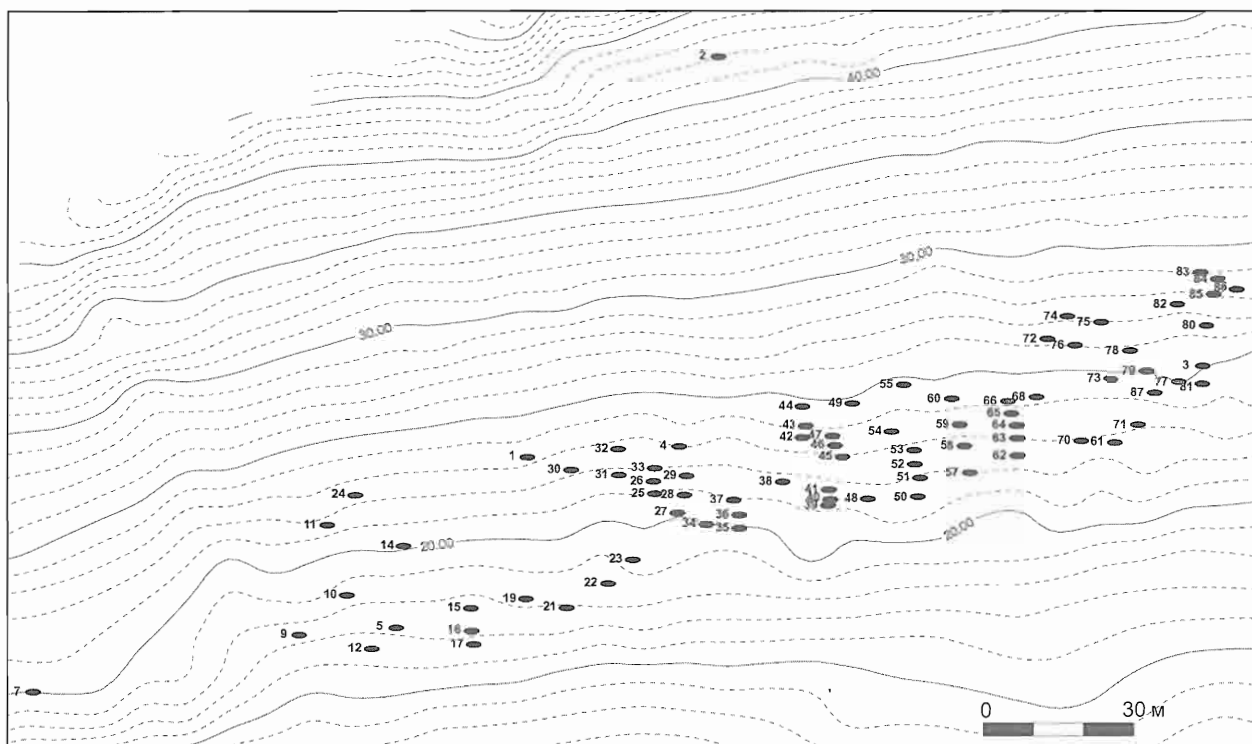

Рис. 2. Топографическая карта могильника Хужир-Нугз XIV.
Объекты № 6, 8, 13, 18, 20, 56, 67, 69 не указаны,
т.к. не являются погребениями.

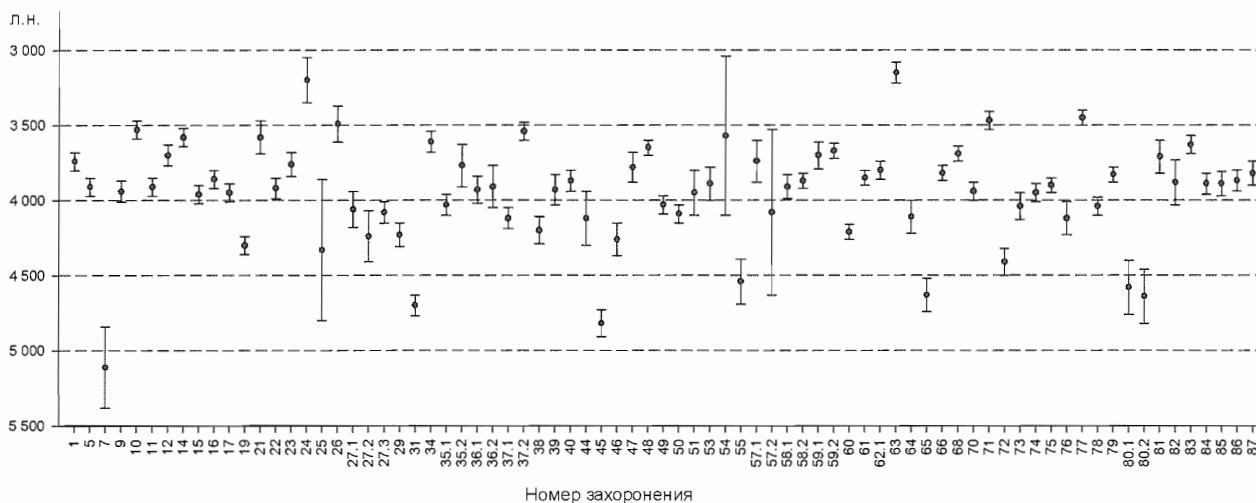

Рис. 3. ^{14}C -даты по могильнику Хужир-Нугз XIV.

низкий. В последнем случае были получены результаты с крайне большими стандартными погрешностями, и поэтому такие данные не принимались во внимание. Некоторые образцы содержали недостаточное для радиоуглеродного датирования количество коллагена, а несколько других дали приемлемые результаты лишь при повторном анализе.

Даты, полученные по образцам с выходом коллагена меньше 1 %, не были исключены из нашего набора данных, т.к. до сих пор не ясно, является ли 1 % приемлемой границей для пустынных (аридных) и полупустынных зон района Малого моря на Байкале или нет. Этот предел преимущественно применяется для влажных и умеренных зон Северо-Западной

Таблица 1. ¹⁴C-даты по могильнику Хужир-Нугэ XIV

№ п/п	Номер могилы и костяка	Географические координаты, м			Год	Номер образца	Шифр	Содержание коллагена, %	Дата, л.н.
		Север	Восток	Высота					
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	01	1047,79	2044,09	23,47	1993	1997.007	TO-10097	0,70	3 740 ± 60
2	05	1013,82	2018,12	17,17	1993	1997.008	TO-10098	0,70	3 910 ± 60
3	07	1001,13	1946,09	20,07	1997	1997.198	TO-06862	0,04	5 110 ± 270
4	09	1012,42	1998,92	17,62	1997	1997.199	TO-06863	0,30	3 940 ± 70
5	10	1020,30	2008,40	18,40	1997	1997.200	TO-07834	0,60	3 530 ± 60
6	11	1034,25	2004,48	21,34	1997	1997.201	TO-06864	10,30	3 910 ± 60
7	12	1009,67	2013,27	16,46	1997	1997.202	TO-07835	1,70	3 700 ± 70
8	14	1030,08	2019,57	20,09	1997	1997.203	TO-06865	0,70	3 580 ± 60
9	15	1017,66	2032,91	17,82	1997	1997.204	TO-06866	1,70	3 960 ± 60
10	16	1013,21	2033,08	17,16	1997	1997.205	TO-07836	2,50	3 860 ± 60
11	17	1010,51	2033,45	16,81	1997	1997.409	TO-08483	1,80	3 950 ± 60
12	19	1019,52	2043,86	18,15	1997	1997.206	TO-07837	0,70	4 300 ± 60
13	21	1017,79	2051,90	17,97	1997	1997.410	TO-08484	0,30	3 580 ± 110
14	22*	1022,58	2060,06	18,81	1997	1997.235	TO-06867	0,70	3 920 ± 70
15	23	1027,38	2064,97	19,61	1997	1997.230	TO-07838	0,20	3 760 ± 80
16	24*	1040,24	2009,98	22,69	1997	1997.236	TO-06868	0,10	3 200 ± 150
17	25**	1040,43	2069,34	21,27	1998	1998.303	TO-09375R	0,13	4 330 ± 470
18	26*	1042,92	2069,07	21,73	1998	2001.608	TO-10101	0,20	3 490 ± 120
19	27-1	1036,77	2073,94	20,29	1998	1998.304	TO-08485	0,70	4 060 ± 120
20	27-2	1036,77	2073,94	20,29	1998	1998.305	TO-09376	0,40	4 240 ± 170
21	27-3	1036,77	2073,94	20,29	1998	1998.306	TO-09377	0,70	4 080 ± 70
22	29	1044,00	2075,69	21,93	1998	1998.308	TO-08487	0,40	4 230 ± 80
23	31*	1044,17	2062,17	21,82	1998	1998.309	TO-09378	0,20	4 700 ± 70
24	34	1034,58	2079,59	20,37	1998	1998.390	TO-09380	0,60	3 610 ± 70
25	35-1	1033,75	2086,06	20,30	1998	1998.391	TO-09381	4,70	4 030 ± 70
26	35-2	1033,75	2086,06	20,30	1998	1998.313	TO-09382	0,30	3 770 ± 140
27	36-1	1036,33	2086,08	20,60	1998	1998.318	TO-09383	0,20	3 930 ± 90
28	36-2	1036,33	2086,08	20,60	1998	1998.392	TO-09384	0,50	3 910 ± 140
29	37-1	1039,21	2085,02	21,07	1998	2001.594	TO-10108	0,50	4 120 ± 70
30	37-2	1039,21	2085,02	21,07	1998	1998.393	TO-09386	0,90	3 540 ± 60
31	38	1042,85	2094,83	21,80	1998	1998.326	TO-09387	1,10	4 200 ± 90
32	39	1038,38	2103,77	21,04	1998	1998.323	TO-09388	1,70	3 930 ± 100
33	40*	1039,41	2104,21	21,20	1998	1998.324	TO-09389	3,40	3 870 ± 70
34	44	1057,83	2098,64	24,95	1999	1999.180	TO-09391	0,30	4 120 ± 180
35	45	1047,85	2106,62	22,92	1999	1999.155	TO-09392	0,20	4 820 ± 90
36	46	1050,13	2105,13	23,77	1999	1999.128	TO-09393R	0,30	3 920 ± 70
37	47	1052,02	2104,58	23,74	1999	1999.150	TO-09394	2,00	3 780 ± 100
38	48	1039,44	2111,69	21,51	1999	1999.188	TO-09429	1,00	3 650 ± 50
39	49	1058,43	2108,57	24,83	1999	1999.184	TO-09395	2,60	4 030 ± 60
40	50	1039,87	2121,71	21,70	1999	1999.187	TO-09396	31,10	4 090 ± 60
41	51	1043,63	2122,08	21,99	1999	1999.138	TO-09397	0,30	3 950 ± 150
42	53	1049,12	2120,87	22,83	1999	1999.144	TO-09399	3,20	3 890 ± 110
43	54	1052,80	2116,39	23,55	1999	1999.177	TO-09400	0,20	3 570 ± 530
44	55	1062,18	2118,72	25,32	1999	1999.143	TO-09401	0,40	4 540 ± 150
45	57-1**	1044,70	2132,03	22,01	1999	1999.182	TO-09402	0,50	3 740 ± 140
46	57-2	1044,70	2132,03	22,01	1999	1999.175	TO-09403	0,10	4 080 ± 550

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
47	58-1	1050,02	2130,94	22,79	1999	1999.154	ТО-09404	0,70	3 910 ± 80
48	58-2	1050,02	2130,94	22,79	1999	1999.181	ТО-09405	0,80	3 870 ± 50
49	59-1	1054,25	2130,02	23,59	1999	1999.148	ТО-09406	1,00	3 700 ± 90
50	59-2	1054,25	2130,02	23,59	1999	1999.186	ТО-09407	2,20	3 670 ± 50
51	60	1059,33	2128,33	24,54	1999	1999.178	ТО-09408	1,10	4 210 ± 50
52	61*	1050,65	2160,64	22,85	2000	2000.160	ТО-09409	1,40	3 850 ± 50
53	62-1*	1048,08	2141,45	22,35	2000	2000.136	ТО-09410R	0,30	3 800 ± 60
54	63	1051,57	2141,35	23,16	2000	2000.145	ТО-09412	0,50	3 150 ± 70
55	64	1054,12	2141,27	23,34	2000	2000.129	ТО-09413	0,20	4 110 ± 110
56	65	1056,45	2140,28	23,75	2000	2000.158	ТО-09414	0,20	4 630 ± 110
57	66	1058,82	2139,39	24,20	2000	2000.152	ТО-09415	0,90	3 820 ± 50
58	68	1059,65	2145,11	24,23	2000	2000.135	ТО-09416	1,80	3 690 ± 50
59	70*	1051,00	2153,99	23,86	2000	2000.155	ТО-09417	10,80	3 940 ± 60
60	71*	1054,16	2165,20	23,41	2000	2000.147	ТО-09418	0,60	3 470 ± 60
61	72*	1071,27	2147,19	26,53	2000	2000.162	ТО-09419	0,20	4 410 ± 90
62	73*	1063,44	2159,93	24,89	2000	2000.154	ТО-09420	0,50	4 040 ± 90
63	74***	1075,68	2151,22	27,31	2000	2000.163	ТО-09421	1,20	3 950 ± 60
64	75*	1074,56	2157,85	27,11	2000	2000.165	ТО-09422	4,20	3 900 ± 50
65	76*	1069,96	2152,68	26,16	2000	2000.120	ТО-09423	0,30	4 120 ± 110
66	77	1062,76	2173,40	24,78	2000	2000.169	ТО-09424	1,00	3 450 ± 50
67	78*	1068,95	2163,62	25,91	2000	2000.131	ТО-09425	0,20	4 040 ± 60
68	79*	1065,03	2166,92	25,27	2000	2000.121	ТО-09426	1,90	3 830 ± 50
69	80-1*	1073,89	2178,82	27,00	2000	2000.122	ТО-09427	0,50	4 580 ± 180
70	80-2*	1073,89	2178,82	27,00	2000	2000.125	ТО-09428	2,80	4 640 ± 180
71	81**	1062,23	2178,05	24,62	2001	2001.617	ТО-10107	0,20	3 710 ± 110
72	82*	1078,08	2172,97	27,73	2001	2001.610	ТО-10103	0,60	3 880 ± 150
73	83*	1084,59	2177,57	29,16	2001	2001.607	ТО-10100	0,50	3 630 ± 60
74	84*	1083,32	2181,06	28,85	2001	2001.611	ТО-10104	1,40	3 890 ± 70
75	85*	1080,39	2180,20	28,22	2001	2001.609	ТО-10102	1,30	3 890 ± 80
76	86*	1081,15	2184,90	28,40	2001	2001.614	ТО-10105	2,70	3 870 ± 70
77	87*	1060,49	2168,59	24,28	2001	2001.616	ТО-10106	0,50	3 820 ± 80
78	02	1127,53	2081,91	41,95	1993	–	ГИН-7523	–	2 900 ± 200
79	04**	1049,89	2074,20	29,60	1993	–	ГИН-7522	–	3 860 ± 100
80	05	1013,82	2018,12	17,17	1993	–	ГИН-8182	–	3 840 ± 150

Примечания. Объекты № 6, 8, 13, 18, 20, 56, 67 и 69 не учтены, т.к. не являются погребениями. Географические координаты – расстояние от условной нулевой точки, высота над уровнем оз. Байкал.

* Могила, сильно потревоженная в древности.

** Могила с изделиями из меди/бронзы.

*** Могила сильно потревожена в древности; обнаружены изделия из меди/бронзы.

Европы [Barrett, Beukens, Brothdwell, 2000]. Результаты датирования представлены в табл. 1, 2 и на рис. 3.

Все даты по Хужир-Нугэ XIV были калиброваны при помощи INTCAL-98 [Stuiver et al., 1998]. К сожалению, объем статьи не позволяет полностью опубликовать полученные результаты. В настоящей работе сокращение “л.н.” (лет назад) применяется для не-

калиброванных дат, а “до н.э.” (до нашей эры) – для калиброванных. Для простоты изображения весь графический материал выполнен на основе некалиброванных дат.

Образцы человеческих костей, полученные в 1993 г. из трех могил, относящихся к глазковской культуре, были датированы в Институте геологии РАН в Москве традиционным радиоактивным мето-

Таблица 2. Могилы (косяки) Хужир-Нугэ XIV, для которых ^{14}C -даты не определены

№ п/п	Номер могилы и косяка	Географические координаты, м			Год	Номер образца	Шифр	Содержание коллагена, %
		Север	Восток	Высота				
<i>Даты не получены из-за низкого уровня коллагена</i>								
1	25*	1040,43	2069,34	21,27	1998	1998.303	ТО-09375	0,00
2	28**	1040,17	2075,2	21,09	1998	1998.307	ТО-08486	0,00
3	32	1049,32	2062,05	22,65	1998	1998.310	ТО-09379	0,00
4	33	1045,52	2069,34	22,05	1998	2001.591	ТО-10099	0,08
5	37-1	1039,21	2085,02	21,07	1998	1998.320	ТО-09385	0,00
6	43	1054,01	2099,45	24,17	1999	1999.176	ТО-09390	0,00
7	52*	1046,3	2121,1	22,38	1999	1999.133	ТО-09398	0,00
8	62-1**	1048,08	2141,45	22,35	2000	2000.136	ТО-09410	0,00
9	62-2**	1048,08	2141,45	22,35	2000	2000.139	ТО-09411	0,00
<i>Датирование не проводилось из-за плохой сохранности скелетных остатков</i>								
10	03**	1065,84	2178,14	25,39	1993	–	–	–
11	30**	1045,18	2052,76	22,11	1998	–	–	–
12	37-3	1039,21	2085,02	21,07	1998	–	–	–
13	41	1041,36	2103,91	21,51	1998	–	–	–
14	42**	1051,69	2098,81	23,71	1999	–	–	–

* Могилы с изделиями из меди/бронзы.

** Сильно потревоженная могила.

дом [Горюнова, 1995]. Эти даты представлены в табл. 1, но исключены из анализа, т.к. они получены по другой методике и выход коллагена не был указан.

Функционирование могильника

Вопрос о продолжительности использования могильников до сих пор невозможно было поставить вследствие недостатка дат (это касается не только Прибайкалья, но и Западной Евразии, например, могильников Оленеостровский, Звейнеки, Вэдбек, Скاتهольм, Тевьек, Оэдик). Полученная для могильника Хужир-Нугэ XIV серия ^{14}C -дат позволяет предположить, что он функционировал в течение очень длительного времени – ок. 2 000 лет, приблизительно в интервале 4 900–2 900 л.н. (или ок. 2 900 калиброванных лет, 4000–1100 гг. до н.э.). Только серовская мог. 7 древнее всех остальных на 200–300 радиоуглеродных лет. Правда, по статистическим данным ее возраст перекрывается самыми ранними глазковскими могилами (см. рис. 3), возможно, это является результатом относительно больших стандартных ошибок.

В первую очередь необходимо выяснить, в какой степени результаты датирования обусловлены плохой (почти повсеместно на Хужир-Нугэ XIV) сохран-

ностью костных остатков, которая, как правило, непосредственно влияет на точность и достоверность получаемых ^{14}C -дат.

Серия из 76 новых радиоуглеродных AMS-дат, полученных по материалам глазковской культуры, показывает нормальное распределение со стандартной погрешностью (с учетом колебаний данных) в 272 года. Поправка к стандартной погрешности из упомянутых отклонений составляет лишь 73 года, указывая либо на очень длительное использование могильника, либо на значительное дополнительное колебание данных, связанное с низким содержанием коллагена в костном материале. Для 28 результатов, полученных по костям с выходом коллагена $\geq 1\%$, стандартная погрешность при учете колебаний составляет 187 лет с поправкой на 62 года из-за вышеупомянутых погрешностей; для 48 образцов с низким выходом коллагена – 337 лет с поправкой на 81 год. Поэтому результаты для обеих групп показывают дополнительные колебания, причем вторая, с наименьшим выходом коллагена, имеет наибольшие отклонения. Это, в частности, может служить подтверждением того, что дополнительные колебания проявляются из-за остаточного загрязнения в тех случаях, когда оно действительно было. Однако уровень загрязнения значительно варьирует от одного образца к другому. До тех пор пока вопрос о допустимом количестве кол-

лагена в материалах из районов Малого моря не будет решен, нам необходимо учитывать все даты.

Серия из 77 радиоуглеродных AMS-дат по Хужир-Нугэ XIV представлена в виде гистограмм (рис. 4). Важно отметить, что гистограммы и статистические тесты не учитывают стандартную ошибку индивидуальных определений. К сожалению, простого решения этой проблемы нет, и все-таки такой подход допускается при учете всех связанных с ним ограничений. Следуя рекомендациям в отношении числа разделений по оси X [Blalock, 1960; Doran, Hodson, 1975; Huntsberger, 1967; Shennan, 1988], мы распределили ^{14}C -даты по интервалам в 200 лет. Гистограмма показывает в основном нормальное распределение дат с пиком между 4 000 и 3 800 л.н. Эти наблюдения подтверждаются тестом Колмогорова–Смирнова, проведенным в статистической программе для общественных наук SPSS v. 11. Данный критерий определил, что распределение групп дат, полученных по образцам с пониженным (< 1 %, $n = 48$) и допускаемым (≥ 1 %, $n = 28$) выходом коллагена, также нормальное.

Нормальные распределения и совпадающие пики всех трех выборок (рис. 4), по нашему мнению, также подтверждают точность многих дат, полученных по образцам с пониженным выходом коллагена, хотя некоторые из них недостаточно достоверные из-за большой стандартной ошибки. Сравнение этих трех распределений показывает, что 48 дат, полученных по образцам с пониженным содержанием коллагена, не вносят заметной систематической ошибки. В целом они не выходят за рамки остальных дат и дают нормальное распределение с таким же пиком. Если бы все эти 48 дат были неточны в случайном порядке, можно было бы ожидать, что их разброс должен исказить распределение остальных 28 дат. Но в нашем наборе дат такое явление не наблюдается.

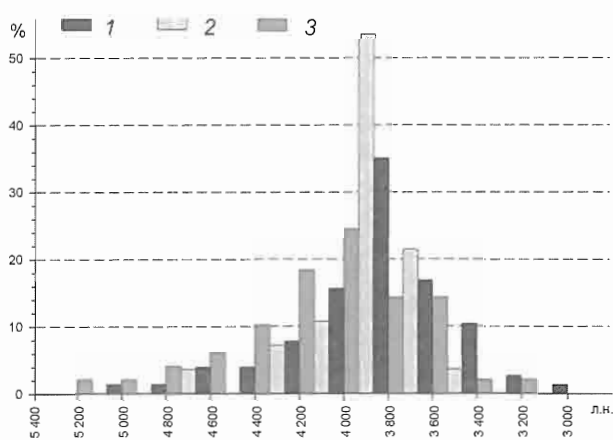

Рис. 4. Гистограммы ^{14}C -дат по могильнику Хужир-Нугэ XIV.

1 – все даты; 2 – даты по образцам с выходом коллагена ≥ 1 %; 3 – то же < 1 %.

Результат этого теста свидетельствует о том, что глазковцы не использовали могильник равномерно в течение 2 000 лет. Около 56 % ($n = 43$) всех индивидуумов было похоронено между 4 100 и 3 700 л.н. (см. рис. 3, 4). В момент этого пика могильник использовался с частотой 10,75 захоронения в 100 лет, но в период 4 000–3 800 л.н. были погребены 27 индивидуумов, что увеличивает данный показатель до 13,5. В течение оставшихся 1400 лет – в начале образования могильника и в конце его функционирования – в среднем получается только 2,3 захоронения на каждые 100 лет. Если в ходе последующих исследований все даты, установленные по образцам с низким содержанием коллагена, окажутся невалидными, то наши показатели использования могильника придется пересмотреть.

На следующем этапе анализа уделяется внимание изучению пространственных особенностей использования Хужир-Нугэ XIV. Благодаря топографической конфигурации могильника эта задача видится довольно простой. Хужир-Нугэ XIV расположен на южном склоне, и за исключением могил 2 и 7 его протяженность достигает 200 м с востока на запад и 35–40 м с севера на юг (см. рис. 2), что позволяет провести тест на корреляцию между радиоуглеродными датами, географическими координатами и нивелировочными отметками каждой могилы. Критерий Пирсона не продемонстрировал корреляцию между этими переменными. Могила 2, датированная $2\,900 \pm 200$ л.н., изолирована от других не только пространственно, но и хронологически.

По визуальным наблюдениям могилы 5, 9–12, 14–17, 19, 21–24 (западная группа) каким-то образом выделяются среди остальных (восточная группа), но хронологически они не отличаются от них. Корреляция между географическими координатами и радиоуглеродными датами внутри западной и восточной групп также не прослеживается. Сопоставив наиболее ранние даты с планом могильника, можно предположить, что самые первые могилы в целом равномерно распределены по всей территории (см. рис. 2, 3). Другими словами, они были сооружены в разных местах и на значительном расстоянии друг от друга (десять метров), а пустые места между ними заполнялись последующими погребениями.

На плане Хужир-Нугэ XIV (см. рис. 2) видно, что могилы либо беспорядочно разбросаны, либо организованы в хорошо различимые ряды, ориентированные более или менее по линии север – юг (параллельно линии падения склона). Каждый из них составляют три – пять могил, расположенных параллельно на довольно близком расстоянии друг от друга (ок. 2–3 м) и обычно примерно по прямой линии (напр., могилы 15–17). Всего таких могил по меньшей мере 35, и они составляют 10 рядов; 27 из 33 костяков из этих погребений

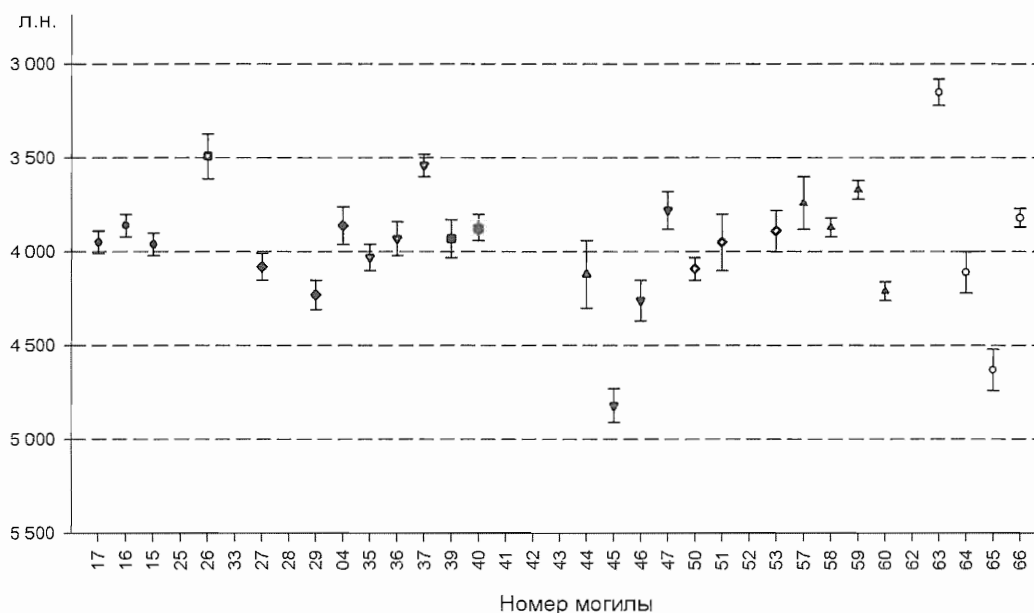

Рис. 5. ¹⁴C-даты по погребениям могильника Хужир-Нугэ XIV, организованным в ряды.

датированы по ¹⁴C (см. рис. 2, 5; табл. 1). К сожалению, лишь четыре ряда имеют полный набор дат. В целом результаты довольно интересные, хотя и неокончательные. Во-первых, хронологическое распределение этой группы образцов параллельно распределению всех дат. Во-вторых, в некоторых рядах наблюдается сравнительно короткий промежуток времени между сооружением могил (напр., 15–17 – 100 лет), в то время как другие ряды, согласно датам, создавались в течение нескольких столетий (напр., могилы 45–47 – 1000 лет). И в-третьих, одни из них (напр., могилы 45–47), вероятнее всего, были начаты с южного конца (снизу вверх по склону), а другие (напр., могилы 62–66) – возможно, с северного (вниз по склону). Интересно, что все могилы с двойными и тройными захоронениями находились в рядах.

Важное значение приобретает вопрос о синхронности создания коллективных погребений. На Хужир-Нугэ XIV таких могил девять: две с тройными захоронениями (27 и 37) и семь с двойными (35, 36, 57, 58, 59, 62 и 80). В большинстве случаев радиоуглеродные даты, полученные для погребенных в одной могиле, совпадают довольно-таки хорошо, перекрывая на 68 и 95 % доверительные интервалы. Это говорит о том, что захоронения производились, вероятно, одновременно. Согласно данным статистики, весьма значительно отличаются даты только для двух погребенных (мог. 37). Положение скелетов таково, что кости левой руки одного погребенного – с более поздней датой (37-2) – перекрывают кости правой руки и таз другого – с более ранней датой (37-1). Нет никаких признаков значи-

тельной потревоженности могилы или перемещения костяка 37-1, т.к. оба скелета сохранились в анатомическом порядке, что позволяет сделать предположение о синхронности захоронений. Наиболее вероятной причиной этой аномалии является низкое содержание коллагена в костях погребенного 37-1 (см. табл. 1), вследствие чего полученная ¹⁴C-дата может быть менее точной. Видимо, в будущем необходимо повторить датировку этих двух костяков.

Заключение

Предварительная обработка ¹⁴C-дат, полученных для Хужир-Нугэ XIV, предоставляет некоторые новые сведения о глазковских могильниках. Этот материал подтверждает полученные ранее данные радиоуглеродного датирования, свидетельствующие о том, что большинство крупных серовских и глазковских погребальных комплексов в Прибайкалье использовалось редко, но в течение длительного периода и более интенсивно в его середине. Многие из них, вероятнее всего, использовались одновременно. Кроме того, рост более крупных могильников был довольно сложным и, возможно, не являлся результатом простого добавления новых могил к существующему ядру. Например, на Хужир-Нугэ XIV могильные ряды были основаны в разных местах примерно в одно и то же время и новые могилы добавлялись к ним с различной частотой, но многие другие были сооружены вне этих рядов. Подобная картина наблюдается и в других рай-

онах Прибайкалья, например, на могильниках Верхоленск и Усть-Ида [Окладников, 1978; Тютрин, Базалийский, 1996]. Этот вопрос требует тщательного изучения всего имеющегося материала, по крайней мере, внутри отдельных микрорегионов, таких как Малое Море.

В настоящее время Хужир-Нугэ XIV является единственным могильником неолита – эпохи бронзы в Прибайкалье, относительно которого с определенной долей уверенности можно предположить, что частота его использования варьировала в течение всего периода функционирования. Важно и интересно, с точки зрения истории древних народов, сравнить хронологические модели использования Хужир-Нугэ XIV и других могильников региона.

В данной работе мы сосредоточились на некоторых общих вопросах, касающихся хронологии могильника Хужир-Нугэ XIV, но в будущем необходимо достичь гораздо больших результатов. Во-первых, желательно решить вопрос о датах, полученных по образцам с пониженным выходом коллагена. А именно, следует определить с большей степенью уверенности допустимый уровень коллагена в материалах, находящихся в условиях Малого Моря. Во-вторых, надо поставить задачу изучения серии ^{14}C -дат с учетом других категорий археологического материала, таких как могильные сооружения, сопроводительный инвентарь, элементы погребального обряда, а также антропологических и биохимических данных. В-третьих, необходимо обсудить данный материал в контексте других могильников Прибайкалья, также датированных по ^{14}C [Ветров и др., 1995; Горюнова, 1997, 2002; Конопацкий, 1982; Мамонова, Сулержицкий, 1989; Туркин, Харинский, 2004]. И наконец, следует поднять проблему его корреляции с материалами стоянок и периодизации археологических культур неолита и бронзы этого региона.

Благодарности

Данная работа выполнена в рамках долговременной программы по изучению среднеголоценовых культур охотников-рыболовов-собираателей района оз. Байкал. Этот проект осуществляется совместно Университетом Альберты (Канада) и Иркутским государственным университетом (Россия) при финансовой поддержке Совета по общественным и гуманитарным наукам Канады и программы “Major Collaborative Research Initiatives” (проект № 421-2000-1000). Дополнительная финансовая помощь была оказана Университетом Альберты. Пользуясь случаем, мы хотим выразить благодарность Иркутскому государственному университету за многолетнюю поддержку этого исследования. Особо хочется поблагодарить проф. Г.И. Медведева, В.И. Базалийского и других сотрудников Иркутской лаборатории археологии и палеоэкологии. Мы глубоко признательны А. Хиоб, Х. МакКензи, М. Меткальфу, Т. Янг, Д. Шо

и всем остальным коллегам за их неоценимый вклад в подготовку этой статьи. И наконец, хотим поблагодарить всех участников раскопок могильника Хужир-Нугэ XIV.

Список литературы

- Ветров В.М., Бердникова Н.Е., Алтухов В.В., Фролов А.В.** Макрушинский могильник: Раннеэнеолитический комплекс // Байкальская Сибирь в древности. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1995. – С. 112–132.
- Горюнова О.И.** Работы восточно-прибайкальского отряда в Приольхонье (озеро Байкал) // Обозрение '93 / Ред. А.П. Деревянко, В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 193–194.
- Горюнова О.И.** Серовские погребения Приольхонья. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 111 с.
- Горюнова О.И.** Древние могильники Прибайкалья. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2002. – 83 с.
- Конопацкий А.К.** Древние культуры Байкала (о. Ольхон). – Новосибирск: Наука, 1982. – 175 с.
- Мамонова Н.Н., Сулержицкий Л.Д.** Опыт датирования по ^{14}C погребений Прибайкалья эпохи голоцена // СА. – 1989. – № 1. – С. 19–32.
- Окладников А.П.** Верхоленский могильник – памятник древней культуры народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – 288 с.
- Туркин Г.В., Харинский А.В.** Могильник Шаманка II: к вопросу о хронологии и культурной принадлежности погребальных комплексов неолита – бронзового века на Южном Байкале // Изв. Лаборатории древних технологий / Иркут. тех. ун-т. – 2004. – № 2. – С. 124–158.
- Тютрин А.А., Базалийский В.И.** Могильник в устье реки Иды в Приангарье // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1996. – Ч. 1. – С. 85–90.
- Barrett J.H., Beukens R.P., Brothôwell D.R.** Radiocarbon dating and marine reservoir correction of Viking Age Christian burials from Orkney // *Antiquity*. – 2000. – N 74. – P. 537–543.
- Blalock H.M.** Social statistics. – L.; N. Y.: McGraw-Hill, 1960. – 465 p.
- Doran J.E., Hodson F.R.** Mathematics and computers in archaeology. – Cambridge: Harvard University Press, 1975. – 381 p.
- Huntsberger D.V.** Elements of statistical inference. – Boston: Allyn and Bacon, 1967. – 398 p.
- Longin R.** New method of collagen extraction for radiocarbon dating // *Nature*. – 1971. – N 230. – P. 241–242.
- Shennan S.** Quantifying archaeology. – San Diego: Academic Press, 1988. – 364 p.
- Stuiver M., Reimer P.J., Bard E., Beck J.W., Burr G.S., Hughen K.A., Kromer B., McCormac G., Van der Plicht J., Spurk M.** INTCAL-98 radiocarbon age calibration, 24 000 – 0 cal. BP // *Radiocarbon*. – 1998. – N 40 (3). – P. 1041–1083.
- Taylor R.E.** Radiocarbon dating // *Chronometric dating in archaeology* / Eds. R.E. Taylor, M.J. Aitken. – N. Y.: Plenum Press, 1997. – P. 65–96.

Материал поступил в редколлегию 29.03.04 г.

УДК 903.7

Д. Баяр

*Институт археологии АН Монголии
Жуковын гудамж, 77, Улаанбаатар-51,
Монгол Улсын
E-mail: bayarsuldus@yahoo.com*

НОВЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА ПАМЯТНИКЕ БИЛЬГЭ-КАГАНА

Введение

Культово-поминальные памятники характеризуют культуру древних тюрок в степном поясе Евразии. Огромный вклад в их изучение внесли российские ученые [Евтюхова, 1952; Гаврилова, 1965; Кызласов, 1969; Кубарев В.Д., 1979, 1984; Кубарев Г.В., 1991; Худяков, 1979, 1985, 1998; Могильников, 1981; Савинов, 1984; Войтов, 1987]. В.Д. Кубаревым сделана классификация алтайских поминальных оградок [1984, с. 50–51]. Только за последние 20 лет на Российском Алтае раскопано более 130 памятников древнетюркского времени [Кубарев, Цэвэндорж, 2002, с. 81–82]. Все эти исследования значительно обогатили наши знания о культуре древних тюрок, прояснили многие аспекты религиозных представлений кочевых народов.

Древнетюркские мемориальные комплексы в Хушо-Цайдаме, возведенные в честь высшей аристократии Восточно-Тюркского каганата, являются особо значимыми для археологии всей Центральной Азии. Эти памятники впервые были обнаружены и исследованы в 1889 г. русским ученым Н.М. Ядринцевым [1892], с которым связывают начало археологических изысканий на территории Монголии. Затем в 1890 г. в Хушо-Цайдаме работала финская экспедиция под руководством А.О. Гейкеля, ее главной целью было изучение письменных памятников [Heikel, 1892].

В 1891 г. Российская академия наук направила в Монголию комплексную Орхонскую экспедицию

под руководством акад. В.В. Радлова. Впервые было исследовано и описано большое количество ранее неизвестных археологических памятников, изданы такие колоссальные труды по археологии Монголии, как “Сборник трудов Орхонской экспедиции” и “Атласы древностей Монголии”, до сих пор не утратившие своего значения. Данная экспедиция впервые провела небольшие археологические раскопки на памятнике Бильгэ-кагана, в результате которых были сделаны весьма важные выводы о том, что он является не местом погребения Бильгэ-кагана, а лишь поминальным памятником, где совершались ритуальные жертвоприношения в его честь [Радлов, Мелиоранский, 1897].

В 1896 или 1897 г. представителем цинского правительства в Северной Монголии, улясунским цзяньцзюнем, были предприняты меры по охране стелы Кюль-Тегина. Памятник поставили на постамент, для чего использовали жертвенный камень, отколов от него часть. Также для защиты стелы от непогоды был построен павильон с черепичной крышей и тремя стенками [Котвич, 1914].

В 1909 г. французские исследователи во главе с В. де Лякостом сделали съемку местности и собрали богатый фотоматериал [Lacoste, 1911]. Ими было отмечено, что павильон над стелой уже значительно разрушен. На это обстоятельство обратил внимание последний маньчжурский амбань (губернатор) в Урге Сань-до, который построил новый павильон весной 1911 г. [Котвич, 1914].

В 1912 г. в Хушо-Цайдаме по поручению Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии ра-

ботали В.Л. Котвич, К.А. Масков и Ц.Ж. Жамцарано. В.Л. Котвич производил раскопки крайнего с севера небольшого памятника, где на глубине 1,5 м обнаружил ямку с углем. Им же была “найденна одна незамеченная прежними путешественниками статуя” на мемориале Кюль-Тегина, которую вывезли в Санкт-Петербург [Котвич, 1915].

Д.Д. Букинич, обследовавший в 1933–1934 гг. хушо-цайдамские памятники, провел небольшие раскопки на всех мемориалах этой группы. Хотя он и не обнаружил находок, но сделал весьма важное наблюдение. Он убедился в том, что два северных небольших памятника, которые В.В. Радлов считал могилами Бильгэ-кагана и Кюль-Тегина, являются поминальными памятниками представителей древнетюркской аристократии, имена которых не сохранились*.

В 1935 г. по инициативе известного писателя, основоположника новой монгольской литературы Д. Нацагдоржа были построены деревянные здания с целью охраны памятных стел Бильгэ-кагана и Кюль-Тегина, а также памятника Тоньюкука в Налайхе, к которым были приставлены специально назначенные охранники [Очир, Дашням, 1996].

В 1958 г. совместная Монголо-Чехословацкая экспедиция под руководством Л. Йисла и Н. Сэр-Оджава развернула в Хушо-Цайдаме более широкомасштабные, чем предыдущие, археологические раскопки. В результате были выяснены устройство и конструкция поминальных памятников высшей знати древнетюркского общества [Jisl, 1960; Сэр-Оджав, 1970].

В 1970-х гг. по инициативе Академии наук Монголии вокруг памятников Хушо-Цайдама и мемориального комплекса Тоньюкука поставили железные ограды.

Хотя с тех пор в Хушо-Цайдаме больше не проводились какие-либо археологические раскопки, но все же исследования этих знаменитых памятников не прерывались. Так, в 1980-х гг. здесь неоднократно работали отдельные отряды Монголо-Советской историко-культурной экспедиции, в результате было опубликовано немало научных трудов, посвященных детальному изучению мемориальных памятников древних тюрков, в т.ч. монографии по систематизации и типологии княжеских мемориалов Монголии [Войтов, 1996] и каменных изваяний Центральной Монголии [Баяр, 1997].

В течение 1996–1998 гг. полевой отряд совместной Монголо-Японской экспедиции провел ряд исследований в рамках проекта “Эпиграфика”. Кроме ревизии эпиграфических памятников, были выполнены работы по измерению расстояний между памятниками,

протяженности цепи балбалов, проведены съемки памятников с воздуха, составлен топографический план [Provisional report..., 1999].

С началом реализации в 1997 г. совместного монголо-турецкого проекта по изучению, охране, консервации и реставрации некоторых древнетюркских памятников на территории Монголии началась новая эра в исследовании хушо-цайдамских мемориальных комплексов. Данный проект осуществлялся полевой экспедицией в составе археологического, эпиграфического, топографического, геофизического, фотограмметрического отрядов и группы по реставрации и консервации памятников. Первой задачей были съемка топографического плана Хушо-Цайдама и геомагнитные исследования на каждом памятнике. Также проводились лабораторные анализы проб, взятых из каменных стел с надписями и каменных скульптур [Mogolistan? ..., 2001, 2002, 2003]. С 2000 г. археологический отряд Монголо-Турецкой экспедиции начал раскопки на мемориале Бильгэ-кагана и на ранее неизвестном поминальном памятнике, расположенном недалеко от мемориального комплекса Кюль-Тегина. Этот новый памятник состоял из четырех плит с изображением двух фениксов, стоящих друг против друга. В процессе раскопок были обнаружены миниатюрная золотая тарелка и предмет, похожий на ложку [Энхтур, 2003, с. 87].

Исследуемая группа памятников Хушо-Цайдама находится в Хангайском районе, расположенном в пределах Хангайско-Хэнтэйской горной системы. Особенность этого региона состоит в том, что от главного Хангайского хребта ответвляются многочисленные горные хребты и здесь уплотненная наземная водная сеть, а также немало подземных вод, вследствие чего хорошо развит почвенный покров. Орхоно-Селенгинский бассейн издавна считается главным районом земледелия в Монголии [Монгол орны..., 1969, с. 345]. Такие благоприятные природно-географические условия способствовали тому, что именно этот район был издревле освоен ранними обществами, поэтому здесь много памятников материальной культуры различных эпох. Так, вдоль бассейна Орхона расположены многочисленные палеолитические стоянки, в т.ч. Мойлтын-ам, Орхон-7, крупные могильники бронзового и раннежелезного веков Тэмээн-чулууны-ам и Шунхлай, такие значительные памятники древности, как столицы древнеуйгурского государства Хара-Балгасун и великого Монгольского государства Каракорум, и многие другие.

Группа памятников в Хушо-Цайдаме, представляющая эпоху наибольшего могущества и упадка Восточно-Тюркского каганата, известна во всем мире. Благодаря открытию именно этих памятников удалось расшифровать руническую письменность древних тюрков, что стало толчком для резкого подъема тюркологической науки во всем мире. Но вместе с тем нуж-

* Букинич Д.Д. Общий отчет по археологическим работам за 1933 и 1934 год. – Архив Института археологии АН Монголии. Ф. 9, Т. 11, кн. 23.

но отметить, что в течение более чем столетнего изучения хушо-цайдамских древностей главное внимание уделялось письменным памятникам, а более углубленные археологические исследования кульгово-поминальных комплексов всегда отставали. Исследователи неоднократно отмечали, что “постановка широких и планомерных археологических раскопок на этих памятниках даст много ценнейших сведений об устройстве различных элементов данных комплексов и послужит основой для определений и реконструкций других кульгово-поминальных памятников тюрок” [Войтов, 1985, с. 133]. Ученые также обращали внимание на необходимость охраны памятников от воздействия природных и антропогенных факторов [Tujarski, 1966, 1971].

В данной статье представлен краткий итог работ совместной Монголо-Турецкой экспедиции, которая занимается исследованием мемориального памятника Бильгэ-кагана с 2000 г., в т.ч. новые данные, полученные в результате раскопок, и описание находок, обнаруженных в полевой сезон 2001 г.*

Поминальный памятник Бильгэ-кагана

Хушо-цайдамские памятники находятся на левом берегу р. Кокшин-Орхона, левого притока Орхона, в юго-западной части долины Цайдамских озер. На южной окраине Хушо-Цайдама расположен поминальный комплекс Бильгэ-кагана (координаты: 47° 33', 443" с.ш., 102° 50', 196" в.д.), крупнейший среди всех кульгово-поминальных памятников древних тюрок. К северу от него находится мемориал Кюль-Тегина и далее еще два малых княжеских поминальных комплекса, которые не имеют стел с надписями. В научной литературе эти четыре памятника обозначались соответственно как Хушо-Цайдам-1, 2, 3 и 4 [Войтов, 1986].

В процессе новейших исследований выяснилось, что в районе Хушо-Цайдама помимо указанных четырех расположены еще пять памятников [Баяр и др., 2003, с. 77]. Все они безымянные и в научной документации проекта значатся под порядковыми номерами 3–7 (1, 2 – безымянные памятники, ранее называвшиеся Хушо-Цайдам-3 и 4).

* В археологических раскопках 2001 г. участвовали: с монгольской стороны – Д. Баяр (руководитель археологических исследований), научные сотрудники Ч. Амартувшин, А. Энхтур, Ж. Гэрэлбадрах; с турецкой стороны – С. Гомеч (научный руководитель проекта), Х. Бахар (руководитель археологических исследований), научные сотрудники С. Чечен, Г. Карагуз, Р. Кузюоглу, Л.Г. Гокчек, Г.М. Бозкуртлар. Полный состав участников каждой партии и подробный отчет о работе экспедиции опубликованы [Moğolistan?..., 2002, 2003].

Два из семи памятников, не имеющих посвячительных стел, представляют собой четырехплитовый ящик с орнаментом, а остальные – т.н. рядовые оградки без украшений. Кроме того, нужно отметить, что на мемориале Бильгэ-кагана рядом с жертвенным камнем кубической формы был обнаружен четырехплитовый каменный ящик с растительным орнаментом, по-видимому входящий в состав этого комплекса.

Поминальный памятник Бильгэ-кагана перед раскопками представлял собой заросшую растительностью плоскую возвышенность подчетыреугольной формы приблизительно 90 × 60 м, ориентированную в широтном направлении. Разрушенные остатки этого комплекса были покрыты слоем наносного песка, местами достигавшим в толщину 1 м. В восточной части памятника находилась железная четырехугольная ограда 12 × 15 м, внутри которой лежала разломленная натрое большая стела с руническими и китайскими письменами. Около нее выделялась на земле полусасыпанная верхняя часть спины белой мраморной черепахи, служившей постаментом для стелы. Там же были и изваяния из белого мрамора, изображающие, по мнению исследователей, самого Бильгэ-кагана и его супругу, а также маленькое скульптурное изображение сидящего человека, по-видимому одного из слуг, выполненное из синеватого мрамора, и сильно поврежденное туловище скульптуры льва из того же материала. Снаружи ограды лежало еще одно каменное изваяние в виде стоящего мужчины с длинным мечом на боку. К западу от центральной части комплекса находился сильно занесенный землей большой каменный блок кубической формы с отверстием в центре.

Геодезической партией экспедиции была сделана топографическая съемка местности, охватывающая площадь в 20 км². Для проведения раскопочных работ всю территорию разделили на квадраты размером 10 × 10 м. По центру поминального комплекса Бильгэ-кагана был заложен раскоп 10 × 70 м, ориентированный с востока на запад. Его площадь охватывала все главные элементы памятника: вход в комплекс, постамент для стелы в виде черепахи, остатки поминального храма и большой жертвенный камень с отверстием в центре (рис. 1).

Вал и ров. Кульгово-поминальный памятник Бильгэ-кагана был окружен глинобитным валом подчетыреугольных очертаний, ныне расплывшимся и потерявшим свою первоначальную форму, и рвом. То, что исследователи принимали ранее за вал, оказалось остатками выброса земли из рва. Экспедиции удалось в четырех местах выявить остатки основания вала и установить не только первоначальную толщину последнего, но и размеры сторон, которые составляли 72 и 36 м. Это свидетельствует о том, что памятник Бильгэ-кагана занимал большую площадь, чем мемориал Кюль-Тегина.

Рис. 1. Общий вид раскопок.

Вокруг вала на расстоянии 6 м от него находился ров шириной 6 м, глубиной ок. 2 м. В пробных траншеях, сделанных на некоторых его участках, не были обнаружены крепления из бревен, как на памятнике Кюль-Тегина. В разрыве рва с восточной стороны комплекса зафиксированы остатки вымощенной кирпичами площадки.

Очень интересной находкой являются довольно крупные обломки большого керамического сосуда со штампованным и наlepным узорами, найденные в 2003 г. внутри рва, в северной его части. Штампованный орнамент из ромбиков аналогичен таковому на керамике из Орду-Балыка и других уйгурских памятников [Худяков, Цэвээндорж, 1982] (рис. 2).

Между валом и рвом были зачищены девять сломанных балбалов, лежавших, очевидно, там, где они стояли изначально примерно на одинаковом расстоянии друг от друга. Основание одного из них сохранилось на своем первоначальном месте. Еще два балбала, находившиеся вдоль северной стены комплекса, были заметны до раскопок. По всей вероятности, балбалы окружали вал. На некоторых из них были тамги.

Одной из замечательных находок экспедиции является черепица кровли, на внешней поверхности которой имеется рисунок, выполненный черной краской: изображение трех всадников, один из них стреляет на скаку. Эта черепица не имеет аналогов среди материалов памятников древнетюркского времени. Она была найдена на остатке вала в юго-восточной части комплекса (рис. 3).

Всю площадь внутри вала можно разделить на три основные части: входную – со стелой на спине каменной черепахи, центральную – с поминальным храмом, западную – с жертвенным камнем кубической формы.

Входная часть. С восточной стороны комплекса имеется разрыв вала и рва, обозначающий вход. Были ли здесь ворота, выяснить не удалось. При входе, снаружи вала, находились две каменные фигуры баранов без голов (рис. 4), которые были обнаружены еще в 1891 г., во время раскопок В.В. Радлова и П.М. Мелиоранского. Здесь следует отметить, что размеры фигур, указанные в трудах Орхонской экспедиции, расходятся с нашими.

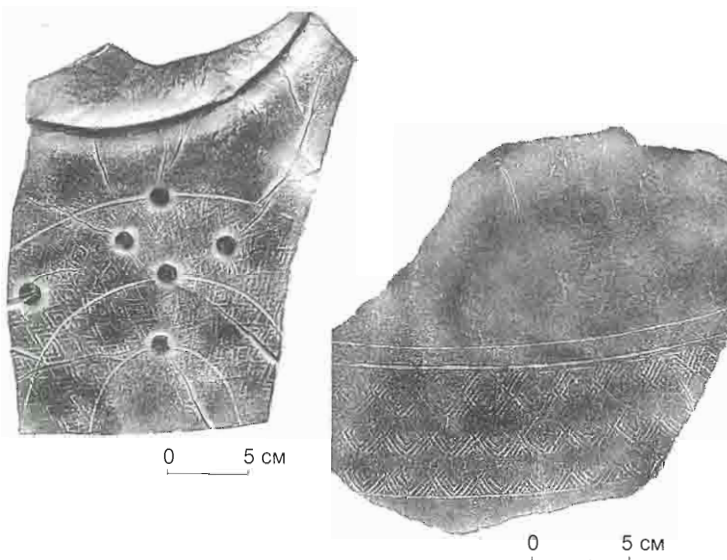

Рис. 2. Фрагменты большого орнаментированного сосуда.

Рис. 3. Черепица с рисунком.

В 8 м к западу от каменных фигур баранов находился постамент стелы, выполненный в виде черепахи из белого крупнозернистого и непрочного мрамора. Скульптура была без головы и посередине имела косую трещину, возникшую при падении почти четырехметровой стелы. Каменная черепаха, размером $234 \times 154 \times 72$ см была ориентирована головой на запад, т.е. в сторону поминального храма. Тут нужно отметить, что постамент стелы и жертвенный камень находились на одной линии, идущей строго по центру всего комплекса. Это свидетельствует о том, что они сохранили свое первоначальное положение в течение почти 1300-летней истории существования данного памятника.

Как показывают раскопки, постамент в виде черепахи стоял на глиняной платформе высотой 40 см, обрамленной кирпичной кладкой (рис. 5). По краю этой платформы зафиксирована довольно широкая красная полоса, по-видимому, следы кирпичей. Кроме того, вокруг нее в большом количестве были найдены разбитые черепицы, серая глиняная масса вперемешку с красноватой глиной и обломки известковой штукатурки с красной краской на одной стороне. Все это свидетельствует о том, что на платформе стояло какое-то кирпичное здание, оштукатуренное и окрашенное красной краской, с черепичной крышей, в отличие от памятника Кюль-Тегина, где был павильон на четырех деревянных столбах. Внутри этого здания была помещена стела на постаменте. Из-под платформы выступала водосточная труба, направленная в сторону восточной части рва. Огражденная глинобитным валом площадь поминального комплекса была вымощена кирпичами размером 32×32 см, точно так же, как на памятнике Кюль-Тегина. Они частично сохранились в первоначальном виде только у восточного края описанной платформы. Зато глиняное основание толщиной ок. 5 см, на котором закреплялись эти кирпичи, заметно на всем пространстве внутри вала.

В процессе раскопок в восточной части поминального комплекса были обнаружены остатки деревянного здания размером 4×4 м, построенного в 1930-х гг. с целью охраны стелы Бильгэ-кагана.

Рис. 4. Один из каменных баранов у входа.

Рис. 5. Глиняная платформа под постаментом стелы.

Центральная часть. Из публикации Орхонской экспедиции 1891 г. следовало, что поминальный храм находился в центральной части комплекса. В процессе наших раскопок было установлено: данное здание полностью разрушено и от его стен не сохранилось даже следов. На разрезе траншеи, проложенной с востока на запад на всю длину комплекса, проступало очертание платформы высотой 80–100 см, на которой стоял поминальный храм, посвященный Бильгэ-кагану. Цоколь был закреплен по краям кирпичной кладкой, о чем свидетельствуют частично сохранившиеся кирпичи. Об этом также упоминал В.В. Радлов [Радлов, Мелиоранский, 1897]. Размеры платформы (16×16 м) указывают, что поминальный храм Бильгэ-кагана был больше, чем храм Кюль-Тегина (10×10 м), стоявший на таком же цоколе, но размером 13×13 м. На платформе обнаружены четыре каменные базы для установки колонн.

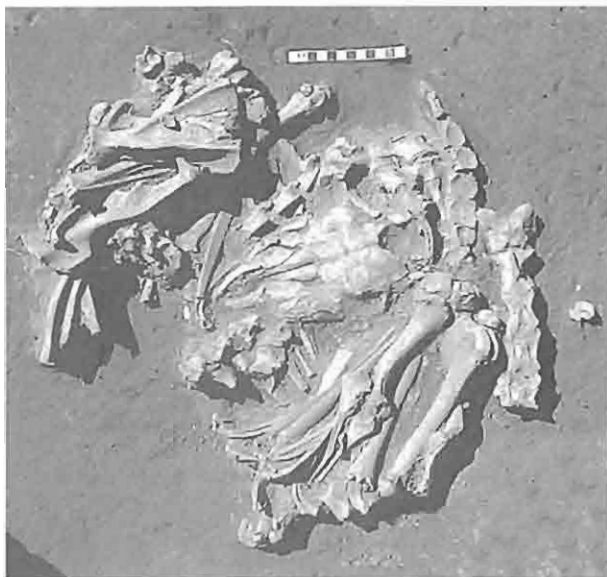

Рис. 6. Кости жертвенного барана.

Вокруг цоколя на довольно большой площади был толстый слой разбитых черепиц, погребенных под столь же толстым слоем глины от стен здания.

Одной из интереснейших находок являются кости целой туши барана. Они были найдены в 19 м к западу от стелы, на одной линии с каменной черепахой и жертвенным камнем, на площадке перед храмом, в 4 м к востоку от него, на глубине 62 см. Кости лежали не на блюде, как в алтайских оградках [Кубарев В.Д., 1984, с. 55–56], а прямо на земле (рис. 6). Они располагались следующим образом: снизу кости конечностей, над ними основная часть скелета и на самом веру череп. Это в точности соответствует порядку расположения частей туши жертвенного животного, наблюдаемому у монгольских скотоводов этнографического времени, что указывает на принадлежность данных костей барану, принесенному в жертву в честь поминок Бильгэ-кагана. Однако время жертвоприношения не совсем ясно. Если бы оно было совершено при постройке поминального храма или в период его функционирования, то кости находились бы под обломками разрушенного здания. Но они обнаружены над слоем обломков черепицы, что указывает на совершение жертвоприношения после разрушения храма. Это является свидетельством того, что традиция проведения здесь данного обряда не прерывалась в течение длительного времени.

На одном участке перед храмовой площадкой была найдена верхняя часть изваяния без головы, выполненного из беловатого камня. Оно сохранилось не на своем первоначальном месте.

Следует отметить, что на всей площади данного памятника не обнаружено сколько-нибудь значительного количества кирпичей от здания. Вероятно, все

кирпичи, оставшиеся целыми, были разобраны вскоре после разрушения поминального комплекса и использованы в других целях.

По конструкции и внешнему виду храм Бильгэ-кагана, по-видимому, был аналогичен храму Кюль-Тегина, сохранившемуся несколько лучше. Он был, вероятно, богато украшен различными архитектурными деталями. Внутри поминального храма, очевидно, стояли каменные фигуры Бильгэ-кагана и его супруги Пофу, а также находились многочисленные атрибуты жертвенных церемоний.

Западная часть. Здесь расположен большой гранитный блок ($240 \times 228 \times 130$ см) в виде куба с круглым отверстием в центре. Такие каменные блоки имеются только на поминальных памятниках Бильгэ-кагана и Кюль-Тегина. Исследователи по-разному объясняли их назначение и в конце концов пришли к единому выводу, что это жертвенные алтари. Отверстие в центре блока на памятнике Бильгэ-кагана оказалось сквозным. В.В. Радлов считал, что это лишь круглое углубление [Радлов, Мелиоранский, 1897, с. 2–3]. При расчистке отверстия в нем обнаружено большое скопление костей животных, свидетельствующее о жертвенном характере данного объекта. Там также был найден небольшой обломок каменной стелы с руническими знаками.

При раскопках вокруг жертвенного камня зафиксированы зольные и угольные пятна, обожженная до черноты земля. Также были найдены отдельные кости животных, среди которых оказался лошадиный череп. Весьма интересной находкой в этом раскопе является четырехплитовый ящик с растительным орнаментом, находившийся в 170 см к северу от жертвенного камня. Его размеры 160×130 см. Все плиты сильно повреждены: у северной отбиты два верхних угла, у остальных трех верхняя часть как бы прямо срезана по длине. На наружной поверхности каждой плиты орнамент в виде розетки. К востоку от каменного ящика зафиксировано скопление камней, которые, по-видимому, были выброшены из него. При раскопках внутри этой оградки кроме остатков строительного материала и небольшого числа костей животных ничего не было найдено. Вокруг каменного ящика обнаружен тонкий слой глины, служивший основой для кирпичей, которыми была вымощена вся площадь, ограниченная валом. Основания плит находились ниже уровня этого слоя, в то время как жертвенный камень стоял на нем. Данное обстоятельство, возможно, указывает на то, что они были установлены не одновременно.

Клад ценных вещей. В ходе раскопок между жертвенным камнем кубической формы и четырехплитовым ящиком на глубине 103 см от нулевой отметки (ок. 30 см от современной поверхности земли) были найдены восемь серебряных блюдец в виде восьмилепестковой розетки и часть какого-то метал-

лического предмета. Земля вокруг них была прокалена до красноты и резко выделялась на фоне естественного грунта. При расчистке первого слоя и углубления раскопа резко возросло число находок и стало ясно, что в этом месте зарыт клад, состоящий из большого количества ценных вещей. После совещания членов совместной экспедиции было решено изъять его целиком вместе с грунтом, перенести в помещение и продолжить расчистку в более удобных и безопасных условиях (рис. 7).

Размеры этого скопления ценных вещей примерно $40 \times 80 \times 30$ см. При снятии первого слоя были выявлены 61 серебряная бляшка, 5 обломков железного предмета, 22 серебряных шарика. При зачистке каждого пятисантиметрового слоя делались фотоснимки, все находки были расчищены, описаны и зарегистрированы. Клад содержал 1878 серебряных предметов 17 типов, 78 золотых вещей 20 типов, 26 драгоценных камней 6 типов и 304 бронзовых гвоздя.

Особо интересна золотая диадема (рис. 8), которая была найдена среди других золотых вещей, завернутых в кусок шелка желтоватого цвета. Она сделана из тонкого листа золота способом чеканки, украшена растительным орнаментом и инкрустацией из драгоценных камней, найденных отдельно. На передней стороне диадемы имеется изображение сидящей птицы с распластанными крыльями, аналогичное тому, которое было на головном уборе изваяния Кюль-Тегина [Сэр-Оджав, 1959; Ермоленко, 1998]. Голова птицы выполнена отдельно способом отливки и прикреплена с помощью двух заклепок. В клюве тонкая золотая нить, на которой висит розовато-красный драгоценный камень. По всей вероятности, первоначально здесь были два камня, т.к. найден еще один камень аналогичной формы с просверленным отверстием, но светлого цвета. Золотая диадема была сомкнута, очевидно, ее намеренно испортили. Факты преднамеренной порчи вещей, предназначенных покойнику, неоднократно наблюдались в практике погребальных и поминальных обрядов центрально-азиатских и сибирских народов [Семейная обрядность..., 1980, с. 94, 99, 105, 111, 132–133, 152, 163].

Также были обнаружены две очень реалистично выполненные серебряные фигурки оленей с ветвистыми рогами (рис. 9). Одна из них хорошо сохранилась, другая повреждена под воздействием сильного огня, остались только голова с шеей и фрагменты трех ног. На поверхности фигур хорошо заметны тонкие гравированные линии, обозначающие шерсть, и растительный орнамент в виде листьев, сохранились следы золочения. Под копытами выделены специальные шипы, с помощью которых фигурки закреплялись на какой-то поверхности.

Большой интерес представляют маленькие золотые и серебряные сосуды, предназначенные, по-видимому,

для жертвоприношения (рис. 10). Внутри одного из них (серебряного) были найдены 14 драгоценных камней. Всего имеются 11 сосудов: пять золотых и шесть серебряных. Часть из них с круглым туловом и отогнутым венчиком, одни имеют ручки в виде кольца, другие – длинные горизонтальные ручки, припаянные к тулову (рис. 11). Также есть кубки цилиндрической формы со слегка вогнутой стенкой (рис. 12). Высота сосудов от 3,3 до 6,55 см. Некоторые из них по своей форме напоминают золотые и серебряные сосуды, обнаруженные на таких известных и хорошо датированных памятниках, как Курай, Туяхта [Киселев, 1949, табл. LI, рис. 4, 5], Юстыд I [Кубарев В.Д., 1979, рис. 8], Юстыд XII, Балык-Соок I [Кубарев В.Д., Баяр, 2002, рис. 13] и Копёнский чаатас [Киселев, 1949, табл. LV, рис. 3]. Имеются и небольшие золотые тарелки. Особый интерес вызывают золотой и серебряный кувшины с высоким тонким горлом, верхняя часть которого сделана в виде головы птицы (рис. 13). Высота их соответственно 12,3 и 15,6 см. Аналогичный по форме сосуд имеется среди керамических изделий периода династии Тан [L'Asie des steppes..., 2000, p. 168].

Самые многочисленные находки (1822 шт.) – серебряные бляшки в виде восьмилепестковой розетки, выполненные способом штамповки (рис. 14). Часть из них имеет по краям отверстия для гвоздя. Остальные прикреплялись к чему-нибудь способом пайки. Тонких золотых ажурных бляшек в виде цветочного орнамента 48.

Также найдены золотые и серебряные поясные украшения: пряжка, бляхи-оправы, наконечники ремня. Среди ценных вещей были две золотые серьги, имеющие типичную форму древнетюркских украшений такого рода (рис. 15), два золотых кольца, золотые шпильки, связанные между собой тонкой цепочкой.

Кроме перечисленных вещей, сохранившихся целыми, есть значительное количество предметов, сильно испорченных, потерявших свою первоначальную форму, вследствие чего трудно определить их назначение. Среди них довольно много больших серебряных листов, которые разорваны и сомкнуты специально, по краям некоторых из них сохранились украшения в виде восьмилепестковых розеток, закрепленных способом пайки. У части серебряных листов на одном конце есть железный стержень, по-видимому предназначенный для дверных петель. Среди вещей также имеются две железные дверные ручки, обернутые тонким листовым серебром (рис. 16). Большой интерес вызывают две находки, возможно представляющие один предмет. Это квадратная серебряная пластина с круглым отверстием в центре и многочисленными дырочками вокруг него и по краям пластины, по-видимому для гвоздей,

Рис. 7. Большой жертвенный камень с отверстием в центре и четырехплитовый ящик, между которыми кладут ценные вещи, готовый к транспортировке.

Рис. 10. Золотые сосуды.

Рис. 8. Золотая диадема Бильгэ-кагана.

Рис. 11. Серебряный сосуд с горизонтальной ручкой.

Рис. 9. Серебряная фигурка оленя.

Рис. 12. Серебряный кубок.

Рис. 13. Серебряный кувшин с высоким тонким горлом, верхняя часть которого сделана в виде птичьей головы.

Рис. 14. Серебряные бляшки в виде восьмилепестковых розеток.

и цилиндр из завернутой золотой пластины также с отверстиями, число которых на одном конце совпадает с количеством дырочек вокруг большого круглого отверстия в центре серебряной пластины. Можно предположить, что многие из этих вещей,

Рис. 15. Золотые серьги.

Рис. 16. Дверная ручка (железо и серебро).

особенно большие серебряные листы, являются различными деталями архитектурного декора, украшавшего поминальный храм Бильгэ-кагана, а также предметами, предназначенными для ритуала жертвоприношения.

Заключение

Мемориальный комплекс в честь Бильгэ-кагана является наиболее крупным из памятников, посвященных представителям высшего аристократического слоя эпохи Второго Древнетюркского каганата. По классификации В.Е. Войтова, сделанной на материале 87 княжеских культово-поминальных памятников Монголии, данный комплекс относится к варианту I–Б-б. Памятники этого типа отличаются наибольшей полнотой структурных элементов и более крупными размерами [Войтов, 1996, с. 31].

В результате новейших исследований поминального комплекса Бильгэ-кагана были получены дополнительные сведения о структуре и конструкции подобных памятников. Удалось установить его первоначальные размеры и тем самым доказать, что этот комплекс наиболее крупный среди такого рода памятников.

По мнению ряда исследователей, каменные блоки кубической формы, имеющиеся только на мемориалах Бильгэ-кагана и Кюль-Тегина, заменяли поминальную оградку или ящик [Jisl, 1997, p. 61]. Но в результате наших исследований выяснилось, что на памятнике Бильгэ-кагана есть и жертвенный камень, и каменный ящик, состоящий из четырех орнаментированных плит. Это напоминает мемориал Тоньюкука, где имеются два установленных рядом четырехплитовых поминальных ящика.

Также стало ясно, что стела на постаменте в виде каменной черепахи находилась внутри кирпичного здания с черепичной кровлей, которое стояло на глиняной платформе.

При раскопках на месте поминального храма обнаружено несколько фрагментов концевых дисков кровли, их декор значительно отличается от орнамента на подобных деталях памятника Кюль-Тегина. Размеры платформы, на которой стоял храм, указывают на то, что он был больше, чем поминальный храм Кюль-Тегина.

Обнаружены доказательства того, что поминальные церемонии в честь Бильгэ-кагана продолжались в течение длительного времени после разрушения данного комплекса. В этой связи несомненный интерес вызывает мнение С.Г. Кляшторного, который писал: “Возможно, тюрки после миграции уйгуров в Восточный Туркестан вновь заняли свои прежние территории, хотя бы и на правах вассалов кыргызского хана, и частично восстановили свои старые святилища” [1964, с. 58–59]. Кроме того, имеются сведения о том, что “во время Хубилая (1260–1294) памятник Кюль-Тегину был хорошо известен; по крайней мере он отмечается как одна из достопримечательностей вблизи построенного Угэдэем (1228–1241) города Хорина” [Там же].

Во время полевых исследований 2001 г. на площадке между жертвенным камнем и четырехплитовым ящиком был найден клад ценных вещей, случайно сохранившийся в течение почти 1300-летней истории данного комплекса. И эта находка дает полное представление о богатстве и красоте поминальных памятников древнетюркской знати.

В тексте на памятной стеле Бильгэ-кагана говорится, что во время поминальной церемонии пришло множество представителей различных племен и народов и “безмерное количество золота и серебра они принесли. Погребальные курительные свечи они принесли и установили их. Они принесли сандаловое дерево...” [Малов, 1959, с. 23]. И все эти драгоценные вещи, вероятно, были помещены внутри храма специально для исполнения поминальных церемоний.

Археологические материалы показывают, что поминальный комплекс, построенный в честь Бильгэ-кагана, был грандиозным сооружением с богатым архитектурным декором, в котором использовались украшения из драгоценного металла. Внутри храма помещались кроме каменных изображений кагана и его супруги различные принадлежности, сделанные из золота и серебра. Вероятно, для охраны всех этих богатств, а также для проведения ритуальных церемоний назначались специальные люди.

Живым примером являются ежегодные поминальные церемонии в культе Чингисхана, которые до сих пор совершаются в Ордосе с соблюдением всех деталей древних традиций [Потанин, 1895; Жамцарано, 1961; Дылыков, 1958; Сайнжаргал, Шаралдай, 1983; Sagaster, 1993; Хэрээд, Шаралдай, 1999; Chiodo, 2001–2002]. На наш взгляд, этот культ впитал в себя многие элементы из еще более древних религиозных представлений центрально-азиатских кочевников. Согласно твердо установленному порядку, Ордосское святилище в течение многих сотен лет охраняется специальным сословием людей – “дархад”, которые также несут ответственность за беспрекословное выполнение всех ритуалов поминовений и жертвоприношений, совершаемых ежемесячно. Название “дархад” является формой множественного числа монгольского слова “дархан” или “тархан” – титул человека, освобожденного от всех государственных повинностей и ответственного только за порученное ему дело. В древние времена такие люди совершали ежегодные поездки по всем землям, где живут монголы, чтобы собрать подать для жертвоприношения Чингисхану. В этой связи небезынтересно отметить, что подобный термин существовал и во времена великого Монгольского государства в XIII в., и в древнетюркскую эпоху. Как отмечают исследователи, «под этим термином мы подразумеваем “сборщиков податей” во времена древних тюрков, возможно дани» [Бернштам, 1946, с. 113].

В Ордосском святилище, именуемом “Восемь белых юрт Чингисхана”, сохранились реликвии, принадлежавшие самому Чингисхану, такие как белое и черное знамена, седло, меч, лук и стрелы, золотые и серебряные сосуды, музыкальные инструменты, священные книги с гимнами и благопожеланиями [Хэрээд, Шаралдай, 1999].

Посвященные Чингисхану поминальные церемонии, которые впервые были узаконены во времена Хубилая, совершаются четыре раза в год: 1) 3-го числа первого зимнего месяца в третий день рождения Чингиса; 2) 21-го числа третьего весеннего месяца – первое чистое молоко кобылиц посвящается *тэнгриям* (божествам); 3) 15-го числа второго летнего месяца, в начале доения кобылиц; 4) 20-го числа среднего осеннего месяца, когда прекращают доить кобылиц и отпускают на волю жеребят [Жамцарано, 1961, с. 195–196]. Кроме того, ежемесячно совершаются малые церемонии. Самой значительной является “церемония белого стада весны”, во время которой осуществляется жертвоприношение предкам, называемое “гарил” [Къёдо, 1993]. Действия, совершаемые при исполнении гарила, поразительно похожи на поминальные ритуалы древнетюркского времени, реконструируемые благодаря археологическим исследованиям. В этих ритуальных действиях обращают на себя внимание такие моменты, как выбор жертвенных животных (овцы и лошади), приезд на место жертвоприношения, разведение костра и сжигание очищенных от мяса костей, выплескивание молочной водки и кумыса в огонь, раздача мяса участникам церемонии, исполнение гимна “на языке богов” и очень быстрое возвращение назад без оглядки.

Что касается преднамеренно зарытого клада ценных вещей, то это обстоятельство можно объяснить исторической и политической ситуацией тех времен. Мемориальный комплекс Бильгэ-кагана был основан в 735 г. Через десять лет, в 745 г., Восточно-Тюркский каганат пал под ударами объединенных войск уйгуров, басмылов и карлуков [Кляшторный, Савинов, 1994, с. 28]. Победители основательно разрушили святилища своих врагов, что подтверждается состоянием древнетюркских археологических памятников [Jis], 1960, с. 109; Кляшторный, 1964, с. 59; Гумилев, 1967, с. 367]. И мы предполагаем, что в те трудные для древних тюрок времена, когда враг приближался, верная стража предприняла все попытки спасти ценные реликвии своего властелина: поспешно были собраны драгоценности, сорваны архитектурные украшения и все вместе зарыты в землю. Эти зарытые вещи остались незамеченными под толстым слоем обломков обрушившегося здания и сохранились до наших дней.

Список литературы

- Баяр Д.** Монголын тѳв нутаг дахь тѳрэгийн хѳн чулуу [Древнетюркские изваяния Центральной Монголии]. – Улаанбаатар: ADMON, 1997. – 148 с. (на монг. яз.).
- Баяр Д., Энхтѳр А., Гэрэлбадрах Ж., Амартувшин Ч.** Билгэ хааны тахилын онгоны судалгаа [Исследование мемориального комплекса Бильгэ-кагана] // Археологийн судлал. – Улаанбаатар: “Жинст харгана” ХХК, 2003. – С. 75–83 (на монг. яз.). – (Studia Archeologica; Т. 21, f. 8).
- Бернштам А.Н.** Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрок VI–VIII веков: Восточнотюркский каганат и кыргызы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. – 207 с.
- Войтов В.Е.** Хроника археологического изучения памятников Хушо-Цайдам в Монголии (1889–1958) // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 114–136.
- Войтов В.Е.** Археологические исследования Б.Я. Владимирцова и новые открытия в Монголии // MONGOLICA. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова (1884–1931). – М.: Наука, 1986. – С. 118–136.
- Войтов В.Е.** Каменные изваяния из Унгету // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. – М.: Наука, 1987. – С. 92–109.
- Войтов В.Е.** Древнетюркский пантеон и модель мироздания в культово-поминальных памятниках Монголии VI–VIII вв. – М.: Гос. Музей Востока, 1996. – 152 с.
- Гаврилова А.А.** Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 110 с.
- Гумилев Л.Н.** Древние тюрки. – М.: Наука, 1967. – 502 с.
- Дылыков С.Д.** Эджэн-Хоро // Филология и история монгольских народов. Памяти академика Бориса Яковлевича Владимирцова. – М.: Изд-во вост. лит., 1958. – С. 228–274.
- Жамцарано Ц.** Культ Чингиса в Ордоце // Central Asiatic Journal. – 1961. – Vol. 6, N 3. – P. 194–234.
- Евтюхова Л.А.** Каменные изваяния Южной Сибири и Монголии // МИА. – 1952. – № 24. – С. 72–120.
- Ермоленко Л.Н.** Еще раз о голове Кюль-Тегина // Междунар. конф. по первобытному искусству: Тез. докл. – Кемерово, 1998. – С. 96–97.
- Киселев С.В.** Древняя история Южной Сибири. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – 364 с.
- Кляшторный С.Г.** Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. – М.: Наука, 1964. – 215 с.
- Кляшторный С.Г., Савинов Д.Г.** Степные империи Евразии. – СПб.: Фарн, 1994. – 165 с.
- Котвич В.Л.** В Хушо Цайдаме // Тр. Троицко-Кяхтинского отд. Рус. геогр. об-ва. – 1914. – Т. 15, вып. 1. – С. 50–54.
- Котвич В.Л.** Поездка в долину Орхона летом 1912 года // Зап. Вост. отд-ния Имп. Рус. археол. об-ва. – 1915. – Т. 22. – С. 5–7.
- Кубарев В.Д.** Новые сведения о древнетюркских оградках Восточного Алтая // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 135–160.
- Кубарев В.Д.** Древнетюркские изваяния Алтая. – Новосибирск: Наука, 1984. – 230 с.

- Кубарев В.Д., Баяр Д.** Каменные изваяния Шивет-Улана (Центральная Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 4 (12). – С. 74–85.
- Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д.** Древнетюркские мемориалы Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 76–95.
- Кубарев Г.В.** Новые данные по древним тюркам Алтая // Проблемы археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока: Регион. археол. студ. конф.: Кратк. содерж. докл. – Красноярск, 1991. – Т. 2. – С. 60–61.
- Кызласов Л.Р.** История Тувы в средние века. – М.: Изд-во Моск. гос. ун-та, 1969. – 211 с.
- Кьёдо Э.** Гарил: жертвоприношение предкам в культуре Чингисхана // Этнографическое обозрение. – 1993. – № 2. – С. 97–102.
- Малов С.Е.** Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 112 с.
- Могильников В.А.** Тюрки // Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – С. 29–43. – (Археология СССР).
- Монгол орны физик газар зүй** [Физическая география Монголии] / Ред. акад. Ш. Цэгмид. – Улаанбаатар: Улсын Хэвлэлийн Газар, 1969. – 405 с. (на монг. яз.).
- Очир А., Дашням Г. Д.** Нацагдорж: нийгэм, улс төр, эрдэм судлалын үйлс, амьдрал [Д. Нацагдорж: его жизнь, общественная, политическая и научная деятельность]. – Улаанбаатар: Монгол улсын ШУА-ийн Түүхийн хүрээлэн, 1996. – 190 с. (на монг. яз.).
- Потанин Г.Н.** Поминки по Чингис-хане // Изв. Импер. Рус. геогр. об-ва. – 1895. – Т. 21. – С. 303–315.
- Радлов В.В., Мелиоранский П.М.** Древнетюркские памятники в Кошо-Цайдаме // Сб. тр. Орхонской экспедиции 1897. – Вып. 4. – С. 1–14.
- Савинов Д.Г.** Народы Южной Сибири в древнетюркскую эпоху. – Л.: Изд-во Ленингр. гос. ун-та, 1984. – 174 с.
- Сайнжаргал, Шаралдай.** Алтан ордны тайлга [Совершение жертвоприношений в Золотой ставке]. – Бээжин: Үндэстний Хэвлэх Үйлдвэр, 1983. – 470 с. (на монг. яз.).
- Семейная обрядность** народов Сибири: Опыт сравнительного изучения. – М.: Наука, 1980. – 240 с.
- Сэр-Оджав Н.** Хүл Тегины булшнаас олсон хүн чулууны толгой [Каменная голова из погребения Кюль-Тегина]. – Улаанбаатар: Эрдэм Шинжилгээний Хэвлэл, 1959. – 8 с. (на монг. яз.). – (Studia Archeologica; Т. 1, f. 6).
- Сэр-Оджав Н.** Эртний түрэгүүд [Древние тюрки]. – Улаанбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн Хэвлэл, 1970. – 116 с. (на монг. яз.). – (Studia Archeologica; Т. 5, f. 2).
- Худяков Ю.С.** Кок-тюрки на среднем Енисее // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 194–206.
- Худяков Ю.С.** Древнетюркские поминальные памятники на территории Монголии // Древние культуры Монголии. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 168–184.
- Худяков Ю.С.** Искусство средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии: Учеб. пособие. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1998. – 120 с.
- Худяков Ю.С., Цэвээндорж Д.** Керамика Орду-Балыка // Археология Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1982. – С. 85–94.
- Хэрэд, Шаралдай.** Чингисхааны онгон шүтээний тайлга тахилга [Обряд жертвоприношения на святилище Чингисхана]. – Улаанбаатар: Урлах эрдэм, 1999. – 260 с. (на монг. яз.).
- Энхтур А.** Шинээр олдсон хашлага чулуун онгоны тухай. [О новооткрытой каменной оградке] // Археологийн судлал. – Улаанбаатар: “Жинст харгана” ХХК, 2003. – С. 84–92 (на монг. яз.). – (Studia Archeologica; Т. 21, f. 9).
- Ядринцев Н.М.** Отчет экспедиции на Орхон, совершенной в 1889 году // Сб. тр. Орхонской экспедиции. – 1892. – Вып. 1. – С. 51–111.
- Chiodo E.** Praising Cinggis Qayan and his Campaigns // Ural-Altische Jahrbuch. – 2001–2002. – Bd. 17. – S. 189–233.
- Heikel A.** Inscriptions de l’Orkhon recueillies par l’expédition finnoise 1890. – Helsingfors, 1892.
- Jisl L.** Vyzkum Kulteginova pamatniku v Mongolske ludove Republice // Archeologicke Rozhledy. – 1960. – Т. 12, N 1. – P. 86–115.
- Jisl L.** The Orkhon Turks and problems of the Archaeology of the Second Eastern Turk Kaghannate: Annals of the Napstek Museum. – Praha, 1997. – 112 p.
- Lacoste B., de.** Au Paus Sacre des Ancient Turks et des Mongols. – P., 1911.
- L’Asie des steppes d’Alexandre le Grand a Gengis Khan.** – P., 2000. – 202 p.
- Moğolistan’ daki Turk anitlari projesi albumu:** (Album of the Turkish monuments in Mongolia) / TİKA. Hazırlayanlar Osman Fikri Sertkaya, Cengiz Alyılmaz, Tsendiyn Battulga. – Ankara: Can ofset Hatbaa cilik, 2001. – 357p.
- Moğolistan’ daki Turk anitlari projesi 2000 yili calışmaları:** (Work for the project Turkish monuments in Mongolia in year 2000) / TİKA. – Ankara: Ayd ogdu ofset Matbaa ve Ambaaj Sanayitic ltd. 2002. – 257 p.
- Moğolistan’ daki Turk anitlari projesi 2001 yili calışmaları:** (Work for the project Turkish monuments in Mongolia in year 2001) / TİKA. – Ankara: Semih ofset Matbaa cilik s.e.k. yayincilik ve ambalaj San. tic. ltd. Sti. 2003. – 487 p.
- Provisional report** of researches on historical sites and inscriptions in Mongolia from 1996 to 1998. – Osaka: The Society of Central Eurasian studies, 1999. – 292 p.
- Sagaster K.** Ein ritual aus dem heutigen Cinggis-Heiligtum in Ordos // Zentralasiatische Studien. – Wiesbaden, 1993. – Bd. 23. – S. 145–151.
- Tryjarski E.** The present state of preservation of old Turkic relics in Mongolia and need for their conservation // Ural-Altische Jahrbuch. – 1966. – Bd. 38. – S. 158–173.
- Tryjarski E.** On the Archaeological Traces of Old Turks in Mongolia // East and West. – Rome, 1971. – Vol. 21, N 1/2. – P. 121–135.

УДК 903'1.22

Н.П. Матвеева¹, Т.М. Потёмкина², А.И. Соловьёв³¹*Институт проблем освоения Севера СО РАН, а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия**E-mail: IVNPM@yandex.ru*²*Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия**E-mail: tamilapt@mtu-net.ru*³*Институт археологии и этнографии СО РАН**пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия**E-mail: bronza@dus.nsc.ru*

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕКОНСТРУКЦИИ ЗАЩИТНОГО ВООРУЖЕНИЯ НОСИТЕЛЕЙ САРГАТСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКА ЯЗЕВО-3)

Введение

Изучение социальной стратификации обществ раннего железного века Западной Сибири, в частности с точки зрения уровня воинской специализации и развития военного дела, в последние годы вызывает особый интерес. Материалы недавно открытых богатейших комплексов, подобных найденным в Сидоровке и Исаковке [Матющенко, Татаурова, 1997; Погодин, 1998; Погодин, Труфанов, 1991], результаты работ по реконструкции социальной структуры саргатцев, позволившие сделать выводы о существовании нескольких групп вооруженного мужского населения, имевших особый статус и функции, и принадлежности военных дружин к элитарному сословию уже в III в. до н.э. [Матвеева, 1994, 1998, 2000б], открывают возможности для более обоснованной интерпретации конкретных воинских погребений. В этой связи особого внимания заслуживает захоронение воина в кургане могильника Язев-3 (рис. 1), исследованное экспедицией Курганского пединститута под руководством Т.М. Потемкиной 30 лет назад. Материалы его пока не опубликовались.

Характеристика погребального комплекса и вещевого материала

Курганная группа расположена в 7 км к северу от д. Язев Куртамьшского р-на, справа от дороги в д. Песьяное. Она состояла из шести курганов, вытянутых цепочкой по береговой террасе высохшего озера в 300–500 м от края берега. Все курганы расположены на пашне, окаймленной березовыми колками (рис. 2). Курганы различаются по размерам. Курган № 1 самый большой в группе, его высота 3,5 м, диаметр 30 м. Вокруг него прослеживается заплывший ров глубиной ок. 0,5 м. С наружной стороны ко рву примыкает вал высотой 0,6 м и шириной 2,5 м. Курган № 2 находится в 250 м от кург. № 1. Его поверхность распахана, а насыпь в значительной степени снесена. Она достигает в диаметре 32 м и возвышается над уровнем современной дневной поверхности на 1,5 м. Курган № 4 задернован. На его вершине установлена триангуляционная вышка. В 20 м от кург. № 4 расположен кург. № 5. Его высота составляет 1,5 м, диаметр 28 м. Курган № 6 расположен вблизи кург. № 5, его высота 1,2 м, диаметр 26 м.

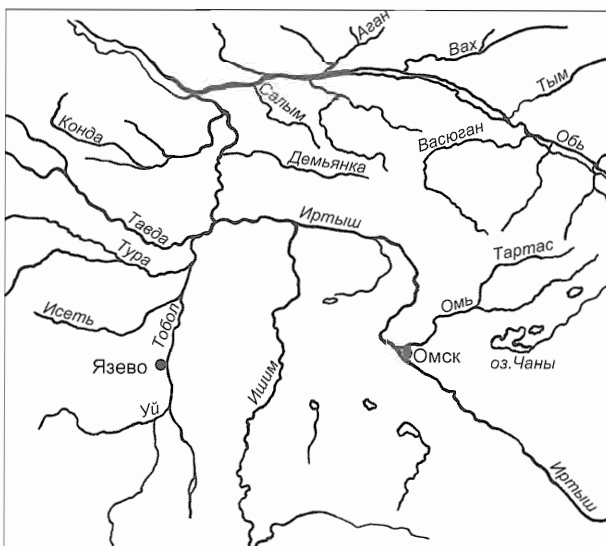

Рис. 1. Схема расположения могильника Язево-3.

В некрополе был исследован кург. № 3. Его насыпь размерами 30×43 м и высотой 0,8 м вписана в раскоп площадью 480 м^2 , разбитый на квадраты 2×2 м. Снятие насыпи проводилось по горизонтам сначала на периферии, затем на вынос в центре.

Курганную насыпь ограничивал кольцевой ров с внутренним диаметром 20 м, шириной 1,4–1,9 м и глубиной 0,65–0,8 м. В поперечнике ров имел полуовальную форму. Выброс из рва уложен с внутренней стороны в виде небольшого валика шириной 1,7–2 м и высотой 0,30–0,35 м. Во рву и поблизости от него обнаружены следы шести небольших кострищ овальной формы размерами ок. $0,4 \times 0,6$ м (рис. 3). Они представляли собой оранжевые пятна прокаленного песка, окаймленные черной углистой полосой. В кострище в северо-северо-восточной части насыпи сохранились угли и следы обгоревших бревен. Пятна прокала и угли отмечены в северо-западной, северо-северо-западной, западной, юго-восточной и восточной-северо-восточной частях кургана. Они зафиксированы над выбросом из рва и в его вторичном заполнении на разной глубине. Пространственно-стратиграфический анализ позволяет связывать западное кострище, приуроченное к уровню погребенной почвы (–130...–140 см), с погребальной тризной, а все другие, находившиеся выше и у полы насыпи, а также во рву, с поминальными обрядами.

Под насыпью кургана на глубине 50 см от вершины была обнаружена конструкция (длина в пределах 0,6–1 м, диаметр 0,15–0,3 м) из коротких березовых неошкуранных бревен. Бревна были уложены радиально, вплотную друг к другу и образовывали круг диаметром 10 м. Их подпирали бревна, уложенные по периметру сооружения перпендикулярно, причем у восточного и западного краев было зафиксиро-

вано по два поперечных бревна, у северо-восточного – три, у юго-восточного – около пяти. Одна часть бревен лежала на погребенной почве, другая – поверх глинистого выброса из могилы. В восточной части погребального сооружения бревна были обожжены, здесь сохранилось много углей. Возможно, это был участок проведения первой тризны у могилы. Эта часть конструкции изувечена грабительским ходом и сохранилась хуже всего. Над могилкой бревен не оказалось; они провалились внутрь ямы и быстро разрушились в открытой бугровщиками камере, о чем можно судить по рыхлому грунту коричневого цвета и мелким кускам рыхлой древесины.

В центре кургана находилась единственная могила овальной формы размерами $4,5 \times 3,6$ м и глубиной от уровня погребенной почвы 1,8 м. Ее внешние размеры, видимо, искажены грабительским вкопом. Стенки ямы были наклонные, и на уровне дна ее размеры сократились до $2,4 \times 1,8$ м. По периметру дна была прокопана канавка шириной 0,5–0,8 м и глубиной 0,3–0,35 м, которая расширялась в северном углу до 1 м. Благодаря ей была образована приподнятая площадка размерами $1,9 \times 1,3$ м, на которой и было совершено захоронение. Выкид оконтуривал края могилы и имел форму овального, слегка оплыв-

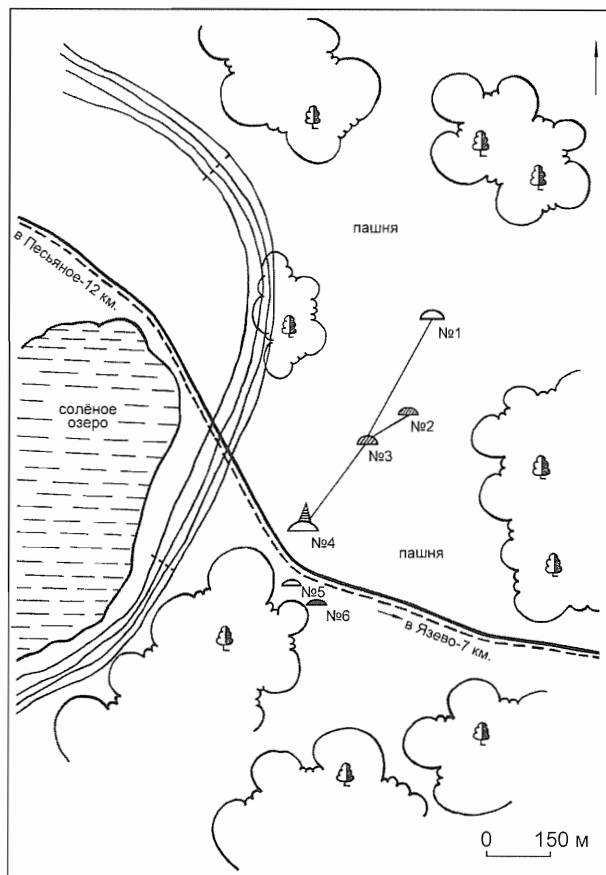

Рис. 2. План могильника Язево-3.

шего в яму кольца, внутренний диаметр которого составлял ок. 4 м, ширина 1,5 м и высота над уровнем погребенной поверхности 0,3–0,5 м.

Курган разграблен. В заполнении ямы на различной глубине встречены кости человека, обломки костяных панцирных (рис. 4) и железных пластинок, а также неопределенные фрагменты железных предметов. Череп лежал на дне ямы в северной части приподнятой площадки, а скопление трубчатых костей и тазовая кость со следами медных окислов – в юго-восточной части. Это позволяет предположить, что погребенный был ориентирован по линии северо-запад – юго-восток.

В могиле найдены: костяной черешковый ромбический в сечении наконечник стрелы длиной 7,5 см с пером длиной 5,3 см (рис. 5, 28), три медные пластинки прямо угольной формы с загнутыми поперечными концами шириной 0,7–0,9 см и длиной 1,5 см – 3 экз. (рис. 5, 29, 30, 31), обломок пера железного трехлопастного наконечника стрелы (рис. 5, 26), 109 целых и фрагментированных пан-

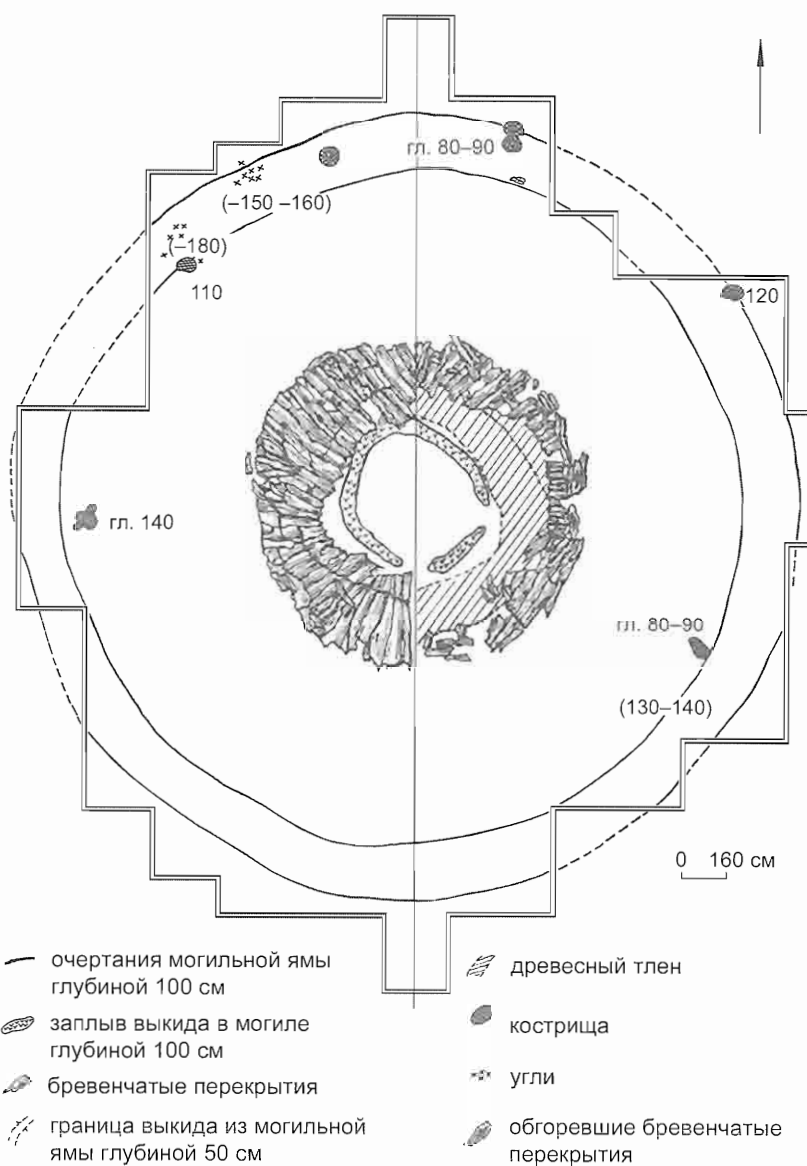

Рис. 3. Генплан раскопа кург. № 3 могильника Язев-3.

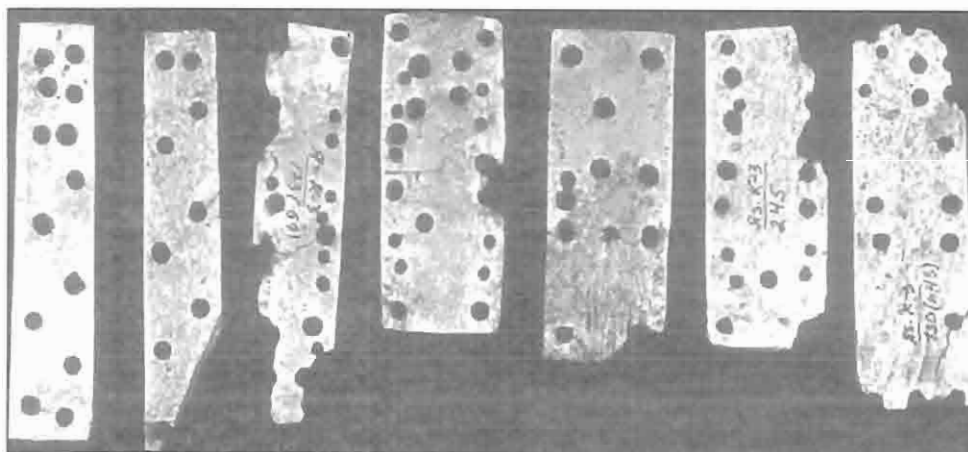

Рис. 4. Детали панциря из погр. № 1 кург. № 3 могильника Язев-3.

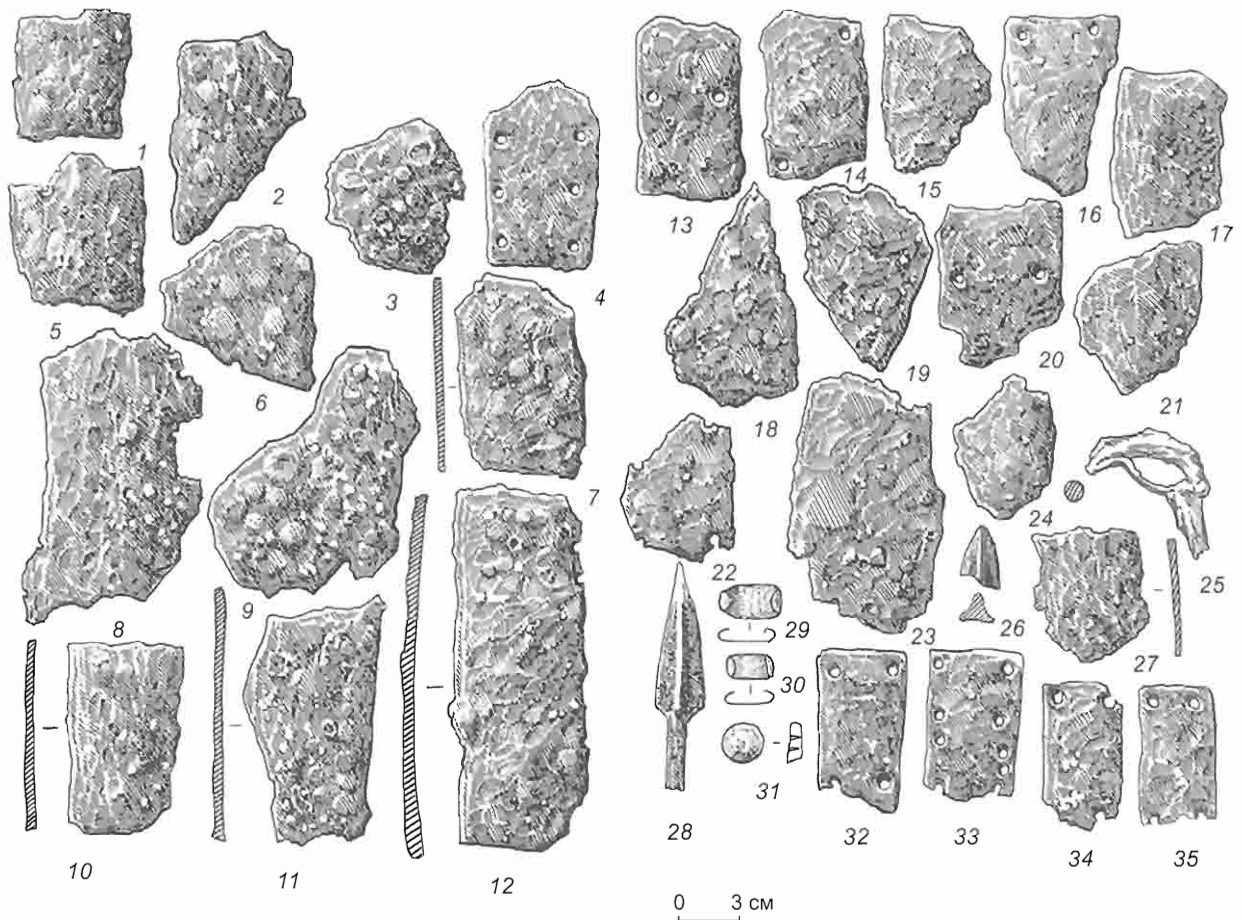

Рис. 5. Железные предметы из погребения №1 кург. N3 могильника Язев-3.

цирных пластин из рога, 25 фрагментов панцирных пластин из железа. Там же были обнаружены 182 неопределимых обломка различных железных предметов. Четыре из них могут быть приблизительно интерпретированы. Один обломок размерами $3,5 \times 7$ см со следами дерева и меди, вероятно, служил для скрепления элементов из разных материалов; другой – плоский, шириной 4,3 см и длиной 11,4 см похож на обломок клинка кинжала, третий и четвертый соответственно крючкообразной (рис. 5, 25) и полукольцевидной формы могли быть обломками конской упряжи, пряжек или удил.

Обломки железных панцирных пластин принадлежат не менее чем восьми крупным экземплярам. Сохранность их плохая, на большинстве отверстия заплыли и едва различимы. Наиболее крупная пластина, имеющая девять отверстий, прямоугольная, слегка изогнутая по форме, ее размеры $7 \times 5,5$ см. Шесть других неполных прямоугольных пластин длиной от 4,2 до 11 см, шириной от 3,5 до 5 см имели два – пять отверстий (рис. 5, 1–24, 27).

Панцири с железными пластинками известны в курганах скифов савроматов и меотов IV–III вв. до н.э. [Полин, 1984, с. 116–117; Горелик, 1993,

с. 110–111; Смирнов, 1964, с. 69, рис. 52, 3б; Пузикова, 1969, с. 94]. Найдены они и в элитарных саргатских некрополях Исаковка-1 и Сидоровка [Матющенко, Татаурова, 1997, с. 45, рис. 21; Погодин, 1998, с. 54–55].

Костяные панцирные пластинки различаются по размерам и количеству отверстий. Толщина их примерно одинакова – 0,5 см, ширина колеблется от 1,7 до 5,3 см, длина – от 6,5 до 11,5 см; диаметр отверстий от 2,5 до 5 мм. Подобные пластины часто находят в погребениях саргатской культуры, особенно раннего и среднего этапа. Они датируются в основном IV–II вв. до н.э., хотя встречаются и более поздние образцы. Железный трехлопастный наконечник может быть отнесен к III в. до н.э. Железные остатки упряжи и клинкового оружия есть основания связывать с III–II вв. до н.э., но для этого периода не характерны одиночные захоронения в курганах и костяные наборные доспехи. Впрочем, известны исключения, например, одномогильные курганы в могильниках Нижне-Ингальский-1 (№ 1) и Старо-Лыбаевский-4 (№ 35), датированных I–III вв. н.э. [Матвеева, 1999, 2000а].

Предметы защитного вооружения

Среди инвентаря из кургана Язевое-3 наибольший интерес представляют панцирные пластины, разнообразные по форме, размерам и комбинации крепежных отверстий. По ним можно попытаться реконструировать панцирь. К сожалению, решение этой задачи затруднено тем, что звенья панциря представлены в основном фрагментами; они перемещены и рассеяны внутри погребального комплекса. Кроме того, поскольку захоронение было разграблено, не ясно, были положены в него целые латы или только их часть. Без ответа на этот вопрос невозможно уверенно реконструировать панцирный набор.

По форме костяные пластины панциря можно разделить на несколько групп:

1-я – подпрямоугольные узкие, со скошенным верхом. Представлена двумя пластинами размерами $1,9 \times 9,7$ см (рис. 6, 4, 5);

2-ая – широкие прямоугольные. Представлена двумя пластинами размерами $5,3 \times 10,2$ см, на которых имеются по 20 одинаково расположенных отверстий (рис. 6, 1, 2);

3-я – закругленные. Представлены разными по размерам обломками крупных пластин (рис. 6, 3, 38);

4-я – удлиненно-прямоугольные. Пластины различаются по пропорциям: длиной от 8,7 до 9,3 см и шириной от 2,5 и до 3 см с симметричными спаренными отверстиями по центру (рис. 6, 7, 9, 14, 26, 45, 47);

шесть целых и несколько обломков длиной 10 см и шириной 3 см (рис. 6, 13, 20, 31, 37, 47). К этой же подгруппе относится не менее семи пластин длиной 10–10,5 см и шириной 2,5 см с одинаково расположенными отверстиями (рис. 6, 18, 21, 23, 24). Для них характерно расположение в центральной части вдоль продольной линии двоянных или строенных отверстий напротив друг друга;

пять целых и несколько обломков длиной 11,5 см и шириной 3 см (рис. 6, 13, 14, 27, 29, 38); шириной ок. 2–2,2 см, длина не восстанавливается, возможно, она была ок. 10 см, как у узких трапецевидных пластин (рис. 6, 30, 41, 43, 48).

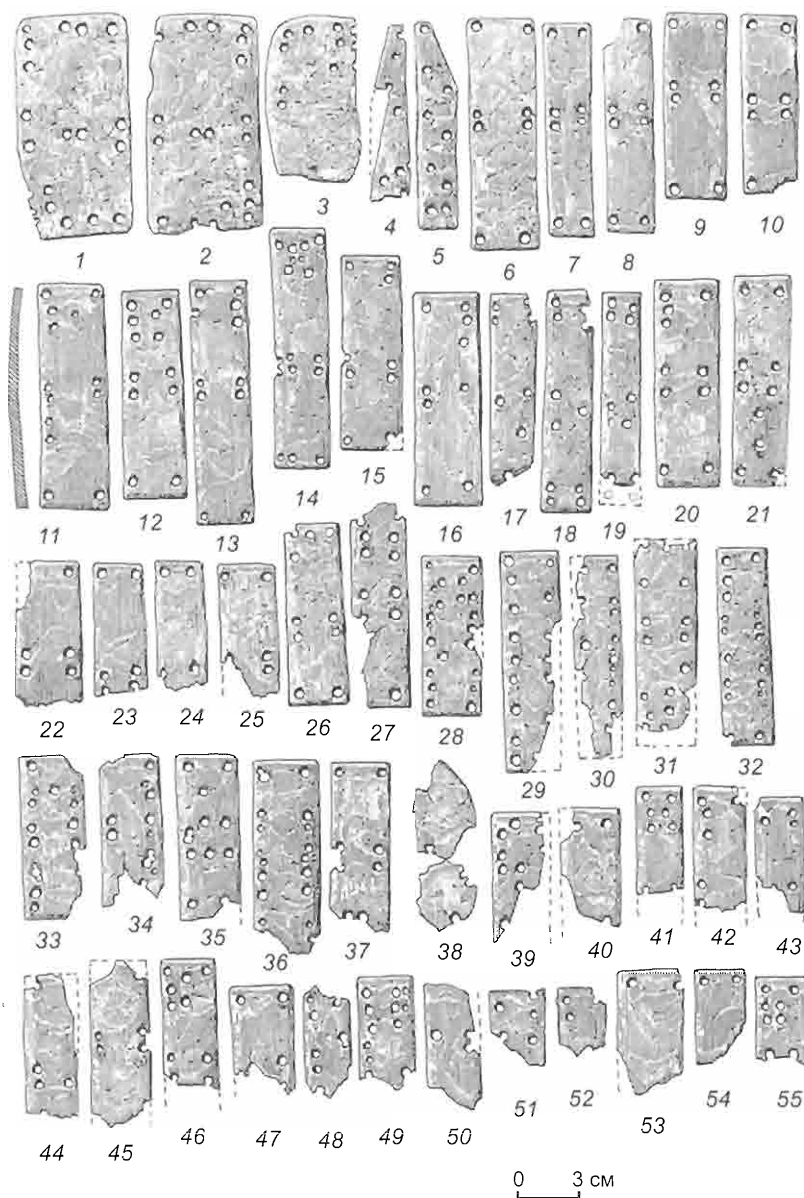

Рис. 6. Роговые панцирные пластины из погр. № 1 кург. № 3 могильника Язевое-3.

На пластинах обычно не меньше восьми отверстий: по одному в углах и по два спаренных в центре вдоль продольных линий. На некоторых пластинах наоборот, спаренные отверстия расположены в углах, а в середине пластины – группа из трех отверстий (рис. 6, 19). На отдельных пластинах дырочки покрывают сплошь весь продольный край, но не хаотично, а ритмически, чередуясь по две и три (рис. 6, 14, 28, 32). Две пластины выделяются по количеству отверстий на торцах, причем сверху (?) имеется три ряда дырочек, а внизу – только один. Обнаружены пластины с отверстиями в центре по продольной линии и по бокам (рис. 6, 39).

Обсуждение материалов

Предложенное типологическое членение достаточно условно и носит альтернативный характер, поскольку роговые панцирные пластины, в отличие от металлических аналогов, не столь стандартизированы. Мы имеем в виду следующее: целая серия крепежных отверстий в пластинах явно связана с ошибками сверловки и зачастую при соединении звеньев доспеха между собой, когда противолежащие отверстия разных пластин не совпадали, мастер проделывал очередную дырку в нужном месте, порой так близко к предыдущей, что два или более отверстий сливались в одно (рис. 6, 28, 33–35, 46). Кроме того, появление некоторых отверстий можно рассматривать как результат ремонта, призванного восстановить поврежденное соединение путем высверливания пары дополнительных отверстий, через которые пропускался и завязывался новый шнур. Судя по этнографическим материалам, для вязки пластин между собой использовался кожаный ремешок, ширина которого превосходила диаметр крепежных отверстий (наш ремешок шириной ок. 5–6 мм и толщиной 0,5–0,8 мм). Такой ремешок туго входил в дырочки и прочно стискивался их краями. Его, протягивая, скручивали и смачивали, а затем распрямляли по обеим сторонам отверстий. В результате без значительного усилия, грозящего сломать саму панцирную пластину, ее уже нельзя было двигать вдоль ремешка, равно как и извлечь последний из отверстия. Даже будучи рассеченным, такой ремешок продолжал удерживать звено доспехов. Таким образом, при ремонте панциря саргатам было проще просверлить лишнюю пару дырочек под новый ремешок, нежели извлекать из множества отверстий панцирной ленты обрывки старого и потом опять протаскивать в них новый.

Результатом вышеописанных операций являются конструктивно не предусмотренные комбинации отверстий, обуславливающие явный типологический разноряд. Поэтому важно определить “базовые” отверстия, функционально необходимые для сборки панцирных лент по заранее продуманной схеме. Отметим, что далеко не все они могли быть задействованы при сборке. Кстати, даже в металлических панцирных пластинах, как показывают этнографические материалы, были “лишние” монтажные отверстия. Надо полагать, что мастера нередко делали отверстия с некоторым “запасом”, чтобы можно было максимально успешно решать возникавшие при сборке панциря проблемы, которые, в частности, возникали в связи с не очень точным соблюдением размеров самих пластин и отверстий в них.

Что касается способов вязки деталей доспехов между собой, то едва ли мы ошибемся, предпола-

гая, что мастера далеко не всегда следовали строго установленным стандартам. Приемов скрепления пластин ремнями могло быть несколько. Один и тот же набор отверстий позволяет, кстати, использовать различные “ходы” крепежных ремней и способы шнуровки. Еще 200–300 лет назад, когда конструкция пластинчатых доспехов была уже отработана и сформировались поколения профессиональных мастеров-бронников, наладивших в массовом количестве выпуск стандартных металлических звеньев, сборкой лат, например в Джунгарии, занимались женщины, которых со всех улусов специально собирали в одном месте. Там, по сведениям, сообщенным жене русского посла И. Унковского некой ойраткой, иногда трудилось более 300 чел. [Златкин, 1983, с. 238–239]. Следует полагать, каждая из этих мастериц обладала индивидуальным опытом и своими приемами работы, в т.ч. плетения и вязки.

Задачу реконструкции немало затрудняет отсутствие изображений воинов эпохи раннего железного века в Западной Сибири. Сегодня крайне сложно составить даже приблизительное представление о покрое защитной одежды местного населения той далекой эпохи. Поэтому, рассматривая находки из могильника Язеве-3, мы вынуждены обращаться к материалам более широкого территориального и хронологического диапазона, в первую очередь районов, население которых традиционно производило защитное вооружение из сырья органического происхождения – рога и кости.

Прежде чем реконструировать покрое положенного в погребение панциря, определим некоторые методические моменты. Первостепенными по важности элементами всякой защитной одежды являются приспособления для прикрытия корпуса и головы – жизненно важных центров и наиболее уязвимых частей тела. Учитывая это, приоритетной конструкторской задачей должно быть создание всякого рода нагрудников, наспинников, набрюшников, кирас, шлемов и т.д. Их устройство, а следовательно, и степень эффективности безусловно связаны с поражающими возможностями оружия нападения, которому они призваны противостоять. В VI–III вв. до н.э. в ближнем бою воины-саргаты использовали типы клинкового оружия, распространенные у кочевого населения Приуралья, Казахстана, Средней Азии, – с когте- и серповидным навершием, бабочковидным и прямым перекрестием [Могильников, 1992, с. 303]. Низкое качество металла вряд ли позволяло наносить сделанными из него орудиями мощные рубящие удары, способные рассечь плотное препятствие. Фехтовальная техника саргатских воинов с такими мечами, скорее всего, не отличалась от приемов ближнего боя, проанализированных по скифским и сарматским материалам М.В. Гореликом [1993,

с. 21, 33–35], и сочеталась с проведением борцовских бросков и захватов, проводимых верхом и в пешем строю. Именно для таких поединков наиболее удобным средством натальной защиты представляются различного рода короткие панцири, закрывающие туловище, бока и спину и не сковывающие движения. Отметим, что не случайно в период существования военно-потестарных организаций у различных племен и народов при отсутствии регулярных профессиональных воинских соединений, требующих специальной выучки, набор натальных средств защиты включал лишь щиты, шлемы или простые панцирные нагрудники [Конолли, 2001, с. 113–126, 149–152, 175; Котенко, 1997, с. 110–123].

Защита конечностей также связана с развитием поражающих возможностей клинкового оружия и фехтовальной техники, которые в рассматриваемое время были еще достаточно примитивными. Серьезным препятствием для рубящего удара легким саргатским мечом были плотная кожа, обмотанная в несколько слоев вокруг предплечий, а тем более связанные из длинных прямых прутьев кожаными ремешками или крапивной нитью наручи.

В погребении Язево-3 найдено 109 роговых панцирных пластин, некоторые из них являются обломками одного предмета. Следовательно, количество защитных элементов в могиле было еще меньше (мы не учитываем фрагменты костяной “брони”, вполне возможно уничтоженные и выброшенные из захоронения грабителями). Если все эти защитные элементы из Язево-3, сгруппировав самым простым способом – по размерам, форме и по числу отверстий (восемь и более), разложить рядами на плоскости друг подле друга, то получится фигура, напоминающая приземистую ступенчатую пирамиду ок. 50–55 см в высоту и 68–70 см в ширину у основания и 23–27 см у вершины. Разумеется, эти данные носят приближенный, оценочный характер, ибо остаются незадействованными многие фрагменты; учет же их может изменить (сеем надеяться, не столь существенно) размеры. Согласно антропометрическим данным, мужчины – представители саргатской культуры не отличались особо выдающимися физическими данными (высокий рост, выраженная длинноноготь или массивность корпуса). Это были невысокие пропорционально сложенные люди, ниже наших современников среднего роста. По метрическим данным, полученным по материалам Гаевского могильника [Курто, Ражев, 1997], средний рост мужчин (отбросим крайние величины – 156 и 174 см) составлял 170 см. С учетом этих размеров и стандартных пропорций человеческого тела вычислим антропометрические параметры среднестатистического саргатца. В результате несложных расчетов получим округленные результаты: ширина плеч ок. 45 см,

груди на уровне подмышечных впадин – 36 см, талии – 30 см, тела на уровне подвздошных костей и паха – 35 см и 37 см соответственно, тела от основания шеи до подвздошных костей и паха – 47–48 см и ок. 59 см соответственно. Сравнение этих данных с параметрами защитной поверхности, составленной из роговых панцирных пластин, найденных на могильнике Язево-3, показывает, что верхний ряд собранной нами ступенчатой пирамиды способен практически полностью закрыть всю верхнюю часть груди саргатского воина, не мешая движению рук, а нижняя ее часть может целиком охватить корпус мужчины в области таза. Таким образом, мы имеем дело, скорее всего, с панцирем, закрывавшим только туловище и напоминающим, по терминологии М.В. Горелика, защитное вооружение типа “корсет – кираса”. Панцирная одежда такого типа, собранная из связанных ремнями пластин, широко представлена среди древностей Китая [Ян Хун, 1980, с. 26, 78, 153] и этнографических материалов, полученных от обитателей севера Восточной Сибири [Антропова, 1957, рис. 25, 26; Laufer, 1967, Pl. XXIX, p. 263] и Нового Света [Ernest, Burch, 1988, fig. 306–308].

Обратимся к данным этнографии, необходимым для интерпретации археологического материала. Среди них мы легко найдем типологические параллели реконструируемой боевой одежды из Язево-3. Например, эскимосский панцирь, приобретенный Г. Торнтоном у аборигенов в 1892 г. и хранящийся в Вашингтонском национальном музее, состоит из трех рядов длинных прямоугольных пластин из мамонтовой кости, связанных друг с другом ремнями. Пластины двух нижних рядов целиком охватывают корпус воина и застегиваются ремешками на боку. Третий, верхний, ряд состоит из двух групп аналогичных пластин (по восемь, десять штук), которые закрывают верхнюю часть груди и спины между подмышечными впадинами. В середине каждой такой группы одна из пластин пересекает другую (прилегающую к ней) по диагонали, крепясь через специальное отверстие, просверленное в ее середине. В результате каждая такая группа (передняя и задняя) имеют форму трапеции, к широкому основанию которой подвязаны нижние ряды (рис. 7). Доспех составлен из 99 пластин, его максимальная ширина 110 см, высота 45 см* [Laufer, 1967, Pl. XXIX].

* К сожалению, мы не имели возможности провести метрическое обследование других образцов традиционных систем защитного вооружения, сделанных из рога или мамонтовой кости аборигенами Чукотки, Аляски, Дальнего Востока, но, основываясь на фотоллюстрациях, предполагаем, что по своим параметрам они не очень отличаются от вышеприведенных.

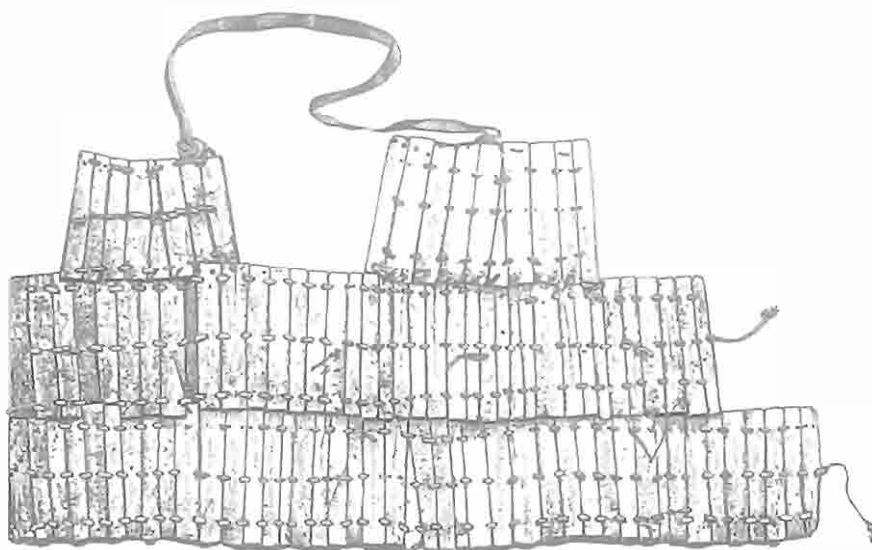

Рис. 7. Эскимосский панцирь из мамонтового бивня. Мыс принца Уэльского (Аляска)
(по: [Laufer, 1967, Pl. XXIX]).

Как видим, по параметрам этот панцирь тоже близок к реконструируемому по материалам Язево-3. Большая ширина аляскинского панциря объясняется тем, что его надевали поверх толстой теплой меховой одежды. Кроме того, язевские латы тоже могли быть шире в силу причин, на которые мы уже обращали внимание. Другой эскимосский панцирь XIX в. с азиатского побережья Берингового пролива представляется значительно ближе к тому варианту защитного вооружения, который может быть воссоздан по саргатским материалам. Он также опускается до бедер, целиком охватывает корпус воина и состоит из четырех рядов защитных пластин. Верхний ряд представлен небольшой группой самых крупных защитных звеньев, закрывавших грудную клетку от ключиц. Самые крайние правая и левая пластины этой группы, находящиеся у подмышек, имеют скошенный и скругленный верхние углы. Три нижних ряда, которые замыкаются в кольцо вокруг туловища, состоят из более мелких прямоугольных пластин с тремя группами парных отверстий близ обоих краев и середины. Все эти кольца из пластин примерно одинаковые по ширине, но разные в диаметре. Самые маленькие располагаются выше пояса и плотно охватывают тело, а ниже они становились все шире и шире (рис. 8, 9, 4). Кольца вставлялись друг в друга приблизительно на треть своей ширины, как в складном походном стаканчике. Они соединялись ремнями между собой только в нескольких точках и могли складываться, не мешая движениям корпуса. Такие панцири включали и большее число рядов; в этом случае они прикрывали еще пах и ягодицы (рис. 9, 1, 2) [Антропова, 1957, рис. 25, 26].

Обратимся к панцирю из Язево-3. Из всей массы имеющегося материала обращают на себя внимание прежде всего самые крупные широкие звенья доспеха (см. рис. 6, 1, 2), очень близкие по комбинациям крепежных отверстий. Небольшое различие между ними обусловлено тем, что угол одной из пластин обломился по линии трех последовательно просверленных отверстий, и мастер, очевидно ремон-

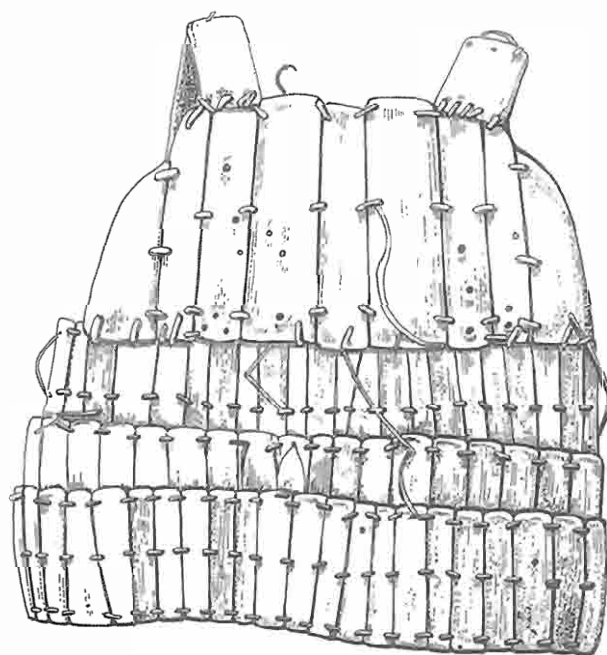

Рис. 8. Эскимосский панцирь из костяных пластинок. Остров Св. Лаврентия (по: [Антропова, 1957, с. 27]).

тируя поврежденные доспехи, сделал в этой пластине еще два дополнительных отверстия. К этим пластинам по размерам тяготеют еще несколько обломков, вероятно, таких же крупных роговых звеньев с одним скругленным углом (см. рис. 6, 3, 38). Эта группа защитных элементов, надо полагать, закрывала верхнюю часть груди, причем пластины со скругленным углом располагались ближе к началу и, соответственно, концу ряда, близ подмышек. Очевидно, здесь же находят свое место узкие односторонне скошенные пластины (см. рис. 6, 4, 5), с обеих сторон замыкающие такой укороченный ряд из широких роговых звеньев. Одна из таких лент должна была располагаться сзади и прикрывать верхнюю часть спины.

Следующая, самая многочисленная, группа представлена вытянутыми прямоугольными пластинами, которые распадаются на три варианта по размерам, но объединяются в единый тип по комбинации восьми крепежных отверстий – по одному в углах и по две пары в середине каждой из них (см. рис. 6, 6–10). Защитное вооружение с аналогичными деталями было довольно широко распространено во времени и пространстве. Такие пластины известны среди древностей раннего железного века на Алтае [Горбунов, 1999, с. 48, рис. 1, 8, 9] и Дальнем Востоке [Деревянко, 1976, табл. XVII, 1], эпохи средневековья в Японии, а также этнографических материалов Северной Пасифики XIX в. [Антропова, 1957, рис. 26].

Все остальные пластины панцирного набора из могильника Язев-3, кроме двух со скошенным верхом (см. рис. 6, 4, 5), имеют однообразную прямоугольную форму. У большинства единая схема расположения отверстий: четыре по углам и четыре посередине, которую условно можно назвать базовой; она дополнена несколькими дырочками, расположенными по оси предмета (см. рис. 6, 21, 37) на одном (см. рис. 6, 12, 13, 15, 20, 26, 46) или обоих (рис. 6, 14) краях либо вдоль длинных сторон (см. рис. 6, 11, 27, 28, 32, 36). Таким образом, практически все прямоугольные пластины язевского панциря могли быть последовательно соединены между собой в ряды-ленты благодаря базовым отверстиям у длинных сторон; дополнительные отверстия последовательно сверлились, скорее всего, уже при сборке панциря для решения конкретных монтажных задач укрепления связи элементов либо соединения между собой полученных бронелент. Такое предположение позволяет сделать анализ схем отверстий: базовые отверстия на всех пластинах сделаны на одном расстоянии, а дополнительные высверлены весьма произвольно, причем по диаметру они различны (см. рис. 6, 28, 30, 33–36).

Анализ пространственного взаиморасположения базовых и дополнительных отверстий позволяет

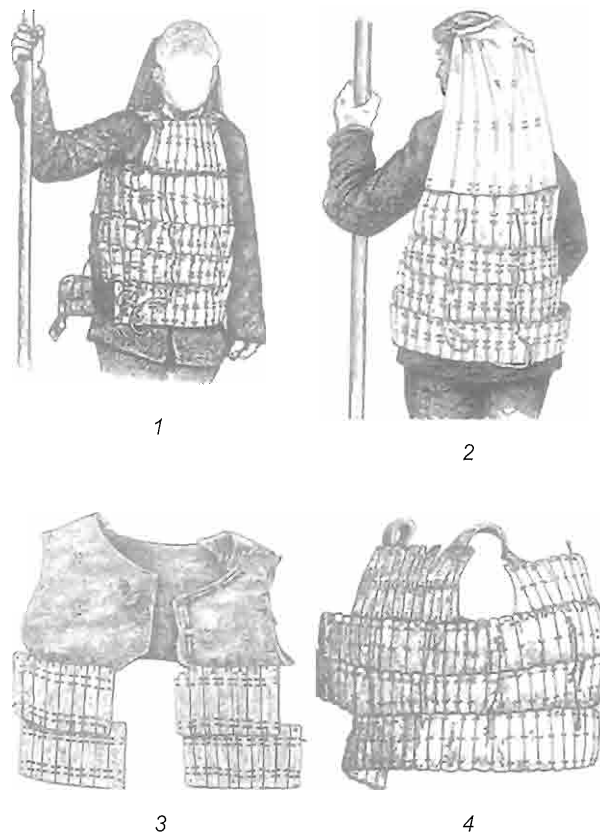

Рис. 9. Панцири из костяных пластинок.

1, 2 – с защитным приспособлением для шеи (по: [Ratzel, 1886, fig. 5, 6; Антропова, 1957, с. 209]); 3 – с кожаным полужилетом (по: [Ernest, Burch, 1988, fig. 306]); 4 – с боковым запахом (по: [Idid., fig.7]).

прийти к заключению, что монтажная схема данного панциря основывалась на двух основных принципах создания армированной поверхности – ламellarном (автономное соединение между собой защитных чешуек в ленты ремной или шнуровой вязкой) и “чешуйчатом” (армирующие элементы пришивались к несущей кожаной или матерчатой основе). Такую конструкцию имеют многие металлические панцири более позднего времени [Худяков, Соловьев, 1987, с. 137–138]. Компактные группы дополнительных отверстий, высверленные в верхней части защитных элементов из Язев-3 (см. рис. 6, 11, 12, 41, 46, 49), со всей определенностью указывают на то, что они, подобно пуговицам, пришивались к “мягкой” подкладке из какого-то органического материала (кожа, грубая холстина?), выполнявшей роль основы. Но в панцирном наборе есть также многочисленная серия армирующих звеньев лишь с базовыми отверстиями. Логично будет расположить эти элементы в верхней части панциря, сразу же под рядом самых широких пластин, т.е. там, где в соответствии с анатомией человека

не требовалась особо гибкая и подвижная броня и куда легко могут доходить кожаные лопасти, закрывающие плечи.

Примеры технических решений такого рода встречаются среди традиционного защитного вооружения из органических материалов. Они представляют собой подобие короткого жилета из толстой грубой кожи, закрывающего только плечи и верхнюю половину груди. К нижнему краю пришит ряд прямоугольных пластин из кости, к которым тонкими ремешками подвешена еще одна аналогичная панцирная лента (см. рис. 9, 3). Конструкция такого панциря вполне допускает использование еще одного ряда верхних усиливающих деталей. Вероятно, именно такими были кулайские панцири с крупными роговыми нагрудными панцирными пластинами, украшенными знаменитыми гравировками личин в коронах и с оружием. Во всяком случае нагрудная пластина из Дубровинского Борка [Троицкая, 1979, табл. XIX, 1], судя по сохранившейся половине, состояла из двух частей, каждая из которых, похоже, располагалась на отдельной доле короткого кожаного боевого “полужилета”, удлиненного снизу несколькими ярусами расположенных друг над другом панцирных лент из роговых пластин. Саргатский панцирь из Язево-3, вероятно, имел аналогичные конструктивные особенности, но отличался по устройству набора верхнего ряда панцирных пластин, их размерам и форме.

В составе саргатского панцирного набора обращает на себя внимание серия прямоугольных пластин с парными отверстиями по краям и тремя отверстиями в средней части (см. рис. 6, 16–19, 44). Еще одна чешуйка с тремя аналогично расположенными отверстиями в центре выделяется по количеству крепежных отверстий по углам. Это обычный базовый набор с двумя дополнительными отверстиями вдоль одной из длинных сторон (см. рис. 6, 16). Близкие аналоги этим предметам мы находим среди археологических материалов пазырыкской культуры Горного Алтая [Горбунов, 1999, с. 48, 52, рис. 1, 14]. Основное различие между саргатскими и пазырыкскими изделиями заключается в количестве отверстий по углам. Алтайские имеют по одному отверстию в каждом углу, т.е. ту же компоновку, которая является базовой для основной массы роговых деталей язевского панциря. В.В. Горбуновым реконструирована даже особая система связки таких пластин в ленты и лент между собой, подразумевающая создание цельного панцирного поля [Там же, рис. 2, 3, а, б]. Отметим, что в этом случае оно получается слишком жестким и негибким, чтобы иметь практическое применение на значительных участках поверхности боевой одежды. Наличие малой серии подобных деталей в массе защитных элементов язевского

панциря предполагает иной вариант их использования. По нашему мнению, пластины с треугольником из отверстий в средней части располагались цепочкой вдоль каждой доли панциря по линии его разреза; когда обе доли надетых лат смыкались, центральные одиночные отверстия противоположных пластин оказывались друг подле друга. Фактически, они помещались в начале и конце каждого наборного ряда, исключая, пожалуй, верхний, который был самым коротким и не охватывал тело воина. Свободные концы ремешка, которым через парные отверстия стягивались армирующие элементы ряда, выпущенные через такие одинарные отверстия наружу, служили для скрепления створок панциря друг с другом.

Рассматривая панцирь из Язево-3, мы должны решить вопрос о принципе создания его бронированной поверхности, т.е. о способе соединения пластин друг с другом – встык или внахлест, ибо расположение монтажных отверстий на его защитных элементах почти с равным успехом позволяет использовать оба приема. Обратимся к материалам саргатского могильника Красногорский-1, в кург. № 17 которого *in situ* обнаружены остатки рогового панциря. Около 40 его “пластин размерами 10 × 4 и 10 × 3 см... плотно прилегли друг к другу, заходя одна на другую” и располагались “в два слоя, вогнутыми поверхностями друг к другу” [Матвеева, 1987, с. 64; 1993, с. 35–38]. Последняя деталь сразу же наводит на мысль о том, что в данном памятнике, как и в Язево-3, представлены части лат, закрывавших грудь и спину. С точки зрения Л.И. Погодина, при сборке красногорского доспеха вряд ли использовалась система “расположения пластин с частичным наложением друг на друга”, ибо при таком способе размещения толщина панциря на стыках должна составлять не менее 1 см, а “при нахлесте друг на друга готовых полос или рядов толщина... увеличивается еще в два раза” [1998, с. 52]. В результате это сковывало бы воина, а участки стыков выступали бы резкими буграми и неровностями. Данное замечание, в целом справедливое, нуждается в некоторых уточнениях. Действительно, прямоугольные роговые пластины при сборке лат ламеллярной структуры легче соединять между собой длинными сторонами встык. Скреплению внахлест препятствует толщина материала, необходимая для надежной защиты от удара. Только используя металл, можно многократно накладывать звенья друг на друга без риска получить толстую, громоздкую, негибкую конструкцию. Кроме того, как показывает практика, добиться тесного смыкания боковых сторон толстых роговых звеньев несравненно легче, нежели плотного прилегания друг к другу плоскостей их внешней и внутренней поверх-

ностей*. Небольшие зазоры, которые все же оставались между пластинами, не снижали защитных свойств таких доспехов. Острие, попавшее в такую щель, смещало пластины, и они становились под некоторым углом друг к другу, зажимая между собой клинок.

Хорошо известны панцири из рога с бесспорным наложением пластин друг на друга. Так, среди археологических материалов, полученных корейскими археологами при раскопках средневековой крепости Мончон VI–VII вв.**, имеются остатки рогового панциря с четким наложением защитных звеньев друг на друга. Крупные фрагменты такого средневекового рогового панциря, составленного из пластин, соединенных аналогичным образом, довелось видеть и одному из авторов настоящей статьи в музее университета Кёнги в Сеуле. Все эти пластины имеют скругленные концы и являются точной копией образцов, широко распространенных на территории Центральной и Северной Азии в эпоху раннего средневековья. Характерно, что и в описании этнографических роговых панцирей из пластин с весьма простой и архаичной группировкой отверстий – по одному в углах и еще по одному в средней части вдоль каждой из длинных сторон – фиксируется налегание таких звеньев друг на друга [Laufer, 1967, Pl. XXIX]. Особо отметим, что данные пластины весьма близки к язевским и, являясь точным аналогом вышеупомянутых пальцевских изделий эпохи раннего железа, находят ближайшие параллели среди материалов погр. 1767 могильника Шаньцуньлинь в Китае VIII – первой половины VII в. до н.э. [Горелик, 1993, табл. LVI, 15, с. 329].

Ответ на вопрос, как же все-таки скреплялись между собой роговые пластины панциря, дает, как ни странно, совершенно иной предмет воинской и охотничьей экипировки – браслет для защиты левой руки от ударов тетивой при стрельбе из лука. Один из таких предметов, вероятно, относящийся к середине – третьей четверти XIX в., был обнаружен А.В. Бауло на старом заброшенном хантыйском культовом месте близ пос. Вершина Войкара Шурышкарского р-на Ямало-Ненецкого АО***. Он представляет собой ряд небольших костяных пластинок с парой отверстий вдоль длинных сторон, стянутых меж-

ду собой кожаными ремешками. Каждое из таких звеньев типологически напоминает чешуйки кулайских доспехов с территории Нижнего Приобья. Фактически это миниатюрная панцирная лента со всеми особенностями ременной вязки*.

Пластины браслета плотно соединены между собой встык таким образом, что, охватывая криволинейную поверхность (в данном случае запястье), плотно прижимаются друг к другу. Для достижения этого эффекта продольные ребра некоторых из них имеют слабовыраженный скос внутрь. Когда же такая лента оказывается в развернутом состоянии, например, лежит на ровной поверхности, ее звенья местами надвигаются друг на друга. При протягивании сквозь монтажные отверстия в панцирных пластинах кожаные ремешки для облегчения процесса смачиваются и, следовательно, растягиваются. Высыхая, они неизбежно сжимаются. Когда это происходит, ремни, будучи прочно зажатые в крепежных отверстиях, еще сильнее стягивают панцирные пластины друг с другом. С годами кожа грубеет, становится все короче, кромки пластин снятого и развернутого панциря, имея легкий скос внутрь, еще больше налегают друг на друга. Кроме того, если погребавшие пытались разместить панцирь на дне могилы компактнее, неизбежно возникали поперечные деформации, которые усиливали налегание его звеньев друг на друга. Вероятно, именно такой деформации подвергся и панцирь из могильника Красногорский-1.

Латы конструируются с учетом обводов человеческого тела. Следовательно, в рабочем состоянии их поверхность криволинейна, и степень этой кривизны должна варьировать в зависимости от анатомии корпуса воина. Оптимальный способ создания профиля, адекватного прикрываемой поверхности, из таких неэластичных материалов, как рог и кость, предусматривает изменение ширины панцирных пластин – от более крупных на груди и спине к явно зауженным на боках. Пожалуй, этим можно объяснить различия в ширине базовых пластин язевского панциря (см. рис. 6, 6–9, 22, 24). Место расположения на нем самых коротких пластин с большим количеством дополнительных отверстий вдоль длинных сторон (см. рис. 6, 28, 35) однозначно определить трудно. В какой-то мере получить ответ на этот вопрос может помочь одна из особенностей доспеха из могильника Красногорский-1. Доспех поврежден грабителями, и звенья его растрескались; при расчистке был зафиксирован, по всей видимости, оплечный участок,

* Металлические пластины, связанные внахлест, можно дополнительно проковать и, устранив все зазоры, добиться плотного прилегания (смыкания) их плоскостей. Металл при этом получает т.н. холодный наклеп, который увеличивает прочность.

** Благодарим аспиранта ИАЭТ СО РАН Хон Хен У за любезно предоставленную информацию.

*** Благодарим А.В. Бауло за возможность ознакомиться с полевыми материалами.

* С учетом такой трактовки можно обратить особое внимание на отдельные панцирные пластины в погребениях и предположить использование некоторых из них в качестве защитных приспособлений для стрельбы из лука.

пластины которого были меньше, чем детали корпуса, но имели большее количество отверстий. Вероятно, и у лат из могильника Язев-3 означенные пластины располагались где-нибудь в области плеча. Впрочем, можно предположить, что эти пластины защищали паховую область. Возможно, они составляли небольшой квадрат или прямоугольник и крепились к нижней ленте доспехов. Допустимы, конечно, и иные варианты использования таких пластин, например, вторичное использование пластин от другого, ранее изготовленного и пришедшего в негодность панциря, и т.д., но все они носят столь же предположительный характер.

Труднее всего решить вопрос о месте и роли металлических пластин в конструкции. Гипотетически их можно соотносить как с остатками панциря, так и с какими-то другими защитными элементами боевой экипировки. В.Н. Васильев и А.Х. Пшеничнюк видят в близком по набору защитных элементов изделия из кург. 9 Филипповского могильника комбинированные доспехи и предполагают, что железные пластины защищали грудную, а костяные – поясную части туловища [1994, с. 127]. Л.И. Погодин также признает существование комбинированных панцирей из кости и железа и считает, что они могли появиться, скорее всего, в результате неоднократного ремонта и замены сломанных костяных пластин на железные [1998, с. 57]. Отсюда вытекает еще одно предположение об использовании роговых деталей с многочисленными отверстиями в качестве “переходных” между железными звеньями с одной системой отверстий и “костяными” с совсем другим порядком интервалов между ними. На наш взгляд, замена в процессе ремонта роговых деталей на железные выглядит маловероятной прежде всего из-за больших трудностей, связанных с подбором (а скорее всего, изготовлением железных звеньев с заданными размерами), согласованием систем и диаметра их отверстий, наращиванием оборванных шнуров и т.д. При этом следует учитывать, что железный панцирь, который с позиций сегодняшнего дня обычно оценивается как более прочный по сравнению с латами из органических материалов, на самом деле таковым вряд ли являлся. Согласно данным металлографических анализов, даже средневековые железные панцирные пластины не подвергались закалке и были сделаны из обычного мягкого низкоуглеродистого металла низкого качества. В процессе дополнительной проковки в холодном состоянии их поверхность приобретала т.н. холодный наклеп, который и был основным приемом упрочнения армирующих звеньев [Зиняков, 1997, с. 125]. Как показало обследование небольшой серии саргатских мечей металлографическими методами, это высококачественное по мер-

кам той эпохи оружие ковалось из пластин сырцово-вой стали с низким содержанием углерода и упрочнялось холодным наклепом [Соловьев, Мартынов, Теребило, 1987, с. 138; Зиняков, 1997, с. 105–106]. Таким образом, есть все основания считать, что технология изготовления железных пластин саргатских панцирей едва ли была более прогрессивной, а значит, и собранные из них латы не отличались особыми прочностными характеристиками.

Для эффективного использования железных доспехов необходима толстая мягкая подкладка, которая обладает демпфирующими свойствами и в значительной степени поглощает энергию удара. Без нее защитные возможности таких лат резко снижаются. Что касается панцирей из рога, то пластичность природного сырья, его способность упруго противостоять удару оружия той эпохи делали их прекрасным защитным средством, несколько не уступавшим металлическим аналогам. Они, правда, отличались несомненной громоздкостью, и надетая под них толстая подкладка, столь необходимая для металлических лат, ограничивала подвижность воина. Поэтому версия о наличии в одном панцире деталей из рога и железа нам видится малоперспективной, хотя такое сочетание возможно. Оно может быть обусловлено прежде всего ремонтом, но связанным не с заменой поврежденных роговых звеньев на железные, а с латанием поврежденной поверхности панциря железными пластинами – они служили в качестве армирующих заплат и стяжных полос. Кроме того, железные детали могли использоваться для создания дополнительных элементов защиты, например оплечий, для которых толщина рога является помехой, и наконец, для изготовления накладных железных нагрудников, которые могли надеваться поверх рогового панциря либо, что менее вероятно, под него. Можно допустить, что такие нагрудники наглухо привязывались к роговым, выполнявшим в этом случае роль основы. Но пока в саргатских памятниках не обнаружены новые достоверные комбинированные панцири, все высказанные соображения остаются всего лишь гипотезами.

Что же касается комплекта железных панцирных пластин из Язев-3, то нам представляется целесообразным соотносить их с остатками дополнительных средств защиты, конструктивно не связанных с панцирем. Количество железных фрагментов и кривизна поверхности некоторых из них как будто дают основания видеть в них детали шлема и щита. Тем более, что щиты, армированные металлическими пластинами, которые скреплены ремнями, хорошо известны по материалам из скифского времени западной части страны [Полин, 1984, рис. 10, с. 116–117; Горелик, 1993, с. 189–190, табл. LXV].

Заключение

Панцирь, положенный в центральную могилу кург. № 3 могильника Язеве-3, на наш взгляд, наиболее уверенно реконструируется в виде короткого полужилета из грубой кожи, прикрывающего плечи и верхние части корпуса. К нему ремнями пришивались два ряда широких пластин, каждый из которых защищал верхнюю часть груди и спины. Непосредственно под этими рядами и тесно смыкаясь с ними, по нижнему краю полужилета пришивалась длинная “броневая” лента, собранная из прямоугольных пластин, к которой подвешивалось ремешками еще несколько ярусов таких же лент, прикрывавших живот и область таза. В кавалерийском варианте лат (рис. 10) спинка полужилета доходила до крестца (ведь для воина, сидящего на лошади, панцирный набор на ягодицах и ниже был помехой), спереди свешивались один-два укороченных ряда лент, которые закрывали паховую область. Учитывая, что саргатские седла, как пазырыкские и все другие седла скифского времени, не имели жестких лук, закрывающих нижнюю часть живота от ударов противников, дополнительный элемент, предохраняющий это очень уязвимое место, был не лишним. Кстати, специальные набрюшники, призванные закрывать низ живота конных воинов, хорошо известны по собственно скифским материалам [Горелик, 1984, с. 121].

Отметим, что возможна еще одна реконструкция, основанная на признании справедливости тезиса о том, что в могилу была положена лишь часть панциря. В этом случае по аналогии с имеющимися в наличии пластинами восстанавливаются отсутствующие звенья и воссоздается уже гораздо более совершенный тип ламеллярного защитного вооружения длиной до середины бедра, который имел прямой вырез на воротах и несшитые рукава оплечья и самые крупные пластины на груди в составе самостоятельного ряда. Такие доспехи имели в середине груди по 19 пластин в ряду, в области живота и бедер — по 35 пластин и состояли из 7–8 вертикально сцепленных между собой армированных лент. Участки такого панциря по линии оплечных ремней (от ключиц спереди до лопаток сзади) были составлены из горизонтально расположенных роговых пластин. Завязывался такой панцирь, видимо, на боку ремешками* (рис. 11).

* Макет такого доспеха в натуральную величину из картона был выполнен в 2000 г. студентом Тюменского гос. университета В.В. Дмитриевым под руководством Н.П. Матвеевой. Как выяснилось, такой панцирь нельзя было завязать без посторонней помощи, кроме того, для посадки на коня в нем непременно должно быть два симметричных разреза (шлицы) внизу.

Рис. 10. Реконструкция саргатского рогового панциря по макету В.В. Дмитриева.

Но подобная реконструкция, сделанная на основании только имеющегося материала, остается уязвимой.

Материал из Язеве-3 позволяет сделать несколько замечаний технологического порядка. Процесс создания защитного вооружения из органических материалов был длительным, он включал поиск и сбор природного сырья, его первичную обработку и требовал устойчивых производственных навыков. Хотя вполне вероятно, что отдельные детали таких лат по мере необходимости мог изготовить уже сам владелец доспеха (или кто-то из его людей). Это, возможно, объясняет видимый разброс в параметрах роговых компонентов защитной одежды.

Судя по распределению отчетливо различных кровеносных каналов на внутренней поверхности рассматриваемого материала, сырьем для доспехов послужил рог, вероятно лося, отчлененный преимущественно от плоскости кроны (лопаты) и нижней части стебля. Впрочем, олений рог имеет также немало участков, естественная форма которых удобна для получения панцирных пластин [Бородовский, 1997, с. 85]. Если применялась технология обработки рога для получения пластин, реконструированная А.П. Бородовским, то затраты труда на их массовое производство были очень велики

Рис. 11. Саргатский всадник в роговом доспехе.
Рисунок М.А. Лобырева.

(см.: [Там же, с. 80–86, 94–104, табл. 50–52, 55]). Поскольку даже для самой простой защитной одежды – панцирного нагрудника – требовалось изрядное количество пластин – 100 и более, а объем рогового сырья при всей его распространенности едва ли достигал больших величин, сырьевые возможности каждого конкретного рога использовались максимально. Отсюда еще одна из причин нестандартности, а зачастую и вынужденного разброса в параметрах панцирных пластин, которые, надо полагать, делали “на глазок”*. Можно почти с уверенностью говорить о высокой стоимости готового изделия, которая, судя по затратам труда и времени на сбор сырья, его обработку, производство пластин и боевым качествам панциря, была не ниже, чем у железных лат.

* Любопытные сведения о точности традиционного производства приводит В.М. Кулемзин: при встрече два года через знакомый хант “вслепую” изготовил ему новую рукоять для подаренного ранее и утерянного ножа, по размерам она полностью соответствовала оставленным в городе ножам [Кулемзин, Лукина, 1992, с. 44–45].

В заключение отметим, что саргатцы крайне редко помещали в могилу целый доспех. По-видимому, несмотря на доступность материала и относительно несложную технологию, доспехи были дороги в силу трудоемкости процесса их изготовления, кроме того, они являлись символом элитарного положения их обладателя. Но отдельные пластины в погребениях встречаются довольно часто, их помещали, вероятно, по принципу “часть вместо целого”, хотя мы допускаем и использование их не как деталей доспеха.

Согласно результатам проведенного Н.П. Матвеевой палеосоциологического анализа погребений саргатской культуры по масштабам трудозатрат, исследованный комплекс Язев-3 попадает в группу захоронений в очень больших и сложно устроенных усыпальницах со следами неоднократных поминок и с многочисленной разнообразной утварью, оружием, включая доспехи, сбруей, украшениями из бронзы, драгоценных металлов и камней. Таких погребений известны единицы (Красногорский, Тютринский, ранний Богдановский могильники). Предполагается, что в них были погребены военные вожди крупных отрядов [Матвеева, 2000б, с. 167].

Меч и панцирь характерны лишь для членов военной дружины саргатцев, которая появилась в III–II вв. до н.э. и включала тяжеловооруженных всадников, оснащенных всем арсеналом оружия ближнего и дальнего боя [Там же, с. 175–189]. Дружинники не только руководили боем, но и принимали в нем непосредственное участие, решая основные тактические задачи, зачастую и без ополчения (совершали набеги, занимались сбором дани). По нашему мнению, подобное снаряжение позволяло им выступать в поединке героев перед войском. Таким образом, можно считать, что в погребении кург. № 3 могильника Язев-3 был захоронен член военной дружины, герой, статусу которого соответствовало сооружение отдельного кургана.

Список литературы

- Антропова В.В.** Вопросы военной организации и военного дела у народов Крайнего северо-востока Сибири // Сиб. этногр. сб. 2. Нов. сер. – 1957. – Т. 35. – С. 7–245.
- Бородовский А.П.** Древнее косторезное дело юга Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – 222 с.
- Васильев В.Н., Пшеничнюк А.Х.** К вопросу о защитном вооружении ранних кочевников Южного Урала в IV в. до н.э. // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. – Уфа: Изд-во Башкир. ун-та, 1994. – С. 36–39.
- Горбунов В.В.** Панцири раннего железного века на Алтае // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Алт. ун-т, 1999. – С. 47–55.
- Горелик М.В.** Панцирное снаряжение из кургана у с. Красный Подол // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наук. думка, 1984. – С. 119–121.
- Горелик М.В.** Оружие Древнего Востока. IV тысячелетие – IV в. до н.э. – М.: Наука, 1993. – 347 с.
- Деревянко А.П.** Приамурье в I тыс. до н.э. – Новосибирск: Наука, 1976. – 383 с.
- Зиняков Н.М.** Черная металлургия и кузнечное ремесло Западной Сибири. – Кемерово: Кем. ун-т, 1997. – 367 с.
- Златкин И.Я.** История Джунгарского ханства. – М.: Наука, 1983. – 332 с.
- Коннолли П.** Греция и Рим. Энциклопедия военной истории. Эволюция военного искусства на протяжении 12 веков. – М.: Эксмо-пресс, 2001. – 320 с.
- Котенко Ю.В.** Индейцы Великих Равнин. – М.: Изд. Дом “Техника – молодежи”, 1997. – 158 с.
- Кулемзин В.М., Лукина Н.В.** Знакомьтесь: ханты. – Новосибирск: Наука, 1992. – 135 с.
- Курто П., Ражев Д.И.** Люди // Культура зауральских скотоводов на рубеже эр. Гаевский могильник саргатской общности: Антропологическое исследование. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – С. 86–113.
- Матвеева Н.П.** Погребение знатного воина в Красногорском-1 могильнике // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 60–67.
- Матвеева Н.П.** Саргатская культура на среднем Тоболе. – Новосибирск: Наука, 1993. – 173 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири (ранний железный век лесостепной и подтаежной зон): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1998. – 45 с.
- Матвеева Н.П.** Нижне-Ингальский-1 курганный могильник // Ежегодник Тюмен. обл. краевед. музея, 1997. – 1999. – С. 85–94.
- Матвеева Н.П.** Исследование саргатского могильника Старо-Лыбаево-4 в Ингальской долине // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень: Ин-т проблем освоения Севера СО РАН, 2000а. – Вып. 1. – С. 28–32.
- Матвеева Н.П.** Социально-экономические структуры древнего населения Западной Сибири в раннем железном веке. – Новосибирск: Наука, 2000б. – 399 с.
- Матюшенко В.И., Татаурова Л.В.** Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье. – Новосибирск: Наука, 1997. – 196 с.
- Могильников В.А.** Саргатская культура // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 292–311.
- Соловьев А.И., Мартынов Е.И., Теребило Г.И.** Меч скифского времени из Барабы // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 133–139.
- Смирнов К.Ф.** Савроматы. – М.: Наука, 1964. – 162 с.
- Троицкая Т.Н.** Кулайская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 123 с.
- Погодин Л.И.** Вооружение населения Западной Сибири раннего железного века. – Омск: Ом. ун-т, 1998. – 84 с.
- Погодин Л.И., Труфанов А.Я.** Могильник саргатской культуры Исаковка-3 // Древние погребения Обь-Иртышья. – Омск: Ом. ун-т, 1991. – С. 98–127.
- Полин С.В.** Захоронение скифского воина-дружинника у с. Красный Подол на Херсонщине // Вооружение скифов и сарматов. – Киев: Наук. думка, 1984. – С. 103–119.
- Пузикова А.И.** Раскопки могильника скифского времени у села Дубовка в 1965 г. // Население среднего Дона в скифские времена. – М.: Наука, 1969. – 144 с.
- Худяков Ю.С., Соловьев А.И.** Из истории защитного доспеха в Северной и Центральной Азии // Военное дело древнего населения Северной Азии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 135–163.
- Ян Хун.** Чжун го губинци лун цунь (Очерки по истории древнекитайского оружия). – Пекин: Вэньу, 1980. – 153 с. (на кит. яз).
- Ernest S., Burch Jr.** War and trade // Crossroads of Continents. Cultures of Siberia and Alaska. – Wash.; L.: Smithsonian Institution Press, 1988. – P. 227–240.
- Laufer B.** Chinese Clay figures. P. I: Prolegomena on History of Defensive Armor // Publication of Field museum of natural history. Anthropological series. – 1967. – Vol. 13. – P. 73–315.
- Ratzel F.** Über die Stdbchenpanzer und ihre Verbreitung im nordpazifischen Gebiet // Sitzungsberichte der philosophisch-philologischen und historischen Classe dtr k.b. Akademie der Wissenschaften zu München. – 1886. – S. 181–216.

УДК 903.2

В.Е. Войтов¹, Ю.С. Худяков²¹Государственный Музей искусства народов Востока
Никитский бул., 12а, Москва, Россия²Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: khudjakov@ngs.ru

МОНГОЛЬСКИЙ ШЛЕМ ИЗ СОБРАНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИСКУССТВА НАРОДОВ ВОСТОКА*

Введение

Металлические шлемы появились в арсенале защитных средств у воинов кочевых племен Центральной Азии в эпоху поздней бронзы в связи с необходимостью защиты головы от поражающих ударов высокоэффективного ударного наступательного оружия – боевых топоров и клевцов, с помощью которых можно было одним ударом вывести противника из строя. Развитие технологии тонкостенного бронзового литья обеспечило возможность изготовления таких сложных металлоемких изделий [Эрдэнэбаатар, Худяков, 2000, с. 140]. Металлические шлемы и доспехи в древности и средневековье очень высоко ценились, поэтому их старались не оставлять на поле боя и в случае гибели воинов очень редко помещали в погребения или поминальники и жертвенники. Целиком сохранившиеся бронзовые и железные боевые наголовья или их детали в памятниках культур древних и средневековых nomadов Центрально-Азиатского региона встречаются достаточно редко. В то же время в музейных собраниях России и стран Центральной Азии хранится немало шлемов, относящихся к числу случайных находок, точное местонахождение и обстоятельства обнаружения которых, как правило, неизвестны. В на-

стоящее время такие предметы можно атрибутировать и включить в круг полноценных вещественных источников, применив методику формально-типологического анализа и классификации, разработанную на материалах вооружения средневековых кочевников [Худяков, 1983]. Хронологию и культурную принадлежность атрибутированных вещей можно уточнить, обратившись к закономерностям эволюции разных видов оружия и аналогам из датированных комплексов и иконографических материалов. Важное значение для атрибуции шлемов эпохи позднего средневековья имеют сведения письменных исторических источников и данные фольклора.

Железные шлемы, которые по конструктивным особенностям и внешнему оформлению можно отнести к комплексу вооружения центрально-азиатских кочевников эпохи позднего средневековья, находятся в музейных собраниях в Москве, Санкт-Петербурге, других российских городах, в музеях Монголии, Китая, Кыргызстана.

В Государственном Эрмитаже и Оружейной палате Московского Кремля хранятся хорошо сохранившиеся, богато оформленные шлемы джунгар и халха-монголов XVI–XVIII вв. Эти боевые наголовья были преподнесены российским государям в качестве дипломатических подарков или захвачены в виде трофеев [Горелик, 1979, с. 97–98]. В собрании Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника имеется железный шлем с орнаментированным

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 04-06-80248).

обручем и матерчатыми наушами и назатыльником, переданный музею потомками князей Кульмаметьевых [Худяков, Бобров, 2003, с. 228].

Хотя отдельные сведения о шлемах центрально-азиатских кочевников были введены в научный оборот еще в XIX – середине XX в., целенаправленное изучение боевых наголовий эпохи позднего средневековья проводится в течение трех последних десятилетий.

В 1979 г. М.В. Гореликом были проанализированы сведения о монгольских шлемах эпохи позднего средневековья из собрания Оружейной палаты Московского Кремля. Им дано описание, выделено несколько типов монгольских шлемов XVI–XVIII вв., опубликованы реконструкции тяжеловооруженных воинов в шлемах и панцирях [Горелик, 1979, с. 97–99]. В 1991 г. Ю.С. Худяков атрибутировал и опубликовал железный шлем из Минусинской котловины, хранящийся в собрании Минусинского краеведческого музея. Была обоснована его датировка периодом позднего средневековья и принадлежность культуре енисейских кыргызов, приведены сведения о кыргызских шлемах этого времени из письменных исторических и фольклорных источников [Худяков, 1991а, с. 95]. В 1995 г. Ю.С. Худяков ввел в научный оборот позднесредневековый шлем из музея г. Куча в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая [1995, с. 35]. В дальнейшем эта находка была атрибутирована как боевое наголовье монгольского воина.

Л.А. Бобров проанализировал исторические сведения и иконографические материалы о монгольских и кыргызских шлемах и дал реконструкции воинов в разнотипных шлемах и доспехах [2000, с. 86–87, рис. 1, 2].

В статьях Л.А. Боброва и Ю.С. Худякова были рассмотрены и классифицированы шлемы из Северо-Западной Монголии, Тувы, Минусинской котловины и Прииртышья, хранящиеся в музеях Тобольска, Минусинска, Кызыла и Улангома. На основе формально-типологического анализа изученной коллекции исследователи выделили два типа и несколько вариантов шлемов, характерных для ойратов, тувинцев, енисейских кыргызов и сибирских татар в эпоху позднего средневековья [Худяков, Бобров, 2003, с. 230–234]. В другой работе в дополнение к ранее опубликованным защитным боевым наголовьям центрально-азиатских кочевников эпохи позднего средневековья ими были введены в научный оборот монгольские, ойратские и кыргызские шлемы из Государственного Эрмитажа, Оружейной палаты Московского Кремля, Минусинского краеведческого музея и краеведческого музея г. Енисейска [Бобров, Худяков, 2003, с. 141–144].

На основе анализа изученной коллекции было выделено по форме купола три типа шлемов: сфероко-

нические, сферические и сфероцилиндрические – и несколько вариантов каждого из них. Имеющиеся материалы достаточно полно характеризуют боевые наголовья, применявшиеся в эпоху позднего средневековья воинами, сражавшимися в составе войск западных монголов – джунгар или ойратов, у которых были распространены шлемы всех трех типов. Вероятно, джунгарские боевые наголовья могли использовать воины из тюркоязычных кочевых этносов Саяно-Алтая и Западной Сибири, о чем свидетельствуют характерные для джунгар сфероцилиндрические шлемы, найденные в Прииртышье. Судя по находкам со среднего и верхнего Енисея и из Северо-Западной Монголии, енисейские кыргызы, тувинцы и халха-монголы использовали шлемы сфероконического типа. Известно, что защитным вооружением, изготовленным местными мастерами, достаточно широко пользовались русские служилые люди и казаки в Сибири. Испытывая нехватку средств индивидуальной защиты, они приобретали или выменивали у шорцев, бурят и якутов необходимые предметы защитного вооружения, панцири и шлемы. Включение Кузнецкой котловины в состав Российского государства и лишение енисейских кыргызов традиционной для них шорской базы железоделательного и оружейного производства ослабило их вооруженное сопротивление и способствовало присоединению к России степных районов Минусинской котловины и переселению енисейских кыргызов в Джунгарию.

В целом защитное вооружение центрально-азиатских кочевников, в т.ч. шлемы, относящиеся к эпохе позднего средневековья, до настоящего времени остаются недостаточно изученными. Археологические памятники культур номадов этого периода длительное время оставались вне поля зрения археологов, поскольку считалось, что они не относятся к числу объектов исследования археологии. Однако без изучения средств индивидуальной защиты, применявшихся воинами кочевых государств Центральной Азии в эпоху позднего средневековья невозможно представить процесс эволюции защитного вооружения в кочевом мире во всей его полноте, выявить закономерности развития военного дела, понять причины военных побед или поражений войск кочевых государств.

Описание находки

Еще один железный шлем из Монголии, не вводившийся ранее в научный оборот, хранится в фондах Государственного музея искусства народов Востока (ГМИНВ) в г. Москве. К сожалению, более точных сведений о том, где и при каких обстоятельствах он был найден, нет.

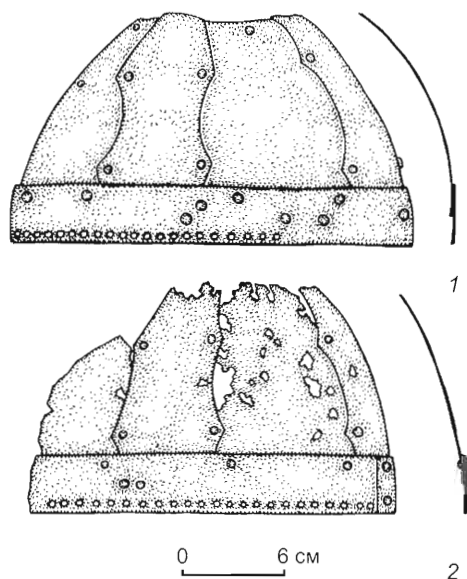

Рис. 1. Фрагменты купола монгольского шлема из собрания ГМИНВ.

Рис. 2. Фрагмент купола шлема.

Рис. 3. Фрагмент купола шлема.

Рис. 4. Купол шлема.

Шлем сохранился не полностью, у него отсутствует наверху. Купол разломан на две неравные части (рис. 1–3), которые при соединении составляют его полный первоначальный объем (рис. 4). Часть пластин купола повреждена коррозией. Однако первоначальную его конструкцию можно восстановить. Купол шлема состоял из четырех крупных трапециевидных в плане железных пластин, соединенных между собой встык. Места соединения были перекрыты четырьмя широкими накладными полосами с вогнутыми в средней части длинными сторонами и двумя ту-

поугольными выступами с каждой из них. На этих выступах располагались заклепки, с помощью которых накладные полосы крепились к широким пластинам и соединяли их между собой. По нижнему краю купол был окаймлен широким пластинчатым обручем. Его концы, наложенные один на другой, скреплены двумя заклепками. Высота сохранившейся части купола с обручем 13 см, диаметр купола 23, ширина обруча 3,4 см. Обруч был смещен на 1,6 см ниже края купола, поэтому заклепки, с помощью которых он крепился к куполу, располагались вдоль

верхнего края и центральной продольной оси обруча. В верхнем ряду было по две заклепки на каждую широкую пластину купола, в нижнем их расположение бессистемное и количество меньшее. Вдоль нижнего края обруча на всем его протяжении, за исключением одного участка, многочисленные округлые отверстия, расстояние между которыми 0,5–0,6 см. Вероятно, они служили для крепления к обручу кольчужной бармицы, а участок, свободный от отверстий, являлся лицевой стороной шлема, где не было бармицы. С двух сторон от лицевой части купола на обруче вдоль его центральной продольной оси парные отверстия. Возможно, они служили для продевания ремешка, с помощью которого шлем крепился поверх подшлемника на голове воина.

Судя по конфигурации купола, шлем имел невысокое сферическое навершие. Их суммарная высота не должна была превышать 18 см, если только навершие не венчал султан, что характерно для джунгарских боевых наголовий.

В реконструированном виде исследуемый шлем представляет собой сферический купол из четырех пластин, соединенных с помощью заклепок четырьмя накладными полосами, с широким обручем, сферическим навершием и кольчужной бармицей (рис. 5). Носился он поверх подшлемника, изготовленного из органических материалов. По своим типологическим особенностям этот шлем может быть отнесен ко второму типу джунгарских боевых наголовий — со сферическим куполом. Однако он отличается от двух выделенных ранее вариантов наголовий данного типа: 1) с шестипластинчатым сфе-

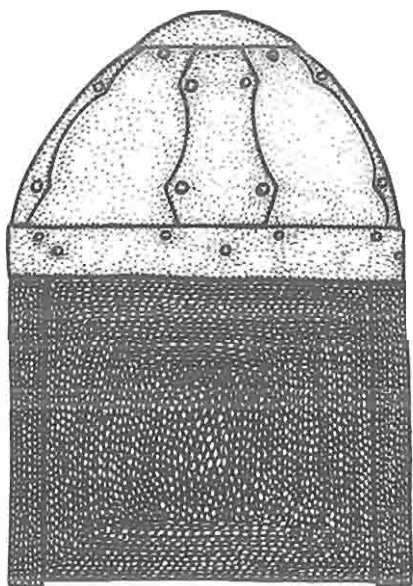

Рис. 5. Реконструкция монгольского шлема с бармицей из собрания ГМИНВ.

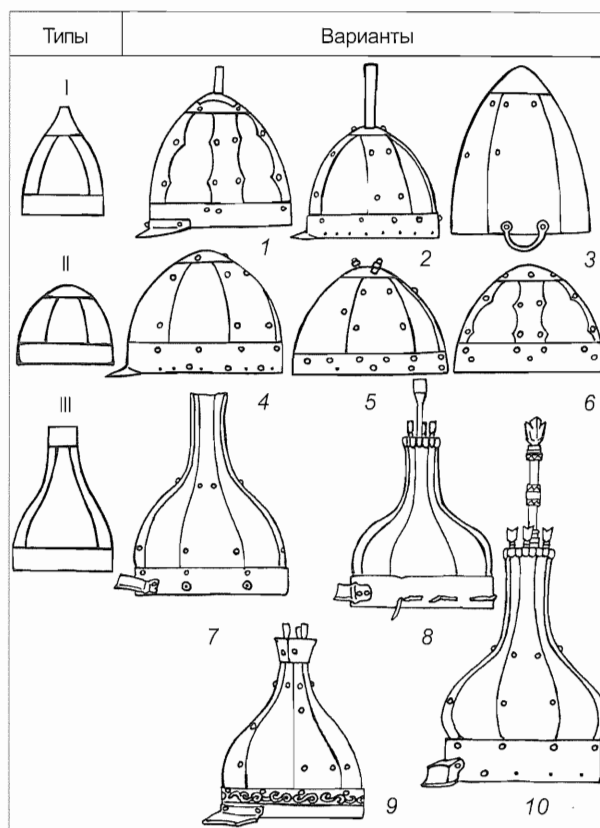

Рис. 6. Типология монгольских шлемов эпохи позднего средневековья.

Типы: I – сфероконический; II – сферический; III – сфероцилиндрический; варианты: 1 – I.3; 2 – I.6; 3 – I.9; 4 – II.1; 5 – II.2; 6 – II.3; 7 – III.1; 8 – III.2; 9 – III.4; 10 – III.3.

рическим куполом, обручем, навершием и козырьком; 2) с восьмипластинчатым куполом, обручем и навершием (рис. 6, 4, 5) [Бобров, Худяков, 2003, с. 143]. Поэтому необходимо выделить третий вариант шлемов – с четырехпластинчатым куполом, обручем и навершием.

Вопросы хронологии и культурной принадлежности шлема

Рассматриваемый шлем по ряду конструктивных особенностей схож с известными и атрибутированными ранее боевыми защитными наголовьями западных монголов или ойратов, относящимися к эпохе позднего средневековья. Со сфероконическим шлемом из музея г. Куча он имеет сходство по таким признакам, как четырехпластинчатая конструкция купола, наличие широких накладных пластин с тупоугольными выступами и заклепками с обеих сторон и широкого обруча в нижней части купола (рис. 7, 1, 2). Впрочем, есть и немало существенных отличий, в т.ч. сфероконичес-

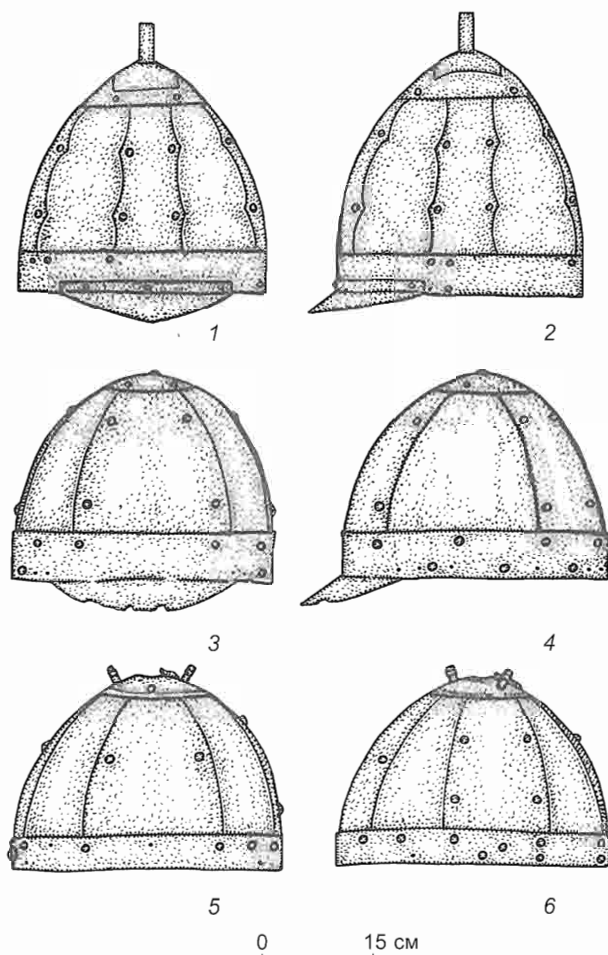

Рис. 7. Монгольские и калмыцкие шлемы.
1, 2 – музей г. Куча; 3–6 – Оружейная палата
Московского Кремля.

кая форма купола у шлема из Кучи, наличие у него козырька, навершия с султаном, отсутствие отверстий для крепления бармицы [Худяков, 1995, с. 35].

Значительное сходство рассматриваемое боевое наголовье имеет с “калмыцкими шишаками” XVII в. из собрания Оружейной палаты Московского Кремля, относящимися ко второму типу шлемов (рис. 7, 3–6). Их сближает сферическая форма купола, наличие широкого обруча и бармицы (у некоторых “калмыцких шишаков” сохранились кольчужные бармицы) [Бобров, Худяков, 2003, с. 146]. В отличие от монгольского шлема из собрания ГМИИВ калмыцкие состоят из большого количества пластин, а широкие накладные полосы с заклепками у них имеют прямые края без выступов. Эти шлемы увенчаны пологими сферическими навершиями. “Калмыцкие шишаки”, как правило, снабжены козырьками.

Наблюдаемые различия не касаются конфигурации купола, по которой боевые наголовья отнесены к сферическому типу. Шлем из собрания ГМИИВ

включен в круг подобных боевых наголовий, бытовавших у западных монголов в эпоху позднего средневековья.

Вероятно, четырехпластинчатые сферические шлемы ведут свое происхождение от боевых наголовий со сфероконическим куполом и накладными полосами с фестончатыми краями. Один такой шлем был обнаружен при раскопках киданьской гробницы на памятнике Даинцзы в Китае, другой – в окрестностях Мун Сумона в Монголии [Горелик, 1987, с. 168; Худяков, 1991б, с. 85]. Они относятся к эпохе развитого средневековья.

Конический шлем-шишак с высоким четырехпластинчатым куполом и узкими накладными полосами с тремя угловыми выступами и заклепками по обоим краям был найден на р. Мульта в Горном Алтае. По вертикальной оси полос проходит ребро до верхнего уровня заклепок. Купол имеет коническое навершие с четырьмя лопастями и заклепками. По нижнему краю купола располагается широкий несомкнутый обруч с ребром по горизонтальной оси, заклепками по верхнему краю и отверстиями для крепления бармицы по нижнему. На лицевой стороне шлем снабжен широкой накладной пластиной с фигурно вырезанным верхним краем, двумя полуовальными вырезами над глазами и небольшим выступом (наносником) между ними. В.В. Горбунов и С.Ю. Исупов датировали мультинский шлем XIII – первой половиной XIV в. и отнесли его к числу изделий монгольских оружейников [2002, с. 142].

Если принять предложенную датировку, то шлемы со сфероконическим или коническим куполом были распространены у монголоязычных кочевников Центральной Азии в течение всего периода развитого средневековья. В последующую эпоху позднего средневековья их приняли на вооружение западные монголы-ойраты, тувинцы и енисейские кыргызы. “Железные шапки” со сферическим куполом получили распространение у джунгар или калмыков в XVII в. Исследуемый монгольский шлем из собрания ГМИИВ, учитывая форму его купола, накладных полос и обруча, можно отнести к XVI–XVII вв., когда подобные детали были характерны и для сфероконических, и для сферических боевых наголовий. Шлемы со сферическим куполом использовались кыргызами Тянь-Шаня в эпоху позднего средневековья [Худяков, Табалдиев, Солтобаев, 2001, с. 106].

Боевые наголовья монгольских воинов в эпоху позднего средневековья

Вопреки сложившимся в военно-исторической науке стереотипам появление и постепенное распространение огнестрельного оружия в периоды развитого

и позднего средневековья не привели к немедленному и повсеместному регрессу и вытеснению металлического защитного вооружения. У кочевников Центрально-Азиатского региона оно продолжало развиваться вплоть до крушения в середине XVIII в. “последней кочевой империи” – Джунгарского ханства. В письменных исторических источниках отмечается большое значение отрядов тяжеловооруженной панцирной конницы, выполнявших роль основной ударной силы в армиях джунгар и халха-монголов [Бобров, 2000, с. 80]. В числе наиболее интенсивно развивавшихся в рассматриваемый период средств защиты у монголов и боевые наголовья.

В эпоху позднего средневековья на вооружении монгольских воинов были шлемы трех типов, каждый из которых включал несколько вариантов (см. рис. 6). Среди боевых наголовий первого типа – сфероконических – выделяются четыре варианта: I.3 – с четырехпластинчатым куполом, накладными полосами, навершием с султаном, обручем, козырьком; I.6 – с восьмипластинчатым куполом, навершием с султаном, обручем и козырьком; I.9 – с шестипластинчатым куполом, навершием и боковыми петлями (см. рис. 6, 1–3); вариант I.2 в данном исследовании не учитывается, поскольку это парадный шлем, возможно изготовленный по индивидуальному заказу для преподнесения в качестве дипломатического дара [Бобров, Худяков, 2003, с. 141–143]. Среди боевых наголовий второго типа – сферических – выделены три варианта: с шестипластинчатым куполом, навершием, обручем и козырьком; с восьмипластинчатым куполом, навершием, обручем; с четырехпластинчатым куполом, навершием и обручем (см. рис. 6, 4–6) [Там же, с. 143]. Монгольские шлемы третьего типа, сфероцилиндрические, различаются между собой по количеству пластин купола, форме козырька, навершия и султана, а также наличию или отсутствию орнамента (см. рис. 6, 7–10) [Там же, с. 144–145].

Для шлемов всех типов, характерных для халха-монгольских и джунгарских воинов в период позднего средневековья, исходной формой были сфероконические защитные наголовья, бытовавшие у кочевников Центрально-Азиатского региона с раннего средневековья [Худяков, 1980, с. 134]. Такие шлемы были наиболее приспособлены для применения в условиях дистанционного и ближнего конного боя. Они продолжали использоваться монгольскими и ойратскими конными воинами и в позднем средневековье. Сфероконические шлемы были основным типом защитного наголовья у тувинцев, енисейских кыргызов, казахов, воинов государств Средней Азии и Переднего Востока в течение XV–XVIII вв. [Бобров, Худяков, 2002, с. 128–130].

Сферические защитные боевые наголовья можно считать упрощенной модификацией сфероконических. У западных монголов подобные шлемы появились в результате успешных военных походов и использования защитного вооружения воинов государств Средней Азии и Восточного Туркестана [Robinson, 1967, p. 41].

Иное происхождение имели джунгарские сфероцилиндрические шлемы. В предшествующие периоды раннего и развитого средневековья они не были известны кочевникам Центральной Азии. Подобные шлемы получили распространение в западно-монгольской этнокультурной среде в эпоху позднего средневековья. По своим основным функциональным качествам они уступают сфероконическим боевым наголовьям. Проведенные испытания реконструированных опытных образцов показали, что они хуже амортизируют удары и обладают меньшими рикошетными свойствами. В то же время сфероцилиндрические шлемы с высокими навершиями и плюмажами более заметны на расстоянии, что было важно в ходе сражения. Подобные боевые наголовья использовали военачальники маньчжурской армии и войск других государств Восточной Азии в периоды позднего средневековья и нового времени [Бобров, Худяков, 2003, с. 144]. Есть основания предполагать, что у ойратских знатных воинов и военачальников сфероцилиндрические шлемы появились в результате военных действий с войсками маньчжурской Цинской империи.

Монгольский шлем из собрания ГМИНВ представляет собой один из важных видов индивидуальной защиты воина в период ожесточенной борьбы ойратов за сохранение своей государственной самостоятельности.

Заключение

Музейные коллекции России и стран Центральной Азии содержат многочисленные материалы культур кочевых народов. Атрибутированные и введенные в научный оборот, они могут стать важным источником по древней и средневековой истории. Привлечение музейных материалов особенно важно для изучения военного дела центрально-азиатских nomadов в период позднего средневековья, поскольку памятники этого времени недостаточно изучены археологами. Опыт атрибуции монгольского шлема из собрания ГМИНВ показывает, что на основе коллекций музеев можно существенно расширить источниковую базу, проследить эволюцию защитных боевых наголовий, что позволит выявить закономерности развития военного дела nomadов в завершающий период их средневековой военной истории.

Список литературы

- Бобров Л.А.** Защитное вооружение кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в период позднего средневековья // Наследие древних и традиционных культур Северной и Центральной Азии: Материалы регион. археол.-этнограф. студ. конф. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2000. – Т. 3. – С. 80–88.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С.** Защитное вооружение среднеазиатского воина периода позднего средневековья // Военное дело nomадов Северной и Центральной Азии. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2002. – С. 106–168.
- Бобров Л.А., Худяков Ю.С.** Боевые наголовья кочевников Монголии и Калмыкии второй половины XVI – начала XVIII в. // Древности Алтая. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2003. – № 11. – С. 138–155.
- Горбунов В.В., Исупов С.Ю.** Монгольские шлемы с территории Алтая // Материалы по военной археологии Алтая и сопредельных территорий. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2002. – С. 135–143.
- Горелик М.В.** Средневековый монгольский доспех // Олон улсын монголч Эрдэмтний III Их хурал. – Улаанбаатар: Олон улсын монголч эрдэмтний их хурлын байнгын хороо, 1979. – Бот 1. – Тал. 90–101.
- Горелик М.В.** Ранний монгольский доспех (IX – первая половина XIV в.) // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 163–208.
- Худяков Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.
- Худяков Ю.С.** Метод классифицирования предметов вооружения по материалам вооружения средневековых кочевников // Использование методов естественных и точных наук при изучении древней истории Западной Сибири: Тез. докл. и сообщ. к науч. конф. (6–8 апреля 1983 г.). – Барнаул: Ин-т ист., филол. и филос. СО АН СССР; Алт. гос. ун-т, 1983. – С. 76–77.
- Худяков Ю.С.** Защитное вооружение кыргызского воина в позднем средневековье // Проблемы средневековой археологии Южной Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1991а. – С. 87–100.
- Худяков Ю.С.** Вооружение центрально-азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991б. – 190 с.
- Худяков Ю.С.** Предметы маньчжурского вооружения в музеях Ганьсу и Синьцзяна // Традиционная культура Востока Азии: Археология и культурная антропология. – Благовещенск: Благовещ. гос. пед. ин-т, 1995. – С. 34–42.
- Худяков Ю.С., Бобров Л.А.** Шлемы кочевников Центральной Азии в эпоху позднего средневековья // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 227–236.
- Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.** Шлемы, найденные на территории Кыргызстана // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1 (5). – С. 101–106.
- Эрдэнэбаатар Д., Худяков Ю.С.** Находки бронзовых шлемов в плиточных могилах Северной Монголии // РА. – 2000. – № 2. – С. 140–148.
- Robinson H.R.** Oriental Armour. – N.Y.: Walker and Company, 1967. – 257 p.

Материал поступил в редколлегию 15.06.04 г.

А.И. БоброваТомский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: museum@trecom.tomsk.ru**НАТЕЛЬНЫЕ КРЕСТЫ С ТИСКИНСКОГО МОГИЛЬНИКА****Введение**

На протяжении многих веков крест был и остается главным символом христианства. Среди изображений данного символа особое место занимает нательный крест, появление которого, вероятно, было связано с его охранительной функцией [Молодин, 2001а, с. 245].

Меднолитые предметы первоначально не изготавливались в Древней Руси. Н.В. Покровский писал о том, что металлическими крестами и образками снабжали Русь греки, в частности херсонские; отсюда поступали корсунские кресты, которые затем не только распространялись на юге, но и достигали Владимиро-Суздальской и даже Новгородской областей (см.: [Перетц, 1933, с. 6]). Находки древнейших крестов на территории Руси относятся к X–XII вв. [Гнутова, 2000, с. 20].

Разнообразие форм тельников увеличивалось со временем, расширялся спектр цветных металлов, из которых их изготавливали. С распространением христианства ширился ареал их бытования. Начиная с XVI в., с проникновением в Сибирь казаков, служилых и торговых людей, землепроходцев и крестьян, кресты-тельники стали поступать сюда в большом количестве и постоянно*. С присоединением Сибирского края к России и в связи с христианизацией насе-

* Работа написана на основе материалов, хранящихся в фондах Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета: кол. № 9017 – Тискинский могильник, б/н – Айполовский могильник, № 7610 – Волковское кладбище, № 7626 – Кинтусовское I кладбище, № 7625 – Соровское кладбище, № 7622 – могильник Чага.

ления региона поток культовой атрибутики увеличился [Молодин, 2002, с. 96].

С семиотической точки зрения, нательный крест первоначально воспринимался сибирскими аборигенами довольно поверхностно (иногда они использовали кресты для украшения традиционной одежды [Боброва, 2002а, с. 189; 2002б, с. 79]) *, однако с распространением христианства и усилением его влияния стал для них подлинным символом христианской веры. Именно такими символами можно считать нательные кресты, обнаруженные в погребениях Тискинского некрополя.

Территория Нарымского Приобья, на которой расположен памятник, с XVII в. была заселена “остяками”, принадлежавшими к “самоедской национальности” [Патканов, 1912, с. 38], и входила в Малую Чурабарскую (Чурубаровскую) волость, включавшую население трех юрт: Тискиных, Тайзаковых, Сондоровых [Патканов, 1911, с. 159]. С. Патканов отмечал, что из всех самоедов они были наиболее обрусевшими: по переписи 1897 г. из 4 821 чел. в Томской губернии утративших родную речь и назвавших родным языком русский оказалось 767 чел., или 15,9 %, а двуязычных – значительно больше [Там же, с. 144].

Б.О. Долгих относил подразделения Большой и Малой Чурабарских (Чурубаровских) волостей к одному из родов “остяков” Нарымской волости, потомки которых называли себя “шешкум” [1960, с. 88].

* См. также: Дремов В.А. Антропологическая экспедиция ТГУ, лето 1973 г. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 537, тетрадь 7, с. 613–616.

Классификация нательных крестов с Тискинского могильника

Кресты-тельники относятся к особому виду мелкой пластики. Их классификации особое внимание уделено в работе Э.П. Винокуровой [1999]. На сибирских материалах XVII–XIX вв. типология и семантика данной категории предметов успешно разрабатываются В.И. Молодиным [2001а, б; 2002]. Работы этих исследователей стали основополагающими при анализе тискинской серии крестов.

Последний этап существования Тискинского могильника (конец XVIII – первая половина XIX в.) представлен 73 погребениями. Их датировка облегчена наличием монет, отчеканенных в период 1749–1854 гг. [Боброва, 1984]. Нательные кресты обнаружены в 54 захоронениях, что составляет 74 % от общего их количества, в 26 погребены взрослые (15 женщин, 8 мужчин, пол трех человек не определен), в 28 – дети. При классификации учтены лишь предметы хорошей сохранности – 35 экз.

Изделия выполнены в технике плоского двустороннего литья, на верхней оконечности имеют ушко для подвешивания.

Спектральный анализ (на спектрографе ИСП-28) 10 нательных крестов сделан на кафедре оптики и спектроскопии физического факультета ТГУ канд. физ.-мат. наук, доцентом А.А. Елисеевым*. Его результаты отражены в таблице, из которой следует, что в качестве основных компонентов практически каждое изделие включало медь, олово, свинец, цинк, ртуть, кремний. Семь крестов, имевших в своем составе серебро, амальгамированы.

За основу выделения групп в данной категории инвентаря взято оформление контура креста. По это-

* Автор глубоко признателен Алексею Александровичу за бескорыстную помощь и поддержку.

му признаку изделия разделены на две группы: простые, без каких-либо дополнительных деталей в средокрестии (21 экз.) и фигурные, с дополнительными элементами в виде лучей, исходящих из углов средокрестия, шариков, завитков и пр. (14 экз.). По художественному оформлению ветвей креста в группах различаются типы.

Группа I, тип 1. Прямые (1–6)*. По ширине концов креста в типе 1 выделены два варианта.

Вариант 1 – с широкими концами, 12 экз. из погр. 3 и 9 кург. 5, погр. 3, 8, 9, 23 кург. 7, погр. 3, 4 и 9 кург. 9, погр. 17 кург. 11**, погр. 2 и 6 кург. 13 (1–3). Четырехконечный крест простой формы. Все четыре конца прямые, одинаковые по ширине, прямоугольные. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом изображены восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. Лицевая сторона оконтурена тонким рельефным валиком, образующим кант. В верхней части под ушком, на оконечностях горизонтальных лучей (1, 2), иногда также над и под перекладиной восьмиконечного креста (3) помещены надписи, выполненные выпуклым рельефом. Обратная сторона также оконтурена тонким рельефным валиком-кантом. На ограниченной им площади помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушко фигурное.

* Здесь и далее в скобках курсивными цифрами указаны порядковые номера изображений крестов на рисунке. Автор глубоко признателен Татьяне Ивановне Черновой, заведующей отделом информатизации и компьютеризации Томского областного краеведческого музея, за подготовку данного рисунка.

** Автор благодарен д-ру ист. наук, профессору кафедры археологии и исторического краеведения ТГУ Людмиле Александровне Чиндиной, своему научному консультанту, за предоставленную возможность опубликовать материалы ее раскопок.

Результаты спектрального анализа нательных крестов с Тискинского могильника

№ п/п	Местонахождение креста	Cu	Zn	Sn	Pb	Hg	B	Fe	Ag	Si	Mg	Sb	Ni
1	Кург. 5, погр. 3	+	+	+	+	+	+	–	+	+	–	–	–
2	Кург. 7, погр. 23	+	+	+	+	+	+	–	+	+	–	–	–
3	Кург. 8, погр. 4	+	–	+	+	+	–	–	–	+	–	–	–
4	Кург. 9, погр. 5	+	+	+	+	+	+	–	+	+	–	–	–
5	Кург. 12, погр. 11	+	+>	+	+	+	–	+<	–	+	+	–	–
6	Кург. 12, погр. 19	+	+>	+	+	+	+	–	+	+	+	–	–
7	Кург. 13, погр. 6	+	+<	+	+	+	–	–	–	+	+	+	–
8	Кург. 13, погр. 7	+	+	+	+	+	+	–	+	+	–	–	–
9	Кург. 13, погр. 8	+	+>	+	+>	+	+	–	+	+	–	+	–
10	Кург. 13, погр. 21	+	+<	+	+<	+<	+	–	+	+	+	–	+<

Нательные кресты Тискинского могильника.

Группа I – простые: 1–3 – вариант 1; 4–6 – вариант 2; группа II – фигурные: 7, 8 – тип I; 9, 10 – тип 2; 11, 13, 14 – тип 3; 12 – тип 4; 15, 16 – тип 5.

Навершия двух- или одноступенчатые, с килевидным или округлым окончанием.

В одном случае поверхность креста между всеми рельефными элементами с обеих сторон покрыта голубой эмалью (2).

По размерам в варианте 1 различаются три подварианта: 1) большие (4 экз.) – от 51 × 25 до 53 × 27 мм, ширина лучей 10 мм; 2) средние (4 экз.) – от 40 × 18

до 45 × 22 мм, ширина лучей 7–8 мм; 3) малые (3 экз.) – от 34 × 18 до 39 × 18 мм, ширина лучей 7–8 мм.

Вариант 1 соотносится с типом I классификации В.И. Молодина крестов-тельников с некрополя Илимского острога [20016, с. 23–26, рис. 1].

Вариант 2 – с узкими концами, 9 экз. из погр. 4 кург. 7, погр. 1 и 4 кург. 8, погр. 8 и 9 кург. 12, погр. 3

и 29 кург. 13, из насыпи кург. 13 (сектор III), из сборов с разрушенных рекой курганов (4–6). Четырехконечный крест простой формы. Концы прямые, одинаковые по ширине, прямоугольные. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. По четырем концам креста надписи, выполненные выпуклым рельефом. На оборотной стороне помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушки подквадратные с закругленным верхом (6 экз.), одноступенчатые с округлым (1 экз.) и килевидным (1 экз.) навершиями. Размеры крестов от 48×25 до 60×32 мм, ширина лучей 6–8 мм.

По наличию/отсутствию рельефного валика-канта, окаймляющего лицевую и оборотную стороны, изделия подразделяются на два подварианта: 1) окантованные (3 экз.), размеры от 48×25 до 60×32 мм, ширина лучей 6–8 мм (4, 6); 2) без канта (6 экз.), размеры от 52×30 до 55×32 мм, ширина лучей 6–7 мм (5).

В одном случае поверхность креста, ограниченная валиком-кантом, между всеми рельефными элементами покрыта голубой эмалью (6).

Кресты этого типа имеют некоторые особенности, связанные с надписями на них. У всех крестов варианта 1 сверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, СНЪ БЖІЙ. Во 2-м варианте 1 экз. подварианта 1 имеет надписи: сверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, внизу – НИКА. У остальных крестов этого варианта сверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, под раменами креста – М.Л.Р.Б.

Группа II. Фигурные*. Выделено пять типов. При их определении использована терминология А.С. Уварова [Каталог..., 1908, с. 148–159].

Тип 1 – “с листвою”, 2 экз. из погр. 7 и 8 кург. 13 (7, 8). Четырехконечный крест обрамлен венком, покрытым растительным орнаментом, что придает ему форму резного листа. Основание подтреугольной формы. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. В верхней части под ушком и на оконечностях горизонтальных лучей надписи, выполненные выпуклым рельефом: сверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC и СНЪ БЖІЙ. Лицевая и оборотная стороны оконтурены по периметру тонким рельефным валиком. На обороте помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушко фигурное.

* Автор признателен за консультативную помощь при описании этой группы крестов искусствоведу Томского областного художественного музея Ирине Александровне Евтихивой.

Навершие одноступенчатое, килевидной формы. Размеры изделий 58×34 , 55×32 мм, ширина лучей 20 мм.

В одном случае поверхность креста, ограниченная валиком-кантом, между всеми рельефными элементами с обеих сторон покрыта голубой эмалью (8).

Нательные кресты этого типа соотносятся с типом V, выделенным Э.П. Винокуровой [1999, с. 333] и В.И. Молодиным [2001б, с. 26–28, рис. 2].

Тип 2 – с “шарообразными оконечностями”, 3 экз. (9, 10). Различаются два варианта: с цатами на средокрестии (1 экз. из погр. 11 кург. 13) и без них (2 экз. из погр. 5 и 21 кург. 13). Четырехконечный крест обрамлен орнаментом “с шарообразными оконечностями”, образованным трилистниками, которые расположены по углам средокрестия, по обе стороны основания креста, оформляют концы горизонтальных лучей и основание. Все изделия имеют четыре сквозных отверстия по углам средокрестия. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. В верхней части под ушком, на оконечностях горизонтальных лучей (9), а также под и над перекладиной восьмиконечного креста (10) надписи, выполненные выпуклым рельефом: сверху – ЦС, по сторонам – IC XC, помещенные в клейма в виде храма с закомарами, внизу – М.Л.Р.Б. Лицевая и оборотная стороны оконтурены тонким рельефным валиком. На обороте помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушко фигурное. Навершие одноступенчатое, килевидной формы. Одно изделие целое, другое имеет повреждение – отломан фрагмент в виде трилистника, оформлявшего оконечность горизонтального луча. Размеры крестов 60×38 , 59×36 мм.

Кресты-тельники этого типа соотносятся с вариантом 2 подтипа 4 типа I классификации Э.П. Винокуровой [1999, с. 337, рис. 12, 1].

Тип 3 – “огненосные”, 5 экз. (11, 13, 14). Различаются два варианта: с цатами в средокрестии (3 экз.), без них (2 экз.). Четырехконечный крест обрамлен венком, образованным рельефным пламевидным орнаментом и четырьмя трилистниками, расположенными по углам средокрестия, с лучами в виде бутонов лилий. Все изделия имеют четыре сквозных отверстия по углам средокрестия. У всех на лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама.

Вариант 1 (13, 14). Цаты помещены в центре средокрестия. На лицевой стороне на оконечностях крестов в клеймах в виде высокого храма с закомарами надписи: сверху – ЦС, по сторонам – IC XC, внизу –

М.Л.Р.Б. Обратная сторона плохой сохранности. Текст, если и был, то на двух предметах он полностью стерт (погр. 11, 13 кург. 8), на одном – не читается (сектор СЗ кург. 12). Размеры изделий 50×34 , 53×32 , 51×33 мм, ширина лучей 6–8 мм. Ушки изделий подквадратной формы.

Вариант 2 (11). Крест без цаты (погр. 5 кург. 9, погр. 6 кург. 11). На лицевой стороне в верхней части под ушком, на оконечностях горизонтальных лучей, а также над и под перекладиной восьмиконечного креста надписи, выполненные выпуклым рельефом: на оглавии – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, СНЪ БЖИЙ, под раменами креста – НИКА. На оборотной стороне помещен текст (фрагмент молитвы или псалма). Ушко фигурное. Навершия двухступенчатые, круглой формы, уплощенные. Размеры изделий: 49×26 мм, ширина лучей 10 мм; 45×27 мм, ширина лучей 8 мм.

Нательные кресты этого типа соотносятся с вариантом 1 и его подвариантами подтипа 4 типа I классификации Э.П. Винокуровой [1999, с. 336, рис. 11, 3].

Тип 4 – прямолинейные с лучами, 1 экз. из погр. 11 кург. 12 (12). Четырехконечный крест обрамлен венком, образованным четырьмя трилистниками с лучами в виде бутонов лилий, расположенными в углах средокрестия. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, по бокам копье и трость с губкой. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. В верхней части под ушком, на оконечностях горизонтальных лучей, а также под перекладиной восьмиконечного креста надписи, выполненные выпуклым рельефом: вверху – ЦРЬ СЛВЫ, по сторонам – IC XC, под перекладиной – СНЪ БЖИЙ. Текст на оборотной стороне не читается. Основание креста прямое. Ушко фигурное, с округлым уплощенным навершием. Лицевая поверхность креста между рельефными элементами покрыта синей и белой эмалью, обратная – только синей. Размеры изделия 55×33 мм, ширина лучей 11 мм.

В классификации Э.П. Винокуровой аналогичные кресты объединены в тип I, подтип 3 [1999, с. 336, рис. 10].

Тип 5 – “расцветшие”, 3 экз. из погр. 10 кург. 5, погр. 8 кург. 8 и погр. 19 кург. 12 (15, 16). Четырехконечный крест с цатами в центре средокрестия и лучами, исходящими из его углов. Лучи у основания имеют прямоугольную форму, переходящую затем в копьевидно-приостренную (16). Над оглавием креста имеется расширение из завитков, образующих подобие карниза. Оконечности горизонтальных лучей и основание – ромбической формы, заполнены геометрическими фигурами, образующими распустившиеся бутоны. Основание креста с боков охватывают два

кресты. На лицевой стороне в центральной части выпуклым рельефом переданы восьмиконечный крест, трость и копье, отходящие от косой перекладины. У подножия креста схематичное изображение горы Голгофы с черепом (головой) Адама. Над и под раменами этого креста есть плохо читаемые надписи. На обороте изделия они вовсе не читаются, но сохранился геометрический орнамент, на оконечностях такой же, как на лицевой стороне. Ушки подквадратной и подпрямоугольной формы, с округлым верхом. Размеры крестов 53×40 , 53×39 и 36×30 мм, ширина лучей соответственно 18, 17 и 7 мм.

Изделия имеют утраты: в одном случае в средокрестии обломаны все лучи (15), в другом – два луча и основание креста.

В классификации Э.П. Винокуровой аналогичные кресты выделены в тип VIII [1999, с. 346].

Расшифровка надписей и символов

Аббревиатура М.Л.Р.Б. расшифровывается как “место лобное, распят был” или “место лобное, раю быть” [Записка..., 1851, с. 45]. Остальные сокращенные надписи общеизвестны. Поскольку НИКА в переводе с греческого означает “победа”, то размещение этой надписи в основании креста, вероятно, символизирует победу над смертью.

На оборотной стороне помещены или молитва “Кресту Твоему поклоняемся Владыко и святое воскресение Твое славим”, или начало псалма: “Да воскреснет Бог и разыдутся врази...”, или текст, отражающий отношение людей к кресту: “Крест хранитель всей вселенной, крест красота церковная, крест царям держава, крест верным утверждение, крест ангелам слава, крест бесам язва...”; есть и иные надписи [Винокурова, 1999, с. 359–360].

Изображения Голгофы и головы Адама – эмблема смерти, напоминающая о распятии Иисуса Христа на этой горе – месте нахождения черепов. С последним связано предание, согласно которому здесь был погребен Адам и кровь Спасителя во время крестной смерти обарила кости прародителя. Это предание, как считал А.С. Уваров, вероятно, и было причиной того, что под распятием изображена голова Адама [Каталог..., 1908, с. 12].

Копье, трость, венец являются атрибутами распятия или орудиями страдания, поскольку они сопровождали казнь Христа. В Священном Писании об этом говорится следующее: “И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и, становясь перед Ним на колени, насмеялись над Ним, говоря: радуйся, Царь Иудейский! И плевали на Него и, взявши трость, били Его по голове” (Мф 27: 29–30; Мк 15: 15–20; Ин 19: 1–3, 16).

“Но один из воинов копьем пронзил Ему ребра, и тотчас истекла кровь и вода” (Ин 19: 34), что свидетельствовало о смерти.

Что касается цаты, то в “Энциклопедическом словаре” Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона дано следующее определение: подвес, прилагаемый к иконам [1903, с. 845]. Трудно сказать, что понимал под цатами А.С. Уваров, возможно, это символическое изображение венца – символа победы над смертью и дьяволом.

Лилии, представленные на крестах группы II, с одной стороны, являются символом чистоты и невинности, с другой – связаны со смертью и загробным миром.

Шаровидные оконечности лучей, по мнению Уварова, первоначально имели символическое значение (шар как символ Бога-Отца), но впоследствии это значение перестало играть какую-либо роль в глазах художника и они обратились в простой орнамент. То же можно сказать относительно клейм в виде храмов [Каталог..., 1908, с. 154].

Аналоги крестов с Тискинского могильника

Аналогов прямых с широкими концами нательных крестов с Тискинского могильника много. Они найдены в Киеве на Подоле [Каталог..., 1894, с. 13–14], в Удмуртии на могильнике Узей-Тукля (погр. 9) [Шутова, 1992, рис. 32, 22], обнаружены среди материалов XVI–XVII вв. на о-ве Фаддея [Порфиридов, 1951], 3 экз. – в погребениях Соровского некрополя салымских хантов*. Восемь плоских простых четырехконечных крестов найдено на кладбище васюганских хантов пос. Озерного у оз. Тух-Эмтор**, три (два с эмалью) – во время разведки в Колпашевском р-не Томской обл. в разрушенных могилах Тогурского кладбища***. В Хакасии такие нательные кресты известны по материалам захоронений XVIII–XIX вв. (Теренги-Хол-База, Ус-Оба, Хорын-Хол) Бейского р-на [Богданов, Худяков, 1993, с. 59]. Значительная серия подобных изделий обнаружена в некрополе Илимского острога. Они выделены В.И. Молодиным в тип I, который подразделяется на три варианта и четыре подварианта [2001б, с. 23–26, рис. 1].

* Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 211, 228, 246.

** Дремов В.А. Антропологическая экспедиция ТГУ, лето 1973 г. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 537, тетрадь 7, с. 615.

*** Яковлев Я.А. Отчет о работах Тымского отряда Археологической экспедиции ТГУ в 1987 г. в Колпашевском и Верхнекетском районах Томской области. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 1000-1, с. 13–14; № 1000-2 (Прил.), рис. 39.

Появление прямых крестов-тельников с широкими концами исследователи относят к XVI в. О.С. Куколевская считает их старообрядческими. О том, что именно в среде староверов была сильна ориентация на древние формы нательных крестов и что большинство из них дошло до нас в поздних повторениях, пишет С.В. Гнутова. Аналогичные кресты из Средней Сибири Н.Н. Исаева называет мужскими и относит их к XVII–XIX вв. Подобные формы тельников дожили у старообрядцев до XX в. На лицевой стороне старообрядческих крестов сохраняется надпись: Царь Славы Иисус Христос (а не Иисус Назарянин Царь Иудейский). Именно такой текст имеют нательные кресты тискинской серии, что позволяет отнести их к старообрядческим. В специальной литературе отмечены факты использования аборигенным населением христианских культовых предметов, полученных от староверов (см.: [Там же, с. 25–26]).

Аналоги прямых крестов с узкими концами есть среди случайных находок в Новгородской губ. (близ д. Переволоки Старорусского уезда) [Каталог..., 1894, с. 71–72, рис. 113], в материалах погребений некрополей Даниловского и Моисеевского монастырей в Москве [Беляев, 1995, рис. 21; Векслер, Беркович, 1999, с. 199, рис. 15, 2]; погр. 19 некрополя Чужьялово в Удмуртии [Шутова, 1992, рис. 32, 20]. Аналогичные нательные кресты были в Мангазее XVII в. [Белов, Овсянников, Старков, 1981, рис. 8, 11]. Найдены они в захоронениях Соровского некрополя салымских хантов и погр. 13 Айполовского могильника васюганских хантов*, а также в погребении качинцев в долине р. Табат [Худяков, 2002, с. 87, рис. 5, 1]. Изделия этого типа аналогичны крестам-тельникам с Саянского городища первой половины XVIII в. [Скобелев, 1999, рис. 11], с памятника Ус-Оба Бейского р-на Хакасии [Богданов, Худяков, 1993, с. 59], из захоронений защитников Албазинского острога [Артемьев, 1996, с. 192, рис. 9, 2, 10, 13].

Кресты типа 1 группы II обнаружены в Европейской России и Украине [Каталог..., 1908, с. 160, № 210–212], в погребениях некрополей Даниловского и Моисеевского монастырей в Москве [Беляев, 1995, рис. 22; Векслер, Беркович, 1999, с. 201, рис. 15, 9], 1 экз. – в захоронении XIX в. Обдорского Севера [Мурашко, Кренке, 2001, рис. 143]. Есть они в материалах поздних погребений хантов: салымских – Соровского (2 экз.) и Кинтусовского I (1 экз.) кладбищ; иртышских – некрополя Чага, раскопанного А.Н. Багашевым (2 экз.); васюганских – Айполовского могильника (2 экз. из раскопок В.А. Дремова)**. Аналогичные нательные кресты найдены в захоронениях защитников

* Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 38, 112, 183.

** Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 201, 221; кол. № 7626, № 41; кол. № 7622, № 40, 224; кол. б/н.

Албазинского острога [Артемьев, 1996, с. 192, рис. 9, 12, 15]. Совершенно идентичные тельники “с листовой” из некрополя Илимского острога выделены В.И. Молодиным в тип V, подтип 1 с тремя вариантами и подвариантами [2001б, с. 26–28, рис. 2].

Тип 2 группы II представлен в Каталоге графа А.С. Уварова [Каталог..., 1908, с. 152–153, № 122–123]. Фигурные кресты с “шарообразными оконечностями” обнаружены в Поломском данчашае (1 экз.) [Шутова, 1992, рис. 32, 21], на хантыйских кладбищах: Соровском (1 экз.), Чага (1 экз.), Айполовском (1 экз. из мог. 5)*. Найдены они и в селькупских погребениях XVIII–XIX вв. могильников Барклай на р. Чае [Ожередов, 1992, с. 101] и Путяка на р. Кети.**

Аналоги нательных крестов типа 3 группы II известны в Европейской России и Украине [Каталог..., 1908, с. 151, № 87, 91–94]. Они найдены в погребениях некрополей Даниловского и Моисеевского монастырей в Москве [Беляев, 1995, рис. 22; Векслер, Беркович, 1999, рис. 15, 4], погр. 9 могильника Узей-Тукля в Удмуртии [Шутова, 1992, с. 13–14], на хантыйских кладбищах: Соровском (1 экз.), Кинтусовском I (2 экз.) и Чага (1 экз.)***. Аналогичный нательный крест обнаружен в углу дома Кузнецкого острога [Ширин, 1992, рис. 1, 24].

Что касается типа 4 группы II, то можно указать только один близкий по форме крест, найденный при раскопках Д.В. Милеева в Киеве в усадьбе Десятинной церкви [Каталог..., 1894, с. 52, рис. 82, в].

Аналоги крестов типа 5 группы II известны в Европейской России и Украине [Каталог..., 1908, с. 153, № 124, 125, 136–138]. В сибирских материалах они обнаружены в хантыйских погребениях Соровского кладбища (1 экз.) и могильника Чага (1 экз.)****, захоронениях Волковского кладбища в Колпашевском р-не Томской обл.*****, в слое поселения Ильинка V в Кемеровской обл. [Ширин, 1992, рис. 1, 25].

* Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 135; кол. № 7622, № 183; кол. б/н.

** Гребнева Г.И. Отчет об археологических исследованиях Кетского отряда летом 1976 года. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 688, с. 27, табл. IV, 2.

*** Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 12, 92, 136 (без цат); кол. № 7626, № 7, 60; кол. № 7622, № 141 (с цатой). Автор глубоко признателен своим коллегам – старшим научным сотрудникам Томского областного краеведческого музея Г.И. Гребневой и Я.А. Яковлеву за предоставленную возможность использовать в работе их неопубликованные материалы.

**** Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7625, № 96; кол. № 7622, № 52 (с цатой).

***** Яковлев Я.А. Отчет о работах Тымского отряда Археологической экспедиции ТГУ в 1987 г. в Колпашевском и Верхнекетском районах Томской области. Приложение. Рукопись. – Архив МАЭС ТГУ, № 1000-2, рис. 32.

Информация о нахождении нательных крестов в захоронениях XVII–XX вв. встречается в литературе довольно часто. Обнаружены они, например, на православных погребальных памятниках Ижевска [Макаров, 2003, с. 212], на Первом челябинском кладбище XVIII в. [Самигулов, 2002, с. 136]. Старообрядческие кресты известны по материалам погребений Верхотурья и Каменска-Уральского [Погорелов, Святлов, 2002, с. 121], некрополей г. Томска [Чугунов, 1905, с. 22], стоянки русских землепроходцев на о-ве Фаддея на берегу залива Симпса [Порфиридов, 1951; Бурыкин, 2003, с. 172], могильника Изюк-1 в Омском Прииртышье [Татаурова, 2000, с. 422], захоронений Кузнецкого [Ширин, 1992, рис. 1], Илимского [Молодин, 1999], Албазинского [Артемьев, 1996] острогов, хантыйских некрополей – Каркатеевского и Усть-Балыкского*.

Абсолютные аналоги в материалах европейской части России и Севера Западной Сибири позволяют предполагать, что прародиной крестов образца XVI–XVII вв. была Северо-Западная Русь, откуда они поступали в Сибирский край. Вероятно, с конца XV или начала XVI в. в Московской Руси слагается новый, отличный от древнейшего южного, тип меднолитых нательных крестов, который далее с небольшими вариациями господствует до XIX в. включительно [Перетц, 1933, с. 7–8]. К аналогичному выводу пришел и А.И. Некрасов, писавший, что «с XVI в. получают распространение деревянные и особенно металлические кресты... в новгородском стиле. Вся Устюг становится их производственным центром, а также и другие города. Усложняясь и варьируясь в стиле, они долго продолжают сохранять черты своего происхождения из XVI в. Несомненно, что еще в XVIII в. нередко употреблялись старые формы для отливания новых “экземпляров”» [1924, с. 78].

Заключение

Тискинские нательные кресты датируются по монетам концом XVIII – первой половиной XIX в. В связи с этим процитированное выше утверждение А.И. Некрасова для нас особенно актуально, т.к. позволяет сделать вывод об отливании их по моделям старого образца.

В.И. Молодин отмечает, что, несмотря на жесткие канонические нормы, кресты-тельники претерпевают серьезные изменения во времени. Имели

* Фонды МАЭС ТГУ, кол. № 7610, № 2. Памятники открыты В.И. Семеновым в 1983 г. Последний назван ею “могильник Репьеган”. В полевой документации В.А. Дремова он значится как Усть-Балыкский, Балыкский, кладбище на протоке Горной [Боброва, 2003, с. 215].

место и определенные территориальные различия данных изделий, связанные с традициями художественных школ, в которых они изготавливались [Молодин, 2002, с. 97]. Разнообразие типов нательных крестов с Тискинского некрополя, функционировавшего на протяжении 70–80 лет, яркое тому подтверждение.

При жизни кресты носили на нитяных шнурах, на которые нанизывали бусины из разноцветного стекла. В погребениях их местоположение строго определено: область шейно-грудного отдела, т.е. там, где нательные кресты обычно носят верующие люди. Это позволяет сделать вывод о том, что они сопровождали погребенных в качестве символов веры.

Обнаружение металлических нательных крестов в захоронениях Тискинского могильника, безусловно, свидетельствует об особом к ним отношении, сформировавшемся у коренного населения под влиянием русской культуры. Синкретичный характер набора погребального инвентаря отражает серьезные изменения, произошедшие в духовной сфере и мировоззренческих установках селькупов “шешкум”, проживавших на берегах р. Оби.

Осознание аборигенами Нарымского края нательного креста как символа распятого Христа, которому поклоняются православные люди, красноречиво свидетельствует о приобщении их к новой вере.

Список литературы

- Артемьев А.Р.** Останки погребенных защитников Албазинского острога // РА. – 1996. – № 1. – С. 185–196.
- Белов М.И., Овсянников О.В., Старков В.Ф.** Мангазья: Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – 147 с.
- Беляев Л.А.** Древности Данилова монастыря (Церкви во имя Воскресения Словущего и Даниила Столпника) // Культура средневековой Москвы XIV–XVII вв. – М.: Наука, 1995. – С. 84–112.
- Богданов Е.С., Худяков Ю.С.** Нательные кресты из погребений этнографического времени на юге Хакасии // Материалы по археологии и этнографии Сибири и Дальнего Востока. – Абакан: Абак. гос. пед. ин-т, 1993. – С. 59–60.
- Боброва А.И.** Погребения XVIII–XIX вв. Тискинского курганного могильника // Западная Сибирь в эпоху средневековья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – С. 146–167.
- Боброва А.И.** Палеоэтнографические материалы о погребальном обряде васюганских хантов // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск; Ханты-Мансийск: ООО “Издатель-Полиграфист”, 2002а. – С. 189–191.
- Боброва А.И.** Палеоэтнографические материалы о погребальном обряде восточных хантов // Междисциплинарные исследования в археологии и этнографии Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2002б. – С. 76–80.
- Боброва А.И.** О погребальном обряде хантов Салымского края XIX–XX вв. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2003. – Вып. 1. – С. 211–215.
- Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.** Энциклопедический словарь. – СПб.: [Тип. Акц. об-ва Брокгауз–Ефронь], 1903. – Т. 74. – 966 с.
- Бурькин А.А.** Одно замечание к находкам из лагеря полярных мореходов на Восточном Таймыре: зачем торговая экспедиция возила с собой наперсные кресты // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Наука-Омск, 2003. – С. 172–173.
- Векслер А.Г., Беркович В.А.** Материалы археологических исследований некрополя Моисеевского монастыря на Манежной площади в Москве // Культура средневековой Москвы. XVII в. – М.: Наука, 1999. – С. 181–225.
- Винокурова Э.П.** Металлические литые кресты-тельники XVII в. // Культура средневековой Москвы. XVII в. – М.: Наука, 1999. – С. 326–360.
- Гнутова С.В.** Кресты. Иконы. Складни. Медное художественное литье XI – начала XIX в. – М.: Интербук-Бизнес, 2000. – 135 с.
- Долгих Б.О.** Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII веке. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 662 с. – (ТИЭ. Нов. сер.; Т. 55).
- Записка** для обозрения русских древностей, составленная и изданная И. Сахаровым. – СПб.: Б.и., 1851. – 80 с.
- Каталог** выставки XI Археологического съезда в Киеве в 1894 г. – Киев: Б.и., 1899.
- Каталог** Собрания древностей графа А.С. Уварова. – М.: [Тип. Об-ва распростр. полезн. книг], 1908. – Отд. 8–11. – 197 с.
- Макаров Л.Д.** Археологическое исследование православных памятников Ижевска в 2001 г. // Интеграция археологических и этнографических исследований. – Омск: Наука-Омск, 2003. – С. 212–213.
- Молодин В.И.** Некрополь Илимского острога: палеодемографические реконструкции // Евразийская лесостепь в эпоху металла. – Воронеж, 1999. – Вып. 13: Археология восточноевропейской лесостепи. – С. 113–120.
- Молодин В.И.** Крест как архетип и одно из его символических проявлений в христианстве // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2001а. – С. 244–246.
- Молодин В.И.** Старообрядческие нательные кресты из Илимской коллекции // Исторический ежегодник: Спец. вып. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2001б. – С. 20–30.
- Молодин В.И.** Кресты-тельники Сибири как объект научного изучения // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 96–102.
- Мурашко О.А., Кренке Н.А.** Культура аборигенов Обдорского Севера в XIX веке. – М.: Наука, 2001. – 155 с.
- Некрасов А.И.** Очерки декоративного искусства Древней Руси. – М.: Мосполиграф, 1924. – 119 с.
- Ожерелов Ю.И.** Раскопки курганной группы Барклай // Новое в археологии Сибири и Дальнего Востока. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1992. – С. 97–101.
- Патканов С.** Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инород-

цев. – СПб., 1911. – 431 с. – (Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по отд-нию статистики; Т. 2, вып. 2).

Патканов С. Статистические данные, показывающие племенной состав населения Сибири, язык и роды инородцев. – СПб., 1912. – 174 с. – (Зап. Имп. Рус. геогр. об-ва по отд-нию статистики; Т. 1, вып. 1).

Перетц В.Н. О некоторых основаниях для датировки древнерусского медного литья. – Л.: Изд-во ГАИМК, 1933. – 55 с. – (Изв. ГАИМК; Вып. 73).

Погорелов С.Н., Святов В.Н. Захоронения первопоселенцев г. Верхотурья и г. Каменска-Уральского // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 118–121.

Порфиридов Н.Г. Предметы прикладного искусства // Исторический памятник русского арктического мореплавания XVII века. – Л.; М.: Изд-во Главсевморпути, 1951. – С. 153–159.

Самигулов Г.Х. Первое челябинское кладбище (по итогам археологических раскопок) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2002. – С. 133–137.

Скобелев С.Г. Саянский острог – памятник русской эпохи в истории Евразии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 185–207.

Татаурова Л.В. Археология о культуре русских Омского Прииртышья // Русские старожилы: Материалы III Сиб. симп. “Культурное наследие народов Западной Сибири”. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – С. 421–423.

Худяков Ю.С. Погребения качинцев в долине р. Табат // Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума. – Новосибирск: Наука, 2002. – С. 85–99.

Чугунов С.М. Материалы для Антропологии Сибири: Антропологический состав населения города Томска по данным пяти старинных православных кладбищ. – Томск, 1905. – Ч. 1. – 264 с. – (Изв. Имп. Том. ун-та; Кн. 27).

Ширин Ю.В. Керамика кузнецких татар на русских поселениях XVII в. // Этнические и этнокультурные процессы у народов Сибири: история и современность. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1992. – С. 106–113.

Шугова Н.И. Удмурты XVI – первой половины XIX в. – Ижевск: Изд-во Удмурт. ин-та ист., яз. и лит. УрО РАН, 1992. – 263 с.

Материал поступил в редколлегию 8.04.04 г.

В.А. Зах, С.Н. Скочина

Институт проблем освоения Севера СО РАН

а/я 2774, Тюмень, 625003, Россия

E-mail: vzach@ipdn.ru

ГЛИНЯНАЯ СКУЛЬПТУРКА ИЗ КОМПЛЕКСА С ГРЕБЕНЧАТО-ЯМОЧНОЙ ПОСУДОЙ С ПОСЕЛЕНИЯ МЕРГЕНЬ-6*

Введение

Наскальные изображения, скульптура разных хронологических периодов Урала, Западной Сибири и сопредельных территорий нередко становятся предметом особого исследования [Чернецов, 1971; Окладников, Мартынов, 1972; Мошинская, 1976; Молодин, 1992; Массон, Сариниди, 1973]. Они являются той частью культуры, которая позволяет проникнуть в мир чувств и представлений древнего человека, а кроме того, иногда служат ценным источником для определения этнокультурной принадлежности оставившего их населения. В данном случае нас будет интересовать такая разновидность скульптуры, как мелкая глиняная пластика, широко распространенная территориально и хронологически.

Наиболее ранние в Зауралье – скульптурка с поселения Евстюниха, интерпретируемая как изображение птицы [Мошинская, 1976] или медведя [Сериков, 2002], а также фигурки змеи и птицы с поселения ЮАО-18 (VIII пункт) [Усачева, 1998]. К эпохе неолита относится и скульптурное изображение утки, обнаруженное в заполнении жилища 7 поселения ЮАО-15. Энеолитическим временем датируются восемь обломков антропоморфных фигурок, найденных В.Д. Викторовой и Н.П. Матвеевой в жилищах и за их пределами на поселении ЮАО-12. К доандроновскому периоду, скорее всего к ташковской культуре, принадлежит чуть поврежденная глиняная головка медведя из смешанного (неолит – бронза) слоя поселения ЮАО-18 [Там же].

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН “Этнокультурное взаимодействие в Евразии”.

При исследовании одиновского слоя поселения Серебрянка-1 в Нижнем Приишимье А.Н. Панфиловым обнаружена глиняная скульптурка высотой 10 см, шириной 4,6 и 3,5 см, толщиной 2,6 см, округленных подпрямоугольных очертаний. Верхняя треть фигурки отогнута по отношению к остальной ее части почти на 80°, поверхность орнаментирована крупнозубчатой гребенкой. По мнению автора, скульптурка представляет собой, скорее всего, изображение животного, может быть змеи: “схематичность... затрудняет идентификацию его с каким-либо конкретным образом” [Панфилов, 1993, с. 43]. С этим же периодом и комплексом с гребенчато-ямочной керамикой связана эмбрионовидная скульптурка, найденная В.А. Посредниковым на поселении Большой Ларьяк-3 на р. Вах [1973]. Большое количество предметов глиняной пластики происходит с памятников кротовской культуры; особенно интересны находки В.И. Молодина, обнаруженные в одной из ям поселения Туруновка-4 [1985а].

Глиняная пластика эпохи бронзы – раннего железа более многочисленна и распространена на всей территории Западной Сибири, особенно на поселениях поздней бронзы и переходного к раннему железному веку времени. На поселении Низямы-8 в Приобье найдено изображение стоящего животного [Зыков и др., 1994]. В слое ирменской культуры под валом городища Абрашино-1 на Обском море В.И. Соболевым обнаружены вместе с ошлакованными сосудами шесть глиняных зооморфных фигурок. Подобная скульптурка найдена М.П. Грязновым на поселении Ирмень-1 [Молодин, Соболев, 1983]. Фигурки медведя, лошадей и антропоморфные изображения происходят с поселений переходного времени Туруновка-4 и Чича-1 в Центральной Барабе [Молодин,

1985а]. Глиняные зооморфные скульптурки обнаружены на поселениях Сузгун-2, Лучкино-1 в Прииртышье, городище Чеганово-3 и поселении Юргаркуль-3 (рис. 1) в Нижнем Приоболье* [Адамов, 2000], частично сохранившееся глиняное изображение животного – на городище переходного времени Завьялово-5 в Новосибирском Приобье [Троицкая, Соболев, 1978]. В Среднем Прииртышье на поселении Новотроицкое-1, относящемся к краснозерской культуре, А.Я. Труфановым найдена скульптурка лошади. Фигурка полая, довольно реалистично переданы короткая грива и уши, вся поверхность покрыта орнаментом в виде небольших неглубоких вдавлений [Труфанов, 1983]. Близкая по форме скульптурка, возможно также лошади, происходит с городища раннего железного века Калачик-1 в Нижнем Приоболье. Часть морды у фигурки обломана, уши выполнены в виде защипов [Зах В. А., Зах Е. М., 1994]. Два глиняных антропоморфных изображения с очень реалистично переданными лицами и прическами обнаружены Н.П. Матвеевой на Рафайловском городище раннего железного века (саргатской культуры) в Приисетье [1990]. Антропоморфная фигурка, датируемая переходным временем, найдена на селище Барсова Гора I/40 белоярской культуры в Среднем Приобье [Сериков, Чемякин, 1998]. Хорошо выражены голова, нос и глаза, руки и ноги расставлены в стороны. В отличие от всех перечисленных, прямых в профиле, барсовская скульптурка – изогнутая, эмбрионовидная и по этому признаку наиболее близка большеларьякской фигурке [Чемякин, Карачаров, 1999].

Образцы мелкой глиняной пластики найдены и на средневековых памятниках. Фигурки животных обнаружены в комплексах потчевашской культуры у г. Тобольска, к этой же культуре относится антропоморфная эмбрионовидная скульптурка, украшенная гребенчатым орнаментом, с Долговского-1 городища [Мошинская, 1953; Адамов, 2000]. Достаточно велико количество предметов глиняной пластики в материалах последующего времени, кинтусовской культуры. Это в основном антропоморфные скульптурки – изображения сидящего человека в одежде, украшенной богатым геометрическим орнаментом. Ареал их охватывает территорию южно-таежной и таежной зон Западной Сибири. Найдены они, например, на Рачевском городище в Прииртышье, городище Барсов Городок I/31 и Сайга-

* Глиняная пластика из материалов поселения Юргаркуль-3 и городища Чеганово-3, исследовавшихся экспедициями Института археологии АН СССР под руководством М.Ф. Косарева и Тюменского государственного университета под руководством В.Т. Галкина в конце 1980 – начале 1990-х гг.

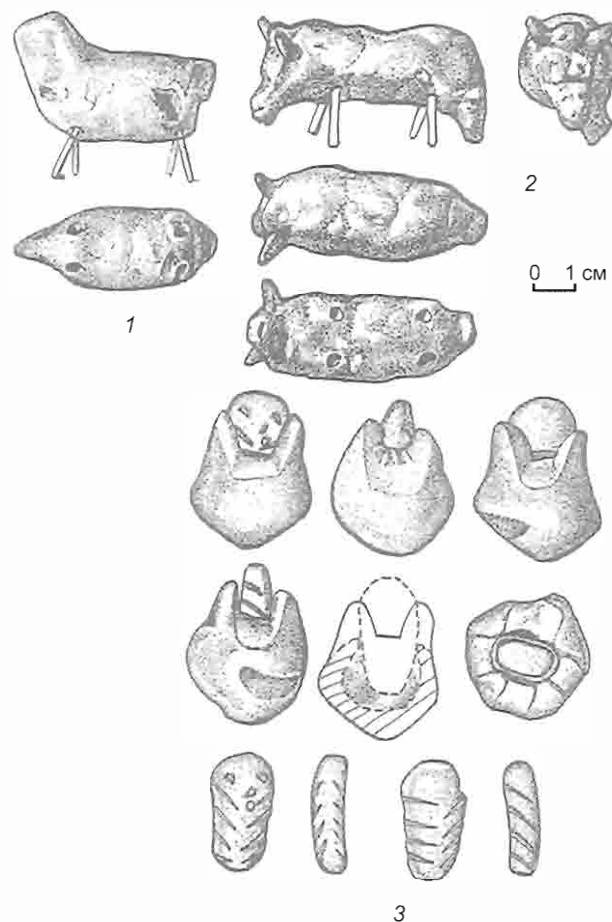

Рис. 1. Глиняная пластика с городища Чеганово-3 (1, 2) и поселения Юргаркуль-3 (3).

тинском-4 могильнике в Среднем Приобье [Зыков и др., 1994]. Наверное, самой поздней глиняной скульптуркой является очень реалистичное изображение головы человека в шапке – “домашнего идола”, найденное на Вознесенском городище барабинских татар [Соболев, 1978].

Выделяются скульптурки антропоморфные, зооморфные и такие, которые можно отнести как к первому, так и ко второму типу. По форме они прямые, или цилиндрические, и изогнутые, напоминающие эмбрион (эмбрионовидные), – по выражению М.Е. Фосс, “статуэтки с бобовидным торсом” [1948]. К последним относится и скульптурка, обнаруженная на поселении Мергень-6 в Приишимье.

Описание скульптурки и керамического комплекса

При исследовании многослойного поселения Мергень-6, расположенного на мысу, образованном оз. Мергень и р. Мергенькой, в заполнении (черный

Рис. 2. Глиняная эмбрионовидная скульптурка с поселения Мергель-6.

суглинок) сооружения 11 эпохи раннего металла, на глубине 0,97 м от поверхности вместе с гребенчато-ямочной керамикой найдены два обломка глиняной фигурки (рис. 2), залегавшие в 10 см друг от друга. Скульптурка выполнена из хорошо отмученной глины с примесью мелкого отсортированного песка. Обжиг сильный, поверхность фигурки в основном оранжево-серая, с небольшими темными пятнами. В поврежденных местах отмечается два слоя, отличающихся по цвету: внешний – оранжево-серый, хорошо обожженный, с выгоревшим углеродом, толщиной 2–3 мм; внутренний – темно-серый. Скульптурка эмбрионовидная (личинковидная), со слегка заостренными концами, изогнута под углом ок. 120°. Длина ее 7,1 см, ширина в средней части 1,9, на концах ок. 1,0 см. Менее объемный конец изображает голову. Двумя выступами по бокам обозначены, видимо, руки. Лицо не детализировано, показаны лишь глаза – двумя ямками. Это, несомненно, скульптурное изображение человека, скорее всего младенца, по-видимому, плотно завернутого в пеленки, которые показаны лентами орнамента в виде оттисков четырехзубой гребенки. На туловище спереди и отчасти по бокам, на голове сзади и по бокам это продольные ленты, на туловище сзади и отчасти по бокам – поперечные. Продольные и поперечные оттиски гребенки выше и ниже ямок-глаз имитируют, возможно, отдельное полотнище типа платка, прикрывающее лицо

ребенка. На противоположном более объемном конце со стороны спины фигурки есть ямка небольшого диаметра, глубиной ок. 7 мм, куда, видимо, вставлялась деревянная палочка, на которой крепилась скульптурка. В древности фигурка была разломлена на две части и, вероятно, оставлена в жилище.

Скульптурка, так же как и котлован жилища, судя по обнаруженной в заполнении гребенчато-ямочной керамике (рис. 3), относится к эпохе раннего металла. Посуда круглодонная, преимущественно закрытой и слегка открытой форм. Край венчика округлый или уплощенный, в большинстве случаев украшен оттисками гребенки. По всей поверхности сосудов нанесены ряды круглых или овальных ямок в сочетании с вдавлениями длинной многозубой или пятизубой гребенки (рис. 3–5). Есть фрагменты с крупнонакольчатými вдавлениями, по данным экспериментов Е.Л. Костылевой и И.В. Калининой [2002], возможно, выполненными естественными орнаментами – костями зверей и птиц (см. рис. 4, 6). Орнамент состоит из горизонтальных лент оттисков прямо и косо поставленной гребенки, горизонтальных гребенчатых линий, вертикальных рядов гребенчатой “качалки”. Присутствуют элементы узора в виде одинарных и двойных гребенчатых зигзагов. Аналогичная посуда была достаточно широко распространена в лесостепном и южно-таежном Тоболо-Ишимье. В Пришимье она найдена на поселениях Серебрянка-1,

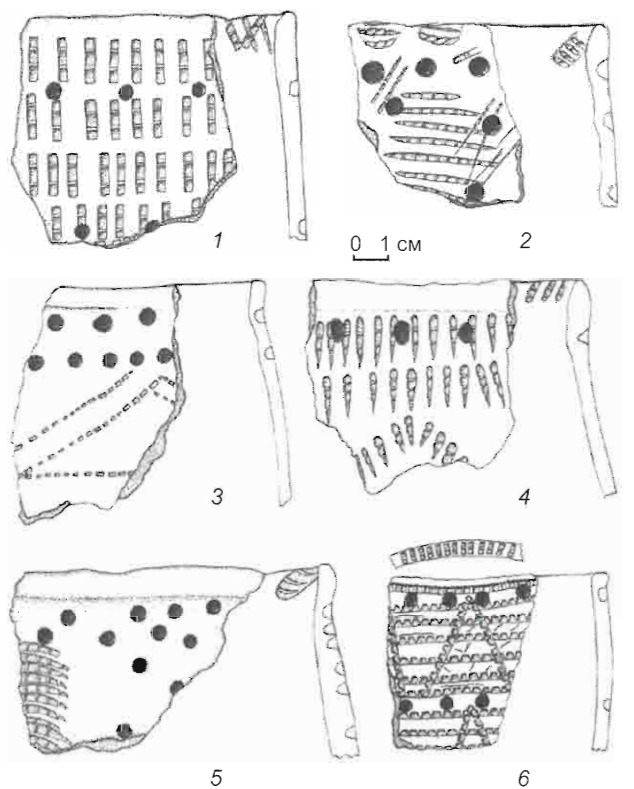

Рис. 3. Гребенчато-ямочная керамика из заполнения котлована жилища поселения Мергель-6.

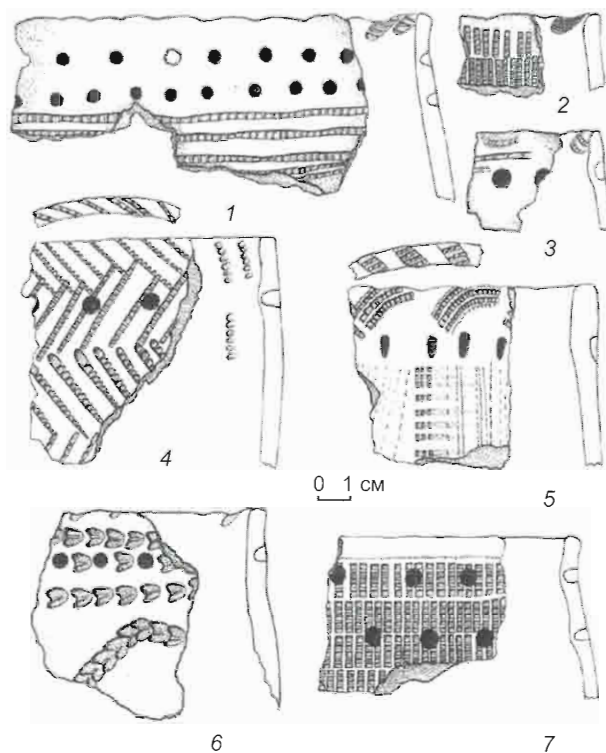

Рис. 4. Гребенчато-ямочная керамика с поселения Мергель-6.

Рис. 5. Гребенчато-ямочная керамика с поселения Мергель-6.

Ир-2 и Пахомовская Пристань-3, в Притоболье – на поселениях Чечкино-2, Юртобор-21, на многих поселениях Андреевского микрорайона, в святилище

Савин-1, на поселении Кочегарово и др. [Панфилов, 1993; Косинская, 1984; Юровская, 1973; Зах, 2002; Вохменцев, 2000; Потемкина, 2001]. Близкая гребен-

чато-ямочная керамика обнаружена в северо-западной (бассейны рек Конды и Северной Сосьвы) и северо-таежной (Среднее Приобье) части Западной Сибири [Кокшаров, Стефанова, 1993; Стефанов, Кокшаров, 1990; Кокшаров, 1991; Шорин, 1999а, б].

Практически все исследователи датируют комплексы с такой посудой III тыс. до н.э.; судя по стратиграфическим наблюдениям и радиоуглеродным датам, полученным для шапкульских памятников (от $4\ 734 \pm 103$ до $5\ 315 \pm 55$ л.н.), эти комплексы моложе шапкульских [Зах, 2002]. По углю из прокала, вероятно связанного с гребенчато-ямочной керамикой с поселения Мергень-6, определена дата ИГАН-1839 $3\ 940 \pm 210$ л.н. (1990 ± 210 лет до н.э.), которая, скорее всего, относится не к самому раннему периоду обитания носителей гребенчато-ямочной традиции в Приишимье. Большинство фактов говорит о том, что наиболее ранние на территории Западной Сибири комплексы такой керамики сформировались в Ишимо-Иртышье. Именно здесь зародилась гребенчато-ямочная орнаментальная традиция, впоследствии широко распространившаяся в Западной Сибири и, вероятно, за ее пределами [Зах, 2003]. Мы согласны с мнением свердловских археологов и В.И. Молодина, считающих, что в этом регионе сформировались два комплекса – кокуйский, относящийся к развитому неолиту, и екатерининский, датируемый поздним неолитом [Генинг и др., 1970; Молодин, 1985б]. Исследователи рассматривают их в рамках двух последовательных этапов среднеиртышской культуры, хотя, на наш взгляд, данные комплексы можно выделить в две самостоятельные культуры. Однако в любом случае несомненно, что первоначальный ареал гребенчато-ямочной керамики находился в пределах Ишимо-Иртышья. Наиболее чистыми и однородными ее комплексами являются екатерининские, фиксируемые в тех же границах. Постепенное расширение ареала посуды с гребенчато-ямочным орнаментом до арктических морей на севере, Енисея на востоке и казахстанских степей на юге происходило с эпохи раннего металла вплоть до конца бронзового века [Виноградов, 1982; Чалая, 1972].

Ареал и назначение эмбрионовидных скульптурок

Глиняные эмбрионовидные (личинковидные) фигурки, аналогичные мергенской, обнаружены в основном на поселениях позднего неолита – эпохи раннего металла Карелии, встречаются в Вологодской области, Латвии, Эстонии, Финляндии [Козырева, 1973; Панкрушев, 1978; Брюсов, 1952; Студзицкая, 1985; Витенкова, 2002] и связаны с комплексами гребенчато-ямочной керамики, которые, как считают исследова-

тели, на указанной территории не автохтонны. По данным радиоуглеродного и спорово-пыльцевого анализов эти комплексы Прибалтики датируются в интервале от $4\ 670 \pm 150$ до $4\ 170 \pm 130$ л.н. (конец атлантического – начало суббореального периода) [Лозе, 1984]. В Западной Сибири, кроме мергенской, нам известна только одна фигурка с изогнутым цельным туловищем и слабовыраженным лицом, найденная В.А. Посредниковым на поселении Большой Ларьяк-3 [1973]. Обе находки связаны с гребенчато-ямочными комплексами, датируемыми в пределах III – начала II тыс. до н.э. В указанных материалах из Восточной Европы есть отдельные фрагменты керамики, аналогичные западно-сибирским.

Все эмбрионовидные скульптурки близки, но не идентичны по форме. Большинство фигурок из Финляндии очень согнуты, что делает их похожими на половинку калача. У них достаточно часто рельефно оформлено лицо, иногда с сильно выступающим носом, практически полностью отсутствует орнаментация [Мошинская, 1976, с. 36]. Фигурки с территории Прибалтики и Карелии по форме ближе к сибирским. Данный факт может указывать на то, что идея эмбрионовидных изображений зародилась в пределах лесостепного и южно-таежного Ишимо-Иртышского междуречья, а затем распространилась в северо-западном и северо-восточном направлениях, причем по мере продвижения на северо-запад она, вероятно, существенно видоизменилась. Возможно, традиция создания таких изображений сохранялась в последующее время, о чем свидетельствует фигурка с поселения Серебрянка-1, найденная в комплексе с посудой одиновской культуры (скульптурка была разломлена на две половины, они обнаружены рядом друг с другом). Изогнутая подобно описанному, но с выделенными конечностями фигурка, как мы уже упоминали, найдена на селище Барсова Гора I/40 белоярской культуры, также относящейся к кругу культур с гребенчато-ямочной керамикой [Панфилов, 1993; Чемякин, Карачаров, 1999]. Данные скульптурки по форме отличаются от антропоморфных глиняных изображений с поселений кротовской культуры и переходного от бронзы к раннему железу времени в Барабе: фигурки с этих памятников прямые или слегка изогнутые (за исключением фаллосовидных с Туруновки-4) [Молодин, 1985а].

По поводу назначения скульптурок мы согласны с мнением И.Ф. Витенковой, справедливость которого, на наш взгляд, полностью подтверждается материалами из Западно-Сибирского региона: “Эмбрионовидные фигурки встречаются в культурном слое поселений или в жилищах, по форме напоминают эмбрион или младенца. Можно предположить, что они служили амулетами для женщин, возможно, символами плодородия” [2002, с. 417]. Как мы уже отмечали,

у мергенской фигурки лишь обозначены руки, на лице показаны только глаза и практически по всей поверхности нанесен орнамент – ленты оттисков четырехзубой гребенки, вероятно имитирующие пеленки. Ощущение “спеленутости” усиливается цельностью фигурки, невыделенностью ног. Таким образом, перед нами явно изображение младенца. О существовании подобной символики, скорее всего, говорит и выразительная находка с городища Юргаркуль-3 в Нижнем Притоболье. Здесь в комплексе с сузгунской (гребенчато-ямочной) керамикой обнаружена комбинация глиняных предметов: небольшой (3,0 × 3,0 × 3,0 см) люльки (?) с отверстием подчетырехугольной формы и вставлявшейся в него фигурки размером 2,7 × 1,3 × 0,7 см, у которой небольшими ямками показаны глаза, нос и рот, а чуть ниже под углом друг к другу нанесены четыре прочерченные линии, опоясывающие фигурку. Это изображение плотно завернутого в пеленку младенца (см. рис. 1, 3) [Косарев, 2003, с. 194, рис. 40].

Заключение

Фигурка с поселения Мергень-6 имеет достаточно широкие пространственно-хронологические аналогии – от Скандинавии до Среднего Приобья (в основном лесные и лесостепные пространства) и от эпохи раннего металла до, вероятно, переходного от бронзы к железу времени. Ареал эмбрионовидных (личинковидных) скульптурок полностью совпадает с территорией распространения гребенчато-ямочной керамики. Судя по форме, передаче контуров тела, лица и одежды, фигурки изображают спеленатых младенцев и, скорее всего, связаны с культом матери, рождения и плодородия. Видимо, этот культ у носителей культур с традицией гребенчато-ямочной орнаментации посуды существовал достаточно долго, о чем может свидетельствовать глиняная фигурка младенца с позднебронзового городища Чеганово-3, имеющая отдельные, но весьма показательные черты сходства с эмбрионовидными изображениями. Наиболее ранняя и выразительная скульптурка данного стиля из обнаруженных в Западной Сибири – мергенская, датируемая, на наш взгляд, не позднее конца III тыс. до н.э., что позволяет предполагать зарождение традиции создания эмбрионовидных фигурок на лесостепной и южно-таежной территории Ишимо-Иртышского региона в среде носителей культур с гребенчато-ямочным орнаментом. Возможно, в эпоху раннего металла она распространилась вместе с мигрирующими группами в северо-восточном и особенно в северо-западном направлении, достигнув территории Скандинавии.

Список литературы

- Адамов А.А.** Археологические памятники Тобольска и его окрестностей. – Тобольск; Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та, 2000. – 95 с.
- Брюсов А.Я.** Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. – М.: Изд-во АН СССР, 1952. – 263 с.
- Виноградов А.В.** Неолит и ранний бронзовый век Минусинской котловины: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1982. – 18 с.
- Витенкова И.Ф.** Изображение людей и птиц в неолите – энеолите Карелии // Тверской археологический сборник. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. – Вып. 5. – С. 417–424.
- Вохменцев М.П.** Энеолит лесостепного Притоболья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 2000. – 26 с.
- Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М., Кондратьев О.М., Стефанов В.И., Трофименко В.С.** Периодизация поселений эпохи неолита и бронзового века Среднего Прииртышья // Проблема хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 12–51.
- Зах В.А.** Шапкульские комплексы и керамика с гребенчато-ямочным и крупнонакольчатый орнаментом из Нижнего Притоболья // Вопр. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. – Вып. 4. – С. 25–36.
- Зах В.А.** Эпоха неолита и раннего металла лесостепного Присалаирья и Приобья. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2003. – 168 с.
- Зах В.А., Зах Е.М.** Городище раннего железного века Калачик-1 на Тоболе // Западная Сибирь – проблемы развития. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1994. – С. 32–44.
- Зыков А.П., Кокшаров С.Ф., Терехова Л.М., Федорова Н.В.** Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. – Екатеринбург: Внешторгиздат, 1994. – 159 с.
- Козырева Р.В.** Неолитические племена бассейнов озер Белого, Воже и Лаче // Этнокультурные общности лесной и лесостепной зоны европейской части СССР в эпоху неолита. – Л.: Наука, 1973. – С. 75–82.
- Кокшаров С.Ф.** Хронология памятников бронзового века р. Конды // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1991. – Вып. 20. – С. 92–101.
- Кокшаров С.Ф., Стефанова Н.К.** Поселение Волвонча-1 на р. Конде // Памятники древней культуры Урала и Западной Сибири. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1993. – С. 54–67.
- Косарев М.Ф.** Основы языческого миропонимания: по сибирским археолого-этнографическим материалам. – М.: Ладога-100, 2003. – 352 с.: ил., фото.
- Косинская Л.Л.** Поселение Ир-2 // Древние поселения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1984. – С. 45–55.
- Костылева Е.Л., Калинина И.В.** Использование костей животных для орнаментации ямочно-гребенчатой керамики // Тверской археологический сборник. – Тверь: Изд-во ТГОМ, 2002. – Вып. 5. – С. 248–256.
- Лозе И.А.** Памятники гребенчато-ямочной керамики в Восточной Прибалтике // Новое в археологии СССР и Финляндии. – Л.: Наука, 1984. – С. 28–34.

- Массон В.М., Сарияниди В.И.** Среднеазиатская терракота эпохи бронзы. – М.: Наука, 1973. – 256 с.
- Матвеева Н.П.** Глиняная пластика саргатской культуры // Семантика древних образов. – Новосибирск: Наука, 1990. – С. 114–117. – (Первобытное искусство).
- Молодин В.И.** Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985а. – 200 с.
- Молодин В.И.** Проблемы мезолита и неолита лесостепной зоны Обь-Иртышского междуречья // Археология Южной Сибири. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т, 1985б. – С. 3–17.
- Молодин В.И.** Древнее искусство Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 191 с.
- Молодин В.И., Соболев В.И.** Предметы мелкой пластики с Абрашинского городища (эпоха поздней бронзы) // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 105–108. – (Первобытное искусство).
- Мошинская В.И.** Городище и курганы Потчеваш // Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 189–220. (МИА; № 35).
- Мошинская В.И.** Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 132 с.
- Окладников А.П., Мартынов А.И.** Сокровища Томских писаниц: Наскальные рисунки эпохи неолита и бронзы. – М.: Искусство, 1972. – 296 с.
- Панкрушев Г.А.** Мезолит и неолит Карелии. – Л.: Наука, 1978. – Ч. 2: Неолит. – 164 с.
- Панфилов А.Н.** Многослойное поселение Серебрянка-1 в Нижнем Приишимье: (Итоги полевых исследований). – Препр. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 1993. – 80 с.
- Посредников В.А.** О культурно-этнической принадлежности поселения Большой Ларьяк-2 и некоторых других памятников в таежном Приобье // Из истории Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1973. – Вып. 7. – С. 95–107.
- Потемкина Т.М.** Энеолитические круглоплановые святилища Зауралья в системе сходных культур и моделей степной Евразии // Мировоззрение древнего населения Евразии. – М.: Старый сад, 2001. – С. 166–256.
- Сериков Ю.Б.** Произведения искусства с восточного склона Урала // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – Вып. 24. – С. 127–150.
- Сериков Ю.Б., Чемякин Ю.П.** Каменный инвентарь белоярского поселения Барсова гора I/40 // Вопр. археологии Урала. – 1998. – Вып. 23. – С. 241–256.
- Соболев В.И.** Вознесенское городище – памятник середины II тыс. н.э. // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 179–150.
- Стефанов В.И., Кокшаров С.Ф.** Северное Зауралье накануне бронзового века // СА. – 1990. – № 3. – С. 44–63.
- Студзицкая С.В.** Изображение человека в мелкой пластике неолитических племен лесной зоны европейской части СССР // Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. – М.: Гос. Ист. музей, 1985. – № 60. – С. 100–118.
- Троицкая Т.Н., Соболев В.И.** Памятники железного века и позднего средневековья // Памятники истории и культуры Сибири. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 31–42.
- Труфанов А.Я.** Скульптура лошади из Среднего Прииртышья // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 109–111. – (Первобытное искусство).
- Усачева И.В.** К истокам мировоззрения древних уральцев (по материалам мелкой глиняной и кремневой пластики эпохи неолита – бронзы оз. Андреевского Тюменской области) // Вопр. археологии Урала. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1998. – Вып. 23. – С. 105–134.
- Фосс М.Е.** Культурные связи севера Восточной Европы во II тыс. // СЭ. – 1948. – № 4. – С. 29.
- Чалая Л.А.** Озерные стоянки Павлодарской области Пеньки-1, 2 // Поиски и раскопки в Казахстане. – Алма-Ата: Наука КазССР, 1972. – С. 163–181.
- Чемякин Ю.П., Карачаров К.Г.** Древняя история Сургутского Приобья // Очерки истории традиционного землепользования хантов: (Материалы к атласу) / О.Э. Балалаева, Э. Вигет, Е.М. Главацкая, Т.Н. Дмитриева, К.Г. Карачаров, Ю.П. Чемякин. – Екатеринбург: Тезис, 1999. – С. 9–67.
- Чернецов В.Н.** Наскальные изображения Урала. – М.: Наука, 1971. – 120 с.
- Шорин А.Ф.** Энеолитические культуры Урала и сопредельных территорий. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1999а. – 91 с.
- Шорин А.Ф.** Энеолит Урала и сопредельных территорий: проблемы культурогенеза. – Екатеринбург: Изд-во УрО РАН, 1999б. – 182 с.
- Юровская В.Т.** Классификация и относительная хронология археологических памятников эпохи бронзы на Андреевском озере у г. Тюмени // Вопр. археологии Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1973. – Вып. 12. – С. 3–20.

Материал поступил в редколлегию 24.05.04 г.

С.В. Шарапова*Институт истории и археологии УрО РАН
ул. Розы Люксембург, 56, Екатеринбург, 620026, Россия
E-mail: Svetlanasharapova@rambler.ru*

ТРАДИЦИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ И ОРНАМЕНТАЛЬНЫЕ СТИЛИ НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ*

Введение

Процесс исследования зауральских древностей в целом вписывается в общую тенденцию развития археологического знания, прошедшего на этом пути спекулятивно-гипотетическую и культурно-историческую стадии, а в настоящий момент находящегося на ступени научно-теоретического поиска, который характеризуется разнообразием методологических подходов [Trigger, 1989; Renfrew, Bahn, 1997]. Многие из них стали развиваться именно тогда, когда результаты интуитивного анализа не привели к решению поставленных задач, особенно на содержательном уровне [Корякова, 1988; Gibson, Woods, 1997], а обозначенные ранее вопросы потребовали привлечения нового аналитического аппарата [Шарапова, 2000].

Когнитивный подход к анализу материальной культуры разрабатывается в рамках интерпретационного направления постпроцессуальной археологии [Renfrew, Bahn, 1997]. Применительно к керамике он реализуется в изучении орнаментальных стилей [Rice, 1987]. По мнению И. Павлу, орнаментация, рисунок, стиль определяют информационный смысл керамики [Pavlu, 1996, p. 95] и отражают реалии материального, социального и ментального компонентов культуры. Основные элементы дефиниции стиля – разнообразие орнамента и его пространственно-

временное распространение. Понятие “стиль” имеет настолько широкое употребление, что словосочетания “орнаментальный стиль” и “стилистические особенности” керамики уже можно считать устоявшимися и в отечественной науке*.

В отечественной археологии формально-типологический метод, пожалуй, один из наиболее традиционных и имеет широкое практическое применение. Более того, для систематизации массового материала, к каковому принято относить каменные артефакты и древнюю глиняную посуду, он является одним из главных. Размеры, пропорции сосуда, форма шейки и венчика, состав теста, принцип обработки поверхности, орнаментация, техника нанесения узора, мотивы и композиции в той или иной мере продукт человеческой деятельности. Каждый элемент несет определенную функциональную (размер и толщина стенок сосуда), географическую (состав теста и связанный с ним способ обработки поверхности), мировоззренческую (семантика) нагрузку [Викторова, 1969].

В контексте изучения древней керамики типологический метод предусматривает анализ встречаемости узоров, их сочетания с деталями формы и построение на этой основе эволюционных рядов [Корякова, 1988, с. 90]. Он реализуется в целом ряде вариантов: от описания средствами бытового языка (яйцевидное тулово, бомбовидная форма и т.п.)

* Работа выполнена в рамках программы “Поселения и могильники раннего железного века на евразийском перекрестке” при поддержке INTAS (грант INTAS- 00-119).

* Аналитический обзор современных подходов к изучению древней керамики и методов исследования см. также: [Глушков, 1996; Шарапова, 2000]

до составления подробных программ по обработке керамики [Генинг, 1973; Корякова, 1988], основным функциональным критерием которых считается унифицированность и структурированность описательной процедуры. Впервые система описания керамики была предложена В.А. Городцовым [1901, 1922]. В ряде случаев, при отсутствии абсолютных датировок, типологический метод использовался при составлении культурно-хронологической шкалы древностей.

Важнейшие классификационные признаки типов керамики – специфические черты в технологии изготовления и форме посуды. Другим значимым материалом для ее классификации является орнамент, анализируемый по частям (техника и элементы орнамента, его расположение на сосуде) или в целом (композиция рисунка) [Стоянов, 1970]. Анализ носит формальный характер, поскольку сводится к выявлению сходства или различия элементов орнамента или композиций (преимущественно на интуитивном уровне) и совершенно не предполагает изучения их содержания и значения.

Разнообразие культурных типов керамики*

Типологический метод предполагает выявление не столько сходства, сколько различий. Это обстоятельство объясняет чрезвычайное разнообразие в научной литературе многочисленных дефиниций и культурных образований, а зачастую и типологическое несовпадение изучаемых коллекций. Попытки объединения многих типов керамики в рамках археологической культуры не сняли остроты существующих проблем [Матвеева, 1987, 1994]. Вариативность орнаментов, композиций рисунка гораздо больше, чем это можно определить типологически. Справедливости ради стоит отметить, что при всем многообразии керамических комплексов эпохи железа на интуитивном уровне многие исследователи отмечали некую их “похожесть”. А т.н. орнаментальная и морфологическая непрерывность [Корякова, 1993, с. 14] фиксируется на всех ступенях гончарного производства: в технологии изготовления, формообразовании и орнаментации. Все сосуды лепные, в большинстве случаев изготовлены способом ленточно-жгутового налета, обжиг – костровой. Их кон-

фигурация определяется тремя основными формами: вертикально-эллиптическое, шаровидное или горизонтально-эллиптическое тулово с округлым или слегка приостренным дном. Орнамент, представленный устойчивым набором элементов и композиций, располагается, как правило, на шейке, переходной части и на плечике. Некоторые емкости имеют орнаментированный венчик и днище, встречаются также и сосуды без орнамента.

В работе подобного рода едва ли возможно обойтись без характеристики керамических комплексов в соответствии с их изначальными дефинициями. Как известно, все многочисленные культурные образования и типы керамики были выделены в разное время на материале различных памятников, а системное освещение получили в трудах В.Д. Викторовой [1969] и В.Е. Стоянова [1970] (рис. 1).

Концом эпохи бронзы – началом раннего железного века принято датировать поселения с керамикой *носиловского типа*, ареал распространения которых охватывает среднее и нижнее течение р. Исеть, левобережье среднего Тобола. Им частично синхронны памятники *баитовского типа*, картографированные на средней и нижней Туре, правобережье Тобола, в Приишимье и датированные VII–IV вв. до н.э. [Викторова, 1969; Стоянов, 1970; Матвеева, 1987; Могильников, 1992]. Сосуды обоих типов имеют короткую прямую, иногда отогнутую, реже дуговидную шейку, как правило, с плоским срезом венчика. Ямочно-жемчужные мотивы, дополненные уголковыми вдавлениями, составляют композиции баитовской посуды (рис. 2, 1–3). Тот же самый узор в сочетании с поясками горизонтальных или вертикальных отрезков, выполненных оттисками гребенчатого штампа, зигзагом или решеткой, маркирует носилковскую керамику (рис. 2, 4, 7–9). В тесте сосудов присутствует значительная примесь песка.

VI–IV вв. до н.э. датирована В.Е. Стояновым [1970] керамика *воробьевского типа*, которая встречается на памятниках в Среднем Притоболье и на Исети. Характерная черта, фиксируемая на всех сосудах, – прямая массивная шейка и плоский срез венчика. В тесте значительна примесь талька, но часть керамики из тобольских коллекций отличается меньшим его содержанием и запесоченностью исходного сырья. Орнаменты, покрывающие верхнюю часть сосудов, выполнены в гребенчатой орнаментальной традиции: насечки, горизонтальные елочка или поясок из наклонных отрезков, на плечике – волнообразный рисунок проташенной гребенки или “качалки” (рис. 3, 1, 5).

Время бытования *иткульской* керамики совпадает с предложенной Г.В. Бельтиковой датировкой одноименного очага металлургии горно-лесного Зауралья (VII–III вв. до н.э.) [1997]. В тесте ощутимая

* В данную работу не включена гамаюнская керамика [Борзунов, 1992]. На исследованных нами базовых памятниках иногда встречаются ее отдельные фрагменты, но они, как правило, не связаны ни с одним из выявленных объектов, являясь своего рода примесью к основным керамическим комплексам эпохи железа.

примесь мелкотолченого талька. Сосуды имеют прямые наклонные шейки с плоским или округлым срезом венчика. Среди основных элементов орнамента – пояски вертикальных, горизонтальных, наклонных отрезков, нанесенных гребенчатым штампом (см. рис. 2, 5, 6, 10).

Гороховский тип дал название археологической культуре (V–II вв. до н.э.) после раскопок К.В. Сальниковым эпонимного городища [1940]. Ареал ее распространения очень обширен, и в самых общих чертах совпадает с территорией проживания населения, оставившего иткульскую и воробьевскую керамику. Самым изученным является, пожалуй, *саргатский тип*, ставший доминирующим в зауральской лесостепи в эпоху раннего железа с момента проникновения сюда саргатского населения [Корякова, 1988, 1993]. Гороховская керамика отличается от саргатской наличием обильной примеси крупнотолченого талька в тесте, меньшим разнообразием в орнаментации, некоей грубостью изготовления. Основные элементы орнамента, покрывающего верхнюю часть тулова, – горизонтальная елочка, зигзаг, пояски горизонтальных линий, иногда встречаются защипы (см. рис. 3, 2–4). Технические приемы однообразны: представлены резные и гребенчатые узоры. Типичные элементы саргатской орнаментальной традиции – фестоны, горизонтальная и вертикальная елочки, выполненные в резной технике или гладким штампом, реже – защипы (см. рис. 3, 6–8). Стоит добавить, что наличие неорнаментированной посуды характерно для керамики обоих типов. Более того, прослеживаются и общие морфологические черты: прямые слегка отогнутые шейки с плоским, заостренным или округлым венчиком.

Памятники с керамикой *кашинского типа* картографированы В.Д. Викторовой в среднем течении Туры и Исети [1969]. В относительной хронологии древностей Зауралья данный тип отнесен к концу раннего железного века*. Сосуды имеют сравнительно высокую, хорошо выраженную

* На Павлиновом городище (раскопки Зауральской лесостепной археологической экспедиции ИИиА УрО РАН) слои, содержащие кашинскую керамику наряду с саргатской, имеют радиоуглеродные даты в интервале II–I вв. до н.э.

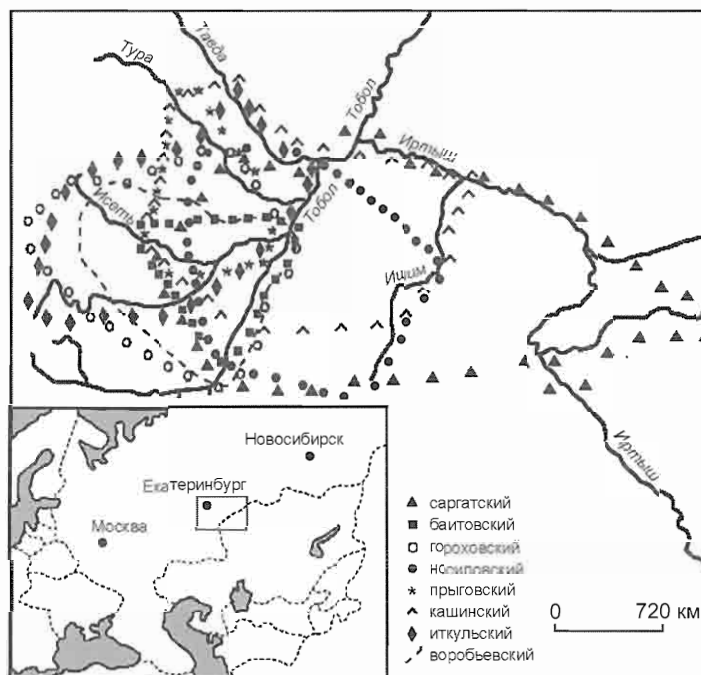

Рис. 1. Основные ареалы распространения зауральской керамики в раннем железном веке.

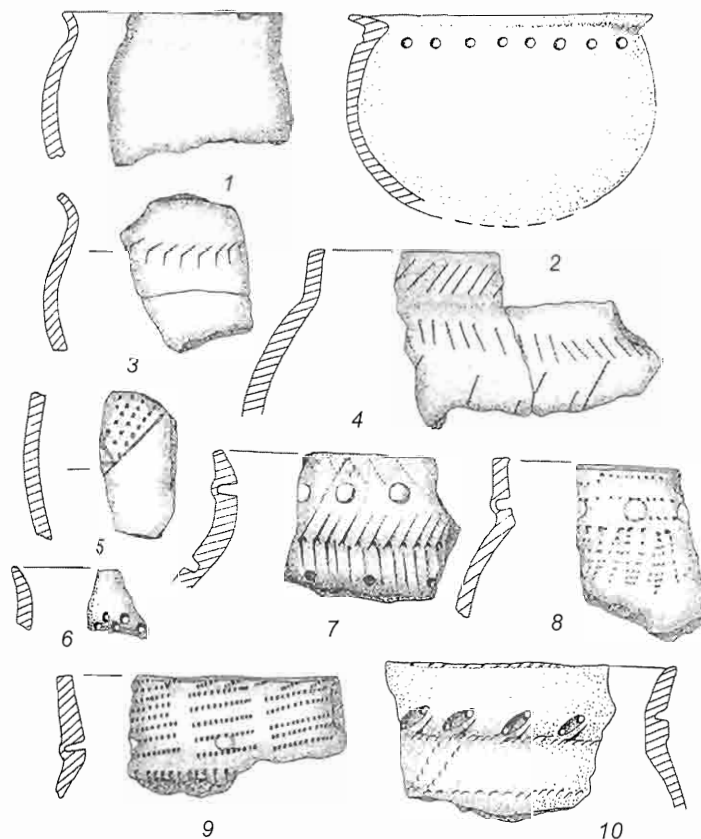

Рис. 2. Керамика баитовского (1–3), носиловского (4, 7–9) и иткульского (5, 6, 10) типов.

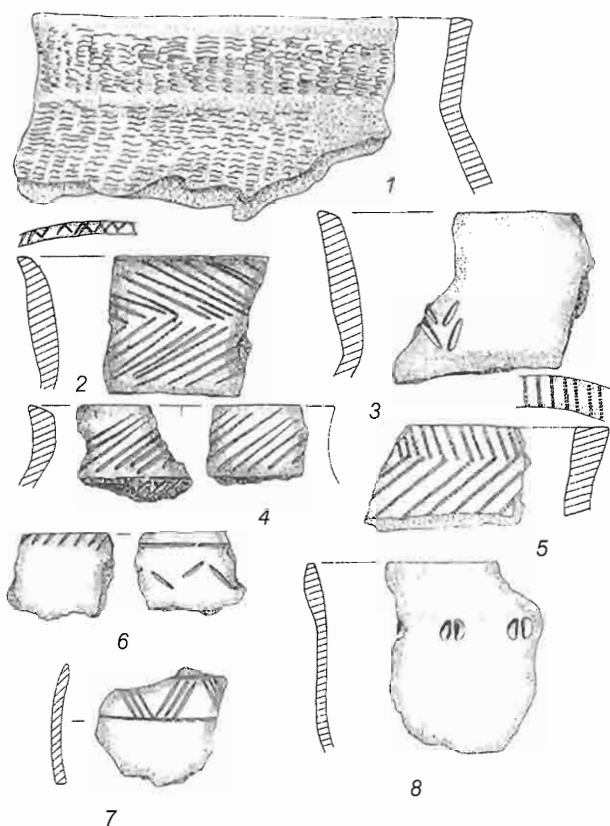

Рис. 3. Керамика воробьевского (1, 5), гороховского (2–4) и саргатского (6–8) типов.

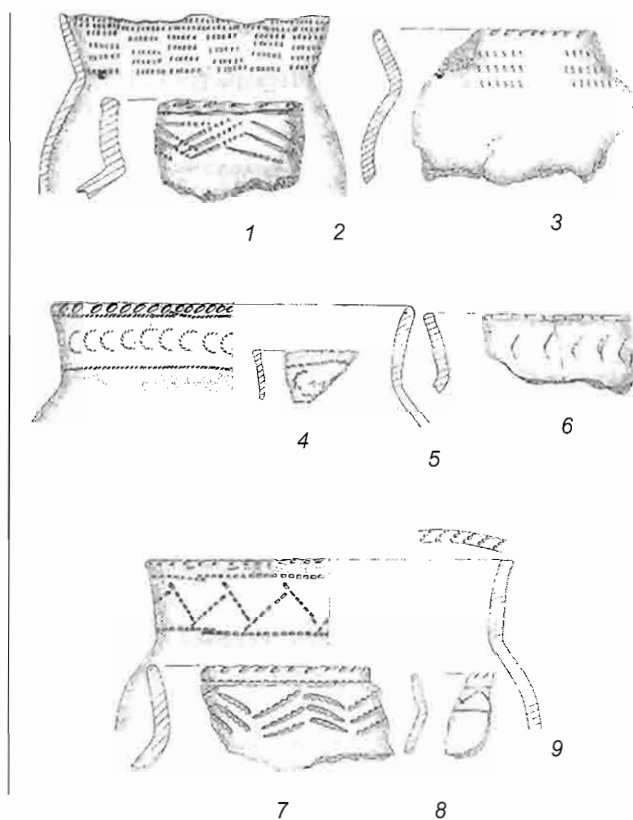

Рис. 4. Керамика прыговского (1, 4–9) и кашинского (2, 3) типов.

прямую или резко отогнутую наружу шейку, плоский срез венчика, горизонтально-эллиптическое или шаровидное тулово и круглое дно. В тесте присутствует примесь слюды, иногда песка. Украшалась верхняя треть тулова. Орнаментальные композиции выполнены отпечатками крупнозубого гребенчатого штампа, реже гладкого или резными линиями: вертикальные столбики, одно- и двухрядный зигзаг, поясик наклонных отрезков, нанесенных попарно, ограниченные пояском горизонтальных линий. По основанию шейки узор иногда подчеркивался линией (рис. 4, 2, 3).

Прыговский тип тесно связан с кашинским, являясь как бы его поздней модификацией. Ареал его распространения преимущественно охватывает бассейн Исети и Туры [Генинг, Позднякова, 1964; Викторова, 1969; Викторова, Кернер, 1988; Викторова, Морозов 1993]. В большинстве случаев сосуды имеют прямую или отогнутую шейку с четким ребром на внутренней стороне и плоский венчик. Орнаментом покрыта верхняя часть. Основные его элементы – горизонтальные пояски и заключенные между ними ряды подковок, выполненных крупновитым шнуром, а также горизонтального зигзага, наклонных отпечатков гребенчатого штампа (рис. 4, 1, 4–9).

Данные статистического анализа керамики

Часто упоминаемое многообразие зауральской керамики и соответствующие ему многочисленные типы вызывают естественную потребность объяснить это явление. Различные варианты объяснения зависят от методологической базы и теоретических посылок исследования. Один из таких вариантов предлагается в настоящей работе. Он определен задачами исследования и состоянием источников, которые представлены керамическими коллекциями восьми опорных памятников раннего железного века, раскопанных Уральской археологической экспедицией УрГУ и Зауральской лесостепной археологической экспедицией ИИиА УрО РАН: Лихачевского, Гороховского (Чудаки), Воробьевского, Павлинова, Прыговского, Байтовского городищ, Носиловского селища. Для сравнительного анализа также использовались материалы могильника Гаевский-1, поскольку они содержат целые сосуды, принадлежащие к основным рассматриваемым типам, к тому же происходящие из закрытых комплексов и, соответственно, хорошо датированные [Культура

зауральских скотоводов..., 1997, с. 64–85]. Керамические коллекции анализировались по трем блокам признаков:

1) морфологическому – рассматривались размеры, форма и профилировка посуды; поскольку на поселенческих памятниках целые сосуды либо отсутствуют, либо представлены единичными экземплярами, в большинстве случаев использовалась методика реконструкции по крупным шейкам и развалам;

2) стилистическому – там, где это возможно, исследовалась целостная система орнамента каждой из привлеченных коллекций и проводилось их сравнение;

3) технологическому – определялись и сравнивались составы исходного сырья и рецептуры формовочных масс.

Развернутая морфологическая характеристика невозможна без описания источника и основного контекста – археологического памятника. Однако таких всеобъемлющих публикаций почти нет, поскольку они требуют привлечения большого коллектива, включающего как авторов раскопок, так и специалистов смежных дисциплин. Справедливости ради стоит заметить, что данное упущение уже восполняется выходом в свет отдельных изданий [Культура зауральских скотоводов..., 1997; Daire et al., 2002]. Вкратце можно отметить, что в результате проведенного морфологического анализа изучаемых керамических комплексов совпадение параметров сосудов с предложенными ранее описаниями наблюдается по целому ряду характеристик. Небольшие расхождения, выявленные при расчетах средних значений, можно объяснить малочисленностью керамики некоторых типов (воробьевский, носиловский, отчасти кашинский) и, наоборот, представительностью других коллекций (материалы Байтовского и Прыговского городищ). Также новые данные на морфологическом уровне выделяют лишь отдельные локальные особенности, которые нивелируются при выявлении закономерностей. Так, например, в байтовской коллекции Лихачевского городища наблюдается явное преобладание слабопрофилированных сосудов почти баночных форм с дуговидной шейкой. Различная по технике нанесения орнамента прыговская гребенчатая и шнуровая керамика из слоя эпонимного памятника довольно однородна по всем формообразующим признакам [Шарапова, 2000].

Существенный недостаток традиционной методики – ограниченные возможности сравнительного анализа – может быть преодолен простейшими статистическими операциями. При этом основной посылкой является признание статистической природы закономерностей, проявляющихся в виде некоторых тенденций на определенном пространстве и опреде-

ленном отрезке времени. Другая посылка заключается в том, что, хотя керамика и привлекается практически для всех этнокультурных построений, она лишь отчасти может отражать этническую специфику. Для изучения вышеупомянутых закономерностей были использованы широко распространенные в археологии статистические методы определения различий между комплексами. Рассматриваемая выборка керамики включает 200 сосудов носилового типа, 604 – байтовского, 74 – иткульского, 89 – воробьевского, 180 – гороховского, 164 – саргатского, 11 – кашинского, 486 – прыговского типа, выделенных по шейкам и развалам из коллекций базовых памятников.

Путем расчета коэффициента различия по методу наименьших квадратов было проведено сравнение типов керамики по технике орнаментации и элементам узора:

$$\rho(Y_k, Y_l) = \sum_{i=1}^n \frac{(Y_{ki} - Y_{li})^2}{D_i},$$

где i – номер признака; k, l – номера коллекций; Y_{ki}, Y_{li} – частота встречаемости i -го признака в коллекциях k, l ; D_i – дисперсия распределения i -го признака [Корякова, 1988, с. 109].

Расчет коэффициентов различия проводился в два этапа. Сначала сравнение осуществлялось внутри каждого типа керамики. Сопоставлялись материалы памятников, причем их должно быть не менее трех. Поэтому на данном этапе были исключены кашинская и прыговская керамика, поскольку количество памятников с хорошим статистическим распределением не соответствовало этому требованию. Затем сравнивались все типы керамики между собой.

Данные статистических расчетов, проведенных в рамках первого этапа, указывают на некую однородность исетских керамических комплексов. Выявленные расхождения объясняются фрагментарностью некоторых коллекций. Относительно высокие коэффициенты различия получены для байтовской керамики Лихачевского городища; притобольские коллекции по абсолютным значениям этого показателя тяготеют к ишимским как по технике нанесения орнамента, так и по элементам узора.

Наиболее интересны результаты сравнения всех типов керамики между собой. Минимальные коэффициенты различия получены для следующих пар: иткульская и воробьевская, иткульская и кашинская, иткульская и прыговская, байтовская и иткульская, воробьевская и кашинская; а самые большие – для носиловской и гороховской, гороховской и прыговской, гороховской и кашинской керамики, что указывает на особое положение гороховского комплекса (рис. 5, 6).

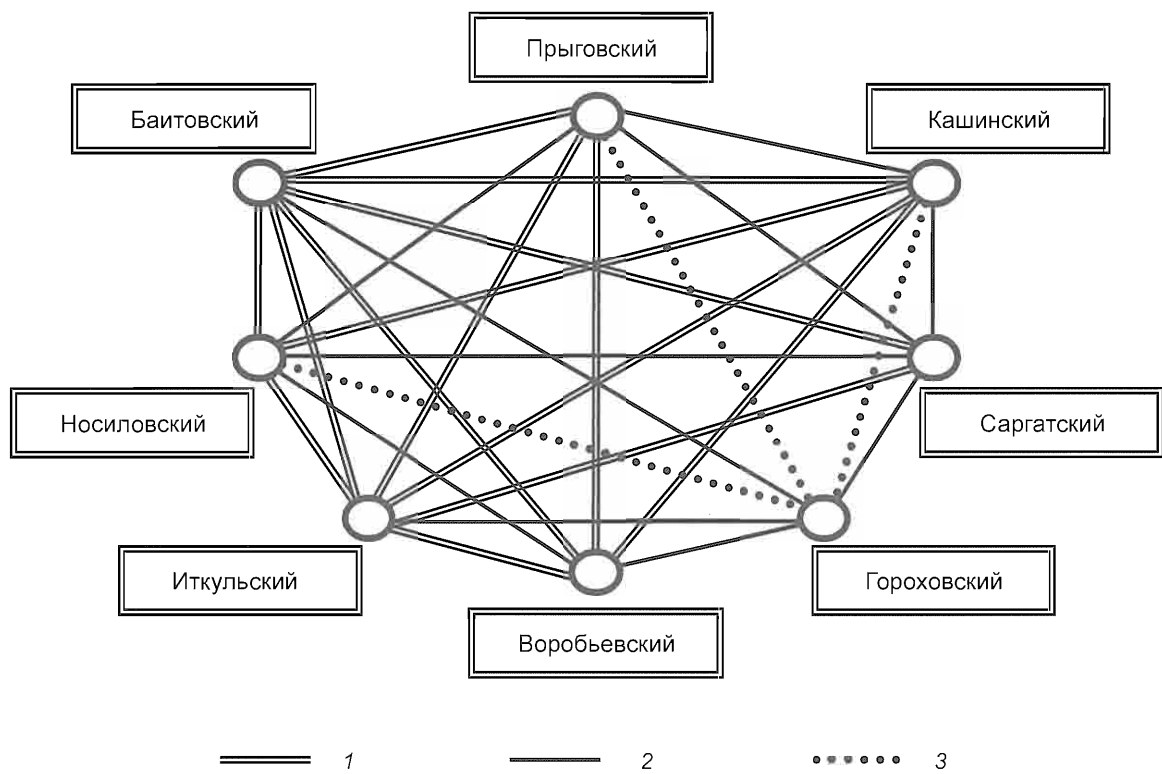

Рис. 5. Граф связей типов керамики по технике орнаментации.
 $1 - \rho = 13 \dots 57$; $2 - \rho = 58 \dots 102$; $3 - \rho > 103$.

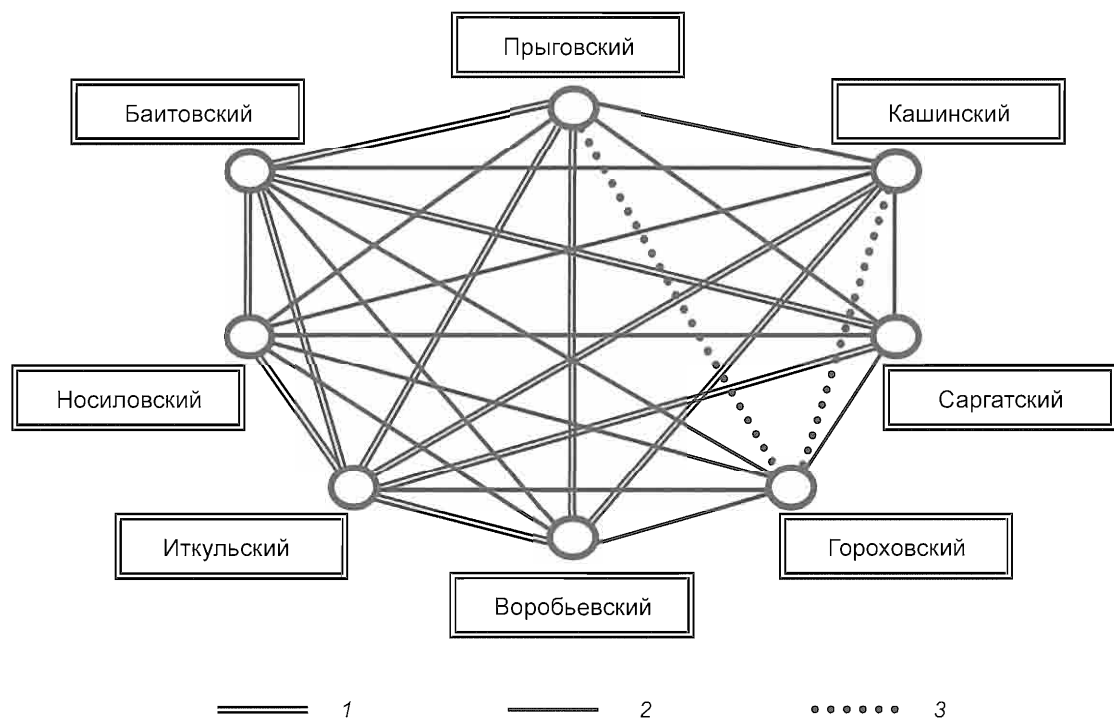

Рис. 6. Граф связей типов керамики по элементам узора.
 $1 - \rho = 28 \dots 58$; $2 - \rho = 59 \dots 97$; $3 - \rho > 98$.

В орнаментации зауральской керамики было выделено 45 основных элементов, вместе с вариантами 81 (рис. 7). Для каждого типа керамики вычислялась относительная встречаемость этих элементов и их сочетаний. Определенная близость рассматриваемых керамических комплексов наблюдается в распространении следующих элементов узора: горизонтальной елочки, наклонных отрезков или столбиков, по-разному сгруппированных ямок или жемчужин, уголковых вдавлений, наколов. Многие из них составляют основу орнаментальных композиций на керамике всех типов. Неорнаментированные сосуды есть практически в каждой коллекции, хотя для некоторых (носиловская, иткульская керамика) это скорее все же исключение, чем правило. С точки зрения техники нанесения орнамента наиболее характерными для всей керамики являются резные, накольчатые, ямочные и гребенчатые элементы, часто встречаются защипы и шнуровой узор. Последний, конечно же, на прыговской керамике. Достаточно широкое распространение имело совместное использование различных технических приемов.

Результаты расчета коэффициента корреляции указывают на то, что связь между всеми типами керамики по технике нанесения орнамента выражена сильнее, чем по элементам узора (табл. 1, 2). Это может указывать на глубину и стабильность технологических традиций.

Степень зависимости между техникой орнаментации и элементами декора определялась при помощи коэффициента корреляции рангов (Спирмена) r_s :

$$r_s = 1 - \frac{6 \sum d^2}{n(n^2 - 1)},$$

где $d = x_i - y_i$ – разность между рангами сопряженных значений признаков x и y ; n – число парных наблюдений или объем выборки [Лакин, 1988, с. 173].

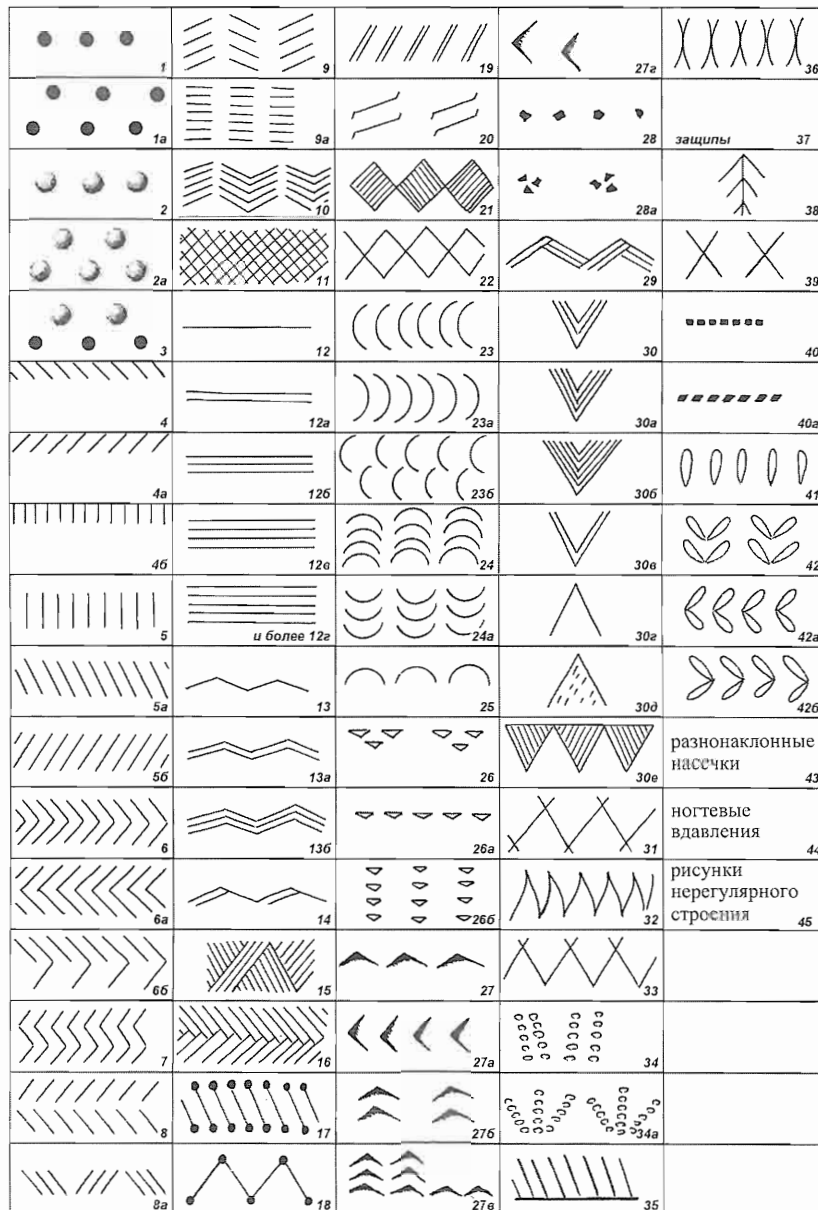

Рис. 7. Кодировка элементов орнамента.

Распределив полученные результаты по рангам, получаем, что наиболее высокий пятый ранг соответствует частоте встречаемости сопряженных признаков $> 0,86$; четвертый – от 0,56 до 0,85; третий – от 0,28 до 0,55; второй – от 0,06 до 0,27; первый – от 0,01 до 0,05; 0 – признак отсутствует.

Степень зависимости между техникой орнаментации и элементами декора достаточно высока – 0,799. Это, несомненно, свидетельствует о том, что в Зауралье существовали устойчивые представления, связывающие определенные элементы орнамента с определенными техническими приемами и орудиями.

Таблица 1. Коэффициенты корреляции типов керамики по элементам узора

Номер типа керамики	1. Носиловский	2. Баитовский	3. Иткульский	4. Воробьевский	5. Гороховский	6. Саргатский	7. Кашинский	8. Прыговский
1	1,000	0,102	0,356	0,058	0,133	0,096	-0,115	-0,064
2		1,000	0,062	-0,030	0,549	0,932	-0,099	0,270
3			1,000	0,463	0,596	0,159	0,023	0,019
4				1,000	0,588	0,016	-0,091	-0,153
5					1,000	0,480	-0,120	-0,091
6						1,000	-0,062	0,367
7							1,000	0,502
8								1,000

Таблица 2. Коэффициенты корреляции типов керамики по технике орнаментации

Номер типа керамики	1. Носиловский	2. Баитовский	3. Иткульский	4. Воробьевский	5. Гороховский	6. Саргатский	7. Кашинский	8. Прыговский
1	1,000	0,164	0,771	0,715	0,185	0,017	0,842	0,611
2		1,000	-0,017	-0,059	0,299	0,592	-0,064	-0,078
3			1,000	0,932	0,239	0,041	0,940	0,865
4				1,000	0,509	0,185	0,873	0,797
5					1,000	0,806	0,173	0,162
6						1,000	0,813	0,014
7							1,000	0,798
8								1,000

Зона распространения таких представлений охватывала обширную территорию от среднего течения Исети на западе до Тоболо-Ишимья на востоке. По степени близости выделяются две группы памятников, связанных большим сходством и по элементам, и по технике нанесения орнамента. Первая включает Носиловское, Воробьевское, Гороховское (Чудаки), Павлиново, Прыговское городища и могильник Гаевский-1, во вторую вошли Лихачевское и Баитовское городища. Очевидно, что в основе такого распределения лежит фактор территориальной удаленности. Памятники, для которых получены самые большие значения коэффициента различия, территориально далеки.

Технологический метод анализа керамики и его возможности

Длительное время в зауральской археологии технологические особенности керамики изучались главным образом визуальным способом. Из всего процесса изготовления посуды исследователи обращали внимание на такие моменты, как характер глины, состав теста, способы лепки, обработка поверхности, обжиг. Появившиеся в последнее время работы, посвященные отдельным культурам и коллекциям [Васильева, 1999; Глушков, 1996; Корякова,

Федоров, 1993; Салугина, 1999], позволяют реконструировать традиции древнего гончарного производства.

Изучение технологии изготовления археологической керамики базируется на бинокулярной микроскопии. Для определения состава исходного сырья и формовочных масс использовалось 16-кратное увеличение (технично-технологический анализ выполнен Н.Р. Тихоновой). Были исследованы 25 фрагментов носиловской керамики, 21 – воробьевской, 24 – баитовской, 18 – саргатской, 19 – гороховской, 9 – прыговской и 3 – кашинской.

Определялись характер исходного сырья, его т.н. пирометрические особенности (ожелезненное – нежелезненное) и степень запесоченности. Изучался качественный состав минеральных и органических добавок в формовочной массе. Определялась концентрация минеральных примесей и размер частиц. По возможности исследовался качественный состав шамота. Как известно, шамот – это старые дробленые сосуды, поэтому информация такого рода позволяет выявлять своеобразные временные цепочки существования различных рецептов формовочных масс и их устойчивые составы. Присутствие органических примесей определялось по наличию остатков растительного происхождения и различных пустот от жидкой составляющей органического вещества. К сожалению, в ряде случаев следы

органики на фрагментах не очень четкие, лишь по крупным отпечаткам можно предположить, что использовался навоз или его выжимка.

Исследуемая выборка распадается на три технологические (?) группы: носиловско-баитовскую, воробьевско-гороховскую и саргатско-прыговскую. В первой преобладает запесоченная глина. Соотношение черепков практически без примеси песка в исходном сырье и с высоким его содержанием приблизительно одинаковое. Тем не менее баитовским фрагментам более свойственна сильная запесоченность. Следует отметить появление искусственной примеси песка, обнаруженной в носиловских и баитовских черепках в соотношении 6 : 1. Помимо песка добавлялись шамот и дресва, которая представлена преимущественно тальковым сланцем, последняя в традиционных пропорциях – 1 : 5 или 1 : 6. Частицы шамота иногда также содержат тальковую дресву.

В тобольских коллекциях практически не выявлены искусственные примеси. В редких случаях удалось зафиксировать незначительное содержание талькового сланца пылевидной структуры. Очень невыразительны органические примеси. Не исключено, что единичные включения органики в глине имеют естественную природу.

Исходным сырьем для гороховской и воробьевской керамики служила преимущественно запесоченная глина. Содержащийся в ней прозрачный кварцевый песок, как правило, микроскопических размеров (0,5–0,9 мм). В нескольких случаях выявлены мелкие фракции обломочного бурого железняка. Обращает на себя внимание устойчивая традиция составления формовочных масс по рецепту глина + дресва + органика. В качестве дресвы использовался равномерно измельченный тальковый сланец в соотношении 1 : 3 и 1 : 4. В гороховских черепках содержится шамот с примесью талька.

Для изготовления саргатской керамики использовали практически незапесоченную глину. Состав формовочных масс устойчивый: глина + шамот + органика. Шамот некалиброванный, его частицы довольно крупных размеров (до 4 мм). Органические примеси очень низкой концентрации. Наличие фрагментов с дресвой вместо шамота в составе формовочных масс отражает затухающую традицию изготовления керамики по рецепту глина + дресва + органика.

Из-за малочисленности кашинского керамического комплекса едва ли можно уверенно говорить о каких-либо закономерностях в технологическом процессе. В качестве естественной примеси к глине выявлен прозрачный кварцевый песок микроскопических размеров (0,5–0,9 мм). В глиняное тесто добавляли тальковый сланец и шамот в пропорции соответственно 1 : 6 и 1 : 5. Мелкие частицы шамота

содержат тальк. Органика средней концентрации. В целом технологические особенности кашинской керамики близки гончарным традициям горно-лесного Зауралья.

Большинство прыговских сосудов изготовлено из глины практически без примеси песка, приблизительно треть – из сильно запесоченной. В ряде случаев в составе исходного сырья обнаружены фракции бурого железняка. Выделяется устойчивая традиция составления формовочных масс по рецепту глина + шамот + органика. Интересно, что шамот имеет аналогичный состав. В ряде случаев обнаружена примесь дресвы в пропорциях 1 : 5, 1 : 6, 1 : 7. В горно-лесном Зауралье тальковый сланец в таком соотношении встречается в природной глине как естественная примесь.

Разная степень сохранности сосудов изучаемых коллекций и отсутствие экспериментальной составляющей метода не позволили получить условно полную информацию, которую принято выделять в соответствии с естественной структурой гончарного производства [Корякова, Федоров, 1993]. Можно лишь отметить, что выявленные в ходе технологического анализа физические характеристики дресвы в составе формовочных масс – тальк очень хрупкий – указывают на обжиг при температуре свыше 500 °С, т.к. с потерей влаги, что происходит при температуре 500 °С, утрачивается пластичность талька.

Модель развития орнаментальных стилей и стереотипы гончарных навыков зауральского населения

Полученная информация и результаты источниковедческого анализа позволяют проследить развитие навыков в гончарстве, преемственность в хронологическом отношении различных групп древнего населения, исследовать процессы смешения носителей разных культурных традиций. Предлагаемая ниже модель развития керамических традиций в раннем железном веке основана преимущественно на данных технологических исследований и экспериментальной археологии [Бобринский, 1978; Корякова, Федоров, 1993; Глушков, 1996; Волкова, 1996; Шаропова, 2000]. Стоит, однако, заметить, что подобное рассмотрение технологии производства, морфологических признаков и орнаментации зауральской керамики было предпринято впервые, поэтому не все выводы окончательны и исчерпывающи. Технологический анализ проводился в разное время на материале памятников, при исследовании которых ставились иные задачи. Все же, как кажется, удалось зафиксировать направление и тенденцию развития гончарных навыков в раннем железном веке.

Зауральская керамика демонстрирует специфические черты, которые проявляются в основном в приспособительных технологических традициях. Начальная стадия железного века характеризуется значительной распространенностью способа изготовления сосудов по рецепту глина + дресва + органика, позднее эта традиция затухает и устойчивым становится рецепт глина + шамот + органика. Свидетельством тому является немногочисленность керамики с примесью дресвы в составе формовочных масс и присутствие ее в шамоте.

Результаты сопоставительного анализа элементов декора и техники его исполнения указывают на существование по крайней мере трех орнаментальных традиций, которых придерживались при изготовлении зауральской лесостепной керамики, – ямочно-накольчатой, гребенчатой (гребенчато-шнуровой) и резной, охватывающих значительную территорию и широкий хронологический диапазон [Шарапова, 1999; Sharapova, 1998]. Эти традиции представляют сложную систему, включающую технологию, формообразование и орнамент [Корякова, 1988, с. 92], а их развитие было обусловлено различными факторами.

Принимая во внимание статистически полученный вывод о корреляционной связи техники орнаментации и элементов узора, устойчивость декоративных и технологических традиций, а также стратиграфическое соотношение типов керамики на опорных памятниках, можно выделить три основных орнаментальных стиля, определяющих облик зауральской керамики раннего железного века: т.н. исетский, тобольский и уральский [Sharapova, 1999]. Каждый из них охватывает разные типы керамики и линии развития, которые в территориальном и хронологическом отношении могут частично совпадать либо существенно расходиться.

Исетский орнаментальный стиль предполагает преобладание гребенчатых элементов с незначительным включением ямочных. Им объединяются иткульская, воробьевская, носилковская керамика. Развитие других компонентов материальной культуры носителей этой традиции определялось т.н. исетской ассоциацией, ведущая роль в которой принадлежала иткульскому очагу металлургии [Корякова, 1991]. Формирование исетского стиля следует связывать с процессом сложения гончарных традиций на основе местных межовско-бархатовских [Там же] или межовско-березовских [Стоянов, 1970] комплексов эпохи поздней бронзы. Еще одна линия развития представлена древностями гороховского круга, испытавшими сильное влияние кочевого мира, в орнаментальных композициях которых доминируют резные узоры [Таиров, 1991]. В сложении этих традиций Л.Н. Корякова [1991] существенную роль отводит местному населению, принадлежавшему

исетской ассоциации, но имевшему саргаринско-межовские корни. Появление гороховской культуры не только не изменило существенным образом широту связей, которые диктовались иткульским очагом металлургии, но и положило начало культурной нивелировке [Там же], с чем и связана высокая типологическая вариативность керамики.

В формировании гончарной технологии также прослеживаются две линии. С одной стороны, наблюдается устойчивая традиция использования запесоченной глины в качестве исходного сырья, с другой – наличие дресвы в рецептуре формовочных масс.

Тобольский орнаментальный стиль представлен ямочно-жемчужным декором, наиболее выразительным на баитовской посуде. Вероятно, ареал его распространения охватывает и бассейн Ишима. В основе этого стиля бархатовские традиции при участии сузгунского компонента, который и определил преобладание лесных ямочных узоров [Корякова, 1993]. Баитовские стереотипы орнаментации и технологии изготовления керамической посуды сохранялись до V–III вв. до н.э. [Культура зауральских скотоводов..., 1997, с. 142]. Начиная с этого времени происходит смена традиций на саргатские, закрепившиеся надолго.

“Уральский” орнаментальный стиль маркируют гребенчатый и шнуровой декор. Название этого стиля в силу недостаточной изученности шнуровой керамики в Зауралье на сегодняшний день следует считать условным. Преобладает традиция изготовления керамической посуды из практически незапесоченной глины, тем не менее еще наблюдается использование исходного сырья с высоким содержанием песка. При всем разнообразии примесей в формовочной массе основной следует считать шамот, который является традиционным, в особенности для саргатской керамики. Характер приспособительных навыков (отбор исходного сырья, составление формовочной массы и т.д.) позволяет высказать предположение о смешении различных групп населения или, по крайней мере, о том, что носители саргатской культуры унаследовали гончарные навыки от предшествующих поколений гончаров, имевших местные корни. Видоизменяясь, традиции саргатского населения определяли стереотипы гончарства практически по всей территории лесостепного Зауралья.

Очевидно, ни один из орнаментальных стилей не существовал изолированно; наблюдается глубокая взаимосвязь и некое постоянство. Более того, на протяжении практически всего раннего железного века исетский стиль был доминирующим и во многом определял развитие традиций изготовления керамики. К рубежу эр сформировался новый комплекс, который маркируется шнуровым орнаментом.

Таким образом, на ранней стадии железного века в Зауралье орнаментальные традиции определялись двумя основными стилями – исетским и тобольским (носиловско-баитовская и воробьевско-гороховская технологические группы). Население, занимавшее обширные просторы лесостепной зоны, очевидно, было родственным. Оба стиля продолжали местные орнаментальные и гончарные традиции, идущие от эпохи бронзы. Смещение разнородных черт, нашедшее отражение в керамической посуде, было обусловлено общей генетической основой и развитием в условиях близкого соседства [Стоянов, 1970].

Формирование гончарных навыков носителей исетского стиля сопровождалось взаимодействием традиций исетской (иткульской) ассоциации и гороховской линии развития. Тобольский стиль, испытавший саргатское влияние, послужил основой для сложения бакальских гончарных стереотипов [Могильников, 1987, с. 187].

Продвижение саргатских племен на запад привело к окончательной нивелировке различных аспектов материальной культуры исетской (иткульской) ассоциации и гороховского населения. Процесс ассимиляции не сломал системы существовавших связей, а “орнаментальная и морфологическая непрерывность” явилась причиной появления переходных типов керамики и пестроты традиций ее изготовления [Корякова, 1991]. Ближе к рубежу эр в недрах исетского орнаментального стиля при участии саргатской линии развития сложился новый комплекс. Связи иткульского очага с носителями ананьинской культуры [Бельтикова, 1997] обусловили проникновение в местную среду некоторых ее элементов. Одним из составных компонентов следует также считать кашинский тип керамики – результат иткульско-саргатского синтеза [Викторова, 1969; Корякова, 1988, 1993].

Заключение

Впервые за последние десятилетия зауральская лесостепная керамика раннего железного века явилась предметом специального научного интереса, что позволило, с одной стороны, обратиться к “старым проблемам” на новом уровне, с другой – поставить новые вопросы, возникшие в ходе решения “старых” задач. При этом стратегия исследования предусматривала последовательность и непрерывность работы с источником с момента его получения до полной обработки.

Результаты статистического анализа керамики, проведенного различными методами, позволили определить основные стереотипы гончарных навыков населения Зауралья. Предложенная концепция стиля,

не отрицая права на существование типов керамики, которые необходимы в типологических построениях (при условии строгого соответствия начальным определениям), дала возможность свести их к трем совокупностям, что более удобно для ареальных и культурологических исследований.

Выявленные технологические особенности изготовления керамики дают основание предположить смещение населения, которое, помимо прочего, имело сходные орнаментальные традиции. Использование одного и того же сырья на протяжении длительного времени, вероятнее всего, обусловило устойчивость связанных с этим гончарных навыков и сходство их у носителей разных традиций. Малочисленность выборки не позволяет однозначно ответить на вопрос: влияет ли изменение орнамента на смену производственных стереотипов. Однако уже сейчас можно говорить о их взаимосвязанности.

Благодарности

Считаю своим долгом выразить благодарность всем участникам полевых и камеральных работ, чья бескорыстная помощь обеспечила археологическое сообщество многочисленными керамическими коллекциями, Л.Н. Коряковой и А.А. Ковригину за ценные рекомендации в ходе исследования, а также рецензентам за их позитивную критику и комментарии, несомненно улучшившие рукопись.

Список литературы

- Бельтикова Г.В.** Зауральский (иткульский) очаг металлургии (VII–III вв. до н.э.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1997. – 23 с.
- Бобринский А.А.** Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. – 272 с.
- Борзунов В.А.** Зауралье на рубеже бронзового и железного веков (гамаюнская культура). – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1992. – 188 с.
- Васильева И.Н.** Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. – 1999. – Вып. 3. – С. 191–216.
- Викторова В.Д.** Археологическая карта бассейнов рр. Туры и Тавды: Опыт систематизации и периодизации археологических памятников: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Свердловск, 1969. – 20 с.
- Викторова В.Д., Кернер В.Ф.** Памятники эпохи железа у озера Осинового // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – С. 129–141.
- Викторова В.Д., Морозов В.М.** Среднее Зауралье в эпоху позднего железного века // Кочевники урало-казахстанских степей. – Екатеринбург: УИФ “Наука”, 1993. – С. 173–192.
- Волкова Е.В.** Гончарство фатьяновских племен. – М.: Наука, 1996. – 117 с.

- Генинг В.Ф.** Программа статистической обработки керамики из археологических коллекций. // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.
- Генинг В.Ф., Позднякова М.К.** Прыговское городище на реке Исети // Вопр. археологии Урала. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1964. – С. 34–71.
- Глушков И.Г.** Керамика как археологический источник. – Новосибирск: Наука, 1996. – 327 с.
- Городцов В.А.** Русская доисторическая керамика // Тр. I археологического съезда в Киеве. – М., 1901. – Т. 1. – С. 576–672.
- Городцов В.А.** К выявлению древнейших технических приемов гончарного дела // Казанский музейный вестник. – 1922. – № 2. – С. 178–187.
- Корякова Л.Н.** Ранний железный век Зауралья и Западной Сибири (саргатская культура). – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1988. – 240 с.
- Корякова Л.Н.** Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция в начале железного века). – Препр. – Екатеринбург, 1991. – 52 с.
- Корякова Л.Н.** Культурно-исторические общности Урала и Западной Сибири (Тоболо-Иртышская провинция на ранней и средней стадиях железного века): Дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1993. – 72 с.
- Корякова Л.Н., Федоров Р.О.** Гончарные навыки зауральского населения в раннем железном веке (по материалам Ипкульского могильника) // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. – Екатеринбург: УИФ “Наука”, 1993. – С. 76–96.
- Культура** зауральских скотоводов на рубеже эр: (Гаевский могильник саргатской общности: антропологическое исследование) / В.А. Булдашев, А.А. Ковригин, Л.Н. Корякова, П.А. Косинцев, П. Курто, Г.И. Махонина, Д.И. Ражев, Ж.-П. Потро, С.В. Шаропова. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – 180 с.
- Лакин Г.Ф.** Биометрия. – М.: Высш. шк., 1988. – 293 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Среднего Приобья: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1987. – 21 с.
- Матвеева Н.П.** Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 150 с.
- Могильников В.А.** Угры и самодийцы Урала и Западной Сибири // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1987. – С. 163–235.
- Могильников В.А.** Лесостепь Зауралья и Западной Сибири // Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 274–311.
- Салугина Н.П.** Технологический анализ керамики из памятников раннего бронзового века Южного Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. – 1999. – Вып. 3. – С. 20–39.
- Сальников К.В.** Три года работы на городище Чудаки // КСИИМК. – 1940. – Вып. 5. – С. 69–71.
- Стоянов В.Е.** Классификация и периодизация западно-сибирских лесостепных памятников раннего железного века // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1970. – С. 238–253.
- Таиров А.Д.** Ранние кочевники Южного Зауралья в VII–II веках до новой эры: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1991. – 21 с.
- Шаропова С.В.** Керамика и основные орнаментальные стили раннего железного века зауральской лесостепи // XIV Уральское археологическое совещание: Тез. докл. – Челябинск, 1999. – С. 146–148.
- Шаропова С.В.** Керамика раннего железного века лесостепного Зауралья (опыт статистического анализа): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Ижевск, 2000. – 27 с.
- Cunliffe V.** Iron Age communities in Britain. – L.: Routledge & Kegan Paul, 1974. – 439 p.
- Daire M.-Y., Courtaud P., Gonzalez E., Koryakova L., Kovrigin A., Languet L., Marguerie D., Razhev D., Sharapova S.** Habitats et nécropoles de l'Age du Fer au carrefour de l'Eurasie. – P.: Boccard, 2002. – 280 p.
- Gibson A.M., Woods A.** Prehistoric pottery for Archaeologists. – L.; Washington: Leicester University Press, 1997. – 302 p.
- Pavlu I.** Pottery origins. – Praha: Karolinum, 1996. – 181 p.
- Renfrew C., Bahn P.** Archaeology: theories, methods and practice. – L.: Thames and Hudson, 1997. – 608 p.
- Rice P.M.** Pottery analysis: A sourcebook. – Chicago: Chicago University Press, 1987. – 421 p.
- Sharapova S.V.** The Iron Age pottery decorative styles in the Transurals // 4th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists: Abstracts. – Göteborg: Göteborg Länstryckeri AB, 1998. – P. 146–147.
- Sharapova S.V.** Ceramics of the Transurals: typological variability and stylistic variations // 5th Annual Meeting of the European Association of Archaeologists: Abstracts. – Bournemouth: Bournemouth University, 1999. – P. 185.
- Trigger B.G.** A history of archaeological thought. – Cambridge: Cambridge University Press, 1989. – 270 p.

Материал поступил в редколлегию 25.03.04 г.

А.П. Бородовский*Институт археологии и этнографии СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: bronz@us.nsc.ru***ФАРН СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В СИБИРИ
И ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ РОГА****Введение**

В мировой культуре с глубокой древности рога имели сложное семантическое значение [Тресиддер, 1999, с. 305–307]. Они были знаками могущества, мужественности, плодovitости и верховной власти, атрибутом первобытных богов, служителей культа, шаманов, правителей, героев и воинов. Рог олицетворял боевой мужской дух и фаллическую силу, а также символизировал плодородие, процветание и мужскую плодovitость. Отчасти это было связано с естественно-природными особенностями жизнедеятельности рогатых животных. Вероятно, издавна было известно, что безрогое копытное животное имело, как правило, очень плохие шансы оставить после себя потомство.

Особым символом солнца являлись рога барана – атрибут образа Амона, верховного египетского бога. Именно такие изогнутые рога Александр Македонский после возведения его египетскими жрецами в сан Сына Амона взял в качестве символа своей власти. В Средней Азии в ахеменидскую эпоху бараньи рога и сама голова барана являлись фарном царствующего рода [Негматов, 1987, с. 52]. На севере Средней Азии у кочевых и полукочевых ираноязычных племен фарн в образе барана появился значительно раньше, чем у соседних оседлых сасанидов [Литвинский, 1968], – в эпоху раннего железа, во второй половине I тыс. до н.э. Превращение изображений животных в символы зороастрийских божеств произошло только в эллинистический период. При Шапуре II (309–379 гг. н.э.) образ барана (символ бога – фарна) приобрел каноническую форму

[Луконин, 1969, с. 95–97]. По мнению Н.Н. Негматова, изображение барана присутствовало не только в храме или дворцовом интерьере, он был неизменным спутником сака и сармата всюду – в быту и сражениях, в земной и загробной жизни. Почитание фарна было широко распространено от Центральной Азии до Северного Причерноморья [Кузьмина, 1976, с. 60]. На т.н. скифских бронзовых котлах, в ареал которых входят Фергана, Южный Урал, Поволжье, Крым, достаточно часто запечатлен козел или баран. Эти изображения на навершиях кинжалов, ножей, окончаниях гривен несли определенную магическую нагрузку. Возможно, они не только имели значение “оберега и покровителя”, но и считались символами “обилия и плодородия”. Севернее этого ареала, в Приишимско-Прииртышской лесостепи, известны ритуальные каменные плиты с изображением головы барана, которые связывают с носителями саргатской культуры второй половины I тыс. до н.э. [Археологическое наследие..., 1995, с. 186, 190, рис. 41, 8]. На верхней Оби и Горном Алтае в скифское время изображения горного барана-архары получили очень широкое распространение. У индоевропейских народов горный козел теке являлся воплощением чистоты и был жертвенным животным [Йетмар, 1986, с. 227]. Фигуры козлов теке на некоторых бронзовых курительницах из Семиречья, датируемых второй половиной I тыс. до н.э., вполне могут интерпретироваться как “вестники”, идущие впереди основной жертвы. В практике скотоводства этот вид животных является лидером в стаде [Бородовский, 1986]. Поэтому деревянные имитации рогов горного козла теке вряд ли случай-

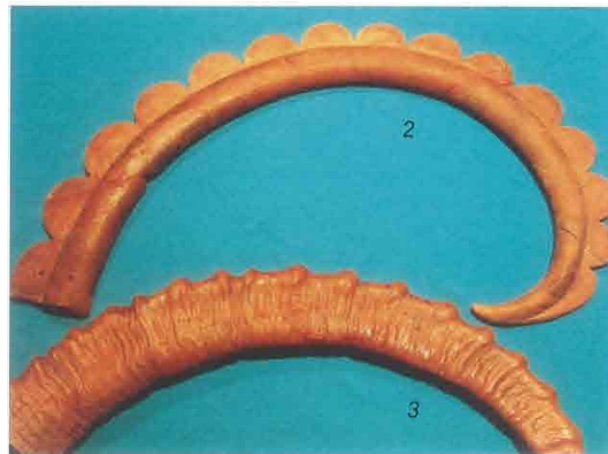

Рис. 1. Изображение поверхности фактуры рогового чехла горного барана (1), деревянная имитация рога горного козла теке (2), натуральный роговой чехол горного козла (3).
По материалам Берельского некрополя (раскопки З.С. Самашева).

но входили в состав убранства лошадей, сопровождающих погребения знатных кочевников в Туэктинских, Башадарских [Руденко, 1960, с. 111, табл. XXXXVIII, LXX, LXXII] и Берельских курганах [Самашев и др., 2000, с. 30] (рис. 1, 2). Следует подчеркнуть, что лошади с этим убранством явно намеренно были размещены впереди остальных животных [Там же, с. 12–13]. Такие детали погребального сюжета отражены в петроглифах на среднем Енисее (Тепсей IV). На них козлиный рог показан непропорционально крупным [Ковтун, 2001, с. 166, табл. 114, 3].

Изображение рогов козлов и баранов в эпоху раннего железа

Территория южной части Западной Сибири отличается разнообразием ландшафтных и климатических зон, что, безусловно, является одним из благоприятных факторов для распространения и концентрации различных видов животных, дающих роговое сырье. С конца 50-х гг. прошлого столетия в археологической и биологической литературе предпринимаются попытки идентификации и районирования таких животных по изображениям рогов животных, запечатленных в сибирских петроглифах [Скалон, Хороших, 1958, с. 441–446; Биология..., 1986, с. 31, 34]. Исследователи по-разному оценивают возможности такого подхода. Так, Я.А. Шер подвергает сомнению достоверность наскального изображения животного, поскольку оно имеет искажения и деформации, характерные для определенного культурно-исторического периода и региона. Как счи-

тает исследователь, в документальном изображении специалист-зоолог установит видовые черты животного, но археолог их не увидит. Чем шире был ареал животного и образа в древнем искусстве, тем было больше расхождений между наскальными и документальными изображениями [Шер, 1980, с. 28].

Тем не менее, в начале 70-х гг. XX в. при реконструкции ареала сибирских горных козлов такой подход был успешно использован специалистами-зоологами на территории Горного Алтая [Собанский, Ешелкин, 1975, с. 12–15; Собанский, 1992, с. 202]. Эти исследователи исходили из того, что люди изображали животных либо непосредственно там, где те обитали, либо там, где на них охотились и было удобно “рисовать”. Таким образом по местонахождениям древних петроглифов они определяли территорию расселения животных. Высокая концентрация наскальных изображений горных козлов характерна для мест, где эти животные обитают и ныне. Это плато Укок, северные склоны Южно-Чуйского хребта, хребет Сайлюгем и урочища Бар-Бургазы, Бугузун на склонах хребта Чихачева. Современные ареалы сибирских горных козлов, как правило, совпадают с территориями размещения наскальных изображений этого животного [Собанский, 1992, с. 203, рис. 19]. По мнению Г.Г. Собанского, ок. II тыс. л.н. распространение горных козлов на Алтае, во-первых, было не сплошным, а “островным”; во-вторых, северная граница ареала этого вида животных не доходила до предгорий. Согласно этой реконструкции, в древности в бассейне Катунь горные козлы обитали почти до слияния рек Катунь и Чемала. Петроглифы с изображением горных козлов, обнаруженные

автором у с. Мыюта в среднем течении р. Семы (Мыюта-3) [Бюллетень..., 2004, с. 27], и роговая поясная пластина с аналогичными образами из могильника скифского времени Барангол-1 (нижняя Катунь) позволяют существенно уточнить северную границу ареала этих животных. На верхней Оби за пределами ареала этого животного его изображения широко распространены в металлопластике Новосибирского, Миловановского и Новотроицкого некрополей, датируемых второй половиной I тыс. до н.э. (рис. 2, 3).

Аргали, судя по распространению ископаемых останков, еще в эпоху среднего палеолита обитали в Верхнем Приобье на широте современного г. Барнаула [Сопин, 1975, с. 273–274]. По петроглифам с их изображениями можно сделать вывод о распространении аргали в III–II тыс. до н.э. фактически на всей южной части Горного Алтая [Ешелкин, 1972, с. 76–77; Собанский, 1992, с. 224]. Не исключено, что в этот период территория обитания горного барана была значительно шире. Об этом косвенно свидетельствует изображение архара на датируемом эпохой ранней бронзы каменном сосуде со сценой охоты с оз. Лаптевского (Угловский р-н Алтайского края) [Кирюшин, 2002, с. 59]. Рог животного на гравировке имеет два спиральных завитка, характерных для аргали, а не для горного козла.

В остеологических материалах с поселения доандроновской эпохи Колыванское-1 (Юго-Западный Алтай) представлены кости не только сибирского горного козла, но и аргали [Алехин, Гальченко, Демин, 1997, с. 139]. К эпохе раннего железа относятся изображения горного барана на резных предметах из курганов пазырыкской культуры Ак-Алаха-3 и Берель [Самашев и др., 2000, с. 34] (см. рис. 1, 1; 4; 5, 2–8).

Размеры и форма рогов горных баранов зависят от пола. У самок рога небольшие (длина 40–45 см, обхват у основания до 17 см), тонкие, слегка изогнутые, направленные вверх, назад и в стороны. Рога самцов более крупные: у старых особей в длину они могут составлять до 1,57 м, а обхват у основания до 55,5 см. Рога горных баранов разных территорий имеют свои особенности. Алтайский аргали, в отличие от закавказского и туркменского баранов, имеет очень крупные рога. Они закручены в спираль, ориентированы назад и вверх, затем вперед вниз и снова назад вверх. Иногда рога образуют до двух полных витков. Окончания рогов могут быть выгнуты вверх, наружу. Рога горных баранов составляют 8–10 % веса животного [Собанский, 1988, с. 149; 1992, с. 223–224; Кучин, 1991, с. 38]. Роговой чехол и стержень баранов преимущественно овальные в сечении. Внешняя поверхность рога имеет поперечный рельеф, однако у горных баранов он менее выражен, чем у горных козлов.

Рис. 2. Изображение рогов горного козла теке на золотом навершии из могильника Новотроицкий II (раскопки А.П. Уманского).

Фактура рога являлась самостоятельной темой в искусстве эпохи раннего железа. Манера изображения поверхности рога барана на Ближнем Востоке отличается особенностями. Фактура рога передавалась в виде поперечных полос, расчлененных на отдельные звенья [Погрелова, Раевский, 1992, с. 139]. Оформленные таким образом рога с оловянной и золотой облицовкой имеются в декоре целого ряда деревянных украшений из Берельского некрополя (см. рис. 1, 1; 4) [Самашев и др., 2000, с. 34]. Очевидно, этот декоративный прием можно включить в перечень признаков, характеризующих прямые ближневосточные влияния на кочевое искусство Центральной Азии.

Для Южной Сибири эпохи раннего железа характерно несколько вариантов изображения горных баранов. Один из них – воспроизведение всего животного. Именно такой прием использован при нанесении татуировок на коже погребенных во Втором Пазырыкском кургане, Ак-Алахе-3 [Феномен..., 2000, рис. 197, а] (см. рис. 5, 6–8), при оформлении деревянных предметов резных псалиев из Пазырыка, Башадара (см. рис. 5, 6). Еще один вариант – изображение головы животного (см. рис. 5, 4, 5). Его ярким примером являются резные деревянные головы баранов из Берели (см. рис. 1, 1; 4; 5, 2).

Рис. 3. Изображение рогов горного козла теке на бронзовых пряжках из могильника Новотроицкий II (раскопки А.П. Уманского).

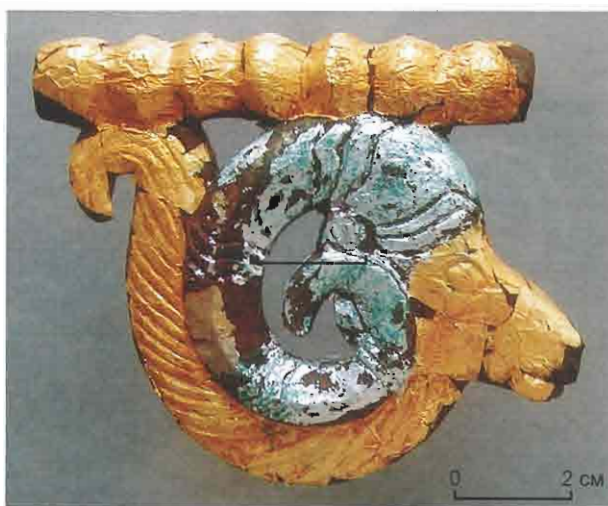

Рис. 4. Изображение горного барана аргали на резных украшениях из кург. 11 Берельского некрополя (раскопки З.С. Самашева).

На них детально воспроизведены завиток рога и шерсть на груди. Стилизованным воплощением этого образа является изображение только рога и шерсти на груди (см. рис. 5, 1), представленное на бронзовой бляхе из Обских Плесов II (ранее автор ошибочно полагал, что это изображение соответствует только образу грифона [Троицкая, Бородовский, 1994]). Такое заключение можно сделать, учитывая популярность мотива рога в кочевом и скифском искусстве.

К стилизованным изображениям эпохи ранних кочевников, по мнению С.И. Ванштейна, восходят мотивы роговидных орнаментов в традиционном искусстве скотоводов Евразии [1974, с. 68]. До недавнего времени такой декор был распространен у народов Приуралья, Средней Азии (киргизы, казахи), Саяно-Алтая (алтайцы, тувинцы). Одно из ве-

дущих мест в их традиционных узорах занимают головы и рога полорогих (бык, корова, козел, баран, горный баран) и цельнорогих (олень) животных. Даже когда этот мотив превращался в абстрактный рисунок, он осмысливался как рог определенного животного [Засецкая, 1986, с. 129, 131]. Это было характерно и для искусства раннего железного века. Именно в этот период в косторезном деле активно использовалось разное роговое сырье при изготовлении ритуальных изделий. Например, ритуальные роговые пазырыкские сосуды сделаны из полого рога сарлыка, яка, сибирских горных козлов и баранов [Бородовский, 2000, с. 144–157]. Вряд ли случайно, что в эпоху раннего железа фантастических персонажей изображали с рогами разных видов копытных.

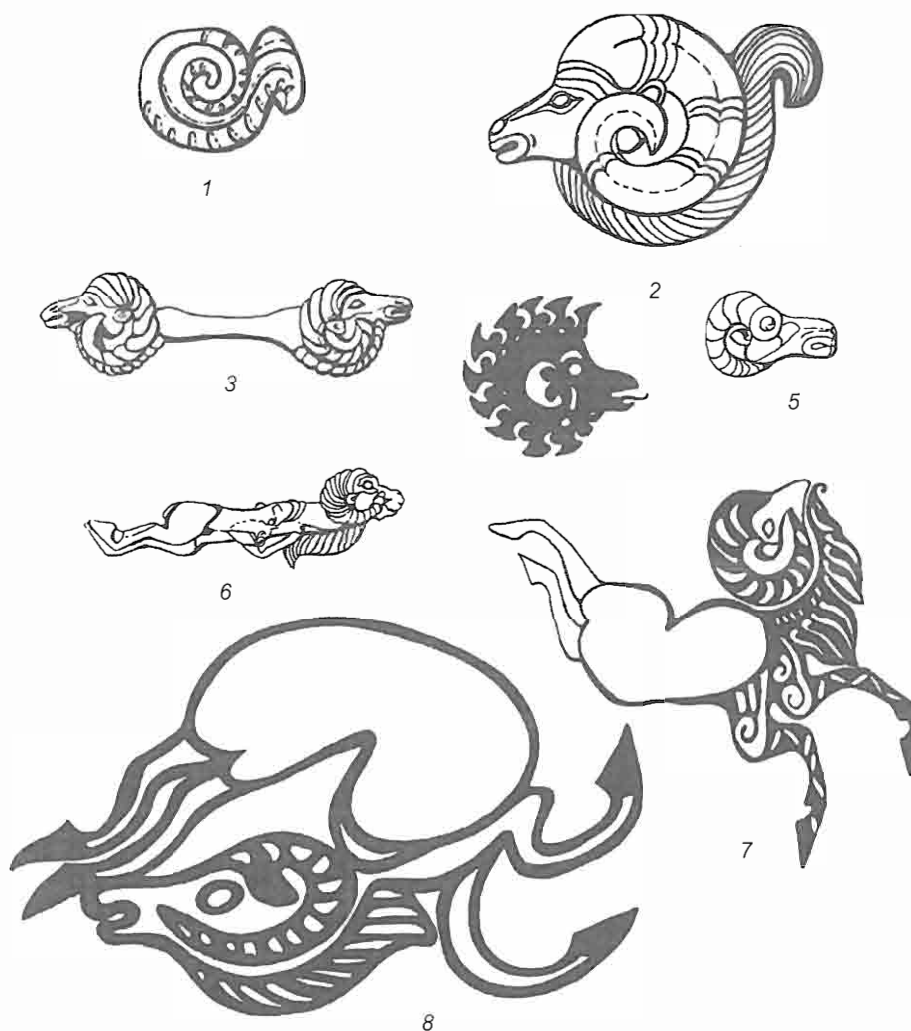

Рис. 5. Парциальные (1–5) и полные (6–8) изображения горного барана аргали в Южной Сибири.

1 – бронзовая бляха из Обских Плесов II; 2 – фрагмент деревянного украшения из Берельского некрополя; 3 – деревянный псалтий из Второго Пазырыкского кургана; 4, 6 – предметы из дерева и войлока из Пазырыкских курганов; 5 – деревянное украшение из Второго Башадарского кургана; 7 – татуировка на теле мужчины из Второго Пазырыкского кургана; 8 – татуировка на теле женщины из Ак-Алахи-3.

1 – раскопки Ю.Ф. Кирюшина; 2 – З.С. Самашева; 3–7 – С.И. Руденко; 8 – Н.В. Полосьмак.

Заключение

Очевидно, что в скифское и гунно-сарматское время детализация строения и фактуры при изображении рога отражает не только стремление к реалистичному воссозданию образа, но и хорошее знакомство с роговым материалом, а также богатый опыт работы с ним, поскольку любая технология – это определенный способ и процесс обработки, а также совокупность знаний об особенностях природных свойств материалов [Кутта, 1970]. Именно поэтому для искусства эпохи раннего железного века характерна сложная система изображения рога. Она отражает: 1) рост рога; 2) его структуру; 3) региональное своеобразие рогового сырья; 4) видовые особенности рогового сырья и его сочетания, видовые

черты воспроизводятся даже у сложных фантастических образов; 5) самостоятельное значение рога как орнаментального элемента: а) целый рог, б) часть рога, в) фактура; 6) разнообразие и реалистичность изображения фактуры полого рога; 7) формирование орнаментально-символической системы изображения рога; 8) трехмерность пространства скифо-сибирского искусства [Бородовский, 1994] в изображении цельного рога.

В последующие эпохи сохранялись лишь отдельные элементы этого изобразительного комплекса. В период раннего железного века художественное искусство резного рога в культуре населения юга Западной Сибири достигает своего максимального расцвета. В ритуальной сфере рогу как материалу отводилось особое место. Из него изготавливали утварь (блюда,

сосуды, ложки) для сакральных действий, рукояти зеркал и музыкальные инструменты. В целом все это отражало сложные представления о роге населения эпохи палеометалла на юге Западной Сибири.

Список литературы

Алехин Ю.П., Гальченко А.В., Демин И.А. К вопросу о древнейшем скотоводстве Алтая (по материалам поселения Колыванское-1) // Изв. лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алтайского гос. ун-та, 1997. – Вып. 2. – С. 138–142.

Археологическое наследие Тюменской области. – Новосибирск: Наука, 1995. – 239 с.

Биология и использование лося: Обзор исследований. – М.: Наука, 1986. – 160 с.

Бородовский А.П. Управление стадом мелкого рогатого скота во время выпаса (по материалам центрально-азиатских петроглифов) // Палеоэкономика Сибири. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 67–73.

Бородовский А.П. Трехмерность пространства в одной из многофигурных композиций скифо-сибирского искусства // Методология и методика археологических реконструкций. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1994. – С. 83–90.

Бородовский А.П. Технология производства предметов из рогового материала // Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – С. 144–157.

Бюллетень полевой археологической практики студентов исторического факультета / Сост. А.П. Бородовский. – Новосибирск: Изд-во Новосибир. гос. пед. ун-та, 2004. – № 4. – 48 с.

Ванштейн С.И. История народного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 250 с.

Ешелкин И.И. Изменение ареалов копытных животных в Юго-Восточном Алтае // Природа и природные ресурсы Горного Алтая. – Горно-Алтайск: Кн. изд-во, 1972. – С. 76–77.

Засецкая И.П. Зооморфные мотивы в сарматских бляшках // Античная торовтика. – Л.: Искусство, 1986. – С. 128–134.

Йетмар К. Религия Гиндукуша. – М.: Наука, 1986. – 310 с.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. ун-та, 2002. – 292 с.

Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 184 с.

Кузьмина Е.Е. Скифское искусство как отражение мировоззрения одной из групп индоиранцев // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. – М.: Наука, 1976. – С. 52–65.

Кутта Ф. Человек, труд, техника. – М.: Наука, 1970. – 150 с.

Кучин А.П. Редкие животные Алтая. – Новосибирск: Наука, 1991. – 210 с.

Литвинский Б.А. Кангюйско-сарматский фарн. – Душанбе: Илим, 1968. – С. 90.

Луконин В.Г. Культура сасанидского Ирана. – М.: Наука, 1969. – 298 с.

Молодин В.И. Древности плоскогорья Укок: тайны, сенсации, открытия. – Новосибирск: Инфолио-пресс, 2000. – 190 с.

Негматов Н.Н. Бронзовые скульптуры из Исфаринской долины и их историко-культурное значение // Скифо-сибирский мир. – Новосибирск: Наука, 1987. – С. 49–55.

Погребова М.Н., Раевский Д.С. Ранние скифы и Древний Восток. – М.: Вост. лит., 1992. – 198 с.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Наука, 1960. – 400 с.

Самашев З., Базарбаева Г., Жумабекова Г., Сунга-тай С. Берел. – Алматы: Илим, 2000. – 56 с.

Скалон В.Н., Хороших П.П. Домашние лоси на наскальных рисунках Сибири // Зоол. журн. – 1958. – Т. 37, вып. 3. – С. 441–446.

Собанский Г.Г. Копытные Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1988. – 182 с.

Собанский Г.Г. Копытные Горного Алтая. – 2-е изд. – Новосибирск: Наука, 1992. – 256 с.

Собанский Г.Г., Ешелкин И.И. Сибирский горный козел на Алтае // Охота и охотничье хозяйство. – 1975. – № 4. – С. 12–15.

Соппин Л.В. Охрана аргали Южной Сибири // Копытные фауны СССР. – М.: Наука, 1975. – С. 273–274.

Тресиддер Д. Словарь символов. – М.: Астель, 1999. – 455 с.

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большещеченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 184 с.

Шер Я.А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. – М.: Наука, 1980. – 328 с.

Феномен алтайских мумий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 318 с.

Материал поступил в редколлегию 16.10.04 г.

М.П. Чёрная, Н.В. Осинцева

Томский государственный университет
пр. Ленина, 36, Томск, 634050, Россия
E-mail: mariakreml@mail.ru

ПРОБЛЕМА МЕСТА ОСНОВАНИЯ ТОМСКА И РОЛЬ ЛАНДШАФТНОЙ ОЦЕНКИ В ЕГО ВЫЯВЛЕНИИ*

Постановка проблемы

В последние годы в изучении средневекового Томска обозначилась новая, неожиданная проблема большой исторической значимости, открывающая широкое поле деятельности для исследователей. Она связана с определением места основания города.

Из глубины веков пришло к нам знание о размещении Томска на южном мысе Воскресенской горы. Однако, как было установлено в ходе археологических раскопок в 1983–2002 гг., на южном мысе отсутствуют культурные напластования с руинами города первой половины XVII в. Памятник датируется не ранее чем серединой XVII в. и представляет собой остатки кремля, построенного в 1648 г. Это самый мощный и величественный в истории Томска кремль – административно-политический, общественный, военно-оборонительный центр тогдашнего города. Весь корпус источников – археологических, письменных, картографических – убедительно свидетельствует о том, что в 1648 г. кремль был перенесен на новое место и с тех пор находился на южном мысе Воскресенской горы. С этого времени южный мыс закрепился в живой памяти поколений как историческое ядро Томска [Чёрная, 2002].

Опровержение овеянного почти трехсотлетней традицией мифа об основании города на южном мысе Воскресенской горы ставит вопросы о первоначаль-

ном местоположении Томска и путях его выявления. На сегодняшнем этапе исследований в условиях явного дефицита источников доступным и, видимо, перспективным является анализ ландшафтных предпосылок размещения города.

“Упрося у Бога милости город поставити в крепком месте”

Прежде чем попытаться наметить “крепкое место”, где мог быть размещен город в 1604 г., попробуем выяснить, каким образом сформировался устойчивый миф о размещении Томска на южном мысе Воскресенской горы и чем он подпитывался более двух с половиной столетий.

У истоков историографической традиции о месте основания Томска стоял Г.Ф. Миллер. Знаменитый историк побывал в Томске в 1734 г.; там он, воочию увидев возвышавшийся на южном мысе кремль, построенный в 1648 г., отметил: “А та крепость, которая стояла до этого времени *на том же самом месте* (курсив наш. – Авт.), была построена в 7112 (1604) г.” (см.: [Элерт, 1988, с. 73]). Г.Ф. Миллер, по всей видимости, не подтвердил свои суждения архивными данными, потому что не располагал письменными и графическими документами, а не потому что их не было изначально. Существовала жесткая регламентация отчетности по такому важному делу, как поставление государевых городов: необходимо было написать подробную отписку о ходе строительства и его

* Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, грант № 04-01-00379А.

результатах, составить чертеж, на котором зафиксировать расположение города на местности, и приложить роспись с общими сведениями о городских строениях. Москва строго контролировала планы постройки городов, предварительную разведку земель и выбор мест для размещения новых опорных пунктов [Кириллов, 1980, с. 13–19; Градостроительство..., 1994, с. 7–58]. Царский наказ от 25 марта 1604 г. о строительстве Томска заканчивался повелением: "...а как город поставят... писать подлинно и чертеж новому Томскому городу прислати к государю царю и великому князю Борису Федоровичю всея Руси к Москве и велеть отписку и чертеж отдать в Казанский и в Мещерский дворец дияку Нечаю Федорову" (цит. по: [Бояршинова, 1953, с. 44]). Безусловно, все требуемые документы были оформлены и посланы по назначению. В последующем чертежи и росписи к ним составлялись неоднократно при каждой смене воевод по принципу: "дела сдал – дела принял".

Документация не только отправлялась в Москву, но и накапливалась в архиве местной администрации. Однако архивное богатство дошло до нас отнюдь не полностью, и виноваты в этом не только время и пожары. Как известно, в свой первый приезд в Томск в 1734 г. Г.Ф. Миллер нашел, что "старинные дела Томской канцелярии, которые имеются в каменном кладовом амбаре, почти все изгнили, что едва их разобрать возможно". По сообщению, оставленному в последней четверти XIX в. священником В. Гурьевым, который имел доступ к архиву томской Алексеевской обители, на обратном пути в 1740 г. при вторичном посещении Томска историк не обнаружил никаких старинных дел, была лишь текущая канцелярская документация: согласно живому преданию, идущему от почтенных стариков-казаков, а к ним от их отцов, местный воевода, опасаясь нажать с историческими актами какую-нибудь беду, распорядился в течение нескольких ночей вывозить на подводах все старые архивные дела на реку Томь и погружать их в воду [Гурьев, 1881, с. 64–65; Миллер, 1937, с. 506]. Содержание портфелей Г.Ф. Миллера, в которых есть и собрание томских документов, показывает, что В. Гурьев несколько сгустил краски, но часть архивов по той или иной причине погибла. Не имея документальных свидетельств, Г.Ф. Миллер вынужден был исходить из собственной рекогносцировочной оценки и мнения старожил. Выгодная во всех отношениях позиция кремля 1648 г. позволила Г.Ф. Миллеру через неполные 100 лет после его строительства заключить: "Что надлежит до места, которое под Томск выбрано, то и по долговременном искании лучшего и способнейшаго в тамошней стране найти не можно бы было" [1998, с. 318]. Место под строительство кремля в 1648 г. в городском ландшафте было выбрано столь удачно (оно точно соответствовало ста-

тису административного, военного, градообразующего центра), что вопрос о возможно другом его размещении в прошлом ни у жителей, ни у исследователей, вероятно, и не возникал.

Постепенно южный мыс, этот "знатной вышины пригорок", стал ассоциироваться с единственным местом основания Томска. Оптимальное расположение кремля 1648 г. позволяло считать, что кремль находился на южном мысе и в 1604 г. Само собой разумеющееся историческое местонахождение Томска не требовало доказательств. Этим объясняется не критичное восприятие "Росписи Томскому городу и острогу" 1627 г., введенной в 1910 г. в научный оборот, которая стала рассматриваться историками и краеведами как подтверждение версии о месте закладки города в 1604 г. на южном мысе горы. В 1954 г. по "Росписи..." сотрудниками краеведческого музея во главе с Н.М. Петровым был сделан макет города первой четверти XVII в. [Петров, 1956]. Его составители столкнулись с проблемой: город не вписывался в топографию южного мыса – его юго-западная часть оставалась за стенами города (рис. 1). Оставить

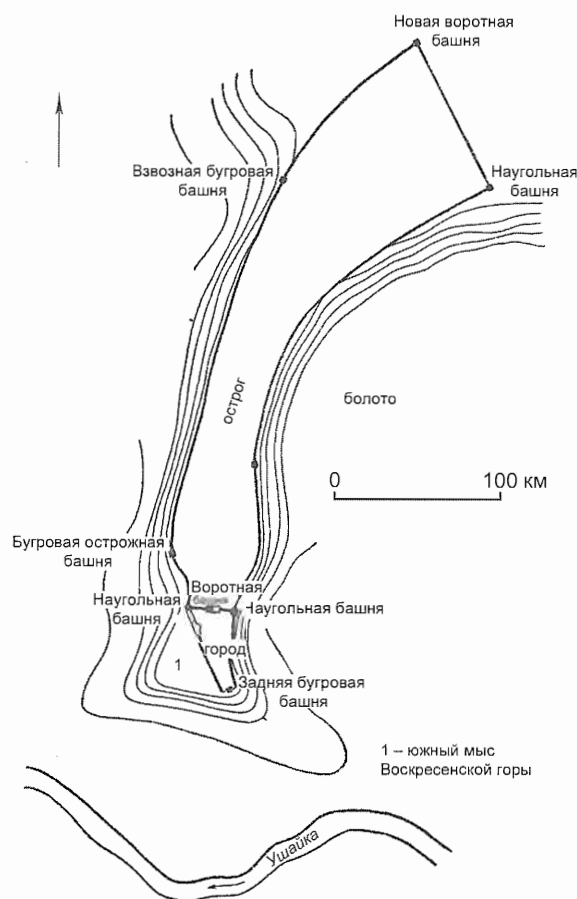

Рис. 1. Реконструкция плана Томского города и острога по "Росписи..." 1627 г. [Петров, 1956, с. 63].

за городской стеной незастроенную, пустую площадку значило создать удобный плацдарм для взятия города, что совершенно недопустимо в военно-оборонительном отношении. Несоответствие модели города топографической ситуации южного мыса Н.М. Петров объяснил недостатком времени для строительства полнометражной стены вдоль южного и западного склонов. Однако этот аргумент не выдерживает критики: достроить несколько десятков метров стены в условиях постоянной угрозы нападения “немирных” кочевников было можно и нужно не за недели, а за считанные дни. Но, судя по “Росписи...” 1627 г., за последующие 23 года томичи “не нашли” времени обнести стеной незастроенный участок. На самом деле объяснение следует искать не в недостатке времени и нерадивости местной администрации и горожан, а в том, что длина городских стен была продиктована размерами и конфигурацией строительной площадки. Форма и площадь южного мыса явно не соответствуют габаритам города 1604 г., периметр стен которого едва превышал 200 м.

Видимо, сознавая слабость своей аргументации, авторы макета, огородили незастроенный участок частоколом, «грубо нарушив указания “Росписи...”», от чего предостерегал сам Н.М. Петров. Но и эта мера не спасала положения: частокол создавал лишь видимость защищенности. Позже, чтобы не возникали ненужные вопросы, “лишнюю” часть мыса убрали, подогнав его под модель города. Этот макет, неадекватно воспроизводящий исторический облик города, на десятилетия определил образ старого Томска.

Задача установления места основания Томска усложняется отсутствием чертежей города XVII в. Отчетные письменные документы, подобные “Росписи...”, не могут служить основанием для локализации города в пространстве. Привязка города на местности делалась на чертеже, в сопровождающей его росписи давалось более или менее пространное описание городских построек, казенных запасов, вооружения; географические же указатели, если они вообще сообщались, были приблизительными, плавающими. Топографические ориентиры “Росписи Томскому городу и острогу” 1627 г. столь же расплывчаты: “от Ушайки”, “от болота”, “от Томи реки”. Если на сохранившиеся карты Томска XVIII в. нанести указанные в “Росписи...” ориентиры, то можно подыскать по меньшей мере несколько точек весьма вероятного расположения первоначального города на вогнутой обрывистой стороне Воскресенской горы, где болото было оконтурено подковообразными очертаниями горы, к югу располагалась р. Ушайка, к западу – р. Томь (рис. 2, 3).

С нашей точки зрения, следует обратить внимание не на вогнутую часть “подковы” горы, а на северо-западный мыс, где в настоящее время находится

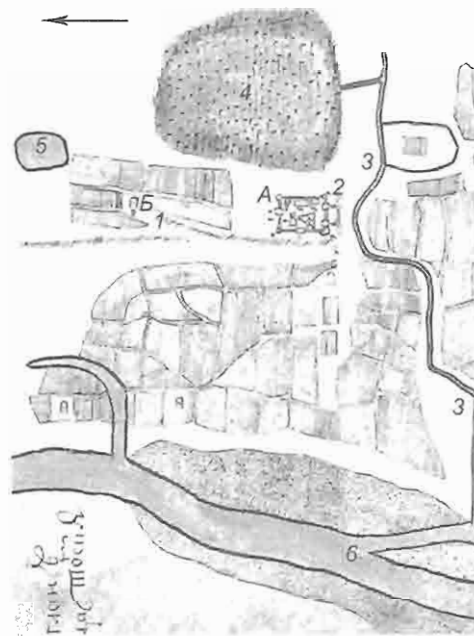

Рис. 2. Фрагмент плана Томска 1734–1740 гг. (ААН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/14).

1 – северо-западный мыс Воскресенской горы, 2 – южный мыс Воскресенской горы, 3 – р. Ушайка, 4 – болото, 5 – оз. Белое, 6 – р. Томь. А – кремль постройки 1648 г., Б – Воскресенская церковь.

каменная Воскресенская церковь постройки 1789–1807 гг. (ее деревянная предшественница, судя по планам XVIII в., располагалась южнее). Наше внимание к этой площадке объясняется ее соответствием, во-первых, стратегическим требованиям к размещению города, во-вторых, приблизительным координатам “Росписи...” 1627 г. Северо-западный мыс Воскресенской горы является одной из трех высотных доминант (две другие – южный мыс Воскресенской горы и северная оконечность Юрточной горы), которые господствовали над окружающим ландшафтом и городской застройкой, что наглядно видно на панорамах Томска XVIII в. (рис. 4). Находившийся на такой высоте укрепленный городской центр имел естественную защиту и мог контролировать всю округу. Вероятное расположение города 1604 г. на северо-западном мысе Воскресенской горы также не противоречит географическим указаниям “Росписи...”; правда, этот мыс находится несколько дальше, чем южный, от Ушайки и болота в ее пойме, но зато ближе к Томи. Сомнение может вызвать ориентировка на болото, находящееся в изгибе подковообразной горы, поскольку от северо-западного мыса его отделяет ок. 300 м, но следует учитывать, что это большое болото служило одной из главных привязок на местности. Кроме того, не ясно – было ли это болото единственным, на которое мог быть ориентирован город?

Рис. 3. Фрагмент плана 1768 г. (РГВИА. Ф. ВУА. 22677).
1 – северо-западный мыс Воскресенской горы, 2 – южный мыс Воскресенской горы,
3 – р. Ушайка, 4 – болото, 5 – оз. Белое. А – кремль постройки 1648 г.

Необходимость ландшафтного анализа при определении возможного местоположения Томска 1604 г. вызвана не только чрезвычайной скудостью источников. Ландшафт как природный территориальный комплекс в градостроительстве допетровского времени являлся естественной основой, в которую вписывался город. Связь города с ландшафтом была взаимобусловленной, гибкой и потому гармоничной.

Ведущим элементом ландшафта, принимаемым во внимание градостроителями, являлся рельеф, в соответствии с которым выбиралось место для города и расставлялись композиционные акценты [Кудрявцев, Кудрявцева, 1980, с. 3–12; Градостроительство..., 1994, с. 140]. Конечно, рельеф не был и не мог быть единственным фактором, определявшим место закладки города и перспективы его развития. Но геомор-

Рис. 4. Панорама Томска (1734–1740 гг.) И.-В. Люрсениуса (ААН. Ф. 21. Оп. 5. Д. 39/45).
1 – северо-западный мыс Воскресенской горы, 2 – южный мыс Воскресенской горы с кремлем 1648 г.,
3 – Юрточная гора с Богородице-Алексеевским монастырем.

фологические характеристики при рекогносцировочной оценке местности основателями городов учитывались в первую очередь.

Томск находится на правом берегу Томи неподалеку от устья ее правого притока Ушайки. Особенности геоморфологического строения обусловили его ступенчатый рельеф: город, поднимаясь от Томи на восток, расположен на террасах. Воскресенская гора представляет собой третью надпойменную террасу Томи, которая возвышается над уровнем поймы на 15–25 м. Ее обрывистый неприступный северо-западный мыс высотой 24–25 м расположен в 700 м от Томи и Ушайки и является выгодной стратегической площадкой. Учитывая геоморфологические условия, благоприятствующие образованию пойменных болот, зададимся вопросом: существовало ли на рубеже XVI–XVII вв. болото у подножия северо-западного мыса?

Формирование болота происходит в пониженных элементах рельефа. У подножия северо-западного мыса в пойме Томи такие элементы отмечены на месте пересохших стариц и проток. Основу питания пойменных болот составляют речные поймы и грунтовые воды. После окончания половодья в понижениях поймы наблюдается продолжительный застой вод. Вода стекает в пойму с прилегающих склонов, а у их подножия разгружаются грунтовые воды. В результате в понижениях поймы вблизи высоких склонов создаются условия повышенного увлажнения и начинается процесс заболачивания. Болота в пойме Томи могли сформироваться еще в бореальное ($2\ 610 \pm 70$ лет), самое позднее – субатлантическое ($1\ 640 \pm 70$ лет) время. С тех пор и до настоящего времени болотообразование происходит непрерывно, хотя его скорость за последние 200 лет несколько замедлилась [Львов, 1976]. Однако общий ландшафтный облик болотного массива, закладывавшийся при его формировании, на протяжении этого времени не менялся [Лапшина, 1987]. Таким образом, в начале XVII в. болота уже могли быть сформированы.

Благоприятные условия для образования пойменных болот наблюдаются именно в исторической части города вдоль склонов второй и третьей надпойменных террас Томи, где сегодня расположены улицы Бол. Каштанная, Р. Люксембург, Бол. Подгорная, Московский тракт, и в пойме Ушайки. Правда, в настоящее время болотные массивы здесь не сохранились. Сейчас на территории города имеется только один крупный (157 га) заболоченный участок – у подножия третьей надпойменной террасы Томи в северной части города, вдоль субмеридионального отрезка р. Мал. Киркизка; небольшие болотца встречаются в пойме Ушайки. По мнению Е.Д. Лапшиной, наличие болота на интересующем нас участке – у западного склона Воскресенской горы (ул. Бол. Подгорная, Р. Люксем-

бург (бывшая ул. Магистратская)) – маловероятно, но не исключено, что здесь могла быть неглубокая торфяная залежь лесного облика*.

Как показывает картографический анализ, на застроенных землях площадь пойменных болот гораздо меньше, чем на окружающих неурбанизированных территориях. Дело в том, что болотные земли неудобны для использования, поэтому люди всегда стремились осушить, засыпать болота, чтобы сделать эти земли пригодными для строительства зданий и сооружений, прокладки коммуникаций и т.д. Большое болото в пойме Ушайки примерно с середины XVIII в. постепенно осушается и застраивается: на плане Томска 1768 г. обывательскими строениями занята его южная кромка (см. рис. 3), на плане 1797 г. – около трети (рис. 5), а в течение XIX в. застраивается вся площадь болота (рис. 6). Болото на месте современ-

* Авторы признательны доценту кафедры ботаники Томского государственного университета Е.Д. Лапшиной за консультацию.

Рис. 5. Фрагмент плана Томска 1797 г. [Градостроительство..., 1994, с. 133].

1 – северо-западный мыс Воскресенской горы, 2 – южный мыс Воскресенской горы, 3 – болото.

Рис. 6. Фрагмент плана Томска конца XIX в. [Храмы Томска, 1990].
1 – северо-западный мыс Воскресенской горы,
2 – южный мыс Воскресенской горы.

ного микрорайона Черемошники на высокой пойме Томи, указанное на карте города 1933 г., ныне не существует. Другие пойменные болота, которые были в исторической зоне города, исчезли под воздействием антропогенного фактора или сохранились в погребенном виде.

Проведенный анализ позволяет заключить, что ландшафтные предпосылки размещения города в 1604 г. на северо-западном мысе Воскресенской горы, безусловно, существовали. Если у подножия северо-западного мыса было болото, то стены города в “Росписи...” 1627 г. могли быть ориентированы относительно него, если же этого болота не было, северо-западный мыс все равно попадает в зону действия географических указателей документа. Выбор для строительства южного мыса был бы предпочтительнее, поскольку расположенные вблизи естественные преграды – Ушайка на юге и обширное болото на востоке затрудняли бы прорыв к городу. Северо-западный мыс находился намного ближе к приступной “от Киргизсково приходу” северной стороне. Но наличие на южном мысе татарского могильника XVI – начала/первой трети XVII в., выяв-

ленного в ходе археологических исследований *, сделало невозможным для первостроителей Томска размещение города на этой площадке, несмотря на все ее преимущества. Основанию Томска предшествовала многолетняя деятельность по разведыванию земли и налаживанию добрососедских отношений с местными татарами-еуштинцами. Не посчитаться с чувствами коренных жителей края и поставить город на месте погребения их предков означало развязать войну, которая надолго отодвинула бы планы продвижения России на важнейшем юго-восточном направлении.

Политические соображения взяли верх, и для строительства города была выбрана другая площадка, возможно, высокий, с крутыми обрывами северо-западный мыс Воскресенской горы. В этом случае город находился ближе к оз. Белому. Логично было бы привязать город к этому важному географическому объекту, но это не сделано в “Росписи...” 1627 г. Обращает на себя внимание форма северо-западного мыса, близкая к треугольной (южный мыс прямоугольный). На узкой части северо-западного мыса могла располагаться самая короткая (6 саж., или 12,3 м) городская стена, т.е. параметры города 1604 г. лучше накладываются на конфигурацию именно этого мыса. Кстати, письменные источники уже в начале 1620-х гг., через 16–17 лет после основания города, сообщают о необходимости “в Томском сделати новой город, а старый весь развалился”. Разрушение могло произойти не только из-за конструктивного несовершенства укреплений, но и из-за осыпания склонов мыса, конфигурация которого по этой причине со временем менялась.

Предположение о расположении первоначального Томска на северо-западном мысе Воскресенской горы, а верхнего острога на части нынешней ул. Октябрьской (быв. ул. Воскресенская) меняет наше представление о направлении развития города: не с юга на север, как считалось до недавнего времени, а с севера на юг – к южному мысу горы. Косвенное подтверждение этого предположения можно найти на планах Томска XVIII в., где новый городской центр, построенный в 1648 г., не соединен с верхним острогом. Их разделяет незастроенное пространство, в то время как в “Росписи...” 1627 г. указывается на наличие общей стены в городе и остроге, т.е. на их смежное расположение. Кроме того, в ходе рекогносцировочных раскопок на территории верхнего острога

* Н.М. Петров, предполагая, что южный мыс Воскресенской горы для дорусского населения Томского края был удобным местом для организации обороны, захоронения умерших и устройства святилищ, подчеркивал, что подтверждение этому могут дать археологические работы [1956, с. 72.]

в северной части современной ул. Бакунина (быв. ул. Ефремовская), примыкающей к ул. Октябрьской, были выявлены культурный слой, мощность которого (более 1 м) указывает на длительность формирования, и фрагменты керамики с полностью залощенной поверхностью первой половины XVII в.

Высказанные соображения о размещении Томска в 1604 г. на северо-западном мысе Воскресенской горы носят вероятностный характер. Возможно, в дальнейшем, с появлением новых данных, мы сами опровергнем некоторые из заявленных тезисов или пересмотрим точку зрения в целом. И сегодня остаются вопросы: какую конфигурацию имели город и верхний острог; каким образом они соединялись; почему в “Росписи...” 1627 г. город ориентирован относительно

Ушайки и болота, а острог относительно Томи, но упоминается острожная Отболотная башня; почему нет привязки к оз. Белому и были ли основания для нее; где раньше пролегало русло Ушайки, которое за последние столетия меняло свое ложе* и т.д.

Еще одно важное, на наш взгляд, замечание. В течение 23 лет своего существования, до момента составления “Росписи...”, Томск развивался, менялся, росла численность жителей. В 1609 г. в томском гарнизоне насчитывалось 100 служилых людей, в 1626 г. к служилым, посадским людям и пашенным крестьянам относился уже 531 чел., и это только главы семей [Бояршинова, 1953, с. 34]. Вместе с увеличением численности горожан расширялась и селитебная территория, прежде всего “на остроге”. Насущной необходимостью были ремонты, перестройки, сооружение новых объектов. С начала 1620-х гг. в документах рефреном звучит мысль о ветхости старого города. В “Росписи...” 1627 г. зафиксировано текущее состояние дел в городе и остроге, кстати отмечено, что в “стене острожной передней... башня новая”, но не названы те перемены, которые новыми уже не назовешь, но которые могли быть, например, лет десять назад.

* Из сообщения Я. Андреева от 1858 г. известно, что “изменение течения и образование нового русла Ушайки произошло не ранее 80 лет назад”, т.е. в последней четверти XVIII в. [1858, с. 46].

Рис. 7. Современный вид северо-западного мыса Воскресенской горы (со стороны ул. Кузнечный Взвоз). Фото М.П. Чёрной.

Заключение

Из общего контекста понятно, что авторы не претендуют на законченность и полную аргументированность своих выводов. Напротив, совершенно ясно, что некоторая недосказанность, возникающие вопросы, предположения могут быть разрешены с появлением дополнительных данных. Вместе с тем, мы считаем проделанную работу продуктивной. С одной стороны, сегодня, не имея источников с прямыми указаниями на первоначальное местоположение Томска, мы находимся в том же положении, что и Г.Ф. Миллер 270 лет назад. “Роспись...” 1627 г., о которой не знал наш именитый предшественник, ставит больше вопросов, чем дает ответов. С другой стороны, мы имеем несомненное преимущество, зная, что южный мыс Воскресенской горы не является местом основания города. Хотя проведенный рекогносцировочный анализ применительно к северо-западному мысу носит предварительный характер, он позволяет наметить подходы, “прощупать” возможные точки размещения города. Северо-западный мыс представляется нам достаточно “крепким местом” для строительства здесь города в 1604 г. (рис. 7).

В комплексе предпосылок, определявших выбор места под город, ландшафтные условия были важны и всегда учитывались как краткосрочный, так и долгосрочный фактор действия. В упоминавшемся наказе Бориса Годунова о строительстве Томска четко оговорены условия, которым должно соответствовать

место под город, благоприятствующие его развитию: “под город место высмотреть где пригоже... чтоб городу которые порухи не было”, разведать “сколь пашни мочно устроити... и промыслы всякими промышленять” [Там же, с. 41–44]. Но при всей важности анализа ландшафтной ситуации он недостаточен для решения вопроса о выборе строительной площадки, требуется привлечение источников с определенными данными о местоположении города. Чертежей Томска XVII в. пока не найдено. Описания с точной ориентировкой на местности, видимо, не создавались, поскольку географическая привязка выполнялась на чертеже. Перспективны в решении проблемы места основания Томска достаточно масштабные археологические раскопки. При явной нехватке других источников ландшафтные особенности становятся важными указателями в археологическом поиске.

Список литературы

- Андреев Я.** Томская старина // Том. губ. вед. – 1858. – № 7.
- Бояршинова З.Я.** Основание города Томска // Вопросы географии Сибири. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1953. – Сб. 3. – С. 21–48.
- Градостроительство** Московского государства XVI–XVII веков. – М.: Стройиздат, 1994. – 316 с.
- Гурьев В.** Историограф Миллер в Томске // Рус. вестн. – М.: Изд-во университет. тип. М. Каткова, 1881. – Т. 156. – С. 62–72.

Кириллов В.В. Сибирский приказ и его роль в организованном строительстве городов на новых землях // Архитектурное наследство. – М., 1980. – Вып. 28. – С. 13–19.

Кудрявцев М.П., Кудрявцева Т.Н. Ландшафт в композиции древнерусского города // Архитектурное наследство. – М.: Стройиздат, 1980. – Вып. 28. – С. 3–12.

Лапшина Е.Д. Структура и динамика болот поймы р. Оби (на юге Томской области): Дис. ... канд. биол. наук. – Томск, 1987. – 282 с.

Львов Ю.А. Характер и механизмы заболачивания территории Томской области // Теория и практика лесного болотоведения и гидромелиорации. – Красноярск: Ин-т леса и древесины, 1976. – С. 36–44.

Миллер Г.Ф. Описание Сибирского царства. – М.: Либерея, 1998. – Кн. 1. – 416 с.

Миллер Г.Ф. История Сибири. – Л.: Изд-во АН СССР, 1937. – Т. 1. – 607 с.

Петров Н.М. Опыт восстановления плана Томского города и острога начала XVII в. // Тр. / Том. обл. краевед. музей. – 1956. – Т. 5. – С. 59–78.

Храмы Томска [Изоматериал] / Сост. Г.В. Скворцов. – Томск: Б.и., 1990.

Чёрная М.П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. – 187 с.

Элерт А.Х. Историко-географическое описание Томского уезда Г.Ф. Миллера (1734 г.) // Источники по истории Сибири досоветского периода. – Новосибирск: Наука, 1988. – С. 97–104.

Материал поступил в редколлегия 12.04.04 г.

И.Р. Атнагулов*Магнитогорский государственный университет
пр. Ленина, 114, г. Магнитогорск, 455038, Россия
E-mail: history@masu.ru***ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА ВЕРХНЕУРАЛЬСКИХ НАГАЙБАКОВ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

Южное Зауралье в силу своего географического расположения на протяжении многих столетий было пограничной территорией между башкирскими и казахскими владениями. До прихода русских постоянных населенных пунктов здесь не было. В теплое время года вплоть до левого берега Урала кочевали казахи; по правую сторону реки – башкиры. Поскольку отношения между ними были напряженными, то жить здесь было небезопасно. Обычно башкиры и казахи предпочитали устраивать места своих постоянных дислокаций (зимовок) подальше от пограничной территории, совершая время от времени грабительские рейды в глубь владений соседей.

Эта область являлась границей не только в этнополитическом смысле, но и в природно-географическом. По восточной стороне Уральского хребта идет линия водораздела, здесь же начинается аридная зона с малоснежными, с частыми ветрами зимами и довольно жарким летом. В степном Зауралье осадков в среднем за год выпадает на 100–300 мм меньше, чем в горной области и Приуралье.

С 1842 г. в Южном Зауралье возникает т.н. Новая линия казачьих поселений. Помимо русских казаков сюда были переселены нагайбаки и калмыки Ставропольского казачьего войска. Последние были расселены дисперсно, утратили этническую самобытность, и большинство ассимилировалось среди нагайбаков и русских.

Этногенез нагайбаков до 1842 г. проходил в рамках становления этноса волго-уральских татар, а точнее, субэтноса крещеных татар (кряшен). Этнической территорией нагайбаков в этот период было Восточ-

ное Закамье. Наиболее близка к нагайбакам бакалинская группа кряшен, и поныне проживающая в Западной Башкирии. Уже к середине XVIII в. нагайбаки выделились на фоне различных групп крещеных татар по сословному признаку. Дальнейшая географическая изоляция от материнского этноса способствовала усилению корпоративного самосознания, что привело к появлению самостоятельной этносословной единицы. В настоящее время этническое самосознание нагайбаков, по данным наших полевых исследований, носит вполне выраженный характер. Согласно “Основам законодательства Российской Федерации о правовом статусе коренных малочисленных народов” от 18.06.93, нагайбакам придан статус коренного малочисленного народа. В графе о национальной принадлежности советского паспорта им было разрешено вместо слова “татарин” записывать исторически сложившийся этноним “нагайбак”. Среди нагайбаков отмечается заметное дистанцирование от татар-мусульман.

Во второй половине XIX в. большинство нагайбакских поселений вошло в состав Верхнеуральского уезда (рис. 1). Все они типологически относятся к категории сельских [Алаев, 1977, с. 83–84], основой выделения которых служит сельскохозяйственное производство [Арутюнов, 1989, с. 111]. Главным обеспечивающим видом хозяйствования нагайбаков было пашенное земледелие. Однако, в отличие от крестьян, они состояли в Оренбургском казачьем войске, т.е. находились на государственной службе. Это наложило отпечаток на некоторые особенности нагайбакских поселений.

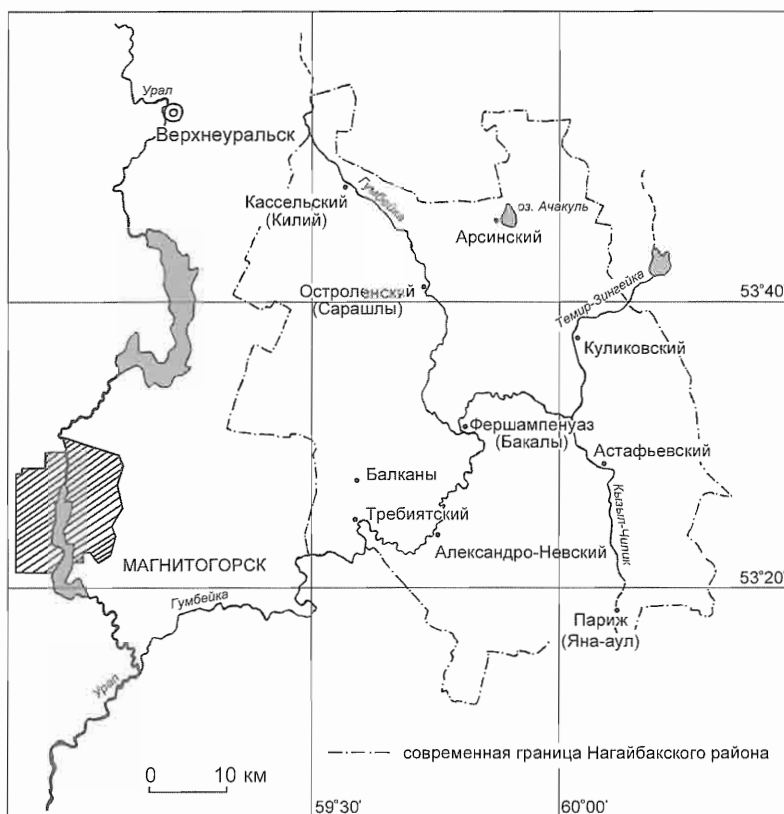

Рис. 1. Расположение поселений верхнеуральских нагайбаков.

Первоначально все станицы и крепости Новой линии имели номера, а не названия, например, нагайбакские поселения № 1, 2, 3, 4 и 8. Вместе с тем нагайбаки, переселившиеся сюда из Белебеевского уезда Уфимской губернии целыми деревнями и селившиеся на новом месте в основном тем же составом, параллельно с номерами использовали названия своих прежних селений. Жители пос. № 1 называли его Килий, № 2 – Сарашлы, № 3 – Бакалы, № 4 – Яна-аул, № 5 – Нугайбек. Вскоре по предложению генерал-губернатора П.П. Сухтелена станицы получили новые официальные наименования: пос. № 1 – Кассель, в честь взятия Касселя (Германия) русскими войсками 19 сентября 1813 г.; пос. № 2 – Остроленка, в связи с подавлением восстания поляков в 1831 г. под Остроленкой севернее Варшавы; пос. № 3 – Фершампенуаз, в честь победы над Наполеоном 13 марта 1814 г. в г. Фер-Шампенуаз (Франция); пос. № 4 – Париж, в честь окончательной победы над Наполеоном; пос. № 8 – Требия, в память о русско-австрийском походе 1799 г. под командованием А.В. Суворова против французов у берегов р. Треббия (Северная Италия).

Населенные пункты нагайбаков с момента возникновения имели характер укрепленных поселений (крепостей). Беспокойное пограничье между казаками и башкирами вынуждало казаков все элементы

своих поселений располагать максимально компактно. Поэтому в нагайбакских поселениях все хозяйственные и административные сооружения составляли единое целое с жилой зоной.

Во всех крепостях было по одной деревянной церкви (разобраны в советский период). В Остроленке и Фершампенуазе имелись начальные церковно-приходские школы с раздельным обучением для мальчиков и девочек, а также дом старосты с канцелярией и караульным помещением для временного содержания заключенных, а в Фершампенуазе еще и пожарная часть с каланчой. Во всех населенных пунктах были магазины и провиантские склады. Между селениями осуществлялась почтовая связь, но отдельное помещение для почты отсутствовало. Все сооружения были одноэтажными, и абсолютное большинство выполнено в срубной технике. Лишь некоторые из общественных зданий (магазины) строились с использованием камня и кирпича и устанавливались, как правило, в центре населенного пункта.

Как видно из материалов переписи рубежа веков, поселки нагайбаков не отличались большой численностью населения, самыми крупными были Париж и Фершампенуаз – ок. 1,5 тыс. чел. Отдельные поселения других групп татар насчитывали до 4 тыс. чел. [Воробьев, 1967, с. 86].

Поселения верхнеуральских нагайбаков на рубеже веков входили в состав Второго военного отдела Оренбургского казачьего войска. Отдел делился на станичные юрты, именованные по центральным селениям – станицам. Остальные казачьи селения назывались поселками, мелкие – хуторами. В Верхнеуральский станичный юрт входили поселки Кассель и Остроленка, в Великопетровский – Париж, в Магнитный – Требия, в Березиновский – Фершампенуаз.

С самого начала строительства поселков они планировались типично, в соответствии со всеми остальными новолинейными казачьими поселениями. Эти новые поселки отличались регулярной застройкой. Поселения казаков-нагайбаков были приречными с правильной улично-квартальной планировкой (рис. 2). Приречный тип поселков сложился в основном в силу острой нехватки водных ресурсов в районе. Значительную роль в хозяйственной деятельности нагайбаков играло скотоводство, и необходимо было иметь водопой для скота.

Главные магистральные улицы поселений располагались параллельно течению реки и через равные промежутки пересекались прямыми переулками, более узкими, но достаточными для передвижения на транспорте. Пересечение улиц и переулков образовывало прямоугольные кварталы. Все жилые и общественные сооружения фасадной частью выходили на улицу. В большинстве поселков до 1920–1930-х гг. названий улиц не было. Исключение составляли Фершампенуаз и Париж, где улицы имели названия, чаще всего отражавшие их расположение по отношению к водоему, или именовались по общественным сооружениям на этих улицах. Названия переулков связывались либо с фамилиями или прозвищами родственников групп, проживавших на данной территории, либо с общественным объектом, находившимся в непосредственной близости от переулка (например, церковь). Кроме того, населенные пункты могли делиться на “концы”, которые, как и сами поселения, имели неофициальные названия, сохраняющиеся в обиходе старшего поколения поныне. Как и большинство волго-уральских татар, нагайбаки свои поселения называли аулами. При этом параллельно с официальными наименованиями употреблялись и нагайбакские.

Большинство поселений нагайбаков находилось в стороне от больших трактовых дорог. Наиболее выгодное положение имели Кассель и Остроленка, ближе всего расположенные к Верхнеуральску. Близость к административному центру обеспечивала удобства в торговле и развитии отходничества.

Основной единицей застройки в XIX – начале XX в. в поселениях верхнеуральских нагайбаков являлась усадьба с жилым домом и хозяйственными постройками. Центральное место занимало жилище. Какой-либо строгой ориентации по сторонам света у нагайбаков, в отличие от других групп волго-уральских татар, не было.

Первые дома были чаще всего однокамерными с пристроенными к ним легкими некапитальными сенями. Стены домов складывали из лиственницы, сосны и березы. Наиболее предпочтительным материалом была лиственница, ввиду ее устойчивости к гниению, прочности, долговечности. В нагайбакских поселках до сих пор сохранились отдельные строения из лиственницы, датируемые не позднее 1860-х гг. Однако большинство домов Южного Зауралья,

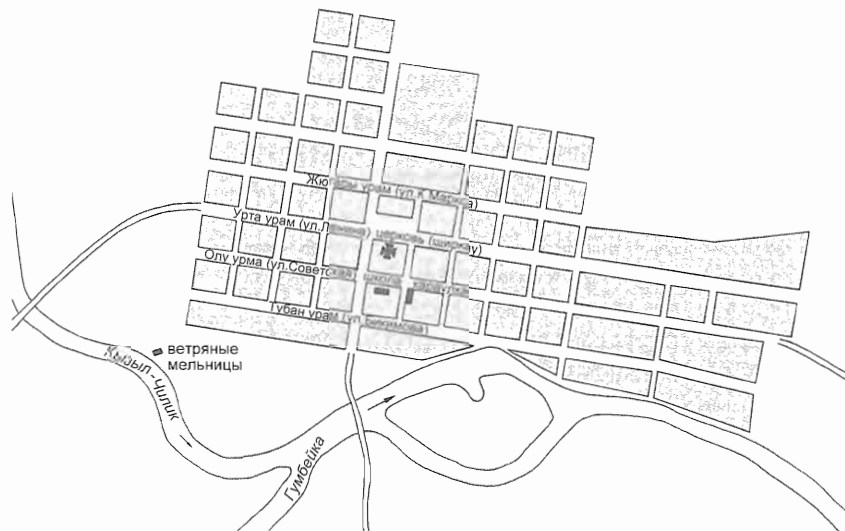

Рис. 2. Схема пос. Фершампенуаз.

построенных во второй половине XIX в., были сосновые. Кроме того, при сооружении жилища использовали обожженный кирпич для кладки печей, мох и паклю для прокладки между бревнами, дикий камень под фундамент. Строительный материал приобретался у башкир или у русских лесопромышленников Оренбурга, Орска, Верхнеуральска, Троицка, Челябинска, а также в войсковых барах. Только дикий камень и мох добывались жителями на своих дачах.

В отличие от Восточного Закамья, откуда нагайбаки переселились в 1842 г., Южное Зауралье менее богато лесными массивами. На момент переселения сюда казаков-нагайбаков здесь еще встречались леса с преобладанием сосны и лиственницы. Однако почти все они были вырублены за короткое время первыми поселенцами. О катастрофической ситуации в Оренбургском крае, связанной с неумеренной вырубкой лесов, писал еще П.И. Рычков [1999, с. 176–177], а И.И. Лепёхин не раз подчеркивал, что в городах необходимо строить больше каменных сооружений. “Затверделое обыкновение строить деревянные дома, – писал он в 1768 г., – не может приучить наших граждан к каменному строению” [1795, с. 71]. Такое положение существовало повсюду, хотя во многих местах Южного Урала залегало большое количество добротного плитняка – прекрасной горной породы, пригодной для строительства. Строения из плитняка обходились бы населению дешевле, чем из дерева, а в случае пожара были бы более устойчивыми. Это стало осознаваться лишь к концу XIX в., когда предпочтение в сооружении построек, особенно надворных, стало отдаваться плитняку и сырцовому кирпичу.

В начале XX в. кирпич использовался более широко, в частности, из него возводились нежилые капитальные строения – административные здания, магазины, склады. Наибольшее количество кирпичных построек появилось в селениях, находившихся на малом расстоянии от городов, откуда привозили кирпич для капитальных сооружений.

Кирпич для домашних печей производился на местах, а временное жилье, летние кухни, бани и другие хозяйственные постройки сооружались из самана. Его изготавливали из глины с примесью мелко нарубленной соломы. Саманные кирпичи готовились вблизи какого-нибудь водоема – колодца, пруда, ручья или речки. Замес из глины и соломы укладывали в специальные формы различных размеров. Такие кирпичи сохли в течение нескольких дней, потом их ставили в пирамиду для проветривания. Высушенные на воздухе кирпичи обжигу не подвергались.

Нагайбакские селения располагались в непосредственной близости от поселков русских казаков. Последние, обосновавшись в степном Зауралье раньше, уже имели навыки саманного, монолитного и каркасно-столбового строительства. Поэтому подобного рода приемы сооружения жилища нагайбакам были известны. Однако срубный дом в середине XIX в., несмотря на определенные трудности с добычей и доставкой материала, все же оставался предпочтительным. Это можно объяснить тем, что казаки-нагайбаки, проживая в богатом лесом Восточном Закамье, имели навыки исключительно в срубной технике возведения жилищ. Ю.Г. Мухаметшин отмечает наибольшее ее развитие среди татар Поволжья и Приуралья у кряшен Башкортостана и бакалинских, из числа которых в прошлом и выделились нагайбаки [Нагайбаки..., 1995, с. 30–31]. Кроме того, всем казакам-переселенцам в 1842 г. выдавалось от 50 до 75 стволос строевого леса.

Поскольку лес был дорог, то строительство из качественной древесины (лиственницы или сосны) могли себе позволить только зажиточные казаки. При строительстве применяли как цельные бревна, так и полубрус, в зависимости от диаметра бревен. В пос. Остроленка информатор Н.П. Васильев сказал, что дома из полубруса строили не из экономических соображений, а скорее для того, чтобы легче было выравнивать внутренние стены домов при стесывании.

Приверженность нагайбаков к срубным избам проявлялась еще и в том, что даже малоимущие казаки строили такие жилища, хотя и из некачественной древесины. Большая часть этих построек обмазывалась и белилась. Береза не пользовалась спросом ввиду отсутствия таких важных качеств, как устойчивость к влаге, нетеплопроводность и др. Ю.Г. Мухаметшин, анализируя жилища нагайбаков и их соседей во второй половине XIX – начале XX в., отмечает существо-

вание домов, построенных целиком из березы либо с частичным ее использованием, у бакалинских кряшен и допускает бытование подобного рода жилищ у нагайбаков [Там же, с. 31]. По результатам наших полевых исследований, на сегодняшний день ни в одном из пяти нагайбакских селений таких домов нет. Не было получено и каких-либо подтверждений со стороны местных жителей об использовании данного материала в прошлом. Скорее, наоборот, о березе говорилось как о совершенно непригодном для строительства материале. Вероятнее всего, что нагайбаки исследуемых поселков, несмотря на дефицит и дороговизну строевого леса, предпочитали использовать качественный материал.

В конце XIX – начале XX в. в казачьих и крестьянских поселениях Южного Зауралья получают распространение постройки, выполненные в каркасно-столбовой технике. Для строительства использовались тополь, верба, ива и другие породы деревьев, в изобилии произраставшие в поймах рек [Там же]. Однако в исследованных нами поселках подобных сооружений также не сохранилось. По предположениям информаторов, они если и были, то единичные и, скорее всего, являлись хозяйственными постройками.

Во второй половине XIX в. широкое распространение в качестве строительного материала получает камень*. П.И. Рычков, говоря о нехватке древесины в крае, предлагал больше использовать в постройках природный камень, который в изобилии был в здешних местах [1999, с. 176–177].

У верхнеуральских нагайбаков камень шел в основном на хозяйственные постройки, фундаменты жилых строений, изгороди. Добывали его вблизи селений в зимнее время. Камень дробили, складывали кубами для собственных нужд и на продажу. До сегодняшнего дня значительная часть хозяйственных построек нагайбаков сохраняет каменную кладку.

На рубеже XIX–XX вв. каменные и каркасно-столбовые постройки частично вытесняются саманными. Такие жилища строили в основном там, где наиболее остро ощущалась нехватка леса. Поскольку к началу XX в. значительная часть лесных запасов вокруг нагайбакских поселений была уничтожена, то саманные строения приобретали все большее распространение. Саман обычно использовался для хозяйственных построек, реже – для жилых. Наибольшее количество саманных домов было построено в 20–30-х гг. XX в.

Нагайбаки, как правило, строили сами с помощью родственников или соседей под руководством старшего плотника (точно так же они помогали друг другу и в других видах деятельности). После окончания

* ГАОО. Ф. 6. Оп. 8. Д. 13 (Отчет о состоянии Оренбургской губернии за 1850 год). Л. 1–10.

работы всех строителей угощали за счет хозяев. Иногда нанимали плотников из своих или соседних селений. Наиболее состоятельные приглашали мастеров издалека, в основном татар, которые использовали свои традиционные конструктивные каноны, навыки ремесла и т.д. Ю.Г. Мухаметшин пишет, что в пос. Кассель из года в год нанимали как самых умелых мастеров пришлых из-под Белорецка неких Гарифуллу и Султанова. Построенные ими дома, клетки, ворота типологически во многом были сходны с постройками средневожских и приуральских татар [Нагайбаки..., 1995, с. 33].

Возможно, что среди первых строений верхнеуральских нагайбаков значительная часть, если не большинство, были бесфундаментными. На территории исследуемого района до наших дней подобных жилых построек не сохранилось, но в литературе отмечалось, что они были у чебаркульской группы нагайбаков в начале XX в. [Круковский, 1909, с. 266]. Есть свидетельства о существовании бесфундаментных построек на рубеже веков и в среде верхнеуральских нагайбаков*. Отмечается также, что избы на каменных фундаментах и столбах встречались редко и в основном среди построенных недавно, а старые дома были “наземными”. О нагайбакских постройках на рубеже веков сообщается: “...они составляют что-то среднее между русскими и татарскими. Наружность построек, впрочем, похожа на русские”**. По свидетельству Е.А. Бектеевой, дома нагайбаков были “деревянные, незатейливой архитектуры и по наружному виду довольно опрятны” [1902, с. 167].

В начале XX в. бесфундаментные постройки встречались в основном у малообеспеченных казаков. По мнению жителей Остроленки и Фершампенуаза, в их селениях таких домов не знали. Почти все постройки были на высоких (0,4–1,0 м) фундаментах из плитнякового камня. Большие дома (крестовики и др.) возводили на каменных угловых стойках – “стульях”. Зазор между нижним венцом и почвой заполняли камнем или горизонтально уложенными бревнами и заваливали землей. Не исключено, что отдельные срубы устанавливались на бревенчатых столбах – сваях. Подобный способ был широко распространен среди казачьего населения всех станиц Второго отдела Оренбургского казачьего войска. Под углы дома и под середину бревен первого венца врывали в землю толстые, особо прочные сваи высотой до 1 м. Для предохранения от гниения их обжигали, мазали желтой глиной или пропитывали смолой. Для зимней избы фундамент делали вровень с землей, чтобы первый венец плотно лежал на почве. Столбы под летним

жилищем возвышались над землей на 50 см и более. Под дощатым полом срубного дома обязательно выкапывали подполье. В жилищах других конструкций с глинобитным полом оно было не всегда. Стенки подполья укрепляли двумя-тремя венцами, иногда обшивали жердями, обкладывали камнем или специально приготовленными пластами дерна.

Количество венцов в срубе обязательно было четным, обычно 12–14. Средняя толщина бревен достигала 18–20 см. Соединялись они способом “в угол”. Под нижние венцы на углах клали медные монеты.

По описанию Е.А. Бектеевой и П.И. Небольсина со срубом соединялись сени, вход в которые был открытым или снабжался низеньким крытым крыльцом [Бектеева, 1902, с. 167; Небольсин, 1852, с. 11–34]. В горизонтально развитых типах жилищ нередко имелось парадное крыльцо, выходящее на улицу.

В селениях верхнеуральских нагайбаков исследуемого периода двухкамерная изба каркасно-столбовой конструкции хотя и не преобладала, но единично встречалась повсеместно. Подобный тип жилища был широко распространен среди их соседей – чебаркульских нагайбаков, казаков, уральских ногайцев [Нагайбаки..., 1995, с. 38].

Камень и саман широко использовались в строительстве, и не только у нагайбаков, но и у других этнических групп Южного Зауралья. Постройки из этих материалов обходились дешево. Иногда оплачивали лишь труд наемных работников при кладке стен, производстве самана, пиломатериалов. Но в основном все работы члены семьи выполняли сами, поэтому жилища из самана и камня имели и бедняки и середняки. Среди подобного рода построек были не только избы с сенями, но и дома с большим числом жилых камер. Чаще всего их строили без фундамента, стены клали, используя глиняный раствор, оставляя проемы для окон и дверей. Избы из дерна были распространены почти во всех уездах Оренбургской губернии. В изучаемый период такие жилища имели наиболее бедные семьи. Подобного рода избы фиксируются также у различных групп татар юго-востока Пермской и северо-востока Уфимской губерний, у многих тюрко- и угрозязычных народов Западной Сибири [Там же].

У большинства тюркоязычных народов с оседло-земледельческим или полукочевым хозяйством, помимо стационарного, иногда используется еще временное, сезонное жилище. Очевидно, что такие постройки являются наиболее архаичными и традиция их сооружения своими корнями уходит в кочевое прошлое. Верхнеуральские нагайбаки строили такие жилища для работников по найму. Это были каркасно-столбовые углубленные и наземные постройки, разнообразные по конструктивному, внешнему облику и организации внутреннего пространства [Там же, с. 39–40].

* ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40 (Рукопись Р.Г. Игнатьева по этнографии Оренбургской губернии). Л. 73 об. – 74.

** Там же. Л. 96–98.

У верхнеуральских нагайбаков в исследуемый период однокамерные жилые дома встречались уже редко. Эти жилища были отголоском более древних строительств традиций. Различные источники XVIII – начала XIX в. свидетельствуют о более широком распространении таких домов в прошлом. К началу XX в. однокамерные жилища встречались в основном на заимках. Строившаяся там срубная изба снабжалась хлебопекарной печью, комбинированной с очагом и вмазанным над ним котлом. Такой же печью, или чувалом, нагайбаки оборудовали на заимках варианты однокамерной избышки каркасно-столбовой конструкции со стенами из сплетенных прутьев либо из дерна. Ю.Г. Мухаметшин, основываясь на собственных полевых исследованиях, говорит о всеобщем характере подобных явлений в материальной культуре татар [Там же, с. 39–42].

Во второй половине XIX в. однокамерное жилище уступает место двухчастному – добавляется холодная пристройка. Такой дом становится преобладающим типом жилища, а в начале XX в. наблюдается равное соотношение двух- и трехчастных жилых построек.

В этот же период появляется вариант двухчастного срубного жилища – т.н. круглый дом. В отличие от предшествующего типа (изба + сени), его сруб был больших размеров, внутренними перегородками разделялся на помещения под кухню, горницу, спальню для молодоженов. Постройка имела три-четыре, реже пять окон на фасадной и боковой стенах, прирубные сени и четырехскатную кровлю (рис. 3). Такой дом-пятистенник, связанный с традициями “северного” домостроительства, встречался у татар северных уездов (Пермской, Уфимской, Оренбургской губерний) Приуралья и Зауралья и во многом был схож с “круглым домом” русских Сибири [Мухаметшин, 1982, с. 88].

В конце XIX в. получает распространение еще одна разновидность жилища. Внешне и в планировке она повторяла “круглый дом”, но возводилась в монолитной технике из самана или камня. У зажиточных казаков в таком жилище отводилось по отдельной комнате на каждого женатого сына [Стариков, 1991, с. 199].

В конце XIX – начале XX в. у верхнеуральских нагайбаков появляются дома-пятистенки и избы с прирубом (рис. 4–6). В отличие от других групп волгоуральских татар, у нагайбаков они были чаще всего без сеней.

Трехчастная изба (изба + сени + изба) строилась в срубной или саманной технике. Она была распространена у различных слоев населения – от бедных до богатых [Нагайбаки..., 1995, с. 44]. Различия между социальными группами заключались лишь в качестве материала, техническом исполнении и размерах жилища [Там же]. По своим внешним, конст-

руктивным признакам, внутреннему устройству, трехчастный дом совпадал с жилищем этого же типа татар Среднего Поволжья, Приуралья и Зауралья [Мухаметшин, 1982]. Передняя изба в таких домах была чистой горницей, а задняя отводилась под кухню.

Все постройки верхнеуральских нагайбаков исследуемого периода представляют собой одноэтажные сооружения. В общем архитектурном облике селений вертикальными доминантами являлись церкви. Первое двухэтажное здание было построено в пос. Фершампенуаз в 1928 г.

В историко-этнографической литературе сельские жилища в плане вертикального развития подразделяются на наземные и с подклетом [Шелегина, 1992, с. 62]. При этом наземные могут быть одноэтажными или двухэтажными, у которых оба этажа жилые или первый является хозяйственным. Дома с подклетом подразумевают наличие небольшого зазора между полом и землей, используемого в качестве подполья для хранения продуктов. Высота подполья может варьировать. Кроме того, в строительной традиции верхнеуральских нагайбаков в прошлом существовал т.н. ямный тип жилища. Исходя из этого можно выделить три основных типа вертикального развития жилища у верхнеуральских нагайбаков во второй половине XIX – начале XX в.: ямный, наземный одноэтажный, с подклетом. Первый, как наиболее архаичный, весьма редко использовался даже в начале расселения, ямные жилища строили на заимках либо на усадьбах в качестве временного жилья до постройки избы. Наземные бесфундаментные жилища довольно быстро перестали строить, поэтому во второй половине XIX в. основным видом был дом с подклетом. Подполье выкапывалось по всей площади жилого помещения или частично и могло быть как низким, так и высоким.

Крыши построек встречались одно-, двух- и четырехскатные. Первые были только у хозяйственных построек. Подавляющее большинство крыш делалось двухскатными. Наибольшее количество четырехскатных крыш имелось в Остроленке и Фершампенуазе, где было немало горизонтально развитых домов. Население Остроленки в среднем являлось наиболее зажиточным по сравнению с другими. Здесь же проживало большое количество казачьих офицерских чинов.

Типологические параметры рассмотренных жилищ в целом соответствуют строительной культуре татар волго-уральского региона и их соседей [Мухаметшин, 1990]. В результате наших полевых исследований выяснилось, что подавляющее большинство жилищного фонда, построенного в изучаемый период, представляло собой срубные постройки. Согласно сообщениям информаторов из посел-

Рис. 3. Двухэтажная изба (“круглый дом”). Пос. Париж.

Рис. 4. Дом-пятистенок. Пос. Фершампенуаз.

ков Остроленка, Фершампенуаз и Париж, значительная часть населения отдавала предпочтение срубным избам из сосны или лиственницы. Изредка строили дома в саманной технике, о каркасно-столбовых жилищах воспоминаний не сохранилось. В настоящее время подобного рода постройки – это клети, амбары. Большинство же хозяйственных строений выполнено из природного камня.

Декоративное убранство нагайбакских жилых построек в целом отличалось сдержанностью, исключительным чувством меры. Внешняя отделка домов выглядела несколько аскетичнее и строже, по сравнению с жилищами татар-мусульман. Абсолютно отсутствовала полихромная раскраска стен, характерная для других групп казанских татар. Цвет, в основном голубой (иногда еще белый или желтый), использовался для окраски наличников. Если дом имел наружное крыльцо или палисадник, то они также окрашивались в голубой цвет. Следует отметить, что подобного рода окраска широко распространена во всех казачьих поселениях Южного Зауралья. Возможно, привычка к синему или голубому цвету связана с принадлежностью к Оренбургскому казачьему войску.

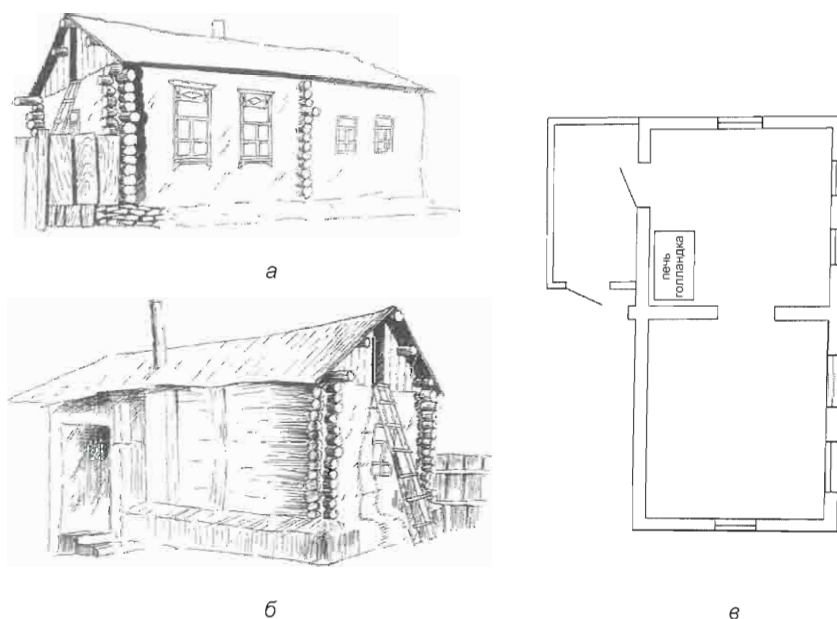

Рис. 5. Двухэтажный дом. Пос. Фершампенуаз.
а – фасад, б – вид со двора, в – план.

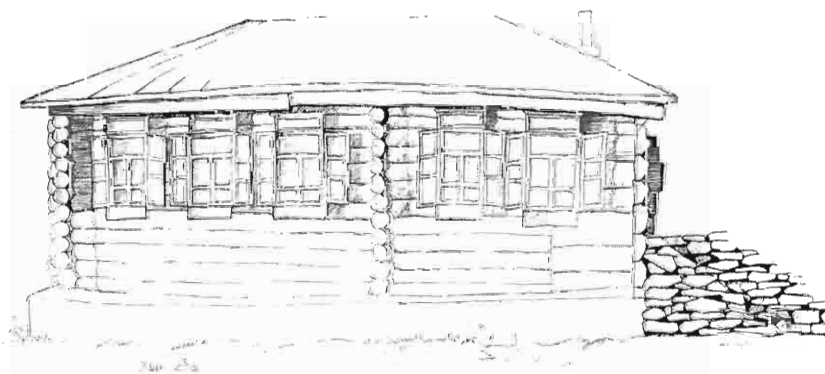

Рис. 6. Двухкамерная изба. Пос. Фершампенуаз.

Наличники были в основном на фасадных окнах, а у отдельных больших пятистенков, крестовиков – с нескольких сторон. Маленькие четырехстенные дома их вовсе не имели. Наиболее ранние постройки без наличников отличались глухой обшивкой тимпана фронтона в одной плоскости со стеной, отсутствием карнизов, козырьков, причелин.

Верхняя часть наличника у нагайбаков оформлялась горизонтальной дощечкой (ее верхний край был прямым или в форме угла), поддерживаемой фигурными кронштейнами или другими декоративными элементами. На ней вырезались разнообразные фигуры: лучи, розетки, волюты, ромбы и др. (рис. 7). Подоконная часть оформлялась преимущественно геометрическими фигурами. Наличники украшались резьбой двух видов: глухой (долотной) с неглубокой выемкой контура рисунка и пропиленной. Из них первый наименее распространенный и, видимо, более ранний. Основные мотивы в резьбе – солярные, растительные, геометрические. Зооморфных не наблюдалось. В отдельных случаях резные украшения использовались в оформлении усадебных ворот. В отделке домов богатых казаков встречались кованые металлические элементы, например завитки, поддерживающие навес над крыльцом.

В первом десятилетии XX в. среди нагайбаков получила распространение побелка срубных изб снаружи. Не только ветхие, но и дома, построенные из добротной древесины, были заботливо обмазаны глиной и сияли белизной извести. Белили как полностью сруб, так и отдельные его части (каменный фундамент, пазы стен, промазанные глиной). В редких случаях снаружи срубы обшивали горизонтальными досками.

В одно- и двухкамерных или двухчастных избах (пятистенков или изба + сени) казаков-нагайбаков в исследуемый период сохранялось традиционное убранство. В интерьерах горизонтально развитых домов, в которых проживала зажиточная часть населения, присутствовало немало элементов городской культуры: мебель, посуда и т.д.

Жилая часть постройки типа изба + сени одновременно являлась и кухней. Согласно принятой классификации, планировка жилища верхнеуральских нагайбаков относилась к северосреднерусскому типу: печь справа или слева от входа, устьем к противоположной относительно двери стене [Станюкович, 1970, с. 65]. Подобная планировка, в принципе, была у всех групп волго-уральских татар.

Хлебопечкарная печь занимала значительную часть помещения и выкладывалась из кирпичей. Так же как и у большинства татар Поволжья и Приуралья, она представляла собой русскую печь южного подтипа, сближающуюся по основным параметрам с печами казанских и касимовских татар [Шарифуллина, 1991, с. 60]. В отличие от русской печи, она имела выступ, куда вмазывался чугунный котел, что указывает на безусловную связь с кочевым прошлым и культурой казанских татар. Перейдя на оседлость, предки нагайбаков и казанских татар продолжали по привычке готовить пищу в котле. В каждом дворе имелись и летние печи, где также готовили еду в котлах. Сейчас они есть не везде и используются для приготовления корма скоту. У верхнеуральских нагайбаков сохранился обычай готовить ритуальную пищу (в основном поминальную) в больших котлах во дворе.

Нагайбакское жилище отапливалось исключительно “по-белому”. О наличии курных изб с момента по-

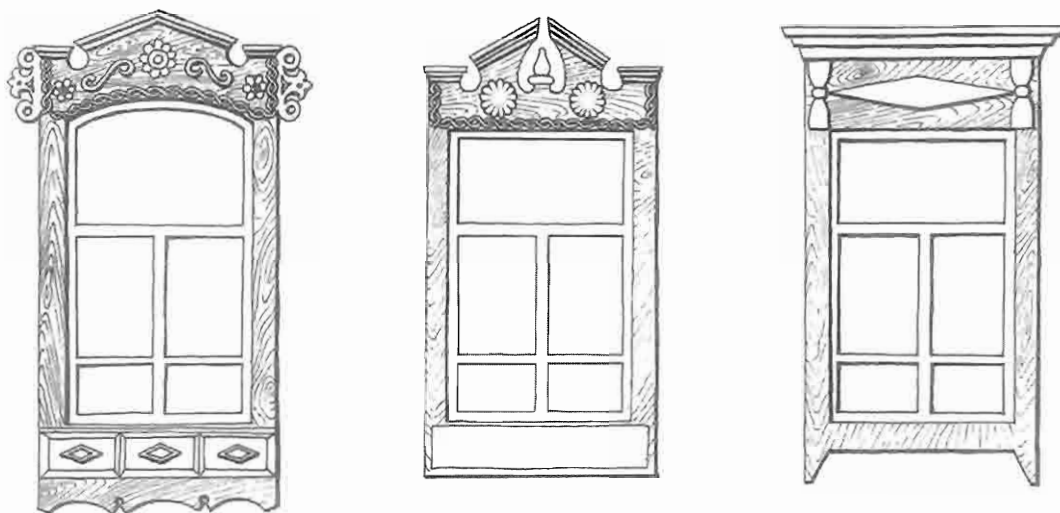

Рис. 7. Образцы декоративного оформления наличников.
Пос. Фершампенуаз.

явления этой группы в Южном Зауралье не имеется никаких свидетельств и воспоминаний. Вместе с тем в некоторых домах встречаются небольшие окошки, расположенные поблизости от дымохода. В далеком прошлом они могли быть отверстиями для дыма, которые впоследствии, утратив свое первоначальное назначение, стали выполнять функцию светового.

Хлебопекарную печь верхнеуральские нагайбаки, подобно другим группам татар, устанавливали на некотором расстоянии от стен. Одни исследователи связывают это с соблюдением противопожарных мер и стремлением увеличить площадь теплоотдачи [Там же, с. 60–61], другие – с традицией кочевников помещать очаг посередине жилища [Мухаметшин, 1977, с. 91]. В литературе отмечалось, что печи посередине жилища встречались и в древнерусских постройках [Спегальский, 1972, с. 63]. Как предполагает Ф.Л. Шарифуллина, подобное их расположение было характерно для определенной стадии развития жилища [1991, с. 60].

Хлебопекарная печь в избе нагайбаков, так же как и у русских, выполняла ряд функций: приготовление хлеба, пищи, обогрев помещения, место сушки продуктов и одежды, хранения кухонной утвари, место отдыха. В противоположном по диагонали от печи углу вешивалась икона, а под ней по обе стены устраивались деревянные нары, их наличие в жилом помещении соответствует общей традиции волго-уральских татар. В противоположном печи углу у входа находился небольшой загон для молодняка, который содержали в жилище в холодное время года.

Поскольку в большинстве домов мебели было очень мало или она вовсе отсутствовала, то нары заменяли собой стулья, диван и кровать. Рядом с ними в углу стоял стол. В отличие от некоторых других территориальных групп татар, у нагайбаков нары не представляли собой ящика, куда складывали домашнюю утварь и продукты. Их делали в виде горизонтально расположенных продольных досок, жестко прикрепленных к стене.

В каждом жилище над дверью, начиная от печи, устанавливались полати (*сундере*). Этот элемент интерьера был заимствован у русских. У мишарей для его обозначения употребляли термин *пулат*, а у касимовских и казанских татар – *сундри*, *сундрэ*. Наличие самобытного названия полатей, возможно, является отголоском утраченного в их жилище элемента, сходного по форме или назначению [Там же, с. 60–61]. У крымских татар похожий термин *мусандра* обозначал шкафчик, верх которого в определенной степени напоминал полати, в нем хранили фрукты [Куфтин, 1925, с. 10]. У нагайбаков на полатах спали дети или хранились вещи и утварь.

В многокамерных жилищах верхнеуральских нагайбаков, помимо хлебопекарной, имелась печь-голландка. Первая была в кухонной части, вторая – в горнице.

В горизонтально развитых жилищах голландка устанавливалась таким образом, что обогревала сразу несколько комнат. Все печи были глинобитными или кирпичными, снаружи выбеливались известью.

Непременным атрибутом интерьера нагайбакского жилища являлись обитые жестью сундуки различного объема. Как правило, сундук ставили у передней стены рядом с нарами. В нем хранили одежду, полотенца и другие вещи. На сундуках спали, на них же складывали часть постельных принадлежностей.

В случае рождения младенца в горнице появлялась деревянная колыбелька прямоугольной формы, которая подвешивалась на прочном шесте к матице потолка. В начале XX в. начали использовать стальные пружины. Колыбель украшалась вышитыми полотенцами, сверху накидывалось кружевное или тканевое покрывало. В отличие от татар-мусульман, у нагайбаков жилище не разделялось на мужскую и женскую половины.

Сохранилось небольшое, но достаточно яркое описание интерьера нагайбакского жилища, сделанное Е.А. Бектеевой в 1902 г.: “Войдя в кухню, вы увидите в одном углу большую глинобитную русскую печь, сбоку в ней вмазывается чугунный котел (казан), в котором варится ежедневная пища; против печи устраиваются нары (широкие скамейки), заменяющие собой кровать. В летнее время обед готовится во дворе, для чего где-нибудь под навесом устраивается печь с казаном. Вдоль стены кухни тянутся широкие лавки, составляющие вместе со скамьей и столом всю мебель кухни; впрочем, у стены около печи помещается залавок, приделанный к стене, это род стола, внутри которого сделаны полки, где хранятся съестные припасы и посуда. На залавке хозяйка готовит кушанья.

Горница во многом отличается от кухни: на стенах красуются различные картинки, представляющие замечательных бывших и современных военных деятелей, портреты Государя Императора и Императрицы. В углу около двери помещается белая, как снег, голландская печь с карнизами. Если в доме есть сноха, то постель ее со множеством пуховиков и подушек помещается в этой же горнице. Между окон на стене помещается небольшое зеркало, задрапированное вышитым полотенцем. В праздники или когда соберутся гости, горница представляет из себя как бы домашнюю выставку: по стенам развешиваются лучшие полотенца, вышитые черным и красным шелками (вышивки свидетельствуют об изящном вкусе нагайбачек), вешиваются также лучшие праздничные одежды. Из икон особенно уважаемы Николая Чудотворца, Спасителя и Божьей Матери. Вообще в доме нагайбаков царят чистота и аккуратность, в противоположность другим инородцам, окружающим их” [1902, с. 167].

По свидетельству П.И. Небольсина, бывавшего у верхнеуральских нагайбаков, «если войти к исправно-

му крещеному татарину в дом, то в нем вот что можно заметить. Вход бывает с низенького крылечка, оно ведет в сени. Тут у входа в комнату стоит оловянный кумган и висит полотенце. Сени довольно обширны. В них стена против дверей забрана досками и разделена на несколько, на два или на три, отдельных чуланчиков для хранения домашних мелочей. По обеим другим стенам развешано содержащееся в порядке казачье оружие и конская сбруя и упряжь. Двери из сеней ведут направо в “горницу”, налево в избу. В обеих, против входных дверей, по два окошка во двор, в остальных двух стенах по одному – во двор и на улицу. При входе в горницу, налево в переднем углу развешаны святые образа, под которыми подклеен кусочек бумажных обоев. Около образов – два-три чистых полотенца, под образами стоит стол, покрытый чистою скатертью. По обеим тянущимся отсюда стенам стоят, по русскому обычаю, лавки, покрытые татарскими коврами. На стене против входа, над лавкой висит зеркало, а кругом, на лавках – сундуки разного сорта с украшениями из жести. Во втором, соответственном переднем углу стоит кровать с войлоками, пуховиком, с синей подушкой и с пестрым одеялом. Перед кроватью, на жердочке, развешано разное платье. Близ кровати, в углу, – “лазия”, подвал. В ногах кровати, в заднем углу, одиноко стоит, не присоединяясь к стене, чисто выбеленная голландская печь. Между печью и задней стеной горницы оставляется темненький промежуток, называемый “бульмэ”. Он предназначен для разных разностей и застается занавеской.

В избе, в переднем углу – тоже святые образа, под ними стол, а посередине, по русскому обычаю, – солонка. В противоположном углу – огромная русская печь, кругом избы – татарские нары, сверху – русские полаты...» [1852, с. 284].

Многие наблюдатели, бывавшие у нагайбаков в изучаемый период, отмечали ряд положительных качеств этого народа. Обычно их характеризовали как трудолюбивых, хозяйственных, зажиточных. Видимо, поэтому в нагайбакско-казачьих селах многокамерные, горизонтально развитые постройки решительно преобладали: “...у многих нагайбаков дома даже состоят из нескольких комнат...” *

В начале XX в. капиталистические отношения затронули и нагайбакские села. Развивались промышленное производство масла и сыроварение** . Повы-

шение уровня материального благосостояния и тесные контакты с городом (нагайбаки вывозили свою продукцию в Верхнеуральск и Троицк) обусловили появление в наиболее зажиточных семьях элементов городского быта: кроватей, стульев, зеркал, шкафчиков для хранения посуды, настенных часов, фотографий, репродукций из журналов и др.

Освещали жилища сальными свечами, нередко собственного производства. Впоследствии их заменили керосиновые лампы. Благодаря дешевизне керосина по сравнению с сальными свечами, они получили широкое распространение. Стены, потолок и пол, вероятно, не красились и не белились. Как уже отмечалось, жилища нагайбаков отличались исключительной чистотой. Полы мыли регулярно, при входе в жилое помещение снимали обувь.

Все домашние дела в основном лежали на плечах женщин. Они выполняли почти всю тяжелую физическую работу. Особенно доставалось молодым женам в доме родителей мужа. Сноха могла выполнять физическую работу вплоть до рождения ребенка. Вместе с тем, если женщина рожала не дома, а в поле или у реки, то это осуждалось и считалось позором для мужа*. Мужчины, будучи в составе Оренбургского казачьего войска, подолгу отсутствовали, находясь в командировках, на военных сборах, много времени отнимали полевые сельскохозяйственные работы.

Жилище у нагайбаков занимало важнейшее место в системе жизнеобеспечения. Пережитком кочевого прошлого являлось то, что нагайбаки многие праздники отмечали (включая коллективную трапезу) за пределами села, в поле. Однако в эти же праздничные дни интерьеры жилищ подготавливались соответствующим образом, накрывались столы и приглашались гости. Чисто убранная и на должном уровне подготовленная комната для гостей являлась “визитной карточкой” хозяев. Это говорит о том, что оседло-земледельческий уклад жизни был усвоен нагайбаками сравнительно давно и отношение к стационарному жилищу как к постоянному местообитанию было выражено вполне отчетливо.

Внутренняя планировка и обстановка жилища верхнеуральских нагайбаков в изучаемый период обнаруживали ряд характерных черт, сближающих их одновременно с поволжско-татарской и русской казачьей избой. В соответствии с общетатарской традицией в доме присутствовали нары, печь с вмонтированным в нее котлом. Обилие перин, подушек, подстилок из кошмы характерно как для жилища нагайбаков, так и для других групп татар Поволжья и Приуралья. Связь с культурой русского населения была обусловлена, в первую очередь, принадлежностью к православ-

* ГАОО. Ф. 168. Оп. 1. Д. 40. Л. 96–97. По свидетельству того же автора, в некоторых домах отсутствовали полаты и лавки: “...но внутри... [неразборчиво]... в жилых избах... [неразборчиво]... нет полатей, лавок и полок, а нары...” (Там же).

** Байтерьяков Н.В. Было время (копия рукописи). – Библиографический отдел районной библиотеки пос. Фершампенуаз, папка № 7, с. 20–30.

* Там же, с. 5–6.

ному христианству. Это проявлялось в наличии икон в каждом доме. Полати, пристроенные к печи, также были заимствованы у русских. В конце XIX – начале XX в. в повседневный быт нагайбаков начали вливаться элементы русской городской культуры.

Таким образом, поселения и жилища верхнеуральских нагайбаков во второй половине XIX – начале XX в. обнаруживают одновременно и связь с культурой поволжских татар, и отличия от нее. Эти отличия возникли в результате географического, религиозного, сословного и хозяйственного обособления исследуемой группы. Географический фактор повлиял на некоторые особенности конструкций и выбор строительных материалов (каркасно-столбовые, монолитные и саманные жилища). Конфессиональная принадлежность обусловила появление в оформлении интерьера икон, репродукций портретов и фотографий. На планировку поселков и внешнее убранство жилища повлияла общая концепция застройки казачьих поселений. Увеличение скотоводческого хозяйства привело к появлению архаичных видов жилища.

Список литературы

- Алаев Э.Б.** Экономико-географическая терминология. – М.: Мысль, 1977. – 199 с.
- Арутюнов С.А.** Народы и культуры: развитие и взаимодействие. – М.: Наука, 1989. – 243 с.
- Бектеева Е.А.** Нагайбаки (крещенные татары Оренбургской губернии) // Живая старина. – 1902. – № 2. – С. 165–181.
- Воробьев Н.И.** Татары Среднего Поволжья и Приуралья. – М.: Наука, 1967. – 538 с.
- Круковский М.А.** Южный Урал: Путевые очерки. – М.: Изд-во К.И. Тихомирова, 1909. – 311 с.
- Куфтин Б.А.** Жилище крымских татар в связи с историей заселения полуострова: Материалы и вопросы. – М.: Ассоц. науч.-исслед. ин-тов при I Моск. ун-те, 1925. – 59 с.
- Лепёхин И.И.** Дневные записки. – СПб.: Имп. Акад. наук, 1795. – Ч. 1. – 540 с.
- Мухаметшин Ю.Г.** Татары-кряшены: Историко-этнографическое исследование материальной культуры. Середина XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1977. – 184 с.
- Мухаметшин Ю.Г.** Картографирование сельских жилищ татар Среднего Поволжья и Приуралья (конец XIX – начало XX в.) // Новое в археологии и этнографии Татарии. – Казань: ИЯЛИ, 1982. – С. 85–94.
- Мухаметшин Ю.Г.** Общетерриториальные и локальные комплексы усадеб и построек татар Приуральского региона // Приуральские татары. – Казань: ИЯЛИ, 1990. – С. 71–92.
- Нагайбаки:** Комплексное исследование группы крещенных татар-казаков. / Отв. ред. Д.М. Исхаков. – Казань: ИЯЛИ, 1995. – 144 с.
- Небольсин П.И.** Отчет о путешествии в Оренбургский и Астраханский край // Вестн. ИРГО. – 1852. – Ч. 1, отд. 5. – С. 1–34, 83–113.
- Рычков П.И.** Топография Оренбургской губернии. – Уфа: Китап, 1999. – 309 с.
- Спегальский Ю.П.** Жилище Северо-Западной Руси IX–XIII вв. – Л.: Наука, 1972. – 275 с.
- Станюкович Т.В.** Внутренняя планировка, отделка и меблировка русского крестьянского жилища // Русские: Историко-этнографический атлас. – М.: Наука, 1970. – С. 61–88.
- Стариков Ф.М.** Историко-статистический очерк Оренбургского казачьего войска с приложением статьи о домашнем быте оренбургских казаков, рисунков со знамен и карты. – Оренбург, 1891. – 249 с.
- Шарифуллина Ф.Л.** Касимовские татары. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. – 126 с.
- Шелегина О.Н.** Очерки материальной культуры русских крестьян Западной Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 250 с.

Материал поступил в редколлегию 05.01.04 г.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААН – Архив Академии наук
АН МНР – Академия наук Монгольской Народной Республики
АН СССР – Академия наук СССР
АСГЭ – Археологический сборник Государственного Эрмитажа
БНЦ – Бурятский научный центр СО РАН
ГАИМК – Государственная академия истории материальной культуры
ГАНИИЯЛ – Горно-Алтайский научно-исследовательский Институт языка и литературы
ГАОО – Государственный архив Омской области
ИАЭт – Институт археологии и этнографии СО РАН
ИИаА – Институт истории и археологии УрО РАН
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИПОС – Институт проблем освоения Севера СО РАН
ИРГО – Императорское Русское Географическое общество
ИЯЛИ – Институт языка, литературы и истории
КСИА – Краткие сообщения Института археологии РАН
КСИИМК – Краткие сообщения Института истории материальной культуры РАН
ЛОИА – Ленинградское отделение Института археологии АН СССР
МАЭС ТГУ – Музей археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
РА – Российская археология
РГВИА – Российский государственный военно-исторический архив
СА – Советская археология
САИ – Свод археологических источников
СГЭ – Сборник Государственного Эрмитажа
СЭ – Советская этнография
ТИЭ – Труды Института этнографии РАН
ТГОМ – Тверской государственный объединенный музей
УрО РАН – Уральское отделение РАН
ЮАО – южный берег Андреевского озера
ERAUL – Études et recherches archéologiques de l'Université de Liège

ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ "АРХЕОЛОГИЯ, ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ ЕВРАЗИИ" на 2004 год

Редакция журнала "Археология, этнография и антропология Евразии" принимает подписку на 2004 год. Стоимость одного номера русскоязычной версии для подписчиков в России 70 руб., годовой подписки 280 руб. Цена подписки включает стоимость пересылки журнала по Российской Федерации. Подписку можно оформить как на весь год (номера 1, 2, 3, 4), так и на определенный номер, в том числе уже вышедший. На очередные номера журнала Вы можете своевременно оформлять подписку по каталогу Роспечати.

Предоплата подписки физическими лицами, проживающими на территории Российской Федерации, производится через систему Сбербанка РФ по прилагаемой квитанции (**Форма 1**). Просим учесть, что за проведение платежа Сбербанк взимает 3% от суммы перевода. Юридические лица оплачивают подписку банковским поручением на основании счета редакции журнала (**Форма 2**).

Внимание! После оплаты подписки не забывайте прислать почтой (электронной почтой) в редакцию сообщение об оплате и точный адрес доставки.

(Форма 1)		
ИЗВЕЩЕНИЕ	ИНН <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="4"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="8"/> <input type="text" value="1"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="2"/> <input type="text" value="0"/> КПП <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="4"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="8"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="1"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="1"/>	
	Получатель платежа ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)	
	Учреждение банка РКЦ Советский г. Новосибирск	
	Счет получателя <input type="text" value="4"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="3"/> <input type="text" value="8"/> <input type="text" value="1"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="3"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="1"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="6"/> <input type="text" value="2"/>	
	БИК <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="4"/> <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="3"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/>	
	Фамилия <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/>	
	Имя <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> Отчество <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/>	
	Адрес <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/>	
	<input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/>	
	Вид платежа	Дата
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год Код 3020000000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.		
Кассир	Плательщик	Всего
КВИТАНЦИЯ	ИНН <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="4"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="8"/> <input type="text" value="1"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="2"/> <input type="text" value="0"/> КПП <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="4"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="8"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="1"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="1"/>	
	Получатель платежа ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 ИАЭт СО РАН л/с 06401138981)	
	Учреждение банка РКЦ Советский г. Новосибирск	
	Счет получателя <input type="text" value="4"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="3"/> <input type="text" value="8"/> <input type="text" value="1"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="3"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="1"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="6"/> <input type="text" value="2"/>	
	БИК <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="4"/> <input type="text" value="5"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="3"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/> <input type="text" value="0"/>	
	Фамилия <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/>	
	Имя <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> Отчество <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/>	
	Адрес <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/>	
	<input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/> <input type="text"/>	
	Вид платежа	Дата
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год Код 3020000000, Ист. 03. Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.		
Кассир	Плательщик	Всего

Для оформления подписки юридическим лицам необходимо:

- перечислить сумму годовой подписки по реквизитам, указанным в счете;
- после оплаты непременно переслать в адрес редакции заполненный **бланк-заказ** (редакция не несет ответственности за некорректно оформленную подписку).

По поступлении денег на счет редакции и получении ею заполненного бланка-заказа номера журналов будут высылаться по мере выхода простой бандеролью на указанный Вами адрес.

Данный рекламный лист в соответствии со ст. 435 Гражданского кодекса РФ является офертой (т.е. публичным договором) и может служить основанием для оплаты подписки.

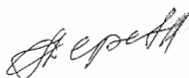
Поставщик: ИНН 5408129419; ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981), счет 40503810300001000062 в РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000, ОКПО 04981331, ОКОНХ 95110.

Адрес: пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия. Тел.: (3832) 308366. Факс: (3832) 301191.

СЧЕТ № ААЗ-2005**от 31.12.2004**

Платательщик и его адрес:			
Предмет счета	Кол-во комп.	Стоимость компл. (руб.)	Сумма
Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2004 год (годовой комплект — номера 1, 2, 3, 4)	1	280=	280=
Всего к оплате: двести восемьдесят рублей 00 коп. (в том числе НДС 10%).			

Руководитель
м.п.

А.П. Деревянко

Главный бухгалтер

О.В. Осипова

Бланк-заказ на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии"

Просим оформить подписку на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год. Подписка оплачена. Журнал высылать по адресу:

Организация	<input type="text"/>
Адрес	<input type="text"/>
Почтовый индекс	<input type="text"/> Код города (МТС) <input type="text"/>
Телефон	<input type="text"/> Телефакс <input type="text"/>
E-mail	<input type="text"/>
Ответственный за подписку	Фамилия <input type="text"/>
	Имя <input type="text"/> Отчество <input type="text"/>
	Должность <input type="text"/>
Плат. поручение №	<input type="text"/> от <input type="text"/> на сумму <input type="text"/> руб.
м.п.	

Образец оформления банковских платежных поручений:

Сумма прописью	_____
Платательщик	_____
Банк платателя	_____
Получатель	ИНН 5408129419, ОФК МФ РФ по Советскому району г. Новосибирска (ИНН 5408105520, КПП 540801001 Институт археологии и этнографии СО РАН л/с 06401138981)
Банк получателя	РКЦ Советский г. Новосибирска, БИК 045003000.
Счет получателя	40503810300001000062
Кор. счет	нет
Назначение платежа	Код 3020000000, Ист. 03. (Реализация продукции производимой опытно-производственными, экспериментальными подразделениями научных учреждений.) Подписка на журнал "Археология, этнография и антропология Евразии" на 2005 год (за книги – "предоплата за научную литературу согласно заявке")
Фамилия, имя, отчество платателя, адрес доставки	_____

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ РУКОПИСИ

Авторы представляют статьи на русском или английском языке объемом около 1,4 тыс. знаков. Обязательным условием является авторский перевод географических названий, а также терминов, впервые предлагаемых в статье. Следует приводить также латинские названия животных и растений.

Необходимо указать учреждение, в котором выполнена работа, его полный почтовый адрес, номера телефона и факса, адрес электронной почты.

Название статьи должно строго соответствовать содержанию. Рекомендуется выделять: введение, основную часть, обсуждение результатов, выводы (заключение).

Рукопись должна быть выверена, датирована и подписана автором (авторами). Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной рецензии.

Объем статей не должен превышать 1 авторского листа (40 тыс. знаков), включая иллюстрации; 1 иллюстрация форматом 190 x 270 мм равняется 1/6 авторского листа (6,7 тыс. знаков).

Объем сообщений, рецензий, заметок — до 0,2 авторского листа (8 тыс. знаков).

ТРЕБОВАНИЯ К НАБОРУ, ПОДГОТОВКЕ БИБЛИОГРАФИИ И ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Статья (основной текст, список литературы, подписи к рисункам и таблицам) должна подаваться в виде распечатки компьютерного набора на листах формата А4 (210 x 297 мм) вместе с дискетой с набором в формате WinWord или DOS Word. Размер кегля 14 для Times New Roman, 28 строк на странице, 64 знака в строке.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы. Не следует:

- производить табуляцию;
- выделять слова разрядкой (между словами, знаками должен быть один пробел);
- разделять абзацы пустой строкой;
- пользоваться командами, выполняющимися в автоматическом режиме (вставка сносок на литературу и примечания, маркировка и нумерация абзацев и пр.);
- использовать макросы, сохранять текст в виде шаблона и с установкой "только для чтения";
- форматировать текст и делать принудительные переносы.

Приводимые единицы измерения должны соответствовать системе СИ.

Библиографические ссылки: в тексте в квадратных скобках указываются фамилии авторов, год издания; в конце статьи помещается список литературы в алфавитном порядке. Библиографическое описание публикации включает: фамилии и инициалы авторов (всех, независимо от их числа), полное название работы, а также издания, в котором опубликована (для статей), город, название издательства или издающей организации, год издания, том (для многотомного издания), номер, выпуск (для периодики), объем публикации (количество страниц - для монографии, первая и последняя страницы - для статьи).

Библиографические описания должны быть составлены по следующим образцам:

авторская монография

Алексеев В.П. География человеческих рас. – М.: Наука, 1974. – 777 с.

коллективная монография (все фамилии должны быть упомянуты)

Археологические исследования Энской пещеры / В.В. Васин, И.И. Иванов, П.П. Петров, С.С. Сидоров. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – 999 с.

раздел в монографии

Иванов И.И. Палинология предвходовой площадки пещеры К-ва // Археологические исследования Энской пещеры. - Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 1999. – Гл. 3. – С. 777 – 888.

статья в сборнике

Иванов П.И. Палинология стоянки Детский Сад II // Каменный век на территории Алтая. - М.: Артисм, 1999. – С. 77 – 99.

статья в ученых записках (ученых трудах)

Скрипка А.С. К датировке некоторых типов сарматского оружия // Учен. зап. Ленингр. пед. ин-та. – 1977. – Вып. 2. – С. 66 – 77.

статья в журнале

Иванов П.И. Психология запоминания // Вопр. психологии. – 1966. – № 1. – С. 12 – 34.

автореферат

Бобров В.В. Олень в скифо-сибирском искусстве (тагарская культура): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 1973. – 35 с.

рецензия

Исаев М.И. [Рецензия] // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. – 1986. – № 3. – С. 30 – 31. – Рец. на кн.: Иванова Р.П. Медвежий праздник у кетов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 222 с.

При наличии примечаний – кратких пояснений основного текста и дополнений к нему, в тексте у того места, к которому относится примечание, необходимо поставить знак звездочки (*), а само примечание набрать следом в квадратных скобках. Например: Введение* [* Данная статья...]

На полях рукописи должны быть помечены места желательного размещения иллюстраций. Подписи к иллюстрациям и таблицам приводятся после списка литературы.

Иллюстрации (рисунки, черно-белые и цветные фотоотпечатки и слайды (позитивы)) следует присылать в оригинале. Ксерокопии не принимаются. Рисунки и чертежи должны быть выполнены тушью на белой бумаге или кальке и не иметь следов карандаша. Размер изображения не должен превышать 190 × 270 мм. Для черно-белых фото рекомендуемый размер отпечатка 100 × 150 мм. Цветные фотографии публикуются преимущественно при наличии слайдов (позитивов), желательно размером 60 × 60 мм. Каждый слайд необходимо упаковать в индивидуальный конверт. Редакция оставляет за собой право на публикацию цветных фотографий в черно-белом варианте.

При подготовке иллюстративного материала просим учесть, что если нет возможности выполнить электронные версии, то к картам нужно приложить абрис без надписей и обозначений, то же желательно для планов раскопов и т.п. В случае создания электронных версий рисунков (только в форматах .tif, .cdr не старше версии 9.0) обязательно прилагать их распечатки высокого качества на белой бумаге. Все надписи и символы на них следует перевести в кривые. Рисунки, графики и диаграммы должны быть только черно-белыми, без цветных элементов и мелких (сплошных) заливок.

На обороте каждой иллюстрации (или на конверте со слайдом) за полем рисунка карандашом должны быть написаны фамилия автора, усеченное название статьи, номер иллюстрации, указание "верх", "низ".

Допускается создание таблиц и диаграмм в WinWord и Excel, с обязательным приложением файлов используемых шрифтов (.tff), кегли шрифтов в надписях не должны быть менее 9. Каждая таблица печатается на отдельной странице с полем изображения не более 190 × 270 мм.

Адрес редакции:

Пр. Акад. Лаврентьева, 17, Новосибирск, 630090, Россия
Тел: (3832) 30 83 66
Факс: (3832) 30 11 91
E-mail: eurasia@archaeology.nsc.ru

Уважаемые читатели!

**Изменился номер телефона редакции. Теперь, чтобы связаться с нами,
вам следует набрать (8-3832) 30 83 66**